Можно держать одну неделю

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ФИЛАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 4.

АПРѢЛЬ, 1914.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я.—АПРѢЛЬ, 1914.

СТРАН

I.—ВОЗВРАЩЕНІЕ.—Романъ.—Продолженіе.—**Евгенія Чирикова** 5
II.—НА БЕРЕГУ.—Стихотвореніе.—**Ады Чумаченко** 40
III.—ПРИНЦЕССА.—Повѣсть.—Окончаніе.—**Николая Олигера** 42
IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Осеннее. II. Зигзагъ. III. Капризъ лѣта.—**А. Колтоновскаго** 69
V.—СВЯТЫЕ.—Разсказъ.—**И. Бунина** 72
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Проѣздомъ. II. Усталость. III. Молитва.—**Бориса Садовского** 84
VII.—КОГДА УГАСАЛЪ ДЕНЬ...—Разсказъ.—**Е. Ватманъ** 86
VIII.—ЛѢСНАЯ ПѢСНЯ.—(Изъ Н. Лепау).—**Л. Андрусона** 94
IX.—ПОЗДНО.—Разсказъ.—**Ильи Толстого** 97
X.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**З. Вершининой** 117
XI.—САМЫЙ ОСТРОУМНЫЙ ПРОТИВНИКЪ ГЕРЦЕНА.—**Ю. Каменева** 118
XII.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—Иностранная книга въ рукахъ молодого человѣка 1855—1861 годовъ.—**Нестора Котляревскаго** 161
XIII.—ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ.—II. Интеллектуальное раскрѣпощеніе.—**Д. Овсянико-Куликовскаго** 187
XIV.—СПАСИТЕЛЬНЫЙ ТОРМАЗЪ ИЛИ ГИБЕЛЬНАЯ ЗАПРУДА?—**Максима Ковалевскаго** 196
XV.—МЯТЕЖНАЯ ЮНОСТЬ.—Романъ Темпля Сёрстона.—Окончаніе.—Съ англ. пер. **М. Славинской** 211
XVI.—ХРОНИКА.—БОРЬБА ЗА СИБИРСКІЯ ЗЕМЛИ.—**Н. Огановскаго** 255
XVII.—ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.—**Діонео** 271
XVIII.—НА ТЕМЫ ДНЯ.—Высочайшій рескриптъ 6-го марта.—Совѣщаніе 1-го марта.—Предсѣдатель совѣта министровъ и право запроса.—Циркуляръ управляющаго министерствомъ финансовъ.—Стачки рабочихъ.—**К. Арсеньева** 288
XIX.—СУДНЫЕ ДНИ.—(Письмо изъ Парижа).—**Бѣлоруссова** 298
XX.—ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—**В. Шера** 312
XXI.—«НЕПРЕЛОЖНЫЕ ЗАКОНЫ» ГРАФА С. Ю. ВИТТЕ.—**Л. Слонимскаго** 331
XXII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Народное пьянство.—Циркулярная борьба съ нимъ.—«Святой долгъ» губернаторовъ, земскихъ начальниковъ, исправниковъ и урядниковъ.—Новый и старый долгъ.—Безсильная роль духовенства.—Жалкая дѣятельность комитетовъ трезвости.—Освобожденная инициатива населенія.—Ходатайства о закрытіи винныхъ лавокъ и преслѣдованіе шинкарства.—Первопричины народнаго пьянаго недуга.—**И. Жилкина** 342
XXIII.—ПИСЬМО ИЗЪ КІЕВА.—**Обывателя** 355
XXIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Воинственные толки въ Европѣ и ихъ значеніе.—Газетные патріоты о внѣшней политикѣ.—Заявленія о боевой готовности.—Ирландскій билль и военный кризисъ въ Англіи.—Французскія дѣла 364
XXV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 375
XXVI.—ПАМЯТИ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА СЕМЕНОВА.—**Максима Ковалевскаго** 400
XXVII.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Современность и крестьянскій вопросъ.—Съ чего началась и какъ завершилась эволюція вопроса о мелкой земской единицѣ?—Министерство народнаго просвѣщенія и низшая школа.—Чего «не хотятъ» донскіе казаки и кто «не хочетъ» земства на Дону?—Замѣна смертной казни тюрьмой.—Возрожденіе военно-полевого суда.—Дѣло витмеровцевъ.—**В. Кузьмина-Караваева**.—Послѣднія засѣданія Государственной Думы.—**К. Арсеньева** 404
XXVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 425
XXIX.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 432
XXX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 437

счастливъ съ Наташей. Всегда, между мной и ею, бывало что-то, что́ намъ мѣшало и черезъ что́ мы не могли преступить.

Должно быть, это была ея совѣсть.

И мнѣ все время приходилось эту совѣсть ломать.

Часто я пріѣзжалъ къ ней и заставалъ ее холодно-сдержанной и непривѣтливой.

И мнѣ приходилось надрывать ея волю и теребить ея, безъ того натянутые, нервы, чтобы вызвать въ ней какую-нибудь ласку. И все-таки она никогда не говорила мнѣ «ты» и ни разу не назвала меня «своимъ».

Нѣсколько разъ мы пробовали разойтись навсегда.

Бывали длинные, мучительные періоды, когда мы избѣгали встрѣчъ и не видались подолгу.

Я заѣзжалъ въ больницу, осматривалъ постройки, дѣлалъ распоряженія и уѣзжалъ, не видавши ее.

Это было очень мучительно.

Я помню, какъ одинъ разъ, послѣ такой разлуки, мы случайно встрѣтились въ больничномъ саду.

Сначала мы оба такъ растерялись, что забыли даже поздороваться.

Я видѣлъ, какъ ея глаза заморгали, и на рѣсницахъ показались слезы.

— Вы не повѣрите, какъ мнѣ было хорошо все это время, сказала она, опуская глаза. Давайте не портить этого. Одно то, что я не лгала и не мучилась угрызеніями совѣсти! Вы сами знаете, какъ тяжело бываетъ на душѣ, послѣ того, какъ мы дурно себя ведемъ.

— Когда я васъ не вижу, я люблю васъ еще больше, потому что я знаю, что вамъ трудно бороться, и я вамъ благодарна. А потомъ, можетъ-быть, и вамъ будетъ легче, да?

Я стоялъ противъ нея, прислонившись къ какому-то дереву, и молчалъ. Я боялся говорить, потому что я чувствовалъ, что у меня дрожатъ губы.

Вдругъ она нагнулась и поцѣловала мнѣ руку.

— Не надо, не надо такъ волноваться, милый, я не могу видѣть, когда вы такъ страдаете изъ-за меня. Вѣдь лучше, когда мы держимъ себя въ рукахъ и не грѣшимъ, неужели такъ нужны эти поцѣлуи, эти ласки...

— Конечно, нѣтъ, мнѣ тоже дорога только твоя чистая любовь... мнѣ ничего не нужно, только бы видѣть эти глаза, эту руку... Мнѣ самому гадко, когда я сознаю, что я пачкаю тебя своей страстью, прости меня...

Журнальный фонд Пермской обл. библиотеки

Не знаю, что еще я ей говорилъ. Въ такія минуты мнѣ казалось, что я любилъ ее чисто, и я вѣрилъ своимъ словамъ до самоумиленія, до слезъ...

И тутъ же, сейчасъ же послѣ, я опять падалъ еще ниже и грубо увлекалъ ее за собой.

И чѣмъ чище казалась мнѣ моя любовь, тѣмъ безумнѣе вспыхивали потомъ самыя низменныя проявленія страсти.

И мы разставались, какъ сообщники преступленія, молча, не смѣя взглянуть другъ другу въ глаза, полные безвѣрія и презрѣнія къ себѣ.

* * *

Какъ-то разъ Наташа спросила меня, почему у меня давно нѣтъ дѣтей. Я разсказалъ ей о болѣзни моей жены и о томъ, что доктора предупредили меня, что роды могутъ быть для нея смертельны.

— А жаль, я такъ люблю маленькихъ. Можетъ-быть, если бы у васъ родился ребенокъ, это привязало бы васъ къ семьѣ и вамъ легче было бы забыть меня.

— Я, право, не стою вашей любви! Надо же намъ когда-нибудь разстаться...

Не знаю почему, этотъ разговоръ запалъ мнѣ въ голову.

Испугала ли меня разлука съ Наташей, или почему-нибудь еще, но въ этотъ вечеръ, вернувшись домой, я говорилъ женѣ, что мнѣ скучно безъ маленькихъ дѣтей, что я люблю, когда ночью они кричатъ, и что, если бы не ея болѣзнь, я радъ былъ бы новому ребенку.

Мнѣ страшно про это разсказывать.

Я не зналъ, что человѣкъ можетъ быть до такой степени гадокъ!

Но нѣтъ, дальше, дальше до конца. Если я остановлюсь, я не доскажу всего...

И въ эту ночь я ласкалъ жену, цѣловалъ ее, и говорилъ ей, что я люблю ее...

Знала ли она про мое увлеченіе Наташей?

Конечно, да.

Развѣ можетъ любящая жена не чувствовать, когда ея мужъ любитъ другую?

Развѣ она не замѣчала, какъ я по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, на диванѣ, съ глазами, уставленными въ одну точку, не читалъ, не говорилъ, и, можетъ быть, даже не думалъ?

А мои постоянныя поѣздки въ Горки?

Когда я увѣрялъ ее, что меня интересуетъ больница и школы, она хотѣла бы мнѣ вѣрить, но врядъ ли могла.

И я теперь знаю, что она все понимала. Мнѣ надо было быть слѣпымъ, чтобы тогда же этого не видать.

Я никогда не забуду той ночи, когда въ объятіяхъ человѣка, отдавшаго мнѣ жизнь, я шепталъ имя другой, къ которой она сознательно и добровольно уступала мнѣ путь.

И я разсуждалъ въ это время,—я это помню.

Я говорилъ себѣ, что доктора врутъ, потому что жить съ женой естественно,—а что естественно, то не должно приводить къ смерти,—и что всякія средства противъ рожденія дѣтей безнравственны,—и я вспоминалъ слова Наташи о маленькихъ дѣтяхъ.

Я думалъ еще, что, можетъ быть, я сейчасъ убиваю жену,—но эту мысль я отгонялъ отъ себя,—потому что она одна была вѣрная, и я боялся въ ней сознаться...

* * *

И я девять мѣсяцевъ пробовалъ себя обманывать, пока теперь не наступила развязка, и никакая ложь меня уже больше не спасетъ.

Если она сознавала, что она должна умереть, что она за это время пережила!

И ни одного упрека мнѣ, ни одной слезы, которые показали бы мнѣ, что она сознавала свое положеніе!

Я видѣлъ только, что она стала вдвое нѣжнѣе ко мнѣ и къ дѣтямъ, что за это время она ни на кого не сердилась, и я видѣлъ, что она святая.

Не стоитъ вспоминать о тѣхъ мгновеніяхъ моего душевнаго просвѣтлѣнія, когда я жалѣлъ ее — ихъ было слишкомъ мало, чтобъ искупить все то, что она дала мнѣ. Я помню, что когда она заболѣла, я пользовался минутами ея тяжелаго забывчиваго сна, чтобы смотрѣть на все и цѣловать ей руки, потому что я не смѣлъ ей говорить о своей любви, когда она была въ сознаніи.

Я зналъ, что она мнѣ не повѣритъ.

Какъ часто мнѣ хотѣлось подойти къ ней и сказать ей все,—всю правду.

Было ли бы лучше,—не знаю.

За нѣсколько часовъ до родовъ съ ней сдѣлался припадокъ эклампсіи, той самой болѣзни, которая должна была ее убить.

Меня въ это время не было дома, и за мной прибѣжали въ садъ. Вбѣгая по лѣстницѣ, я встрѣтилъ доктора. Съ озабоченнымъ лицомъ онъ мнѣ сказалъ, что судороги разрѣшились, но что это признакъ очень опасный.

Я взошелъ къ ней. Лежа высоко на подушкахъ, она тяжело дышала и рукой разглаживала свѣтлые волосы Танечки. Я нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ былъ еще влажный отъ пота.

Она вдумчиво посмотрѣла мнѣ въ глаза, улыбнулась какой-то новой для меня улыбкой и притянула меня къ себѣ.

Видѣла ли она въ эту минуту мои слезы?

Не все ли равно?

Слезы палача, испугавшагося своей жертвы.

И я на цыпочкахъ убѣжалъ изъ ея комнаты.

А потомъ начались ея предсмертныя мученія.

Во время родовыхъ схватокъ у нея дѣлались ужасныя судороги.

Она скрипѣла зубами, и билась, и металась на постели такъ, что мы двое, съ докторомъ, еле ее удерживали.

Минутами она теряла сознаніе.

Потомъ она опоминалась, открывала глаза и искала ими меня.

И такъ повторялось нѣсколько разъ, пока она не заснула навсегда...

И сейчасъ я вижу предъ собой эти глубокіе, прощающіе глаза и сейчасъ я боюсь произнести твое имя, потому что я люблю одну тебя и, кромѣ тебя, никого никогда не любилъ... Да и не могъ любить...

Теперь для меня все ясно...

Илья Толстой.

* * *

Люблю соблазны я родной моей земли:

Весеннихъ вечеровъ на сѣверѣ печаль,
Степей зовущую, таинственную даль,
На бархатѣ ночей далекихъ звѣздъ сіянье,
И моря южнаго немолчное плесканье;

Осеннихъ, позднихъ лампъ уютный, тихій свѣтъ,
Коварный, сладкій ядъ пріятельскихъ бесѣдъ,
Отраву бальныхъ залъ, нарядныхъ паръ движенье
И скрипокъ страстное, волнующее пѣнье;

Подъ нѣжный, томный вальсъ случайное признанье
И бѣглый поцѣлуй въ каретѣ при прощаньѣ;
Люблю твою любовь, объятья сильныхъ рукъ,
Люблю тебя, мой бредъ, мой сладостный недугъ...

Все, Майя, сгинетъ все во прахѣ и пыли.

З. Вершинина.

САМЫЙ ОСТРОУМНЫЙ ПРОТИВНИКЪ ГЕРЦЕНА.

I. Рейнгольдъ Зольгеръ.

Въ введеніи къ русскому изданію, 1855 г. «Съ того берега» А. И. Герценъ разсказываетъ о томъ, какъ была встрѣчена эта книга нѣмецкой журналистикой при ея первомъ появленіи на нѣмецкомъ языкѣ. Упомянувъ объ «отзывахъ, больше нежели лестныхъ, такихъ людей, какъ Юліусъ Фребель, Якоби и Фальмерайеръ», Герценъ продолжаетъ: «Люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на нее. Меня обвиняли въ проповѣдываніи отчаянья, въ незнаніи народа, въ dépit amoureux противъ революціи, въ *неуваженіи* къ демократіи, къ массамъ, къ Европѣ»... Затѣмъ идетъ слѣдующій разсказъ. «Въ 1852 г. я встрѣтился въ Лондонѣ *съ самымъ остроумнымъ противникомъ* моимъ, съ Зольгеромъ—онъ укладывался, чтобъ скорѣе ѣхать въ Америку, въ Европѣ, казалось, ему *дѣлать* нечего. «Обстоятельства, замѣтилъ я, кажется, убѣдили васъ, что я былъ не вовсе неправъ»?—«Мнѣ не нужно было столько,—отвѣтилъ Зольгеръ, добродушно смѣясь,—чтобы догадаться, что я писалъ тогда большой вздоръ» [1]). Эпитетъ «самаго остроумнаго моего противника», которымъ наградилъ Зольгера самъ Герценъ, обезпечилъ Зольгеру большой интересъ со стороны историковъ литературы и біографовъ Герцена. Однако, до сихъ поръ Зольгеръ остается неразрѣшенной загадкой.

Авторъ новѣйшей работы о Герценѣ, г. Вѣтринскій, спеціально оговариваетъ, что онъ «не нашелъ нигдѣ точныхъ библіографическихъ указаній на мемуары Орсини, *статьи Зольгера*, «самаго остроумнаго противника» Герцена, по выраженію послѣдняго», и т. д. [2]). Не встрѣчаемъ мы имени Зольгера и

---

[1]) Цитирую всюду по заграничному изданію «Сочиненій А. И. Герцена». См. т. V, 3—4.

[2]) Ч. Вѣтринскій. А. И. Герценъ. СПБ. 1908. См. «Введеніе».

въ указателѣ герценовской литературы г. Ѳомина [1]). Не лучше обстоитъ дѣло съ таинственнымъ Зольгеромъ и въ западно-европейской и спеціально-нѣмецкой литературѣ. Казалось бы, что писатель, привлекшій особое вниманіе человѣка съ такимъ литературнымъ вкусомъ, какъ Герценъ, и поставленный имъ въ одинъ рядъ съ Фребелемъ, Якоби и Фальмерайромъ, долженъ былъ найти себѣ мѣсто хотя бы въ спеціальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ исторіи литературнаго и общественнаго развитія Германіи. Однако, любителя литературы, который обратился бы къ нимъ въ поискахъ за раскрытіемъ «тайны» Зольгера, ждетъ полное разочарованіе. Имя Зольгера не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ справочниковъ и сборниковъ біографій. Нѣтъ его и въ извѣстномъ изданіи «Allgemeine Deutsche Biographie».

Нужно добавить, что разсказъ Герцена о Зольгерѣ построенъ, какъ могъ убѣдиться читатель, такимъ образомъ, что, заинтересовывая историка, не даетъ ему никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса. На какомъ языкѣ писалъ «самый остроумный противникъ» Герцена? Полемизировалъ ли онъ съ послѣднимъ въ книгахъ, брошюрахъ, журналахъ или газетахъ? — Все это остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ, книги или брошюры пришлось исключить очень скоро. Выпусти Зольгеръ въ Германіи какую-либо книгу или брошюру, онъ не укрылся бы, конечно, отъ внимательнаго взора составителей извѣстнаго нѣмецкаго Bücher-Lexicon Кайзера. Но и въ этомъ изданіи имя, упомянутое Герценомъ, можно встрѣтить лишь подъ 1862 годомъ, когда нѣкій Solger выпустилъ книгу подъ заглавіемъ: «Anton in America».

То, что авторъ этой книги писалъ въ 1862 г. объ Америкѣ, куда знакомый Герцена собирался ѣхать десять лѣтъ тому назадъ, указывало на то, что, быть-можетъ, это одно и то же лицо. Однако, одного этого единственнаго указанія, почерпнутаго у Кайзера, было слишкомъ мало. Оставалось обратиться къ кропотливому труду пересмотра старыхъ журналовъ конца 40-хъ и начала 50-хъ г.г. Герценовскій контекстъ и характеръ фамиліи разыскиваемаго автора указывали, что начать слѣдуетъ во всякомъ случаѣ съ журналовъ нѣмецкихъ.

И, дѣйствительно, въ грудѣ объявленій о вновь вышедшихъ книжкахъ нѣмецкихъ журналовъ, печатавшихся въ самомъ

---

[1]) Этотъ указатель приложенъ къ книгѣ Вѣтринскаго. Будучи самымъ полнымъ изъ существующихъ указателей герценовской литературы, онъ все же поражаетъ отрывочностью и неполнотой своихъ свѣдѣній.

началѣ 50-хъ годовъ въ «Literarisches Centralblatt für Deutschland» (Leipzig, 1850—1851), мы, наконецъ, нашли имя Зольгера среди сотрудниковъ одного изъ интереснѣйшихъ, хотя и очень недолговѣчныхъ, журналовъ, созданныхъ нѣмецкой эмиграціей послѣ 1848 г. Этотъ давно забытый журналъ хранитъ до сихъ поръ еще не одну литературную «тайну», способную заинтересовать историковъ русской общественной мысли и біографовъ Герцена не менѣе, чѣмъ открытыя статьи его «самаго остроумнаго противника».

Характеръ журнала указывалъ, что Зольгера надо искать въ средѣ тогдашней швейцарской эмиграціи. Долгіе поиски въ этой области увѣнчались сравнительнымъ успѣхомъ только тогда, когда мы обратились къ ознакомленію со средой, въ которой вращался одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей до-революціонной и по-революціонной нѣмецкой эмиграціи, поэтъ Георгъ Гервегъ.

Въ семьѣ этого бывшаго друга Герцена [1]), сыгравшаго затѣмъ столь роковую роль въ его личной судьбѣ, сохранились письма, которыя, видимо, остаются главнѣйшимъ матеріаломъ для возстановленія біографіи «самаго остроумнаго» литературнаго критика Герцена. Единственный же печатный источникъ для біографіи Зольгера, который, въ концѣ концовъ, мнѣ удалось разыскать, составляетъ некрологъ Зольгера, написанный его другомъ и товарищемъ по изгнанію Фридрихомъ Каппомъ, тѣмъ самымъ «молодымъ литераторомъ Ф. Каппомъ», которому Герценъ «продиктовалъ» нѣмецкій текстъ «Съ того берега». Этотъ некрологъ былъ напечатанъ по-англійски, въ Америкѣ.

Что касается писемъ Зольгера къ Гервегу, то они до сихъ поръ не опубликованы, и лишь незначительные отрывки изъ этихъ писемъ вошли въ самую полную изъ существующихъ біографій Гервега, написанную профессоромъ Клермонъ-Ферранскаго университета, Викторомъ Флери [2]). Г. Флери предоставилъ

---

[1]) Какъ извѣстно, одна изъ главъ „Съ того берега“ была напечатана въ видѣ письма къ Гервегу. При переизданіи книги на русскомъ языкѣ въ 1855 г.—послѣ разрыва съ Гервегомъ — Герценъ опустилъ эту главу, оговоривъ кратко, что она „писана для иностранцевъ“.

[2]) „Le poète Georges Herwegh (1817—1875)“ par Victor Fleury, agrégé de l'Université, docteur ès lettre, Paris Ed. Cornély et C°. Книга эта вышла въ серіи Bibliothèque de la „Revolution de 1848“. Наслѣдниками Гервега передано въ руки V. Fleury все литературное наслѣдіе поэта, его переписка и пр. Кромѣ біографіи поэта, Fleury опубликовалъ со своими комментаріями часть неопубликованныхъ до сихъ поръ произведеній Гервега: „Aus Herweghs Nachlass“. Librairie F. Rouge.—Lausanne. Я позволю себѣ тутъ же выразить г. Флери свою искреннюю благодарность за его любезное содѣйствіе въ предпринятой мною работѣ выясненія личности Зольгера.

въ мое распоряженіе рядъ неопубликованныхъ писемъ Зольгера къ Гервегу и его женѣ и этимъ далъ возможность выяснить любопытнѣйшія черты его біографіи.

Добавлю сейчасъ же, что переписка Зольгера съ Гервегомъ обрывается въ 1849 году. «Съ этого момента мы теряемъ его изъ виду», сообщаетъ въ письмѣ ко мнѣ г. Флери. Такимъ образомъ, та часть литературной дѣятельности Зольгера, которая связана съ Герценомъ и имѣла своей ареной упомянутый выше журналъ, равно какъ и литературно-общественная дѣятельность Зольгера въ Америкѣ осталась неизвѣстна біографу Гервега. Но его свѣдѣнія прекрасно дополняютъ то, что могутъ дать по интересующему насъ вопросу печатные матеріалы 40-хъ и 50-хъ гг., а равно и указанный выше некрологъ.

* * *

Рейнгольдъ Зольгеръ чрезвычайно любопытная фигура въ исторіи общественной мысли Германіи,—типичный представитель того поколѣнія нѣмецкой интеллигенціи, которое подготовило движеніе 48-го года и, затѣмъ, въ казематахъ и въ эмиграціи должно было задуматься надъ причинами крушенія своихъ надеждъ. Зольгеръ принималъ очень видное участіе и въ выработкѣ демократической идеологіи 40-хъ годовъ и въ томъ критическомъ пересмотрѣ цѣнностей этой идеологіи, который характеризуетъ эпоху послѣ 48-го года. Именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ столкнулся съ Герценомъ такъ же, какъ его единомышленники столкнулись съ Марксомъ.

Зольгеръ родился въ Штетинѣ въ 1817 году [1]). Его семья принадлежала къ кругу высшихъ прусскихъ чиновниковъ и ученыхъ. Его дядя, Карлъ Зольгеръ, былъ профессоромъ философіи, а затѣмъ и ректоромъ (1814—15 г.г.) Берлинскаго университета. Ученикъ Фр. Вольфа и Шеллинга, другъ Гёте и Тика и переводчикъ Софокла, Карлъ Зольгеръ оставилъ трактатъ по эстетикѣ, который обратилъ на себя вниманіе Гёте и еще недавно (въ 1907 г.) былъ переизданъ—черезъ 90 лѣтъ послѣ своего появленія на свѣтъ [2]). «Его философія, говоритъ біографъ Карла Зольгера, обозначаетъ переходъ отъ «Наукоученія» Фихте къ системѣ Гегеля... Его ученіе объ эстетикѣ оказало вліяніе на послѣдняго».

---

[1]) Petzet ошибается, говоря о 1810 г. См. Petzet „Die Blütezeit der deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850“. München. 1903. Зольгеру въ этомъ сборникѣ посвящено десять строкъ, наполненныхъ ошибками.

[2]) Erwin. Gespräche über das Schöne und die Kunst. Berlin. 1907. См. „Бесѣды Гёте съ Эккерманомъ“ 21 января и 15 іюня 1827 г.

Если, такимъ образомъ, старшее поколѣніе подготовляло Гегеля, то молодое пошло дальше Гегеля. Рейнгольдъ Зольгеръ былъ страстнымъ поклонникомъ Людвига Фейербаха, съ которымъ долго поддерживалъ личныя и близкія отношенія. И для него, видимо, философія Фейербаха сыграла ту же освободительную роль, которую,—по извѣстному признанію Фр. Энгельса,—она имѣла для всего поколѣнія нѣмецкой (и не только нѣмецкой: вспомнимъ того же Герцена) интеллигенціи 40-хъ г.г. Печать искренняго восторга лежитъ на тѣхъ словахъ, которыми уже въ 47 г. Зольгеръ охарактеризовалъ Фейербаха въ своемъ письмѣ къ Гервегу: «Онъ представляетъ для меня истинную элегію. Подобный человѣкъ даже въ Греціи явился бы совершеннѣйшимъ образомъ прекрасной человѣчности» [1]).

Но для сужденія о нѣмецкихъ дѣлахъ Зольгеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только путеводныя нити фейербаховской философіи. Эти сужденія облегчались для него впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ его продолжительнаго пребыванія въ такомъ разсадникѣ новыхъ политическихъ идей, какъ Парижъ наканунѣ 48-го г., и, особенно, изъ длительнаго пребыванія въ Англіи, этой лабораторіи новыхъ соціальныхъ отношеній, предуказывавшей путь всему европейскому континенту. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что именно философія Фейербаха и наблюденія надъ соціальнымъ укладомъ Англіи дали Зольгеру возможность намѣтить исходъ изъ той идейной растерянности, которая охватила широкіе круги демократіи послѣ 48-го г. Уже во время своихъ университетскихъ занятій въ Галле, начатыхъ имъ въ 1838 г., онъ близко сошелся съ тамошнимъ кружкомъ лѣвыхъ гегельянцевъ, издававшихъ тогда подъ редакціей Арнольда Руге «Галльскіе Ежегодники». Въ издававшемся тѣмъ же Руге литературномъ альманахѣ Зольгеръ помѣщаетъ свои первые стихи. Онъ мечтаетъ о профессорской каѳедрѣ, защищаетъ диссертацію на историческую тему, но вынужденъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ отказаться отъ этихъ желаній, поступаетъ на службу, бросаетъ ее, не вынеся атмосферы бюрократическихъ канцелярій, и въ 1843 г. уѣзжаетъ въ Англію, гдѣ проводитъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителя.

Здѣсь имъ написана сатирическая эпопея «Hans von Katzenfingen», направленная противъ военной касты и прусскаго юнкерства. Первая пѣснь этой сатиры печаталась въ 1845 и 1846 г.г. въ либеральномъ журналѣ Валесроде и Якоби, про-

[1]) См. вышеназванную книгу Fleury о Гервегѣ, стр. 131. Письмо писано 11 іюля изъ Лейпцига послѣ посѣщенія Зольгеромъ Фейербаха.

славленнаго уже тогда своими конституціонными выступленіями и политическими процессами. Вторая пѣснь напечатана въ 1847 г. въ «Поэтическихъ картинахъ на 1847 г.», издававшихся Руге, громогласнымъ вождемъ лѣвыхъ гегеліанцевъ и недавнимъ сотрудникомъ К. Маркса по знаменитымъ «Нѣмецко-французскимъ Ежегодникамъ» [1]). Написанная подъ вліяніемъ Байрона и отразившая въ себѣ кипѣніе молодыхъ силъ предъ-революціонной эпохи, поэма Зольгера привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе въ Германіи. Она была напечатана безъ имени автора, и многіе приписывали ее одному изъ виднѣйшихъ и признанныхъ поэтовъ тогдашней Германіи, другу Гервега, Прутцу. Тотъ отвѣчалъ, что былъ бы счастливъ, если бы ему удалось написать подобную вещь.

«Тонкая наблюдательность, широкій политическій и умственный горизонтъ соединяются въ этомъ произведеніи съ брызжущимъ остроуміемъ, добродушнѣйшимъ юморомъ и граціознѣйшей формой»—пишетъ о Катценфингенѣ Ф. Каппъ. Общее настроеніе поэмы роднитъ ея автора съ берлинскимъ кружкомъ «Свободныхъ» во главѣ съ Бауэромъ и Максомъ Штирнеромъ, съ ихъ культомъ свободы и индивидуализма. Нужно отмѣтить, что Зольгеръ, натура поэтическая по преимуществу, никогда уже не могъ освободиться отъ налета этой своеобразной идеологіи.

Другая сторона настроеній тогдашней нѣмецкой интеллигенціи сказалась въ элегіи Зольгера «Конецъ міра», вошедшей въ сборникъ Руге «Гражданскіе поэты нашего времени» (1847 г.) [2]). Составитель снабдилъ печатаемую поэму слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Авторъ жилъ въ Англіи и тамъ написалъ эту элегію, философская свобода и глубина міровоззрѣнія которой являются новостью для нѣмецкой лирики и весьма умѣстны въ лирикѣ политической». Общественное значеніе элегіи резюмируется ея заключительной строфой: «Hier gehst du unter, Licht, auf steigst du da: Europa stirbt—heil dir, Amerika»! (здѣсь ты меркнешь, свѣтъ, но разгораешься тамъ: Европа умираетъ,—вставай, Америка)!

Эта элегія, написанная наканунѣ 48 г., представляетъ,

---

[1]) Извѣстно, что еще въ 1843 г. Марксъ рѣшительно разошелся съ Руге.

[2]) На основаніи одного неопубликованнаго письма Зольгера къ Гервегу Fleury полагаетъ возможнымъ приписать Зольгеру еще статью: „Ueber Fox'Temple und Theatre", напечатанную въ „Политическихъ картинахъ" Арн. Руге.

такимъ образомъ, какъ бы предвосхищеніе настроеній Герцена на другой день послѣ 48 г. Характерно, что, приведя въ своемъ некрологѣ Зольгера сейчасъ цитированную строку, Каппъ, котораго, какъ мы знаемъ, Герценъ первымъ познакомилъ съ рукописью «Съ того берега»,—пишетъ: «Въ этомъ произведеніи, на которомъ лежитъ печать философскаго свободомыслія и глубокаго воззрѣнія на міръ, къ сожалѣнію, нашло себѣ отраженіе то ложное направленіе, которое въ періодъ застоя отчаивается въ силахъ собственнаго народа и даже отказываетъ въ правѣ на существованіе всей европейской культуры. Это то же самое умственное теченіе, представители котораго, панслависты и американскіе демократы, сами себя прославляютъ какъ героевъ будущаго и предрекаютъ вращающимся на периферіи современной культурной жизни сателлитамъ близкую побѣду надъ «дряхлой» Европой. Первое крупное выступленіе какой-либо изъ западно-европейскихъ націй развѣетъ туманъ; но тогда многіе изъ выдающихся мыслителей нашего народа думали такъ. Напримѣръ, Арнольдъ Руге говорилъ объ этомъ произведеніи, что фантастическая идея крушенія европейскаго міра въ одно и то же время расширяетъ горизонтъ и будитъ интересъ, что въ своей возвышенной формѣ оно связано съ умственнымъ движеніемъ времени». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, набрасывая эти строки въ 1866 г. въ Америкѣ, Каппъ имѣлъ въ виду никого другого, какъ знаменитаго автора «Съ того берега».

Съ началомъ 47-го г. приближеніе грозы становится все болѣе ощутительнымъ. Зольгеръ покидаетъ Лондонъ и переѣзжаетъ на континентъ. Прежде всего онъ посѣщаетъ Парижъ и здѣсь сразу попадаетъ въ густо насыщенную среду политическихъ дѣятелей и эмигрантовъ всѣхъ странъ. Въ маѣ 47 г. онъ знакомится съ Гервегомъ, квартира котораго была въ то время центральнымъ сборнымъ пунктомъ для нѣмецкихъ демократовъ, а черезъ него—съ Бакунинымъ, Сазоновымъ и, наконецъ, съ польскими эмигрантами. Съ новымъ запасомъ впечатлѣній, Зольгеръ предпринимаетъ круговую поѣздку по Германіи, быть-можетъ, и съ нѣкоторыми литературно-политическими порученіями, поѣздку, превратившуюся въ своего рода смотръ интеллигентскихъ силъ грядущей революціи. Но прежде всего Зольгеръ посѣщаетъ Брюссель, бывшій въ то время тоже однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ подготовлявшагося движенія. Тамъ существовалъ «Коммунистическій Союзъ», основанный Марксомъ и его друзьями, а «Международное Демократическое Общество» объединяло разноплеменную политическую эмиграцію. Гервегъ и Бакунинъ очень интересо-

вались этимъ «Обществомъ» [1]), и Зольгеръ поѣхалъ въ Брюссель, конечно, не безъ ихъ рекомендацій. Здѣсь онъ знакомится съ признаннымъ главой польской эмиграціи, бывшимъ профессоромъ Виленскаго университета и знаменитымъ историкомъ Іоахимомъ Лелевелемъ, какъ разъ тогда стоявшимъ во главѣ польскаго «Демократическаго Союза», того самаго «Союза», который впослѣдствіи помогъ Герцену поставить его вольный лондонскій станокъ. Въ неопубликованномъ письмѣ Зольгера къ Гервегу отъ 8 іюня (1847 г.) находится нѣсколько строкъ, посвященныхъ Лелевелю: «Лелевель — почтенный старецъ. Онъ показывалъ мнѣ свой историческій атласъ, при чемъ я любовался его глазами, ибо въ остальномъ ровно ничего не понялъ. Онъ сказалъ, что ему хотѣлось бы оставить послѣ себя какой-нибудь трудъ. Я хотѣлъ отвѣтить на это, что онъ уже завѣщалъ исторіи свое имя, но даже истину я не могъ преподнести благородному старцу въ формѣ лести... Лелевель горячо освѣдомлялся о Маджинскомъ [2]) и Бакунинѣ...» И въ слѣдующемъ письмѣ: «Въ Брюсселѣ мнѣ нечего было больше дѣлать, ибо со старикомъ Лелевелемъ я не могъ, какъ слѣдуетъ, столковаться изъ-за моего недостаточнаго знанія французскаго языка. Но этотъ Лелевель, этотъ старикъ въ блузѣ, который все надѣется найти издателя для своего труда по исторической географіи Польши, который боязливо и стремительно проходитъ по улицамъ, и три-четыре раза взглянетъ на свои гроши, прежде чѣмъ уплатить ими за свое кофе,—у меня ни разу не хватило мужества заплатить за него, чтобы не оскорбить его деликатнаго чувства чести!—этого старика мнѣ было безконечно жаль!..»

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, данныхъ, чтобы судить, имѣлъ ли въ Брюсселѣ Зольгеръ дѣла съ Марксомъ, жившимъ тамъ со времени своего изгнанія изъ Франціи въ 1845 г., или вообще съ кѣмъ-либо изъ группировавшихся вокругъ него дѣя-

---

[1]) Объ основаніи „Коммунистическаго Союза“ и „Демократическаго Общества“ Марксъ самъ извѣщалъ Гервега. См. его письмо Гервегу отъ 26 октября 1847 г., перепечатанное въ „Briefe von und an Georg Herwegh“, 1848, herausgeben von Marcel Herweg. Paris — Leipzig — München. 1896 стр. 88.

[2]) Теофилъ Маджинскій, близкій родственникъ Лелевеля и другъ дѣтства Эммы Гервегъ, воспитанникъ Берлинскаго университета, одинъ изъ участниковъ повстанческихъ попытокъ въ срединѣ 40-хъ г.г., назначенный военнымъ начальникомъ Жмуди ген. Мѣрославскимъ, арестованъ въ Пруссіи во второй половинѣ 40 г.г. О немъ Зольгеръ писалъ Эммѣ Гервегъ въ неопубликованномъ письмѣ отъ 22 окт. 47 г.: „М. бываетъ у меня ежедневно, чуть ли не каждый вечеръ до 12 часовъ. Въ его непосредственныхъ замѣчаніяхъ и отзывахъ сказывается прекрасная душа и истинное мужество.“ См. о. М.—*B. Limanowsky.* Historya Democracyi Polskiej w epoce porazbiorowej. Zürich. 1901.

телей. Въ то время между Марксомъ и Гервегомъ поддерживались довольно оживленныя сношенія. Гервегъ былъ въ Брюсселѣ и встрѣчался тамъ съ Марксомъ черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда изъ Брюсселя Зольгера [1]). О близкихъ отношеніяхъ Гервега и Маркса, «несмотря на то, что первый лишь условно присоединялся къ коллективистическимъ теоріямъ послѣдняго», говоритъ и Марсель Гервегъ въ примѣчаніяхъ къ изданной имъ перепискѣ своего отца [2]). Съ другой стороны, Марксъ одновременно съ Лелевелемъ состоялъ вице-президентомъ «Демократическаго Общества» въ Брюсселѣ. Все это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что Зольгеръ въ это же свое пребываніе въ Брюсселѣ познакомился и съ Марксомъ. Тогда бы получили достаточное объясненіе нѣкоторыя характерныя черты послѣдующихъ статей Зольгера, особенно его статей объ Англіи.

Въ Гейдельбергѣ Зольгеръ знакомится съ будущимъ вождемъ южно-германскихъ республиканцевъ, Струве, извѣстнымъ русскому читателю по тѣмъ строкамъ, которыя посвятилъ ему въ «Быломъ и Думахъ» Герценъ, встрѣтившій Струве уже въ рядахъ швейцарской эмиграціи. Тутъ же завязались его дружескія отношенія съ Фридрихомъ Каппомъ [3]), котораго онъ просвѣщалъ на основаніи своихъ англійскихъ наблюденій насчетъ истиннаго характера англійскаго конституціонализма и которому предсказывалъ быстрое крушеніе «принципа свободной конкурренціи». Другъ Гервега, профессоръ Пфейферъ писалъ ему 27 іюня 47 г. о Зольгерѣ: «Вашъ англичанинъ мнѣ очень понравился. Въ немъ есть что-то сдержанное и сильное, какъ у человѣка, который много пережилъ и много потерялъ» [4]). Около двухъ недѣль въ концѣ іюня Зольгеръ проводитъ у Фейербаха въ Brückberg'ѣ. Къ этому времени относится его отзывъ о знаменитомъ философѣ, цитированный выше. «Фейер-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не нашли писемъ Зольгера въ ниже указанномъ сборникѣ Болина, равно какъ и въ изданіи Карла Грюна (L. Feuerbachl's Briefwechsel und Nachlass. Leipzig. 1874).

[2]) Ibid., стр. 3. Тамъ же на стр. 40 можно найти упоминаніе Гервега о посѣщеніи его Энгельсомъ въ ноябрѣ 1847 г.

[3]) Фридрихъ Каппъ, переводчикъ Герцена, родился 13 апр. 1824 г. въ Hamm'ѣ, въ Вестфаліи, онъ—племянникъ философа Христіана Каппа, другъ Фейербаха. Послѣ 48 г. онъ эмигрировалъ въ Парижъ и въ Женеву, затѣмъ въ Нью-Іоркъ. Вернулся послѣ объединенія Германіи и былъ членомъ рейхстага, примыкая къ „свободомыслящимъ". Его переписка съ Фейербахомъ (м. п. изъ Америки) занимаетъ виднѣйшее мѣсто въ эпистолярномъ наслѣдіи философа. См. „Ausgewählte Briefe von und an Ludwig Feuerbach». Herausg. von Wilhelm Bolin. 2 B. Leipzig. 1904.

[4]) Эта фраза пропущена при перепечаткѣ письма Пфейфера въ „Briefe von und and Herwegh. 1848"; ея продолженіе находится на стр. 100 этого изданія.

бахъ,—сообщаетъ Каппъ,—оказался въ совершеннѣйшемъ восторгѣ отъ этого освѣжающаго и возбуждающаго посѣщенія, которое перенесло его на нѣсколько дней изъ однообразія его существованія въ широкій и взволнованный міръ. Оба жили съ тѣмъ поръ въ ближайшемъ умственномъ общеніи» [1]). Черезъ Лейпцигъ Зольгеръ пріѣзжаетъ въ Берлинъ и живетъ здѣсь до сентября. Онъ переводитъ «Донъ Жуана» Байрона и въ письмахъ къ Гервегу негодуетъ на апатію берлинцевъ во время процесса поляковъ, судившихся за попытку организаціи повстанческихъ отрядовъ (среди судившихся находились, между прочимъ, тѣ руководители польской интеллигенціи, съ которыми впослѣдствіи пришлось Герцену вступить въ ближайшія сношенія).

Въ концѣ сентября Зольгеръ возвращается въ Парижъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда, но не позже октября (21 октября Герценъ покинулъ Парижъ), состоялось его знакомство съ Герценомъ, по всей вѣроятности, черезъ Гервега. Вторичное пребываніе Зольгера въ Парижѣ отмѣчено многими непріятностями, связанными прежде всего съ его денежными затрудненіями. Житейскія неудачи не мѣшали, однако, Зольгеру стоять въ самомъ центрѣ общественной жизни тогдашняго Парижа, особенно его эмигрантскихъ круговъ. Этому способствовали прежде всего тѣ дружескія узы, которыя связывали его съ семьей Гервега. «Всѣ нѣмецкіе революціонеры,—пишетъ біографъ Гервега,—которые попадали въ Парижъ между 1843 и 1848 г.г., посѣщали домъ поэта». Бакунинъ, Сазоновъ и польскіе эмигранты были тоже его постоянными посѣтителями и близкими друзьями. Къ этому времени относятся письма Бакунина къ Эммѣ Гервегъ, женѣ поэта, въ которыхъ Зольгеръ въ ряду другихъ фигурируетъ въ качествѣ члена интимнаго кружка, гдѣ жили Гервегъ, Бакунинъ, Герценъ и др.

«Послѣ Вашего отъѣзда—пишетъ Бакунинъ въ письмѣ отъ 18 октября 1847 г.,—всѣ мы отправились къ Тортони. Георгъ (Гервегъ) былъ тихъ и серьезенъ, даже сигара его не хотѣла зажечься, такъ полно было его сердце слезами. А. былъ любезенъ и остроуменъ, Зольгеръ полонъ юмора и изященъ, Маджинскій искрененъ и Садовскій [2])—серьезенъ. Что же мнѣ сказать о себѣ самомъ? Какъ и обычно, я былъ—ничѣмъ! (gar

---

[1]) См. *V. Fleury.* S. Herwegh., стр. 138.

[2]) Польскій патріотъ. Приговоренъ къ смерти по берлинскому процессу 47 г. Предательски убитъ въ апрѣлѣ 48 г. прусскими солдатами послѣ боя подъ Милославомъ, гдѣ онъ сражался подъ начальствомъ Мѣрославскаго.

nichts)»[1]). Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ «пятницей 22 октября 47 г.» Бакунинъ сообщаетъ о проводахъ Герцена. (Этимъ письмомъ устанавливается точная дата отъѣзда Герцена въ Италію—четвергъ, 21 октября). «Во вторникъ Г.(ерценъ) угощалъ насъ прощальнымъ обѣдомъ. Въ среду я провелъ весь день съ Георгомъ и Зольгеромъ... Г.(ерценъ), провожаемый всѣми нами, въ 4 часа пополудни уѣхалъ въ Италію. Всѣ мы послѣ этого отправились въ таверну А. и тамъ запивали наше горе англійскимъ пивомъ. Вечеромъ—у Гервега» [2]).

Со многими изъ парижскихъ друзей Зольгеру уже не пришлось болѣе встрѣчаться: 48-ой годъ разбросалъ парижскій кружокъ по всей Европѣ и Америкѣ, а автора сейчасъ цитированныхъ писемъ надолго забросилъ въ Сибирь. Съ Герценомъ же,—поскольку мы можемъ судить, — Зольгеръ встрѣтился только черезъ 5 лѣтъ, въ Лондонѣ. Самъ Зольгеръ пережилъ въ Парижѣ февральскую революцію и свои впечатлѣнія отъ этихъ дней передалъ— въ занимательнѣйшей и очень живой, по словамъ Каппа, формѣ—въ дополнительномъ томѣ Вигандовскаго «Konversation-Lexikon» [3]).

Мартовскія событія въ Германіи немедленно перебрасываютъ Зольгера въ Берлинъ, гдѣ онъ становится усерднѣйшимъ членомъ демократическаго клуба. Установить на основаніи имѣющихся матеріаловъ роль и степень непосредственнаго участія Зольгера въ движеніи 1848—49 г.г. трудно. Но во всякомъ случаѣ и имѣющихся у насъ данныхъ, въ видѣ писемъ Зольгера къ Гервегу, достаточно, чтобы сказать, что онъ со всѣмъ пыломъ отдался движенію. Лѣто «безумнаго года» онъ провелъ въ Берлинѣ, затѣмъ перебрался во Франкфуртъ, чтобы ближе слѣдить за засѣдавшимъ тамъ парламентомъ [4]). Онъ находился въ ближайшихъ связяхъ съ «крайней лѣвой» послѣдняго, между прочимъ съ Карломъ Фохтомъ, который, однако, не привлекъ его симпатій,—а равно съ неоднократно упоминавшимся уже Каппомъ, засѣдавшимъ теперь на Демократическомъ Конгрессѣ въ томъ же Франкфуртѣ.

Ходъ движенія далеко не удовлетворялъ его. 31 марта изъ *Hamm'a* (въ Вестфаліи) онъ пишетъ Гервегу: «Я ѣду въ Бер-

---

[1]) Письма Бакунина къ Эммѣ Гервегъ напечатаны въ упоминавшемся уже сборникѣ „Briefe“ etc. См. стр. 17.

[2]) Ibid., стр. 19.

[3]) Съ этой статьей Зольгера мы, къ сожалѣнію, не могли ознакомиться.

[4]) Англійскій издатель лекцій Зольгера ошибся, назвавъ его въ своемъ предисловіи „членомъ франкфуртскаго парламента“.

2 ФИЛИАЛЬНОЕ

линъ, ибо тамъ въ ближайшемъ будущемъ должны разыграться важнѣйшія событія. Здѣшняя мѣстность, повидимому, за монархію, за порядокъ. Но я придерживаюсь того мнѣнія, что тѣ, кто отстаиваетъ мысль о несовершеннолѣтіи народа, сами не имѣютъ права вмѣшиваться, и если мы, стоящіе за народныя права, не осуществимъ республики, если Германія вновь одѣнется въ отброшенныя лохмотья и благодаря этому станетъ смѣшной еще на четверть вѣка, а потомъ падетъ жертвой перваго попавшагося... короче, до послѣдней капли крови я буду бороться противъ этой лжи и позора». Но и Берлинъ не оправдалъ его надеждъ. Уже въ ноябрѣ онъ пишетъ Гервегу: «Въ Берлинѣ отвратительно это вѣчное препирательство между Демократическимъ Клубомъ и полиціей. Надо присутствовать при этомъ, чтобы понять все его ничтожество. Ничего, кромѣ скандаловъ, ни одной серьезной мысли — ничего! Я говорю: революція или нѣтъ! Нестоящій народъ!» Съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Зольгеръ, засѣданія франкфуртскаго парламента менѣе всего способны были его удовлетворить. Въ своей дальнѣйшей литературной дѣятельности Зольгеръ еще не разъ будетъ бичевать безсиліе и оторванность отъ жизни этого собранія, не сумѣвшаго взять въ свои руки ходъ событій.—Въ пылу революціоннаго нетерпѣнія Зольгеръ жалуется и на Фейербаха. «Онъ растрачиваетъ себя», пишетъ онъ по поводу знаменитыхъ «Гейдельбергскихъ чтеній» о сущности религіи любимаго имъ философа. Въ этомъ случаѣ Зольгеръ не представляетъ исключенія изъ среды тогдашней радикальной интеллигенціи: многіе изъ идейныхъ единомышленниковъ Фейербаха были огорчены той скромной ролью публичнаго оратора на религіозно-философскія темы, которую отмежевалъ для себя въ революціи знаменитый философъ [1]).

Въ ряду своихъ друзей Зольгеръ занялъ позицію на крайнемъ лѣвомъ флангѣ тогдашней демократической и республиканской интеллигенціи [2]). Какъ только разразилось баденское

---

[1]) Иначе оцѣнило лекціи Фейербаха гейдельбергское „Рабочее Просвѣтительное Общество“, поднесшее ему благодарственный адресъ при ихъ окончаніи. Объ отношеніи радикальной интеллигенціи къ роли Фейербаха въ 48 г. см., между прочимъ, біографическій очеркъ Фейербаха, написанный В. Болиномъ и приложенный къ изданному имъ сборнику писемъ Фейербаха, стр. 132, 133, особенно начало стр. 135. Тамъ приведенъ и отвѣтъ Фейербаха на раздававшіяся по этому поводу нападки. Любопытно отмѣтить, что этотъ „отвѣтъ“—задѣвавшій, между прочимъ, и Зольгера,—привлекъ къ себѣ особенное вниманіе и сочувствіе Чернышевскаго какъ это можно установить по перепискѣ послѣдняго.

[2]) Въ самомъ разгарѣ событій Зольгеръ не забывалъ о своихъ русскихъ друзьяхъ. 24 ноября 48 г. онъ справляется у Гервега о Герценѣ, Бакунинѣ, Сазоновѣ. „Скоро ли пріѣдетъ Сазоновъ или Герценъ? Гдѣ

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

возстаніе, онъ покидаетъ Франкфуртъ, переѣзжаетъ въ центръ возстанія, Карлсруэ, и вступаетъ въ ряды повстанцевъ въ качествѣ адъютанта генерала Мѣрославскаго. Вмѣстѣ съ разбитой революціонной арміей онъ—въ іюлѣ 1849 г.—переходитъ границу Швейцаріи. Въ концѣ того же года онъ вмѣстѣ съ другими членами демократической лѣвой франкфуртскаго парламента основываетъ большой ежемѣсячный политическій журналъ, которымъ мы спеціально займемся въ слѣдующей главѣ.

Одно изъ неопубликованныхъ писемъ бывшаго члена франкфуртскаго собранія, а затѣмъ эмигранта Колачека къ Гервегу свидѣтельствуетъ, что въ сентябрѣ 1850 г. Зольгеръ былъ въ Швейцаріи; но это же письмо говоритъ о томъ, что положеніе его здѣсь не было устойчивымъ. Сообщая, что Зольгеръ въ Швейцаріи, Колачекъ добавляетъ: «но полиція не склонна оставить его здѣсь». Извѣстно, что по настоянію реакціи, воцарившейся въ Германіи, швейцарское правительство въ ближайшіе же годы послѣ революціи выслало изъ предѣловъ Швейцаріи почти 11.000 нѣмецкихъ эмигрантовъ, поселившихся на ея территоріи. Большинство изъ нихъ вынуждено было перебраться въ Америку. Возможно, что среди этихъ эмигрантовъ, принужденныхъ разстаться съ Швейцаріей, былъ и Зольгеръ.

Однако, раньше, чѣмъ причалить къ гостепріимнымъ берегамъ Америки, Зольгеръ провелъ зиму 1852—53 г.г. въ Англіи. Здѣсь онъ сразу завоевалъ себѣ большую популярность рядомъ лекцій, которыя онъ съ громаднымъ успѣхомъ читалъ въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Лидсѣ и Галифаксѣ. Ближайшія отношенія связывали въ это время Зольгера съ Диккенсомъ, Карлейлемъ и Бульверомъ. Диккенсъ взялъ на себя устройство лекцій Зольгера въ Лондонѣ.

Въ это же время состоялось и то свиданіе Зольгера съ Герценомъ, которое послѣдній занесъ на страницы «Съ того берега». Успѣхъ лекцій Зольгера былъ такъ великъ, что для нихъ нашелся издатель. Книжка вышла въ началѣ 1854 г., когда Зольгеръ былъ уже въ Америкѣ, съ предисловіемъ нѣкоего P. R. Willans. Она заключала въ себѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Государственныя системы Европы»,—4 лекціи: 1) Международные договоры, 2) Деспотизмъ и революція, 3) Дипломатія и война,

---

теперь Бакунинъ?"—пишетъ онъ. Судя по характеру вопросовъ, вопросъ о поѣздкѣ Герцена или Сазонова въ Германію стоялъ тогда на очереди въ кружкѣ Гервега. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ данныхъ для рѣшенія того, насколько серьезно ставился этотъ вопросъ по отношенію къ Герцену.

4) Выходъ [1]). Въ этой книгѣ онъ отстаиваетъ принципъ реорганизаціи европейскихъ государствъ на началахъ національной самостоятельности, обвиняетъ «вождей» въ крушеніи революціи («народъ, который никогда не поднимаетъ первый оружія, а лишь бываетъ вынужденъ къ самозащитѣ, не причастенъ къ этой неудачѣ») и въ довольно туманныхъ выраженіяхъ отстаиваетъ «правду и красоту, какъ цѣль общества, а здоровую общественную дѣятельность, какъ его основу».

Перебравшись въ Америку, куда онъ прибылъ весной 1853 г., Зольгеръ не прекратилъ своей общественной дѣятельности. Объ ея характерѣ можно судить по слѣдующему письму его къ Колачеку, сохранившемуся въ неизданныхъ бумагахъ Гервега. Письмо писано изъ Бостона, гдѣ поселился Зольгеръ, и не имѣетъ даты. Не трудно, однако, установить, что оно относится къ эпохѣ Крымской войны.

«Дорогой Колачекъ, Ваше письмо отъ 1 дек. получено мною только сейчасъ. Мнѣ пріятно услышать о Васъ. Я бы давно написалъ Вамъ, такъ какъ очень къ Вамъ привязанъ, но сердился на Васъ зато, что Вы, отвлекаемый общественной суетой, совершенно не показываетесь у насъ. Я заваленъ дѣлами: 1) Переводъ, который я кляну, но который долженъ сдѣлать для Appleton [2]). 2) Новый курсъ о Крымѣ и осадѣ Севастополя. 3) Приглашеніе читать мои старыя лекціи. Я произвожу здѣсь фуроръ. Вчера вечеромъ я говорилъ въ Mercantil Library передъ аудиторіей въ 2—3.000 чел. Каждый день приглашаютъ въ окружающія мѣстности. 4) Неисчислимое количество знакомыхъ, посѣщеній и т. д. въ новомъ городѣ и округѣ. 5) Снимаю домъ. А затѣмъ путешествіе на Западъ, гдѣ я долженъ читать. 6) Хочу написать книгу по европейской исторіи. Обѣщалъ Esselen [3]) издавать на собственный счетъ «Die Antlantis» по-англійски и въ нѣмецкой редакціи.

«Вы видите, что я и такъ уже много взялъ на себя и что въ особенности послѣднее предпріятіе мѣшаетъ мнѣ принять участіе въ Вашемъ. Я никогда больше не буду писать для періодическихъ изданій, которыя въ то же время не смогу самъ редактировать. Это поглощаетъ слишкомъ много энергіи, которую можно лучше израсходовать. Я думалъ о Васъ по поводу «Antlantis» и предложилъ бы Вамъ соредакторство. Нѣтъ ли

---

[1]) См. The States system of Europe (a course of lectures exposing modern Funktionarisism and Diplomacy). D-r Reinhold Solger. London. R. Theobald. 1854.

[2]) Англо-американскій издатель.

[3]) Dr. Esselen—нѣмецкій эмигрантъ, умеръ въ Америкѣ.

возможности соединить обѣ газеты—Вашу и нашу? Я удивляюсь, что Вы хотите опубликовать здѣсь, въ этой странѣ, мое письмо Гервегамъ. Къ тому же это для меня уже пережитая ступень,—равнодушіе и страсть къ наслажденіямъ 47 г.,—увлеченія, которыя болѣе не играютъ никакой роли въ моей жизни и о которыхъ я больше не хочу думать. Можетъ-быть, въ январѣ я пріѣду въ Нью-Іоркъ... Всегда Вашъ Зольгеръ». Лекціи, о которыхъ упоминаетъ Зольгеръ въ этомъ письмѣ, были посвящены самымъ разнообразнымъ предметамъ. Кромѣ текущихъ темъ (крымская война и т. д.), Зольгеръ читалъ по исторіи философскаго и литературнаго развитія Германіи, по сравнительному государственному праву и т. д.

По выраженію Каппа, въ своихъ лекціяхъ Зольгеръ былъ лучшимъ и просвѣщеннѣйшимъ посредникомъ между нѣмецкой и американской культурой. Онъ же разсказываетъ о его лекціяхъ: «профессора Горвардовскаго коллежа во главѣ съ ректоромъ были внимательнѣйшими слушателями Зольгера. «Только изъ лекцій Зольгера я понялъ смыслъ и значеніе римской исторіи»—замѣтилъ мнѣ послѣ одной изъ лекцій Зольгера, посвященной паденію Рима, предсѣдатель одного высшаго образовательнаго учрежденія Нью-Іорка, который самъ уже въ теченіе десяти лѣтъ преподавалъ римскую исторію». Оживленное участіе принималъ Зольгеръ и въ политической жизни Соед. штатовъ. Объ участіи его въ президентской кампаніи 1856 г. упоминаетъ и Юліусъ Фребель, волной реакціи тоже переброшенный изъ зала засѣданій франкфуртскаго парламента, гдѣ онъ игралъ выдающуюся роль среди «лѣвой», въ Америку. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ объ одномъ собраніи въ Филадельфіи въ 56 г., устроенномъ сторонниками кандидатуры Фремона, противника рабства, и на которомъ, кромѣ самого Фребеля, принимали участіе «Фридрихъ Геккеръ [1]), пріѣхавшій изъ Иллинойса, и Рейнгольдъ Зольгеръ, прибывшій изъ Бостона» [2]). Не менѣе рѣшительную агитацію велъ Зольгеръ и въ пользу Линкольна въ 1860 г. Въ то же время онъ принималъ участіе и въ текущей журналистикѣ, сотрудничая въ N.-I. Independent (рядъ статей о крымской войнѣ въ 1855 г.) и въ N.-I. World.

Къ столѣтію рожденія Шиллера Зольгеръ опубликовалъ стихотвореніе, увѣнчанное преміей Нью-Іорскаго Шиллеровскаго комитета, которое Каппъ цѣнитъ гораздо выше, чѣмъ написанныя

[1]) Руководитель нѣмецкихъ республиканцевъ въ 1848 и 49 г.г., затѣмъ эмигрантъ; въ качествѣ полковника принималъ участіе въ войнѣ за освобожденіе негровъ.

[2]) См. Lebenslauf von Julius Fröbel. т. I, стр. 556, Stuttgart. 1890.

по тому же поводу стихотворенія Гервега и Фрейлиграта. Послѣдними работами Зольгера были «Меморіалъ», написанный имъ въ 1861 г. въ защиту «нѣмецкой» точки зрѣнія на Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ, и романъ изъ нѣмецко-американской жизни «Антонъ въ Америкѣ» [1]). Въ началѣ 1864 г. его поразилъ ударъ. Онъ потерялъ послѣ того способность рѣчи и умеръ 11 января 1866 г., послѣ 17-илѣтняго изгнанія. «Зольгеръ былъ, безспорно, одинъ изъ одареннѣйшихъ, ученѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ дѣятелей 48-ого года»;—такъ кончается посвященный Зольгеру некрологъ американскаго журнала.

Такова жизнь «самаго остроумнаго противника» Герцена, какъ она рисуется въ свѣтѣ сохранившихся матеріаловъ. Намъ надо перейти теперь къ той сторонѣ его литературной дѣятельности, которая имѣла ближайшее отношеніе къ кругу идей автора «Съ того берега». Но это значитъ перейти къ разсмотрѣнію журнала, издававшагося въ 1850—1851 г.г. группой членовъ франкфуртскаго парламента,—Колачекомъ, Карломъ Фохтомъ, Людвигомъ Симономъ и др., — при ближайшемъ участіи Зольгера. Мы уже указывали, что кромѣ «тайны» Зольгера этотъ журналъ хранитъ въ себѣ и много другихъ «тайнъ». Въ немъ помѣщенъ рядъ статей самого Герцена и длинный рядъ статей виднѣйшихъ представителей тогдашней нѣмецкой интеллигенціи, критически разбиравшихъ позицію «Искандера». И самый фактъ сотрудничества Герцена въ этомъ журналѣ и собранныя въ немъ статьи о Герценѣ до сихъ поръ остаются неизвѣстными не только широкой читающей публикѣ, но и спеціалистамъ—изслѣдователямъ Герцена. Къ этому журналу мы теперь и обратимся.

II. Герценъ въ журналѣ нѣмецкихъ демократовъ.

Интересующій насъ журналъ носилъ довольно неуклюжее заглавіе «Нѣмецкаго ежемѣсячника политики, науки, искусства и жизни» [2]). Онъ издавался въ 1850 и 1851 г.г. сначала еже-

---

[1]) Reinhold Solger. Anton in Amerika. Seitenstük zu Freytag's «Soll und Haben». Bromberg. 1862. Два небольшихъ тома, переизданныхъ въ Нью-Іоркѣ въ 1872 г. Его же: Memorial on the Schleswig-Holstein Question, adressed to the Hon. Bradford R. Wood, minister to the court of Denmark Copenhagen. N.-Jork. 1862.

[2]) Deutshe Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben. Herausgeben von Adolf Kolatschek, Mitglied der deutschen Nationalversammlungen. Впослѣдствіи это обозначеніе (Mitglied etc.) исчезло. Отвѣтственнымъ редакторомъ въ 1850 г. подписывался Dr. L. Tafel. Журналъ представляетъ настоящую библіографическую рѣдкость, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что и редакція, и сотрудники его сплошь состояли изъ эмигрантовъ и жили большею частью въ Швейцаріи, въ то время какъ журналъ издавался въ Германіи. Его нѣтъ въ парижской Національной

мѣсячными, а затѣмъ двухнедѣльными тетрадями. Въ 1850 г. онъ выходилъ въ Штутгартѣ, а въ 1851—въ Бременѣ. Вообще очень любопытное явленіе въ исторіи европейской общественной мысли, этотъ недолговѣчный журналъ вдвойнѣ любопытенъ для русскаго читателя. Въ немъ сотрудничалъ Герценъ, и Герценъ же является однимъ изъ главныхъ представителей тѣхъ воззрѣній, съ которыми считалъ нужнымъ вести идейную борьбу этотъ журналъ. Въ немногочисленныхъ книжкахъ журнала можно найти длинный рядъ статей, посвященныхъ прямо или косвенно автору «Съ того берега». Врядъ ли въ какомъ-либо другомъ европейскомъ изданіи удѣлялось столько вниманія воззрѣніямъ нашего знаменитаго соотечественника. Это вниманіе вызывалось особыми причинами, которыя могутъ быть выяснены лишь въ связи съ общимъ идейнымъ и политическимъ обликомъ всего журнала и той группы нѣмецкой интеллигенціи, органомъ которой онъ служилъ.

«Нѣмецкій Ежемѣсячникъ» былъ органомъ бывшей «крайней лѣвой» франкфуртскаго парламента. Надо сказать, пожалуй, точнѣе—это былъ органъ эмигрировавшихъ изъ Германіи послѣ торжества реакціи членовъ «лѣвой» этого перваго германскаго представительнаго собранія. Его редакторомъ былъ Адольфъ Колачекъ, нѣсколько разъ уже упоминавшійся выше въ связи съ его перепиской съ Гервегомъ и Зольгеромъ. Во франкфуртскомъ парламентѣ Адольфъ Колачекъ былъ представителемъ австрійскаго округа Тешенъ, а теперь проживалъ эмигрантомъ въ Цюрихѣ [1]). За предѣлами Германіи жили и главнѣйшіе сотрудники журнала. Сотрудничали же въ немъ такіе видные представители недавняго общественнаго движенія, какъ Карлъ Фохтъ, помѣстившій въ журналѣ свои «Изслѣдованія о государствахъ животныхъ»,

---

библіотекѣ. Полнаго экземпляра его я не могъ достать ни въ берлинской, ни въ бреславльской, ни въ геттингенской библіотекахъ, куда послѣдовательно приводили меня мои поиски. Стоитъ отмѣтить, что разрозненныя книжки этого журнала, хранящіяся въ берлинской библіотекѣ, попали туда изъ коллекціи Варнгагена фонъ-Энзе и носятъ слѣды его знакомства съ тѣмъ, кто скрывался подъ именемъ Iscander'a

[1]) За четыре года до того Л. Фейербахъ писалъ о Колачекѣ своему другу профессору Хр. Каппу: „Мнѣ было пріятно появленіе молодого человѣка, который такъ всесторонне принимаетъ участіе въ интересахъ современности, и несмотря на всю свою жизнерадостность, далеко не чуждъ страданіямъ. Мы старались по мѣрѣ возможности принять его сообразно тѣмъ рекомендаціямъ, которыя онъ привезъ отъ васъ". См. „Ausgewählte Briefe" etc., т. II, стр. 140. Впослѣдствіи путь Колачека сильно измѣнился. Въ 1861 г. онъ издавалъ въ Вѣнѣ „Stimme der Zeit", вступилъ въ ближайшія сношенія съ австрійскимъ министромъ Шмерлингомъ, былъ посредникомъ въ его переговорахъ съ Фребелемъ и съ венгерскими магнатами и долженъ былъ стать во главѣ правительственной газеты. См. объ этомъ Julius Fröbel. Ein Lebenslauf, т. II, стр. 118—120.

Людвигъ Симонъ, виднѣйшій изъ ораторовъ «лѣвой» во Франкфуртѣ, К. Науверкъ, Ф. Фальмерайеръ, Эйзенштюкъ, Оппенгеймъ, Францъ Раво, Руге, Карлъ Гагенъ — всѣ члены франкфуртской «лѣвой», Готфридъ Кинкель, боннскій профессоръ, только-что бѣжавшій изъ каторжной тюрьмы, Рюстовъ, Іоганнъ Шерръ и др. Рихардъ Вагнеръ, только-что спасшійся изъ Дрездена, печаталъ въ журналѣ свои статьи «о современномъ драматическомъ искусствѣ», а секретарь Кошута, Чернатони, Патаки, І. Кинкель, Эйзенштюкъ и др. въ изобиліи снабжали журналы своими воспоминаніями о революціи въ Венгріи, баденско-пфальцкомъ возстаніи и пр. Журналъ жилъ цѣликомъ въ атмосферѣ высокаго общественнаго возбужденія.

Но прежде чѣмъ итти дальше, намъ необходимо остановиться на двухъ важныхъ для нашей цѣли обстоятельствахъ. Прежде всего на сотрудничествѣ въ «Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ» самого Герцена.

Переиздавая въ 1855 г. «Съ того берега» по-русски, Герценъ сдѣлалъ къ вновь написанному имъ для этого изданія предисловію слѣдующее примѣчаніе:

«Я прибавилъ (къ нѣмецкому тексту 1850 года. *Ю. К.*) три статьи, напечатанныя въ журналахъ и назначенныя для *второго* изданія, которое нѣмецкая цензура не позволила; эти три статьи: «Эпилогъ», «Omnia mea mecum porto» и «Донозо Кортесъ».

Относительно послѣдней статьи въ русскомъ изданіи имѣлось прямое указаніе автора о томъ, что впервые статья эта была напечатана 15 марта 1850 г. въ газетѣ Прудона «Voix du Peuple»; мѣсто же напечатанья первыхъ двухъ статей,—умышленно или случайно,—осталось неуказаннымъ. Во всякомъ случаѣ уже въ ближайшіе годы послѣ напечатанья этихъ статей мѣсто ихъ напечатанья было столь основательно забыто, что даже Ворцель въ органѣ польскихъ эмигрантовъ, давая свою первую замѣтку о Герценѣ, сдѣлалъ ошибку и писалъ о сотрудничествѣ Герцена въ какихъ-то «Deutsche Jahrbücher» [1]). Въ дѣйствительности обѣ статьи первоначально были напечатаны въ разбираемомъ нами журналѣ, въ августовской и декабрьской книжкахъ его за 1850-ый годъ. Замѣтимъ тутъ же, что первоначально напечатанный нѣмецкій текстъ обѣихъ статей далеко не во всемъ согласенъ съ русскимъ текстомъ соотвѣтствующихъ главъ «Съ того берега». Не имѣя возможности подробнѣе остановиться здѣсь на любопытныхъ итогахъ произведенной нами

---

[1]) См. „Democrata Polski“, № отъ 25 мая 1853 г.

свѣрки нѣмецкаго и русскаго текста, отмѣтимъ покуда, что особенно сильно сказывается различіе нѣмецкой и русской редакціи въ статьѣ «Omnia mea mecum porto». Она была напечатана безъ имени автора въ VIII книжкѣ журнала съ подзаголовкомъ «Eine freundschaftliche Admonition» (исчезнувшимъ въ русскомъ изданіи) [1]) и сопровождалась слѣдующимъ редакціоннымъ примѣчаніемъ:

„Печатаемое ниже посланіе прислано намъ авторомъ «Писемъ изъ Италіи и Франціи» и «Съ того берега» (обѣ книги въ переводѣ съ русскаго манускрипта появились у Гофмана и Кампе) въ такой моментъ, когда хаосъ въ партіи вновь заставляетъ серьезно разрабатывать вопросъ о ея задачахъ и будущемъ. Мы поэтому безъ промедленія доводимъ его до свѣдѣнія нашихъ друзей. Они прочтутъ это посланіе со вниманіемъ и испытаютъ діалектическую силу его слова съ точки зрѣнія того дѣла, къ которому всецѣло направлена ихъ энергія. Что касается нашего мнѣнія, то мы считали себя обязанными провиденціальному духу высокоодареннаго Admonitor'а зато, что онъ призвалъ насъ къ новой иниціативѣ и создалъ мѣсто для жизненнаго теченія, которое, при всей философской привлекательности своихъ сомнѣній и скорбей, дѣйствуетъ, несмотря на это, укрѣпляющимъ образомъ.—Редакція".

Уже по этому примѣчанію редакціи журнала можно судить не только о высокой оцѣнкѣ произведеній Герцена въ средѣ нѣмецкой демократіи, но и о томъ, какое большое значеніе придавалось имъ для внутренней жизни партіи. Для демократіи Германіи статьи Герцена не были только литературными произведеніями, онѣ оцѣнивались какъ политическіе документы, призванные вліять на выработку задачъ и направленія дѣятельности партіи.

«Эпилогъ 1849» появился въ XII книжкѣ уже за подписью Искандера, но подъ заглавіемъ «Mein Lebewohl» и датированный не Парижемъ, какъ значится въ русскомъ изданіи, а Цюрихомъ.

Кромѣ этихъ двухъ статей въ «Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ» впервые была напечатана работа Герцена «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи» (въ январьской, февральской, мартовской и майской книжкахъ за 1851 г.) [2]). Это обстоятельство тоже обычно упускается изъ вида историками литературы,

---

[1]) Поэтому въ критическихъ статьяхъ журнала противъ Герцена онъ и фигурируетъ все время подъ именемъ Admonitor'а,—провозвѣстника.

[2]) Примѣчаніе къ первой статьѣ гласило: „Эта и слѣдующія статьи на ту же тему должны были появиться къ 25-лѣтнему юбилею царствованія Николая I; случайныя обстоятельства задержали ихъ появленіе".

полагающими, что нѣмецкій читатель могъ познакомиться съ исторіей общественнаго движенія въ Россіи лишь изъ отдѣльнаго изданія статей Герцена, появившагося значительно позже, въ 1854 году [1]). Впрочемъ, о появленіи своихъ статей первоначально въ журналѣ не упоминаетъ въ отдѣльномъ изданіи и самъ Герценъ; осталось это, кажется, неизвѣстнымъ и редактору 2-го нѣмецкаго (1906 года) изданія герценовскихъ статей, написавшему къ нимъ большое предисловіе. Какъ бы то ни было, въ видѣ «Нѣмецкихъ Ежемѣсячниковъ» Герценъ имѣлъ органъ, хотя и охотно съ нимъ полемизировавшій, но въ то же время дававшій ему возможность знакомить нѣмецкую демократію со своими старыми и новыми работами. И Герценъ, какъ мы только-что могли убѣдиться, воспользовался этой возможностью въ достаточныхъ размѣрахъ.

Если, однако, для насъ не оказалось затрудненій въ опредѣленіи вклада Герцена въ журналъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, то значительно сложнѣе обстоитъ дѣло съ сотрудничествомъ въ немъ его противника, Зольгера. За своею подписью Зольгеръ помѣстилъ въ журналѣ лишь четыре статьи: «Роль Англіи въ исторіи» (IV, V, VI, VII книжки за 50 г.), «О современномъ движеніи въ конституціонной прессѣ» (1 кн. 51 г.), «Мы» (V кн. 51 г.) и рецензію на нѣмецкое изданіе «Кто виноватъ?» Герцена (VI кн. 51 г.). Кромѣ того, безъ подписи имъ напечатана была здѣсь сатирическая комедія, посвященная характеристикѣ умѣреннаго германскаго либерализма. Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что этимъ не ограничилось участіе Зольгера въ журналѣ. Неоднократно уже цитированный Каппъ указываетъ, что статьи Зольгера, вмѣстѣ со статьями К. Фохта, принадлежали къ наиболѣе читаемымъ и наиболѣе дебатировавшимся въ средѣ нѣмецкой эмиграціи статьямъ журнала. Но изъ сейчасъ указанныхъ статей развѣ только къ той, которая была озаглавлена «Мы» и посвящена критикѣ политическихъ нравовъ нѣмецкой оппозиціи, можетъ относиться это замѣчаніе Каппа. Съ другой стороны и Герценъ врядъ ли имѣлъ основаніе выдѣлить Зольгера изъ числа своихъ противниковъ только за одну его рецензію на «Кто виноватъ?» Рецензія эта, дѣйствительно, остроумна, но зато въ ней нѣтъ

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что для отдѣльнаго изданія автору пришлось, во имя цензуры, измѣнить заглавіе своей работы; въ журналѣ же она печаталась подъ первоначальнымъ своимъ именемъ. См. «Russlands sociale Zustände» von Alexander Herzen. Hamburg. 1854. Въ этомъ изданіи (равно какъ и во французскомъ изданіи 1851 г.) къ первоначальному (журнальному) тексту авторомъ были добавлены: „введеніе“, „послѣсловіе“, глава „Россія и Европа“ и „приложеніе“ о сельской общинѣ въ Россіи.

ничего, что дало бы право Герцену считать Зольгера своимъ «противникомъ». Зольгеръ иронически относится къ самому вопросу, поставленному въ заголовкѣ романа: «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что мы уже до 48-го года знали, что такъ вопроса ставить нельзя, что виноватъ не кто-нибудь, а вся совокупность данныхъ условій». Далѣе, излагая содержаніе романа, онъ какъ будто склоняется къ той не такъ уже далеко отходившей отъ герценовской концепціи—мысли, что крѣпостное право меньше развращаетъ народъ, чѣмъ полицейское государство Германіи или Австріи, ибо отдѣляетъ народъ отъ высшихъ классовъ и мѣшаетъ ему заразиться ихъ пороками и духомъ примиренія.

Болѣе того. Отмѣченная выше крупная работа Зольгера о роли Англіи въ исторіи кончается рядомъ заявленій, которыя не только не противорѣчили взглядамъ Герцена, но скорѣе свидѣтельствовали о единомысліи его и Зольгера.

«Я сомнѣваюсь,—писалъ здѣсь Зольгеръ,—чтобы германско-индивидуалистическая организація была способна къ новой жизни въ свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Германцы сами сомнѣваются въ этомъ, и такъ какъ не хотятъ отказаться отъ самихъ себя, то они отказываются отъ человѣчества и объявляютъ его утопіей. Кто сказалъ бы египтянамъ 3.000 лѣтъ тому назадъ, что имъ суждено исчезнуть и что когда-нибудь журналистъ Тьеръ будетъ верховнымъ жрецомъ анархической цивилизаціи! И однако, нѣкоторые философы хотятъ считать народы вѣчными, хотя всѣ они, какъ мы знаемъ, имѣли свое начало на могилахъ своихъ предшественниковъ. Континентъ Европы носитъ всѣ признаки близкой смерти на лбу; мысль о новомъ міровомъ порядкѣ не имѣетъ у этихъ народовъ никакой другой силы, кромѣ силы вызвать окончательное ихъ разложеніе; въ ожесточеніи борьбы старый порядокъ самъ разрушаетъ понятіе справедливости и несправедливости, на которыхъ онъ покоится; власть сама ежедневно ниспровергаетъ свои божественные законы и ихъ основные принципы; безнравственность еще въ гораздо большей степени, чѣмъ при іюльской династіи, является принципомъ управленія. Она неизбѣжно должна кончить крушеніемъ, но не раньше, чѣмъ отравитъ послѣднія жизненныя силы народовъ... Мы—только удобреніе для расцвѣта какого-то другого поколѣнія»... Любопытно, что изъ круга своей характеристики Зольгеръ исключалъ Англію, и еще любопытнѣе тѣ основанія, по которымъ онъ это дѣлалъ. «Только Англія кажется еще свободной отъ этой внутренней снѣдающей болѣзни,—она представляетъ безграничную бѣдность, но въ ней нѣтъ еще признаковъ разложенія».

Ея спасеніе—въ рабочихъ ассоціаціяхъ, которыя,—по Зольгеру,—«существуютъ не какъ тайныя заговорщицкія организаціи, а какъ законныя учрежденія свободныхъ людей, и онѣ образуютъ школу духа общности, дисциплины и практическихъ попытокъ реализаціи другого (не буржуазнаго) жизненнаго принципа».

Высказанная Зольгеромъ точка зрѣнія могла бы оказать ему незамѣнимыя услуги въ дальнѣйшей полемикѣ съ Герценомъ, но то явленіе, въ которомъ онъ видѣлъ спасеніе Англіи, было для него явленіемъ специфически - англійскимъ, недоступнымъ континенту, а потому не опровергавшимъ его предсказаній относительно послѣдняго. Во всякомъ случаѣ сейчасъ цитированный итогъ наблюденій Зольгера надъ Англіей долженъ былъ оказать на него сильнѣйшее вліяніе и указать тотъ путь, на которомъ можно было искать спасенія отъ отчаянія по-революціонныхъ годовъ. Мы увидимъ ниже, что только условія нѣмецкой жизни помѣшали ему использовать въ достаточной степени аргументъ, почерпнутый изъ англійской исторіи. Что же касается пессимистическихъ взглядовъ Зольгера на судьбу континентальной Европы, высказанныхъ въ этой цитированной статьѣ, то мы уже видѣли ихъ выраженіе въ его стихотворной поэмѣ 1847 г., и надо предположить, что указанная работа была написана имъ одновременно съ этой поэмой, т.-е. до революціи.

Какъ же, однако, примирить эти заявленія Зольгера съ той характеристикой его, которую далъ Герценъ и которая несомнѣнно относится къ періоду сотрудничества Зольгера въ «Нѣмецкихъ Ежемѣсячникахъ?» На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Герценъ могъ знать, что перу именно Зольгера принадлежитъ рядъ не подписанныхъ статей въ журналѣ, направленныхъ противъ воззрѣній автора «Съ того берега». Эти статьи дѣйствительно остроумны; онѣ написаны несомнѣннымъ идейнымъ противникомъ Герцена и притомъ противникомъ возбужденнымъ. Къ нимъ, слѣдовательно, прямо относится та характеристика, которой Герценъ наградилъ Зольгера. Если бы Герценъ не былъ увѣренъ, что ихъ авторомъ является Зольгеръ, то пришлось бы предположить, что, передавая намъ свой разговоръ съ Зольгеромъ, Герценъ имѣлъ въ виду не столько лично его, сколько въ его лицѣ всю ту группу нѣмецкихъ демократовъ, которая редактировала журналъ и вела острую полемику съ авторомъ «Съ того берега». Но категорическій тонъ герценовскаго разсказа о Зольгерѣ не даетъ намъ никакихъ основаній для подобнаго предположенія. Наоборотъ, всѣ обстоятельства заставляютъ думать, что, говоря о Зольгерѣ, какъ «самомъ остро-

умномъ моемъ противникѣ», Герценъ видѣлъ въ немъ автора указанныхъ статей въ «Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ».

Теперь мы можемъ перейти къ характеристикѣ послѣдняго.

Общая позиція журнала опредѣлялась тѣмъ, что онъ былъ органомъ демократической интеллигенціи, только-что пережившей сильнѣйшую революціонную встряску. Вѣяніе только-что пронесшейся революціонной грозы всецѣло еще владѣетъ журналомъ. Но эта гроза и ея уроки отражаются на его страницахъ, почти сплошь посвященныхъ описанію и критическому изученію недавнихъ событій такъ, какъ отразились они въ головахъ мелкобуржуазной демократіи. Изъ бури 48-го года она вынесла въ неприкосновенности свой идеалъ единой и демократически-республиканской Германіи. Единство черезъ демократію, а не черезъ Пруссію—это осталось политическимъ ея лозунгомъ. Но понесенныя ею пораженія заставили ея мысль критически отнестись къ тѣмъ путямъ дипломатическаго кунктаторства и пустой игры въ парламентаризмъ, на которые и она была увлечена во Франкфуртѣ. Въ этомъ смыслѣ журналъ былъ самокритикой демократической интеллигенціи. То, что задачи 48 года въ Германіи ни въ коемъ случаѣ не могли почитаться выполненными, а скорѣе, наоборотъ,—въ результатѣ его лишь шире развернулась пропасть между демократическими идеалами и воцарившейся реакціей,—это наполняло демократическую интеллигенцію вѣрой въ то, что ея роль не кончена, что она будетъ еще призвана выполнить свою историческую миссію. Но эта роль представлялась ей теперь въ нѣсколько иномъ видѣ: отъ понесеннаго пораженія она пыталась найти спасеніе въ болѣе тѣсномъ сближеніи съ народными массами. Оторванность отъ массъ, теоретичность лозунговъ, недостаточное вниманіе къ реальнымъ жизненнымъ отношеніямъ она почитаетъ главнѣйшими причинами гибели движенія. Рядомъ съ критикой нерѣшительности, медлительности и исключительности парламентарной тактики умѣренныхъ группъ общества въ журналѣ идетъ усиленная критика той «философской» демократіи, которая пыталась работать *за* народныя массы вмѣсто того, чтобы призвать къ этой исторической работѣ ихъ самихъ. Это тяготѣніе къ народнымъ массамъ неизбѣжно окрашивало журналъ легкимъ налетомъ соціализма. Однако, это былъ тоже «философскій» коммунизмъ, подсказанный обще-гуманитарными и морально-политическими мечтами о будущемъ «царствѣ равенства и братства», а не трезвымъ анализомъ соціально-политическихъ тенденцій современнаго общества. Этотъ «философскій коммунизмъ» игралъ въ міровоззрѣніи демократіи двойную роль: своей

розовой пеленой онъ скрывалъ отъ нея дѣйствительныя очертанія будущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей въ руки орудіе борьбы въ классовыми «притязаніями» вырабатывавшаго въ то время свою идеологію пролетаріата. «Народъ» нѣмецкихъ демократовъ послѣ 48-го года оставался тѣмъ же нерасчлененнымъ и нѣсколько мистическимъ существомъ, каковымъ онъ былъ для нихъ еще до эпохи испытаній. Нѣмецкая демократія и теперь столь же рѣшительно отталкиваетъ отъ себя ту путеводную нить, которую предлагаетъ ей теорія классоваго строенія общества. При этихъ условіяхъ отстаиваніе демократическихъ идеаловъ 48-го года, усиленная критика теорій соглашенія и столь же энергичная критика идеологизма дѣятелей движенія—все еще не указывали дѣйствительнаго выхода изъ созданнаго исторіей тупика.

Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно для общаго облика журнала то, что, столкнувшись съ воззрѣніями Герцена на итоги 48 г., онъ, одновременно же, враждебно сталкивается и съ той оцѣнкой движенія 48 г., которая дана была въ томъ же 50-мъ г. Карломъ Марксомъ въ его журналѣ «Neue Rheinische Revue». Съ критикой воззрѣній Маркса на страницахъ журнала выступилъ виднѣйшій изъ ораторовъ и вождей крайней лѣвой франкфуртскаго парламента, Людвигъ Симонъ изъ Трира.

Полный предразсудковъ, созданныхъ отсталостью южногерманскихъ отношеній, типичный демократъ 40-хъ г.г., Л. Симонъ, если и не понималъ отчетливо, то хорошо чувствовалъ, что, несмотря на все различіе въ самой постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ, критика Маркса и Герцена совпадала въ одномъ основномъ пунктѣ: въ разоблаченіи фетишизма излюбленныхъ демократическихъ лозунговъ. Изъ-подъ пера Герцена, какъ и Маркса, «свобода», «равенство», «справедливость», «республика» выходили совсѣмъ не похожими на тѣхъ незапятнанныхъ богинь, которымъ поклонялись неискушенные демократы. Противъ Маркса Л. Симонъ въ своихъ статьяхъ: «Всеобщее избирательное право и диктатура рабочихъ» выставилъ цѣлую батарею доводовъ, смыслъ которыхъ сводился, однако, къ тому краткому положенію, что классовая позиція пролетаріата—этого продукта «болѣзни» современнаго общества—есть нарушеніе «воли большинства» и попраніе демократическихъ принциповъ свободы и равенства. И для Герцена, и для Маркса самымъ важнымъ итогомъ 48 г. было полное раскрытіе тѣхъ противорѣчій, которыя пронизываютъ современное общество и которыхъ не удалось покрыть ни республикой, ни лозунгами «равенства»

и «братства». Симонъ же пытался потушить эти противорѣчія въ безапелляціонной «волѣ даннаго большинства», находящей свое выраженіе въ парламентскихъ выборахъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что статьи Симона, направленныя спеціально противъ марксовой критики либерально-демократическихъ фетишей, начинаются выпадомъ противъ Герцена, порывы котораго Симонъ старается смирить тѣмъ же указаніемъ на абсолютныя заповѣди некритическаго демократизма.

Говоря о подчиненіи большинству, какъ объ единственномъ методѣ разрѣшенія всѣхъ поставленныхъ на очередь соціально-политическихъ и морально-политическихъ проблемъ, Симонъ пишетъ: «Пусть пріятель Энглэндеръ [1]), превосходя своимъ пыломъ Прудона, видитъ въ этомъ подчиненіи (большинству) позорный отказъ отъ «суверенитета индивидуума», пусть даже дружественный Admonitor [2]) въ прошлогодней августовской книжкѣ осуждаетъ это подчиненіе, какъ простое «продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній въ другой формѣ»,—хотя оба изреченія содержатъ въ себѣ долю правды,—однако, я не вижу другого выхода».

И далѣе: «Если бы пріятель Энглэндеръ пожелалъ осуществить свой неограниченный суверенитетъ индивидуума, онъ долженъ былъ бы стать нашимъ непогрѣшимымъ и безотвѣтственнымъ королемъ, а мы его подданными; если бы дружественный Admonitor пожелалъ обезпечить себя отъ всякихъ жертвоприношеній, онъ долженъ былъ бы стать верховнымъ жрецомъ, а мы всѣ жертвенными агнцами. Но плоды подобной жажды свободы, подобной анархіи каждый можетъ въ полной мѣрѣ видѣть въ богатой исторіи королевской власти и церкви. И такъ какъ, вѣроятно, дружественный Admonitor имѣетъ столь же мало желанія быть подданнымъ Сигизмунда Энглэндера, сколь и С. Энглэндеръ жертвеннымъ тельцомъ дружественнаго Admonitor'а, то я полагаю, что мы поступимъ всего благоразумнѣе, если эти интересныя крайности практически завершимъ признаніемъ другъ за другомъ *равныхъ правъ и обязанностей*» [3]).

Эта апелляція къ равенству правъ и обязанностей, которая

---

[1]) С. Энглэндеръ освѣдомлялъ читателей журнала о движеніи общественной жизни во Франціи и далъ въ немъ рядъ статей о Прудонѣ.

[2]) Какъ уже извѣстно читателю, подъ именемъ „дружественнаго Admonitor'а“ Герценъ опубликовалъ въ журналѣ „Omnia mea mecum porto“, откуда и взята цитата Симона.

[3]) „Deutsche Monatsschrift“ 1851, III и V. Статья Л. Симона: „Всеобщее избирательное право и диктатура рабочихъ“.

позволила Симону обойти трагическія сомнѣнія Герцена, въ дальнѣйшемъ развертывается у него въ цѣлую политическую систему, игнорирующую во имя подобныхъ же безсодержательныхъ максимъ реальное развитіе общественныхъ отношеній, борьбу отдѣльныхъ группъ въ обществѣ и смѣну одного класса другимъ въ роли господствующей силы. Та демократическая идеологія, которая окрашивала журналъ и нашла себѣ блестящее воплощеніе въ статьяхъ Л. Симона, легко обходила и сомнѣнія Герцена, и указанія Маркса именно потому, что она оставалась на поверхности общественныхъ явленій, отражала отсталость нѣмецкихъ общественныхъ отношеній и тѣмъ самымъ была еще недоступна для тѣхъ сомнѣній, которыми наградило Герцена наблюденіе надъ реальной общественной борьбой болѣе развитой Франціи.

На этой почвѣ и столкнулись три основныхъ теченія демократической мысли, столкнулись въ вопросѣ самомъ основномъ: чѣмъ будетъ жить дальше Европа, и даже шире того,— европейская цивилизація, что она признаетъ: трагическое отчаяніе Герцена, формальный демократизмъ эпигоновъ 48 г., не умѣющихъ, однако, указать, на чемъ созиждутъ они «церковь будущаго» передъ лицомъ уже вырисовывавшагося на горизонтѣ Бисмарка, и, наконецъ, классовую теорію Маркса?

Надо прибавить къ этому, что въ своемъ отчаяніи Герценъ отнюдь не былъ одинокъ среди европейской демократіи. Достаточно вспомнить французскаго эмигранта Кёрдеруа, въ отчаяніи мечтавшаго объ обновленіи Европы казацкимъ нашествіемъ [1]), или Мадзини, писавшаго о своихъ надеждахъ на славянство [2]), наконецъ,—отмѣченныя уже выше ноты у Зольгера, чтобы понять, что вопросъ, поставленный Герценомъ, гораздо глубже затрогивалъ самую сущность тогдашняго положенія европейской демократіи, чѣмъ это кажется [3]). Съ другой стороны фор-

---

[1]) Въ октябрѣ 1854 г. Ernest Coeurderoy выпустилъ въ Лондонѣ брошюру подъ характернымъ заглавіемъ: „Hurrah!!! ou la Revolution par les Cosaques“. Письмо Кёрдеруа къ Герцену перепечатано послѣднимъ въ „Быломъ и Думахъ“.

[2]) См., между прочимъ, „Lettres de Joseph Mazzini à Daniel Stern (1864—1872)“ Paris. 1873 Письмо Мадзини, на стр. 22 этой книжки даетъ любопытный pendant къ настроеніямъ и надеждамъ Герцена.

[3]) Отмѣтимъ тутъ же, что уже въ самомъ „Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ» книга Герцена была сопоставлена съ другими подобными же произведеніями. Въ іюльской книжкѣ журнала за 1850 г. стр. 154 въ корреспонденціи изъ Лондона, датированной 20 іюня, можно прочесть: «Уже положено серьезное начало спеціальной «литературѣ крушенія». Одинъ русскій, подъ заглавіемъ «Съ того берега», опубликовалъ въ высшей степени богатую мыслями и цѣнную книгу о крушеніи Западной Европы; одинъ французскій легитимистъ—о крушеніи Франціи, а Ледрю-Роллэнъ,

мальный демократизмъ носителей традицій 48 г. больше вѣрилъ въ «народъ», чѣмъ понималъ его, больше клялся «прогрессомъ», чѣмъ обнаруживалъ способностей проникнуть во внутреннюю механику прогрессивнаго развитія общества. Но тутъ-то и раздавался трагическій вопросъ Герцена: На чемъ основана ваша вѣра? Откуда ждете вы мстителей за прошлое и строителей будущаго? «Гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?». «Все было, — писалъ Герценъ, — только мести *не будетъ*!»

Европейская и въ частности нѣмецкая демократія для того, чтобы двигаться впередъ, даже больше—для того, чтобы отстоять свое право на существованіе и свои претензіи на роль въ будущемъ, должна была *преодолѣть* этотъ вопросъ. Онъ былъ плодомъ всеобщаго крушенія надеждъ и жилъ въ самой демократіи; какъ червь, онъ глодалъ ее изнутри. Герценъ лишь облекъ его въ форму рѣшительнаго ультиматума и высказалъ громко, убѣжденно, со всей присущей ему страстью. Вотъ почему Герценъ занимаетъ такое большое мѣсто въ журналѣ нѣмецкихъ демократовъ.

Столкновеніе на страницахъ этого журнала воззрѣній Герцена, демократовъ и Маркса было только однимъ изъ отраженій глубокаго кризиса, переживаемаго тогда всѣми демократами, кризиса, изъ котораго лишь очень немногіе вынесли въ неприкосновенности свои былые идеалы и свою способность къ борьбѣ за нихъ. Многіе пали жертвой неумѣнія разрѣшить поставленные вопросы и въ концѣ жизни причалили къ тѣмъ берегамъ, отъ которыхъ отчалили въ юности. Примѣръ: Руге и Фохтъ,—чтобы не выходить за предѣлы сотрудниковъ журнала, насъ здѣсь интересующаго.

послѣ десяти-мѣсячнаго пребыванія въ Лондонѣ, выпустилъ первую часть 4-хъ томнаго сочиненія о паденіи Англіи». Дальше идетъ страница общей критики, съ мотивами которой мы встрѣтимся въ другихъ статьяхъ журнала, и спеціальный разборъ книги Роллэна. О Герценѣ авторъ, между прочимъ, пишетъ: «У автора «Съ того берега» большая заслуга... Съ безпристрастіемъ Спинозы и спокойной увѣренностью Гёте наблюдаетъ онъ стоны и отчаянье разбитыхъ революціонеровъ, но онъ не совѣтуетъ и терпѣть, а учитъ отчаяваться съ сознаніемъ собственнаго достоинства и безъ претензій". То, что автору этихъ строкъ при чтеніи Герцена пришли на умъ такіе великаны мысли, какъ Спиноза и Гёте, не должно насъ удивлять: мы уже видѣли, какъ высоко оцѣнивали силу мысли и литературный талантъ Герцена другіе сотрудники журнала. У Фальмерайера можно встрѣтить въ его разборѣ „Съ того берега" подобныя же сопоставленія. Авторъ сейчасъ цитированныхъ строкъ намъ неизвѣстенъ: корреспонденціи изъ Лондона въ журналѣ—анонимы. Но не можетъ быть сомнѣнія, что онѣ проходили черезъ руки Зольгера, лучшаго знатока англійскихъ отношеній въ составѣ редакціи журнала.

Образецъ безпомощности представляетъ собой первая статья, которой откликнулся журналъ на пропаганду Герцена [1]). Статья принадлежитъ перу Карла Науверка, профессора Берлинскаго университета по каѳедрѣ исторіи философіи, соратника Бауера и Макса Штирнера, затѣмъ сотрудника Руге, депутата франкфуртскаго парламента отъ Берлина и, наконецъ, политическаго эмигранта. Статья Науверка написана въ очень оптимистическомъ тонѣ, при чемъ его оптимизмъ пытается опереться чуть ли не на весь опытъ всемірной исторіи. Но вульгарный оптимизмъ Науверка не разрѣшаетъ вопросовъ, поставленныхъ Герценомъ, а попросту отвергаетъ ихъ. «Формула прогресса», выдвинутая Науверкомъ противъ Герцена, представляла себѣ исторію, какъ извѣчную борьбу «злого и добраго принциповъ», борьбу, въ которой побѣда должна достаться доброму принципу по той простой причинѣ, что нашъ авторъ позаботился заранѣе наградить этотъ принципъ побѣдоносной силой. Взявшись опровергнуть «литературу крушенія» и «школу гробокопателей и кладбищенскихъ проповѣдниковъ» (слова Науверка), его поверхностный радикализмъ не смогъ противопоставить этой «школѣ» ничего, кромѣ поверхностнаго наблюденія относительно «спиралеобразнаго» развитія—«революція-реакція-революція»—безъ малѣйшей попытки доискаться корней этой схемы и безо всякаго умѣнія вскрыть ея общественный смыслъ. Именно поэтому Науверкъ могъ съ легкимъ сердцемъ противопоставить мрачнымъ сомнѣніямъ Герцена голое утвержденіе, что во имя его схемы господствующая реакція приведетъ къ новой революціи. «Никогда,—писалъ онъ,—безнадежность не была столь не обоснована, какъ теперь... Все подготовлено къ новой, коренной, рѣшительной революціи». Это писалось въ 1850 г., а слѣдующіе годы показали, что торжество Наполеона и Бисмарка было гораздо болѣе «подготовлено», чѣмъ что-либо другое... Убогій анализъ общественныхъ отношеній обезпечивалъ, такимъ образомъ, превращеніе здороваго оптимизма въ пустую декламацію. И ничего другого не было въ той заключительной главѣ статьи Науверка, въ которой онъ брался указать Герцену «залогъ скорой побѣды соціальной демократіи» (таковъ подзаголовокъ послѣдней части этой статьи). Правда, и Науверкъ могъ замѣтить Герцену: «эти массы (ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ),

---

[1]) Ранѣе этой статьи и въ той же книжкѣ (VIII), гдѣ и «Omnia mea mecum porto», появилась обширная статья Фальмерайера (извѣстнаго ученаго-востоковѣда и члена франкфуртскаго парламента) о «Vom andern Ufer». Несмотря на ея интересъ, мы принуждены оставить ее въ сторонѣ.

а не какіе-нибудь русскіе представляютъ собой тѣ силы, которыя нужны міровому духу для его новыхъ твореній». Но это звучало для Герцена пустой и давно извѣстной ему фразой, покуда не были указаны тѣ обстоятельства, которыя превратили бы эти «силы» въ дѣйствительныя творческія силы будущаго. Вульгарный демократическій оптимизмъ замолкалъ какъ разъ тамъ, гдѣ Герценъ ставилъ свой вопросъ. Поэтому, когда пришло «второе декабря», Герценъ могъ написать, что «оно отвѣтило имъ громче меня» [1]). Герценъ видѣлъ въ немъ оправданіе своихъ пророчествъ; Науверкъ же могъ только въ недоумѣніи развести руками...

Статья Науверка: «Настоящее въ свѣтѣ закона развитія человѣчества» появилась какъ непосредственный отвѣтъ на статью Герцена «Omnia mea mecum porto» и была напечатана въ качествѣ руководящей статьи [2]). Но, видимо, она очень мало удовлетворила и редакцію, и читателей журнала. Проблема, поставленная Герценомъ, требовала болѣе серьезнаго и внимательнаго отношенія къ себѣ. Декламаціей на тему о подготовленности второй революціи отдѣлаться отъ нея было невозможно.

Глухое недовольство и, такъ сказать, инстинктивное отталкиваніе отъ мрачныхъ пророчествъ Герцена, которое, несомнѣнно, господствовало въ средѣ нѣмецкой демократіи, могло, однако, пріобрѣсти видимость серьезныхъ возраженій только въ тотъ моментъ, когда пессимизму Герцена противопоставлялись указанія не только на общія тенденціи демократіи, которыя, вѣдь, и раньше хорошо были извѣстны Герцену, а конкретныя указанія на тѣ силы общества, которыя способны были бы вывести демократическую общественность и демократическую мысль изъ того тупика, въ который онѣ попали съ крахомъ движенія 48 г. И вотъ съ октябрьской книжки журнала за 50 г. начинается серія редакціонныхъ, неподписанныхъ передовыхъ статей, имѣющихъ передъ собой именно эту задачу. Первая статья озаглавлена—«Буржуазія», вторая—«Пролетаріатъ», третья (она раздѣлена на двѣ части)—«Демократія», четвертая—«Крушеніе» [3]). Среди этихъ четырехъ близко связанныхъ другъ съ другомъ статей послѣдняя имѣетъ своей единственной темой критику взглядовъ Герцена, первая—отправляется отъ этой критики, вторая и третья пытаются дать самостоятельный отвѣтъ на причины крушенія 48 г. въ связи съ исторіей партійныхъ отно-

---

[1]) «Сочиненія», V, 3.

[2]) См. «Deutsche Monatsschrift» etc. 1850 г. IX. K. Nauwerk, Die Gegenwart im Lichte der menschheitischen Entwicklungsgesetze.

[3]) См. „Deutsche Monatsschrift“, 1850, книжки за октябрь, ноябрь (по 2 выпуска) и декабрь.

шеній въ Германіи. Выше я привелъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ меня думать, что Герценъ приписывалъ эти статьи перу Зольгера. Какъ убѣдится читатель, та изъ нихъ, которая прямо посвящена Герцену, несомнѣнно, принадлежитъ блестящему и остроумному перу, какимъ и владѣлъ Зольгеръ. А при этомъ условіи дѣлается весьма вѣроятнымъ, чтобы не сказать безусловно-достовѣрнымъ, принадлежность ему и первыхъ трехъ статей.

Въ первой статьѣ Герценъ ни разу не названъ, но для читателя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что именно его имѣетъ въ виду авторъ. Онъ критикуетъ въ данномъ случаѣ не соціально-политическіе взгляды, а философскія предпосылки Герцена, поскольку онѣ сказались въ «Съ того берега». Отъ внимательнаго читателя этой книги не можетъ укрыться, что, въ своемъ негодованіи противъ фетишей тогдашней демократической идеологіи, Герценъ далеко перешелъ границы необходимаго. Критикуя фетиши, онъ замахнулся на дѣйствительныя цѣнности; критикуя «общія мѣста» демократической фразеологіи, онъ обнаружилъ въ ихъ оцѣнкѣ полное отсутствіе исторической перспективы; обрушившись на тѣ преступленія, которыя совершались тогда «именемъ народа», онъ дошелъ до чистѣйшаго индивидуализма. Критикой подобной критики и начинаетъ анонимный авторъ. И надо сказать, что здѣсь его критика достаточно остра и прямо попадаетъ въ цѣль: онъ нащупалъ слабое мѣсто Герцена, то слабое мѣсто, которое изъ Герцена въ его взглядахъ на западно-европейскую цивилизацію сдѣлала скептика, а не строителя.

«Нѣкоторые мудрецы,—такъ начинается статья,— недавно вновь сдѣлали старое открытіе, что всѣ общія понятія, какъ государство, человѣчество, прогрессъ, цивилизація, не представляютъ изъ себя ничего иного, какъ пустыя абстракціи» [1]). Въ дальнѣйшемъ автору было не трудно показать ту ближайшую реальную зависимость, въ которой находятся сами проповѣдники индивидуализма отъ отвергаемыхъ ими «абстракцій» человѣчества и цивилизаціи, снабдившихъ этихъ проповѣдниковъ не только идеями, но,—какъ язвительно замѣчаетъ авторъ,— и матеріальной возможностью ихъ разрабатывать. «Человѣчество» столь же мало абстракція, какъ и личность господина N. N.— и, если какой-нибудь поденщикъ не можетъ игнорировать этой «абстракціи» подъ угрозой умереть завтра съ голоду, то и со-

[1]) „Deutsche Monatsschrift", 1850, 101. „Die Bourgeosie".

стоятельнымъ проповѣдникамъ индивидуализма слѣдовало бы помнить, что всѣ условія ихъ жизни созданы отвергаемой ими абстракціей». Но авторъ статьи не ограничивается споромъ съ Герценомъ на этой только почвѣ; онъ пытается вскрыть жизненные корни индивидуализма и здѣсь подходитъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя, не представляя ничего новаго для нашего времени, въ то время, когда онъ ихъ формулировалъ, были значительнымъ шагомъ впередъ.

Индивидуализмъ, — доказываетъ авторъ, — вѣдь и есть жизненный принципъ современнаго общества, разрушившаго всѣ былыя связи и замѣнившаго ихъ лозунгомъ свободной конкурренціи всѣхъ и каждаго. Отсюда было уже недалеко къ тому опредѣленію теоретиковъ индивидуализма, которое и дѣлаетъ нашъ авторъ. Эти люди, пишетъ онъ, которые такъ рѣзко обрушиваются на современную цивилизацію, не замѣчаютъ того, что «не доводятъ въ теоріи до конца тотъ принципъ, котораго на практикѣ въ развернутомъ видѣ не имѣетъ возможности осуществить сама буржуазія».

Нельзя отрицать правильности и остроумія этихъ соображеній, но надо указать, что—поскольку они имѣютъ въ виду Герцена—они не попадаютъ въ цѣль уже просто въ силу своей чрезмѣрной общности. Герценовскій такъ наз. «индивидуализмъ» 50-хъ г.г., находившій свое дополненіе въ тягѣ къ «общественности» русскаго «міра», былъ, конечно, отнюдь не «идеологіей буржуазіи», а лишь идеологической оболочкой чувства отчаянья интеллигентскихъ силъ только-что отшумѣвшей революціи. Нашъ авторъ, въ своей защитѣ общественнаго дѣла противъ этого приступа отчаянья, не могъ и не хотѣлъ считаться съ «оттѣнками», онъ бралъ мысль Герцена въ ея наиболѣе общей формѣ: въ герценовской критикѣ «абстракцій» (человѣчество, цивилизація, прогрессъ) онъ видѣлъ прежде всего философскую предпосылку реальнаго отказа отъ участія въ борьбѣ. Но онъ былъ все-же достаточно объективенъ, для того, чтобы понять только-что осужденную имъ точку зрѣнія въ ея историческомъ значеніи.

Буржуазный индивидуализмъ представляется ему однимъ изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго духа въ его историческомъ развитіи. Онъ видитъ въ немъ великую разрушительную силу, высвободившую человѣческую личность изъ оковъ культурнаго варварства и духовнаго рабства. Буржуазія, разрушившая крѣпостничество и феодализмъ, создала личность, но вмѣстѣ съ тѣмъ она расщепила общество на рядъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и тѣмъ бросила его въ анархію. Задача времени въ томъ, чтобы на

почвѣ, очищенной буржуазіей, вновь возсоздать организованность общества, «вернуть свободную личность природѣ и человѣчеству».

Здѣсь Герценъ имѣлъ передъ собою,—въ нѣсколько, правда, дилеттантскомъ изложеніи,—тѣ самыя соображенія объ исторической миссіи и о преходящей роли буржуазіи, которыя еще до революціи были изложены въ извѣстныхъ работахъ Маркса и Энгельса. Оппонентъ Герцена говорилъ не въ терминахъ соціально-политическихъ, а въ болѣе свойственныхъ ему и Герцену терминахъ литературно-философскаго характера. Однако, это только маскировало, а не устраняло сущности спора. Отчаянью Герцена нѣмецкая демократія противопоставляла *историческую буржуазную культуру*, а герценовскимъ поискамъ внѣшней силы, которая разрѣшила бы его сомнѣнія, она противопоставляла картину растущихъ противорѣчій внутри самой этой исторически данной культуры. Правда, именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ она сама оказывалась въ высокой степени безпомощной. Сможетъ ли сама буржуазія увѣнчать свое историческое дѣло и примирить личность и общество?—Этимъ вопросомъ кончалась разбираемая статья.

Формальная правильность философскихъ соображеній и соображеній историческихъ, выдвинутыхъ противъ Герцена, не гарантировала, однако, еще правильнаго разрѣшенія сейчасъ поставленнаго вопроса. Герценовскій пессимизмъ могъ быть разбитъ только на почвѣ научной формулировки тѣхъ тенденцій, которыя призваны были спасти обреченную Герценомъ крушенію европейскую цивилизацію. Поскольку эти тенденціи не были найдены или только слабо просвѣчивали въ туманныхъ фразахъ о «примиреніи личности и общества»,—а чаще всего онѣ просто были недоступны идеологамъ мѣщанской демократіи,—постольку пессимизмъ Герцена еще не былъ поколебленъ.

Возраженія могли быть «остроумными»,—какъ признавалъ самъ Герценъ,—но они не были рѣшающими: они еще не гарантировали отъ возвратныхъ приступовъ отчаянья и невѣрія въ будущее. Науверкъ вѣрилъ въ неизбѣжность и подготовленность новой революціи. Герценъ не вѣрилъ и не хотѣлъ спорить на почвѣ *вѣры*. Авторъ сейчасъ разсматриваемыхъ статей пытался найти ту *неизбѣжность*, которая, отнимая у вѣры элементъ наивнаго расчета на соціально-политическія чудеса, превращала бы ее въ увѣренность, въ осознанную необходимость. Нашелъ ли онъ ее?—Нѣтъ. Почему?—Потому что на вопросъ, поставленный во всемірно-исторической перспективѣ, журналъ пытался почерпнуть отвѣтъ въ ограниченныхъ рамкахъ тогдашнихъ германскихъ со-

ціально-политическихъ отношеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вопросовъ, поставленныхъ Герценомъ, отъ вопроса о наслѣдникахъ буржуазной культуры онъ спускался въ сферу, гдѣ этотъ вопросъ былъ еще затушеванъ недостаточнымъ развитіемъ самой буржуазной культуры.

Самый фактъ сравнительной отсталости германскихъ отношеній отъ отношеній англійскихъ и французскихъ не могъ, конечно, остаться тайной для нѣмецкихъ демократовъ. Но по своеобразной ошибкѣ историческаго зрѣнія,—ошибкѣ, повторяемой демократической интеллигенціей всякой страны въ извѣстный періодъ ея развитія—и нѣмецкая демократическая мысль видѣла въ этой отсталости не столько бѣду своей страны, сколько залогъ ея особыхъ успѣховъ. Герценъ бился надъ противорѣчіемъ между *политической* революціей и продолжающейся «антропофагіей», какъ называлъ онъ *соціальныя* отношенія современнаго общества. А нашъ авторъ утѣшался тѣмъ, что «буржуазія и пролетаріатъ—противоположенія, которыя могутъ возникнуть только на почвѣ свободнаго развитія промышленности, которыя немыслимы одно безъ другого и которыя въ «просвѣщенномъ» бюрократическомъ или полицейскомъ государствѣ, опять—благодареніе Богу,—накрывшемъ насъ своей шляпой, не могутъ развиться уже потому, что въ немъ не можетъ развиваться самостоятельная промышленность» [1]).

Это, только отчасти вѣрное, положеніе давало зато автору возможность немедленно перейти въ наступленіе противъ тѣхъ, кто, какъ Герценъ, въ противорѣчіи между «имущими» и «неимущими» склоненъ былъ видѣть основной узелъ современности.

«Истинныя цѣли нѣмецкой революціи 48 г.,—продолжалъ нашъ авторъ,—мы можемъ познать не въ требованіяхъ философовъ, а въ томъ направленіи, которому непроизвольно слѣдовало общее возбужденіе, а оно было направлено, по нашему мнѣнію, противъ господства бюрократіи и полицейскаго государства. Имущественныя отношенія, конечно, играли роль, но не главную и не опредѣляющую». Перечисливъ затѣмъ рядъ тактическихъ задачъ, нерѣшенныхъ германской революціей (подготовка ея боевыхъ силъ и т. д.), авторъ заканчивалъ: «въ этомъ заключались по нашему мнѣнію тѣ пункты, на которыхъ исключительно должна была концентрироваться революціонная энергія. Мы приписываемъ трусости то обстоятельство, что эти серьезныя задачи были отодвинуты на второй планъ декламаціями во имя пролетаріата... Нѣтъ ничего смѣш-

---

[1]) «Deutsche Monatsschrift» etc., 1850. X, стр. 90. «Das Proletariat».

нѣе, какъ бороться съ буржуазіей, которая не существуетъ, во имя пролетаріата, который только могъ бы еще возникнуть изъ промышленности подобной англійской» [1]).

Эти слова мѣтили дальше Герцена, въ Маркса,—но они должны были быть отвѣтомъ и тому, кто въ книгѣ, лежавшей на письменномъ столѣ автора, описалъ, какъ неизбѣжно «изъ-за полуразрушенныхъ (политической революціей. *Ю. К.*) стѣнъ явился не въ книгахъ, не въ парламентской болтовнѣ, не въ филантропическихъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ—пролетарій, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ «несчастный, обозленный братъ», о которомъ столько говорили, котораго такъ жалѣли, спросилъ, наконецъ, гдѣ же его доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ *его* свобода, *его* равенство, *его* братство» [2])...

Мысль нѣмецкой демократической интеллигенціи—поскольку она отражалась въ разбираемой нами полемикѣ,—еще *не доросла* до уровня поставленной въ сейчасъ цитированныхъ строкахъ Герцена проблемы. Авторъ нѣмецкихъ статей былъ до извѣстной степени правъ фактически, когда писалъ, что въ Германіи «ремесленники и фабричные рабочіе страдаютъ отъ всевозможныхъ несовершенствъ, но не стоятъ большой массой противъ капиталистовъ, которые бы угнетали ихъ, какъ одинъ классъ—другой, и политическимъ могуществомъ, экономическимъ насиліемъ и перевѣсомъ образованія подавляли бы ихъ». Онъ имѣлъ основанія указывать на то, что въ Германіи «зло (!) имѣетъ мѣстный, въ крайнемъ случаѣ областной, но не національный характеръ». Наконецъ, онъ ни капли не отступалъ отъ воззрѣній, распространенныхъ въ средѣ тогдашней интеллигенціи, когда писалъ: «Время, несомнѣнно, настойчиво требуетъ разрѣшенія вопроса объ имущихъ, но—счастіе это или несчастіе, прибыль или убытокъ,—эти противорѣчія дремлютъ еще рядомъ въ патріархальномъ миролюбіи, если они вообще имѣются». Ошибка нашего автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его неспособность рѣшить вопросъ, поставленный Герценомъ, или хотя бы подойти къ его рѣшенію, заключалась лишь въ томъ, что онъ и свои надежды и свою политическую тактику базировалъ на этомъ «патріархальномъ миролюбіи». Опираясь на него, нѣмецкая демократія могла считать, что ее не задѣваетъ герценовская критика дѣятелей 48-го г., могла разсчитывать сохранить за движеніемъ обще-національный характеръ и даже вѣрить, что «нѣмецкая

---

[1]) Ibid, стр. 86, 88, 90.
[2]) Курсивъ Герцена. См. «Съ того берега», Сочиненія, V, 57—8.

буржуазія послѣ побѣды надъ полицейскимъ государствомъ не будетъ играть той тираннической роли», какъ французская или англійская [1]).

Эти разсужденія, служащія любопытнымъ образчикомъ того, какъ неразвитость общественныхъ отношеній связывала мысль демократіи, показываютъ намъ, что искать въ Германіи отвѣта на вопросъ о наслѣдникахъ буржуазной культуры было во всякомъ случаѣ преждевременно. Герцена, пережившаго іюльскіе дни, всѣ эти возраженія очень мало задѣвали; надежды, и соображенія нѣмецкихъ демократовъ въ данной области должны были казаться ему подсказанными нѣмецкимъ провинціализмомъ: Герценъ, вѣдь, видѣлъ неизбѣжность того расщепленія современнаго общества, первые начатки котораго осуждалъ его оппонентъ и на предотвращеніи котораго онъ строилъ свои надежды. Отсталость Германіи дѣлала нѣмецкую демократическую мысль безсильной передъ лицомъ Герцена, поскольку Герценъ обращался къ основному противорѣчію буржуазной культуры. Она зато оказывалась гораздо сильнѣе, когда дѣло шло о методахъ общественной работы внутри и на почвѣ данной буржуазной культуры. Тутъ понесенныя пораженія заставили мысль демократической интеллигенціи сдѣлать большой шагъ впередъ: они заставили ее пересмотрѣть ея былой взглядъ на отношеніе между развитіемъ идей и движеніемъ народныхъ массъ. Идеалистическая философія, воспитанниками которой было громадное большинство дѣятелей 48-го г., явнымъ образомъ оказалась безсильной справиться съ выдвинутыми вопросами. Съ философскихъ высотъ надо спуститься къ реальной жизни, вступить въ общеніе съ народными массами—это стало лозунгомъ момента.

Есть громадная разница,—писалъ журналъ,—«между человѣкомъ изъ народа, охваченнымъ демократическими идеями, и идеалистомъ-демократомъ, сдѣлавшимъ изъ народа объектъ своего изученія. Послѣдній родъ демократіи, демократію аристократически-образованныхъ, признавшихъ необходимымъ испытать, дополнить и очистить свои идеи на нѣмецкой дѣйствительности, Германія до революціи имѣла; первой—нѣтъ»... «У насъ демократія,—продолжалъ авторъ,—была и есть только мнѣніе, мнѣніе за народъ, добрыя желанія для народа, но отнюдь не идея самого народа, не желаніе лучшаго будущаго со стороны самого народа «для себя» [2]).

---

[1]) Всѣ цитаты изъ той же статьи „Das Proletariat".
[2]) Третья статья серіи: см. „Die Democratie", „D. M." 1850, IX.

Давая затѣмъ интересный очеркъ идейной жизни Германіи до революціи, авторъ приходитъ къ выводу, что ея характернѣйшей чертой была полная оторванность отъ реальной жизни массъ. Только одинъ Фейербахъ, — по мнѣнію автора, — вышелъ за предѣлы самодовлѣющей философской мысли, чтобы прикоснуться къ міру реальной демократіи. Уже это выдѣленіе Фейербаха указываетъ на то, что самокритика нѣмецкой демократіи подошла въ лицѣ автора разбираемыхъ статей къ тому, чтобы нащупать свой основной грѣхъ: идеалистическій характеръ своихъ воззрѣній на общественныя отношенія. А поскольку въ своей самокритикѣ нѣмецкіе демократы должны были покидать и критиковать свою идеалистическую точку зрѣнія на развитіе общественныхъ отношеній, постольку они оказывались *сильнѣе* Герцена. Разочарованіе въ идеалистической философіи и ученіе Фейербаха, а съ другой стороны ихъ опытъ въ революціи толкали нѣмецкихъ демократовъ къ «реальному человѣку», къ «народу, какъ онъ есть», и вотъ этотъ-то призывъ къ единенію съ народными массами, къ переходу отъ «демократіи аристократически-образованныхъ» къ демократіи народной и былъ самымъ сильнымъ аргументомъ въ ихъ полемикѣ съ Герценомъ. Правда, критики сами были неофиты, не продумавшіе до конца своей критики, но тѣмъ болѣзненнѣе реагировали они на все, что казалось имъ возстановленіемъ осужденной ими точки зрѣнія. Они, только-что признавшіе въ своей оторванности отъ массъ, въ своемъ идеологизмѣ причину крушенія 48-го г., съ особенно страстнымъ осужденіемъ должны были отнестись къ тому, что въ проповѣди Герцена казалось имъ апологіей отщепенства отъ массъ, отказомъ отъ активнаго вмѣшательства въ текущую жизнь, какъ бы ни была она «отталкивающа» съ точки зрѣнія предвзятыхъ идей.

Рѣшительному бою съ герценовскимъ пессимизмомъ и посвящена послѣдняя статья серіи, опирающаяся на идеи и факты, выясненные предшествующимъ анализомъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что именно эту статью имѣлъ въ виду Герценъ, когда писалъ о своемъ «самомъ остроумномъ противникѣ». Она неизбѣжно потеряла бы слишкомъ много въ пересказѣ, и единственно правильнымъ будетъ, потому, дать эту статью здѣсь въ подробныхъ выпискахъ. Для этого есть и еще одно основаніе. Тотъ призывъ къ народу, къ реальной жизни, къ провѣркѣ идей на матеріалѣ дѣйствительности, который нѣмецкій

---

[1]) „См. „D. M.“ 1850, XII. „Das Untergangsthum“.

демократъ могъ противопоставить Герцену, служитъ, такъ сказать, стержнемъ статьи. Центръ же ея въ поразительно яркой психологической характеристикѣ Герцена и его друзей. Герценъ призналъ ея «остроуміе», мы же должны признать, что въ ней много исторической правды. И это немудрено, если принять во вниманіе, что она вышла изъ-подъ пера человѣка, имѣвшаго возможность наблюдать Герцена и его друзей въ интимномъ кругу, дѣлившаго съ ними ихъ надежды и пережившаго тѣ же приблизительно идейныя бури. Пропитывающій соотвѣтствующія страницы горькій сарказмъ, который, конечно, задѣвалъ и самого автора, не мѣшаетъ имъ, поэтому, оставаться любопытнѣйшей попыткой *современника* проникнуть въ глубину настроеній Герцена парижскаго періода его жизни.

«Философіи не удалось ни установить новаго міра, ни окончательно разрушить стараго—такъ, подводя итоги своей критики идеалистической философіи, начинаетъ оппонентъ Герцена. Философія дѣйствовала только какъ ферментъ, бо̀льшая и лучшая часть работы должна быть предоставлена самимъ матеріальнымъ элементамъ. Полицейское государство находится въ такомъ положеніи, когда оно само должно прійти къ своему окончательному разложенію. Оно переживетъ еще нѣсколько ужасныхъ конвульсій, прежде чѣмъ испустить духъ. Не позволимъ же поработить себя впечатлѣніямъ момента, когда европейская жандармерія справляетъ свой кровавый праздникъ и почерпаетъ здоровье въ крови всего того, что̀ намъ дорого. Мы уже видѣли стонущую Европу распростертой у ногъ Наполеона въ Дрезденѣ; это было наканунѣ отступленія отъ Москвы... Задача прессы теперь не въ томъ, чтобы возбуждать или пророчествовать, а въ томъ, чтобы подсказать народу, который при всеобщемъ крушеніи моральныхъ и правовыхъ понятій ищетъ для себя точки опоры, великую и истинную и—въ своемъ величіи и въ своей истинности—практическую идею...»

«Небесное царство близко, и потому нѣтъ недостатка и въ пророкахъ. И лучше всего дѣйствуютъ тѣ, которые пророчествуютъ о ближайшихъ дняхъ».

Приведя затѣмъ цитату изъ «Съ того берега», въ которой Европѣ предсказывается судьба Рима, авторъ продолжаетъ:

«Пророчество кажется намъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшнымъ. Правда, какъ и во времена паденія Рима, никто больше не вѣритъ въ господствующихъ боговъ и въ старыя добродѣтели; какъ и тогда, чувство угнетеннаго народа ничѣмъ болѣе не связано съ государствомъ; правда, что отъ этого нѣ-

когда столь вознесеннаго государства не осталось нынѣ ничего, кромѣ системы порабощенія и угнетенія, только поддерживающихъ ходъ машины; правда, что народы, отчаявшіеся во всемъ, что̀ существуетъ, преданы неопредѣленной надеждѣ, что такъ далѣе продолжаться не можетъ, что они со всѣми ихъ неисчерпанными желаніями и силами не могутъ исчезнуть съ лица земли, что̀ откуда-то и какъ-то должно прійти нѣчто, что̀ выведетъ ихъ изъ невыносимаго положенія».

«Но когда у римлянъ деспотизмъ въ своемъ развитіи дошелъ до саморазложенія, во всемъ созданномъ имъ мірѣ не осталось ничего, кромѣ рабской орды, которая, не будучи въ состояніи быть чѣмъ-либо сама по себѣ, шагъ за шагомъ слѣдовала за своими господами—отъ нравственности къ безнравственности и отъ безнравственности къ отчаянью. У насъ, наоборотъ, остался народъ, самосознаніе котораго выросло именно въ той мѣрѣ, въ которой власть, подъ которой онъ стоналъ, теряла вѣру въ самоё себя. Когда міръ рушился для римскихъ господъ, онъ рушился и для рабовъ, ибо они не имѣли другого міра,—и одинаково, тѣ и другіе должны были бѣжать въ потусторонній міръ [1]). Наоборотъ, у насъ чѣмъ безнадежнѣе становится отчаявшаяся въ себѣ тираннія неба, тѣмъ упорнѣе становится народъ въ своемъ рѣшеніи отыскать свое счастіе на землѣ. Евангеліе, котораго онъ жаждетъ, не есть евангеліе утѣшенія въ жизненныхъ лишеніяхъ, но евангеліе исполненія, вмѣсто обнадеживанья и лишеній. Идеалъ древнихъ не могъ быть реализованъ: онъ лежалъ въ прошломъ или въ другомъ мірѣ; нашъ лежитъ въ будущемъ и на землѣ, *въ нашей дѣйствительности*. Eh bien!

«Если народы еще имѣютъ мужество и желаніе,—несмотря на русскій кнутъ, подъ которымъ стонутъ ихъ господа,—жить, почему ихъ хотятъ уложить въ гробъ? Развѣ ужъ дѣйствительно настолько мудрѣе надѣющемуся доказывать, что ему осталось жить лишь 24 часа, чѣмъ за часъ до его смерти,—если бы она и была неизбѣжна,—игнорировать ее въ планахъ новой жизни?

«Стоять на томъ берегу,—заявляютъ намъ,—не есть ни заслуга, ни преступленіе, это—просто одна изъ позицій. Конечно, это такъ, но позиція весьма своеобразная.

«Когда философія дѣлала свои завоеванія среди лучшихъ головъ, находились болѣе цѣльныя, лучше организованныя натуры, которымъ не была достаточна пустая жизнь рефлексій и

---

[1]) Читатель вспомнитъ, что Герценъ посвятилъ много страницъ своей книги христіанству и его роли въ эпоху паденія Рима.

блѣдная абстракція полнаго человѣка. Они были убѣждены, что анатомически препарировать человѣка не значитъ еще жить почеловѣчески. Они повторили монологъ Фауста, отправились искать человѣка и хотѣли жить жизнью, достойной человѣка. Дѣло имѣло свои затрудненія; ибо они имѣли въ виду не обычнаго человѣка, какъ онъ выступаетъ въ своихъ дѣлахъ, развлекается, ѣстъ и пьетъ, а искали человѣка, который бы соединилъ въ себѣ жизненныя требованія обычнаго индивидуума съ изощренностью философски-образованной головы. Такъ очутились они, столь же рѣшительные въ теоріи, какъ и преисполненные надеждъ на практику, въ Парижѣ, центрѣ европейской жизни. Каждая сила ищетъ себѣ мѣста, и они нашли свое. Обыкновенный индивидуумъ долженъ былъ почувствовать преизбыточный аристократизмъ ихъ духа и облагороженное роскошью существованіе; а въ противоположность аристократіи они отожествляли себя съ народомъ и внушали ей удивленіе и тайный ужасъ, какъ сильныя натуры, умѣющія цѣнить въ народѣ его первобытную силу. Всегда стояли они выше всѣхъ, на вершинахъ цивилизаціи, какъ это и соотвѣтствовало ихъ внутреннему влеченію. А для того, чтобы они отожествляли себя скорѣе съ народомъ—противъ аристократіи, чѣмъ съ аристократіей—противъ народа, было достаточно, сообща дѣйствовавшихъ, основаній: ихъ отвращеніе ко всему, что въ то время заставляло себя цѣнить, было достаточно, чтобы исключить ихъ изъ правительственныхъ и вообще господствующихъ круговъ общества; одновременно и основой и результатомъ этого отвращенія была свобода духа, которая во всякой данной формѣ познаетъ преходящее и потому постоянно связываетъ себя съ будущимъ, дабы разрушить кристаллы прошлаго, наконецъ, глубокое чувство болѣзненности подобнаго, лишеннаго почвы существованія, которое лишь въ подъемѣ массъ надѣялось найти поле дѣятельности, достойное ихъ идеальнаго представленія объ истинной человѣческой жизни. Ибо они хорошо чувствовали, что ихъ способъ наслаждаться жизнью не есть ни наслажденіе, ни жизнь, и что только о томъ можно сказать, что онъ живетъ, кто чувствуетъ, какъ каждое движеніе его руки приводитъ въ движеніе тысячи пружинъ жизни, движеніе которыхъ онъ слышитъ и которыя посылаютъ ему въ тотъ же моментъ обратный толчекъ. И это было побудительной причиной того, что они ждали раскрѣпощенія народа, всемірно-историческаго дѣла, которое восприняло бы ихъ всемірно-историческія идеи.

«Какое горькое разочарованіе, когда оказалось, что народъ

и при подъемѣ остался тѣмъ самымъ ограниченнымъ народомъ, какимъ онъ былъ при угнетеніи, и не вышелъ изъ предѣловъ самыхъ ограниченныхъ желаній»!

«Давно ожидаемый день дѣла пришелъ—и для великихъ характеровъ опять не оказалось ни одного мѣстечка, откуда бы они могли вмѣшаться въ водоворотъ жизни. Навсегда была потеряна надежда добыть когда-либо хотя бы мигъ истиннаго наслажденія жизнью. Положеніе было печально и достойно сожалѣнія. И нужна была величайшая степень искуснѣйшей діалектики, чтобы повернуть его такъ, что для человѣческой жизни и не нужна жизнь съ людьми, что, наоборотъ, удовлетворяться самимъ собой есть мудрость и судьба современнаго человѣка».

Обрисовавъ такими чертами психологическую подкладку душевной драмы Герцена, авторъ переходитъ опять къ попыткѣ Герцена опереться на стоиковъ. Онъ цитируетъ изъ книги Герцена ихъ характеристику («Ихъ положеніе имѣетъ много сходнаго съ нашимъ, у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ... они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и молча досматривать, что́ станется съ Римомъ, съ людьми» [1]) и продолжаетъ:

«Позиція обрисована въ истинномъ свѣтѣ, но гдѣ же та истина, которую стоики познали лучше и яснѣе, чѣмъ другіе? Въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, они поступали, быть можетъ, очень мудро, гордо и великолѣпно закутываясь въ свои плащи, однако, если эта драпировка была ихъ мудростью, то мы не видимъ, почему эта мудрость была выше мудрости обоихъ міровъ, которые не были съ своей стороны въ подобномъ положеніи и потому не имѣли никакого призванія къ тому, чтобы столь великолѣпно драпироваться. И—чтобы остаться при данномъ примѣрѣ—исторія, какъ характернѣйшій пунктъ всей мудрости стоиковъ, можетъ отмѣтить лишь то, что они, *лишенные возможности непосредственнаго дѣйствія*, должны были предаться резиньяціи, что, въ концѣ концовъ, умѣетъ дѣлать каждая благоразумная женщина, достигнувъ извѣстнаго возраста и притомъ не устраивая изъ этого большого шума».

«Нашъ Admonitor хочетъ лишь того, чтобы не говорили постоянно о праведности—неправедности, а ограничивались вопросомъ, ведетъ ли себя человѣкъ сообразно своему положенію или нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ можно примириться съ людьми, если

[1]) „Сочиненія“ V, 126. У нѣмецкаго автора отрывокъ процитированъ полностью.

не требовать словъ отъ соловья и пѣсни отъ лошади. Но если каждый правъ съ точки зрѣнія своего положенія, зачѣмъ же еще прокламировать свою позицію? зачѣмъ тогда дѣлать необычайное усиліе ума, чтобы свое особое положеніе противъ міра вновь и вновь объявлять самымъ яснымъ, самымъ лучшимъ взглядомъ и, — ибо въ этомъ заключается въ концѣ концовъ смыслъ длинной рѣчи,—высшею нравственностью? Зачѣмъ вообще проповѣдывать право отрицанія міра, съ которымъ больше не хочешь имѣть никакого дѣла? Быть можетъ, все-таки легче съ этимъ возлюбленнымъ ссориться, чѣмъ разъ навсегда порвать? легче заявить ему, что его тираннія наскучила, чѣмъ совсѣмъ лишить себя общенія съ нимъ? легче завернуться въ свою тогу и противопоставить ему свое титаническое veto [1]), чѣмъ просто повернуться къ нему спиной?»

Авторъ не ограничивается этими язвительными вопросами. Онъ пытается показать, что мысль Герцена вертится въ заколдованномъ кругу, и желаетъ вскрыть внутреннее ея противорѣчіе.

«Мнѣ довольно самого себя,—излагаетъ онъ позицію Герцена,—каждый человѣкъ долженъ удовлетворяться самимъ собой, въ эгоизмѣ нѣтъ ничего плохого, наоборотъ, онъ необходимъ; онъ такъ же необходимъ, какъ и тяга къ обществу; но если общество никуда не годится, то онъ уже совсѣмъ необходимъ; конечно, было бы лучше, если бы общество чего-нибудь стоило и тягу къ нему не приходилось бы убивать. Такимъ образомъ, мнѣ все-таки не довольно самого себя; все-таки человѣкъ не долженъ удовлетворяться самимъ собой; итакъ, эгоизмъ, который не умѣетъ примириться съ обществомъ,—одностороненъ, итакъ,—ибо я обладаю достаточнымъ здравымъ смысломъ, чтобы не предаться односторонности,—я хочу заключить компромиссъ и такъ рѣшить дѣло: «устроимъ жизнь столь крѣпкой, столь самостоятельной, чтобы мы могли спастись даже въ случаѣ, если міръ долженъ будетъ погибнуть»... (Изложенный здѣсь полемически ходъ мысли Герцена можно прослѣдить на стр. 155—158 V т. «Сочиненій»).

«Omnia mea mecum porto есть философія специфическаго положенія, которая въ естественномъ желаніи сдѣлаться всеобщей забываетъ свою специфичность и, — такъ какъ уже само это

---

[1]) Намекъ на фразу Герцена: „Послѣ такого вопроса человѣкъ протестуетъ титаническимъ veto противъ фатализма среды и среда сдается". Этой фразы *нѣтъ* въ русскомъ текстѣ „Omnia mea mecum porto". Въ нѣмецкомъ текстѣ она заканчиваетъ первый абзацъ 142-й страницы русскаго изданія 1878 года. Это примѣръ многочисленныхъ разночтеній въ данной статьѣ.

желаніе представляетъ непослѣдовательность,—сама себѣ измѣняетъ. Поэтому было безполезно требовать отъ нея сдачи и поскольку мы это дѣлали, мы ее не понимали [1]). Мы могли бы, однако, понять ее тѣмъ легче, что всѣ мы, которые когда-либо бросили взглядъ на пропасть, раздѣляющую теченіе нашей образованной жизни и ограниченное — благодареніе Богу! — существованіе народа, всѣ мы не разъ ставились передъ искушеніемъ спастись бѣгствомъ на эту гордую позицію (*бѣгство* все же остается самымъ умѣстнымъ словомъ) [2]). Но такъ какъ мы признали неизбѣжнымъ тотъ компромиссъ съ обществомъ, въ который долженъ вступить всякій не абстрактный и не односторонній умъ, то мы въ концѣ концовъ рѣшили повторить чудо Магомета и отправиться къ народу, если народъ не хотѣлъ итти къ намъ; ибо мужество, нужное для того, чтобы выйти изъ фальшиваго положенія, мы считаемъ даже болѣе титаническимъ, чѣмъ открытое сознаніе, что ты находишься въ этомъ положеніи...

«Можно быть лично лишеннымъ возможности непосредственнаго участія въ жизни, напр., въ положеніи изгнанника,—намекалъ авторъ на Герцена. Невольное положеніе не можетъ быть безнравственнымъ, но несчастіе—не принципъ»...

«Итти къ народу»—этотъ лозунгъ наиболѣе жизнеспособные элементы нѣмецкой демократіи противопоставили призыву Герцена—«сосредоточиться, сойти съ рынка, отойти съ миромъ, не насилуя другихъ и не тратя себя». Но одного голаго призыва вернуться къ народу, который Герценъ «укладывалъ въ гробъ», было уже мало, и авторъ заканчивалъ свою статью противъ Герцена положеніемъ, которое онъ самъ оцѣнивалъ, какъ важнѣйшій выводъ изъ всѣхъ испытаній революціонной эпохи, и которое, взятое исходной точкой, способно было перевернуть всю аргументацію Герцена. «Величайшее поученіе, которое мы добыли изъ страданій трехъ лѣтъ,—писалъ оппонентъ Герцена

---

[1]) Это намекъ или на первую статью серіи („Die Bourgeosie"), или же на статью Науверка. Въ этой же связи авторъ цитируемой статьи пишетъ нѣсколькими строками выше: „Мы хотѣли бы очень извиниться за то, что въ одной прежней статьѣ, благодаря слишкомъ абстрактному разбору основного положенія Omnia mea mecum porto, оказались педантами по отношенію къ тремъ добродѣтельнымъ мужамъ изъ „Содома и Гоморры". Это относится къ слѣдующимъ словамъ Герцена: „А что у насъ общаго съ міромъ, насъ окружающимъ? Нѣсколько лицъ, связанныхъ съ нами одними убѣжденіями, три добродѣтельные человѣка „Содома и Гоморры"...' „Сочиненія" V, 147.

[2]) „Въ старые годы этотъ гордый разрывъ съ современностью назвали бы *бѣгствомъ*. Покончимъ съ этими дѣвичьими мечтаніями! Свободный человѣкъ не можетъ бѣжать"... такъ писалъ Герценъ. Цитирую по нѣмецкому тексту, ибо по-русски этотъ отрывокъ значительно измѣненъ. См. „Сочиненія" V, 141.

и подчеркивалъ курсивомъ, — заключается въ томъ, что не народъ является матеріаломъ экспериментированія (Experimentalstoff), для нашихъ идей, а наши идеи существуютъ лишь какъ матеріалъ экспериментированія для народа».

Нашъ авторъ не даромъ приберегъ этотъ выводъ для заключенія своей полемики съ Герценомъ: при надлежащемъ развитіи высказанная въ этихъ словахъ мысль о соотношеніи между «идеями» и «народомъ» могла снабдить нѣмецкую демократію рѣшительнѣйшими аргументами противъ воззрѣній Герцена на настоящее и будущее европейской цивилизаціи. Но, какъ мы уже видѣли, сдѣлать надлежащіе выводы изъ вновь обрѣтенной ими истины о взаимоотношеніи между «идеями» и «народомъ» нѣмецкіе демократы не успѣли.

Въ спорѣ Герцена съ нѣмецкими демократами о будущемъ Европы—столкнулись въ неразрѣшимомъ противорѣчіи взгляды, обусловленные двумя различными соціально-политическими типами. Это были *двѣ* перспективы, но каждая на собственный ладъ. Обоимъ суждено было обмануться въ своихъ надеждахъ—и оба не молги найти той перспективы и той силы, которая выростала изъ нѣдръ современнаго общества и пробивала пути къ будущему.

Ю. Каменевъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Иностранная книга въ рукахъ молодого человѣка 1855—1861 годовъ.

I.

Когда голова полна смѣлыми планами, а сердце—смѣлой надеждой,—привыкаешь въ мечтахъ упреждать жизнь; мечтамъ придаешь обликъ уже совершившагося факта и рѣдко задумываешься надъ тѣмъ, что̀ было.

Молодое поколѣніе 1855—1861 годовъ жило въ такомъ предвкушеніи грядущаго, предвкушеніи, не омраченномъ пока ни рѣзкимъ, ни длительнымъ разочарованіемъ. Выискивать въ старинѣ что-нибудь, что̀ достойно внимательнаго отношенія и бережнаго сохраненія или что̀ само по себѣ, какъ органическое явленіе народной жизни, не можетъ и не должно исчезнуть—молодые люди, конечно, не давали себѣ труда. Ко всѣмъ общественнымъ и литературнымъ теченіямъ, въ которыхъ сказывалось желаніе либо прославить старину, либо защитить ее, либо отстоять за нѣкоторыми ея сторонами право на существованіе, сочетать ее какъ-нибудь съ новизной, пойти во имя ея на извѣстные компромиссы,—передовая молодежь относилась враждебно и пренебрежительно. Не говоря о консерваторахъ, которыхъ она ненавидѣла, о славянофилахъ, мимо которыхъ она проходила съ полнымъ невниманіемъ, она даже къ либераламъ-западникамъ сороковыхъ годовъ относилась сначала съ предубѣжденіемъ, а затѣмъ и съ нескрываемой непріязнію. Молодежь не хотѣла признавать никакихъ традицій,—ни традицій самой жизни, ни традицій прежнихъ сужденій о ней. Расцѣнка основныхъ вопросовъ жизни духовной и матеріальной должна

была быть произведена заново. Компромиссы и соглашенія могли только тормозить работу надъ всеобщимъ обновленіемъ. Для новаго вина нужны были мѣхи новые; и всякое стремленіе опереться на традицію было бы рискованной попыткой возводить новое зданіе на фундаментѣ, который его тяжести выдержать не можетъ.

И такъ, во всемъ старомъ строѣ,—государственномъ, общественномъ и даже семейномъ взять было нечего. Двигаться въ уже установленномъ и указанномъ направленіи значило итти назадъ. Съ торной дороги надо было свернуть на новую просѣку, которая была уже планирована, но пока еще не прорублена.

Въ прошломъ имѣлось, однако, кое-что, къ чему должно было отнестись съ вниманіемъ и любовью. Новые идеалы, стремленія и мысли все-таки уходили корнями въ старые годы. Обличительная публицистика съ демократической тенденціей имѣла своихъ предшественниковъ еще въ XVIII вѣкѣ; политическая агитація, хоть на сословной подкладкѣ, но все-таки съ налетомъ демократизма, прорвалась наружу еще въ концѣ царствованія Александра Павловича, создала первыхъ пострадавшихъ за политическую идею и заполнила первую страницу революціоннаго синодика; въ кружкѣ Бѣлинскаго и Герцена дали первый ростокъ тѣ философскіе взгляды и соціологическія ученія, которые для новаго поколѣнія становились символами вѣры. Въ концѣ сороковыхъ годовъ дѣло петрашевцевъ показало, что, несмотря на строжайшую систему охраны, запретныя мысли проникли въ молодыя головы и что призракъ «соціализма» перешагнулъ черезъ русскую границу. Обо всѣхъ этихъ литературныхъ и общественныхъ событіяхъ молодежь 1855—1861 годовъ, конечно, не забыла, но врядъ ли она могла въ этихъ воспоминаніяхъ почерпнуть много бодрости: она могла сохранить лишь благодарную память о немногихъ лицахъ, которыя въ вѣкъ произвола и торжествующей соціальной неправды боролись безъ успѣха и съ ничтожными силами во имя тѣхъ идеаловъ, которые лишь теперь, съ наступленіемъ новой эры, получали возможность осуществленія. Молодежь имѣла основаніе думать, что настоящая плодотворная борьба за обновленіе начнется лишь теперь, съ выступленія новыхъ силъ, и до извѣстной степени молодежь была права, такъ какъ никакихъ осязательныхъ результатовъ работы своихъ предшественниковъ она вокругъ себя не видѣла, если не считать, конечно, накопленныхъ идей и наростающаго настроенія. Своихъ предшественниковъ, этихъ старшихъ, даже самыхъ благомыслящихъ и

либеральныхъ, молодые люди очень скоро отчислили въ разрядъ «отставшихъ» и «доктринеровъ». Во всякомъ случаѣ искать въ прошломъ какого-нибудь источника умственной или душевной бодрости, какой-нибудь опоры было тщетно.

Тамъ позади стояли цѣлыя толпы людей, враждебныхъ всякому прогрессу; среди нихъ—замечтавшіеся, почти блаженные славянофилы, съ которыми разговаривать не стоило; прекраснодушные аристократы и эстеты западники, либералы до извѣстнаго предѣла, когда-то полезные, а теперь безполезные... и, наконецъ, нѣсколько многострадальныхъ тѣней, живыхъ и мертвыхъ, погибшихъ за правое дѣло, подвигъ которыхъ жизнью учтенъ не былъ.

II.

Если прошлое было такъ неприглядно,—быть-можетъ, текущій день былъ способенъ вселить въ душу бодрую радость? Смѣлость и бодрость были на-лицо, какъ дары молодости; молодость была свѣжа, потому что она совпала съ исключительнымъ по своему гуманному значенію историческимъ моментомъ,—и все-таки текущій день не могъ дать ни радости, ни довольства. Онъ будилъ иныя чувства,—нервныя, рѣзкія, жесткія, которыя становились тѣмъ менѣе миролюбивы, чѣмъ мягче и довѣрчивѣе они были въ самые первые годы новой эры.

Намъ, издалека, кажется теперь, что молодые люди, застигнутые на зарѣ своей жизни 1855—1861 годами, должны были чувствовать себя очень легко, весело и восторженно. Ненавистная старина была осуждена приговоромъ не только общественнымъ, но и оффиціальнымъ, правительственнымъ. Человѣкъ, который держалъ въ своихъ рукахъ руль государственнаго корабля, далъ бѣгу этого корабля сразу новое направленіе; не обѣщалъ дать, а, дѣйствительно, далъ; и настойчиво держался этого направленія, несмотря на то, что почти весь служебный экипажъ корабля былъ настроенъ враждебно новому курсу; въ той части общества, которая уже давно ждала этого курса, царило большое оживленіе и ликованіе; на открывшемся горизонтѣ не было пока ни одного тяжелаго облака, кромѣ тѣхъ тучъ, которыя удалялись; казалось, можно было безъ боязни смотрѣть впередъ въ «надеждѣ правды и добра». Если передовая молодежь переживала такія радостныя минуты надежды и вѣры,—а она ихъ несомнѣнно должна была пережить,—то промелькнули эти минуты очень быстро!..

Надо совсѣмъ не знать психологіи молодежи, если думать, что она когда-либо чѣмъ-либо бываетъ на долгій срокъ довольна. Она всегда воплощенное нетерпѣніе. И бываютъ эпохи, когда такое естественное нетерпѣніе усугубляется исключительными обстоятельствами—какъ это и было въ знаменательные 1855—1861 годы. За долгое царствованіе императора Николая Павловича, люди—старые и молодые—успѣли отвыкнуть отъ нетерпѣнія, хотя, конечно, этой душевной способности не утратили; съ наступленіемъ новаго царствованія она должна была проявиться съ особой силой,—какъ естественная реакція противъ неестественной неподвижности насильственно обузданныхъ страстей. Но были, кромѣ того, и особыя причины, мѣшавшія нормальному и ровному росту интереса молодыхъ людей къ событіямъ текущаго дня...

Полное отсутствіе политическаго воспитанія искажало въ глазахъ молодежи историческую перспективу, и всѣ предметы, и близкіе, и поотдаль стоящіе, и совсѣмъ далекіе приблизились другъ къ другу, и разстояніе между ними сузилось; думалось, что, стоитъ лишь сдѣлать два шага, и можно очутиться за сотню верстъ отъ мѣста отправленія.

Наконецъ, оцѣнивая по достоинству всѣ добрыя желанія и начинанія Императора Александра II, весьма многіе не могли подавить въ себѣ чувства недовѣрія къ нему, не какъ къ личности, а какъ къ главѣ государства. Перемѣна, которая совершалась, нисколько не мѣняла правового положенія единодержавной власти, и всѣ попытки заговорить объ умаленіи этой власти—а въ 1855—1861 годахъ дворянство нѣкоторыхъ губерній такія попытки дѣлало—обуздывались самымъ рѣшительнымъ образомъ. Были основанія бояться за то, что съ теченіемъ времени Государь можетъ устать въ борьбѣ съ препятствіями, можетъ охладѣть къ дѣлу и, пользуясь своей властью, затянуть его. Вполнѣ понятно, что молодые люди могли торопиться и нервничать, боясь, какъ бы реформаторское рвеніе Государя не остыло; и хотѣлось, чтобы скорѣй и скорѣй изъ рукъ его сыпались реформы, а изъ устъ его новыя обѣщанія. Всѣ, кто порывалъ съ прошлымъ, чувствовали и понимали, что нужна не одна, а много реформъ и самыхъ существенныхъ для того, чтобы жизнь попала въ новую колею. А въ 1855—61 годахъ все вниманіе власти было сосредоточено исключительно на реформѣ крестьянской, и о другихъ очередныхъ реформахъ ничего не было слышно, или носились только глухіе слухи. Положимъ, крестьянская реформа была самой существенной, и съ нея должно было начаться обновленіе общественнаго и госу-

дарственнаго организма; но весьма многимъ, даже самымъ неопытнымъ судьямъ современности, было ясно, что сама по себѣ одна крестьянская реформа дастъ весьма мало и обновить всей жизни народа не сможетъ, если за ней не послѣдуютъ реформы въ области судебной и земскаго самоуправленія. Правительство, приступая къ упраздненію крѣпостного права, имѣло эти реформы въ виду, но всей своей программой оно съ обществомъ не дѣлилось, и предоставляло ему догадываться о томъ, въ чемъ общество хотѣло быть увѣреннымъ. Естественно, что, слѣдя въ продолженіе шести лѣтъ (1855—1861) за ходомъ работъ по одной лишь реформѣ, многіе должны были съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать окончанія этихъ работъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что на нихъ работа не остановится. Ни съ какой трудностью положенія такіе нетерпѣливые люди считаться не хотѣли, и власть съ своей стороны сдѣлала все, чтобы укрѣпить ихъ въ ихъ недовѣріи и всякихъ опасеніяхъ. Власть несомнѣнно была смущена новизной своего положенія и вмѣсто того, чтобы придать широкую гласность своимъ работамъ по крестьянскому вопросу, она, слѣдуя дореформенной традиціи, окутала работу канцелярской тайной. Не довѣряя обществу, которому не довѣрять власть пока не имѣла никакого основанія, она года три не допускала крестьянскій вопросъ до открытаго обсужденія въ печати. Даже къ тѣмъ лицамъ, которыхъ она сама призвала на помощь, къ членамъ губернскихъ комитетовъ, она относилась съ недовѣріемъ, которое возрастало, а не уменьшалось. Власть умышленно послѣ смерти гр. Ростовцова поставила во главѣ дѣла человѣка враждебнаго реформѣ, давая этимъ понять, что она склоняется къ удовлетворенію минимальныхъ требованій и не желаетъ итти навстрѣчу ихъ повышенію. Дворянскіе интересы были сразу поставлены на первое мѣсто и оставались на этомъ мѣстѣ за все время подготовительныхъ работъ, и иногда могло казаться, что актъ освобожденія разрѣшится новымъ закрѣпощеніемъ, но уже не за помѣщикомъ, который какъ человѣкъ способенъ чувствовать состраданіе, а за голодомъ и нищетой, которые состраданія не знаютъ. Шесть лѣтъ тянулась эта негласная работа; старый порядокъ, уже оффиціально осужденный, продолжалъ жить во всей цѣлости на глазахъ народа, который дѣлалъ надъ собой большое усиліе, чтобы оставаться спокойнымъ, и на глазахъ всѣхъ надѣющихся и ожидающихъ, которые не могли подавить своего нетерпѣнія.

Историку легко начать читать мораль нетерпѣливымъ людямъ. Но исторію создаютъ люди, а не историки. Старина уже

мертвая, но пока еще живая, съ каждымъ днемъ злила и раздражала все сильнѣе; и все заманчивѣе и полнѣе развертывалась картина будущаго; и это будущее казалось такимъ близкимъ, близкимъ...

Въ такомъ состояніи врядъ ли можно было чувствовать себя окрыленнымъ и успокоеннымъ медленно ползущими днями, молчаливыми и скучными, полными тревоги и опасеній для всѣхъ, кто хотѣлъ поскорѣй заколотить въ гробъ все прошедшее.

III.

Но если русская жизнь при всѣхъ своихъ обѣщаніяхъ не вселяла въ молодую душу той бодрости, того душевнаго паѳоса, который соотвѣтствовалъ переживаемой исторической минутѣ, то, быть-можетъ, такая подмога сердцу могла придти со стороны? Ходъ европейскихъ событій могъ оказать прямое вліяніе на повышеніе бодрости настроенія, и люди, недовольные положеніемъ дѣлъ на родинѣ, могли, быть-можетъ, разсчитывать на давленіе общественной и политической жизни сосѣдей на нашу?

Отъ искушенія присматриваться пристально къ политической жизни сосѣдей дореформенная эпоха оберегала насъ очень ревниво. Европейская политика внутренняя (а внѣшняя въ данномъ случаѣ въ расчетъ не шла) стала проникать въ русскія газеты и журналы лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смѣны царствованія и, конечно, въ самыхъ скромныхъ, безвредныхъ дозахъ. Но даже, если бы эти дозы были увеличены, то все-таки для того, чтобы умѣть разбираться во внутренней политикѣ сосѣднихъ странъ, нужны были извѣстное умѣніе и подготовка, которыми подросшее къ 1855 году молодое поколѣніе не располагало. Только тогда, когда въ обществѣ существуютъ уже продуманныя политическія убѣжденія, учетъ внутренней политики сосѣднихъ странъ можетъ оказывать свое вліяніе на ихъ укрѣпленіе и развитіе. Произвести учетъ сложныхъ, органически наростающихъ политическихъ положеній, въ которыхъ мы непосредственно не заинтересованы — можно лишь, пройдя извѣстную политическую школу. Въ 1855—1861 годахъ наши молодые люди были въ лучшемъ смыслѣ самыми заурядными дилеттантами въ вопросахъ политической теоріи и политической борьбы. Слѣдить подробно и внимательно за ходомъ внутренней жизни Европы они не имѣли ни времени, ни возможности, да если бы они и могли разрѣшить себѣ эту роскошь, они не были бы въ состояніи

использовать эти знанія для Россіи, гдѣ никакой политической жизни не существовало. Но пусть молодой человѣкъ многаго не зналъ, многаго не понималъ—быть-можетъ, онъ могъ вдохновиться тѣмъ общимъ духомъ, который вѣялъ во внутренней политикѣ странъ, болѣе культурныхъ, чѣмъ его родина?

Въ данномъ смыслѣ помощь, на которую могла разсчитывать русская передовая молодежь, была весьма незначительна.

Во внутренней жизни европейскихъ державъ 1855—1861 годы не были отмѣчены никакимъ подъемомъ ни радикальныхъ, ни даже либеральныхъ мыслей и настроеній. Борьба прогрессивныхъ силъ съ консервативными шла по всему фронту во всѣхъ странахъ, но эта была борьба раздробленная, неотмѣченная никакими рѣшительными побѣдами, безъ всякаго героическаго подъема; либералы и радикалы вели въ Пруссіи, въ нѣмецкихъ мелкихъ королевствахъ, въ Австріи, во Франціи партизанскую войну съ правительственными властями, послѣ проигранной революціонной кампаніи 1848 года. Правительства поддерживали нарушенный «порядокъ» или водворяли его, справляясь съ своей задачей успѣшно, въ особенности въ Австріи и Германіи. Франція, этотъ очагъ европейскаго радикализма и главная цитадель революціи—переживала первое десятилѣтіе второй Имперіи, стараясь прикрыть ретроградную внутреннюю политику мишурными внѣшними успѣхами. Внутренняя жизнь въ Англіи, какъ и всегда, шла очень ровно при довольно устойчивомъ равновѣсіи консервативныхъ и прогрессивныхъ силъ. Умѣренный либералъ могъ на худой конецъ съ такой политикой помириться, но вдохновить радикала и демократа она не могла ни въ какомъ случаѣ...

Была, впрочемъ, страна,—и къ ней все больше и больше начинали тяготѣть сердца русской молодежи передовыхъ круговъ,—страна, судьбы которой, дѣйствительно, могли окрылить молодую мечту, героически настроенную. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ началась война Италіи за національное объединеніе, и героями дня стали Гарибальди и Кавуръ: одинъ—герой освобожденія и вождь народа, другой—«хитрый дипломатъ», «защитникъ интересовъ буржуазіи», «сытый либералъ», чуть ли не «измѣнникъ отечеству» — какъ его клеймили наши молодые радикалы, поклонники Гарибальди, генерала «Божіею милостью и волею народа». Любовь молодежи къ Гарибальди была искренняя, длительная, съ большой примѣсью романтизма, и она во всѣ шестидесятые годы согрѣвала сердца и ласкала воображеніе людей, ищущихъ героическаго подвига и оскорблен-

ныхъ тѣмъ, что разные Кавуры, Наполеоны III и Пальмерстоны лѣзутъ въ герои.

Но все-таки такая любовь, идейная и романтическая, къ прославленному ли вождю или къ цѣлому народу не могла вознаградить молодыхъ пылкихъ сторонниковъ общественнаго обновленія за то отсутствіе подъема радикализма и демократизма, которое давало себя такъ ясно чувствовать во всей Европѣ. Хотѣлось болѣе полной и увѣренной поддержки въ томъ дѣлѣ, которое считаешь правымъ и торжество котораго предчувствуешь. А между тѣмъ, какъ ни была героична война Италіи за независимость, сколько смѣлыхъ и благородныхъ сердецъ она на своей сторонѣ ни имѣла,—нельзя же было видѣть въ ней залогъ торжества демократическихъ идеаловъ и революціоннаго настроенія. Война велась пока за успѣхъ чисто внѣшняго политическаго объединенія, неизвѣстно что обѣщавшаго народу, да и въ успѣхѣ самой войны можно было каждую минуту сомнѣваться. Русская молодежь, издали слѣдившая за этой войной, ощущала ея боевую поэзію, но видѣть въ итальянцахъ своихъ прямыхъ и сильныхъ союзниковъ она, во всякомъ случаѣ, не имѣла основанія... А между тѣмъ кругомъ, и въ Германіи, и въ Австріи, и во Франціи всѣ дорогіе для передовой молодежи идеалы были въ загонѣ. Минутами могло казаться, что изъ правительствъ Европы одно лишь русское правительство въ данный моментъ относится наиболѣе доброжелательно къ этимъ идеаламъ. Для молодого радикала, который не любилъ русской правительственной власти и не довѣрялъ ей, такое признаніе ея преимущества надъ другими властями утѣшеніемъ служить не могло. Приходилось какъ будто успокоиться на томъ, что русскій правительственный либерализмъ, это—maximum того, на что можно надѣяться при условіяхъ данной исторической минуты, переживаемой всѣмъ культурнымъ міромъ. А хотѣлось, чтобы этотъ культурный міръ доказалъ наглядно, на осязаемыхъ явленіяхъ внутренней своей жизни, всю правоту и неизбѣжность того направленія мыслей,—а вслѣдъ за ними и другихъ силъ жизни—въ какомъ такъ рѣшительно двигались всѣ порвавшіе со стариной молодые люди.

Теченіе событій на Западѣ не пришло въ нужный моментъ молодымъ людямъ на помощь, но одного достаточно сильнаго союзника Западъ имъ все-таки выслалъ: онъ далъ имъ въ руки книгу, а она имъ дала ту сосредоточенность мысли, ту бодрость духа и тотъ подъемъ настроенія, которые имѣютъ свойство перевоплощаться въ событія.

IV.

Русская передовая молодежь не единожды испытывала на себѣ владычество иностранной книги, не только книги вообще, но даже книги съ опредѣленнымъ заглавіемъ. Въ тридцатыхъ годахъ Гегель владѣлъ умами подроставшаго поколѣнія; затѣмъ прошло около трехъ десятилѣтій, и такого единодержавнаго владыки мысли среди насъ не появлялось; въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ Бокль былъ призванъ къ верховной власти, хотя границы его владѣній были значительно у́же, чѣмъ границы владычества знаменитаго нѣмецкаго философа. Съ Боклемъ боролись за власть Дарвинъ и Лекки. Затѣмъ одно время Спенсеръ собралъ вокругъ себя разрозненную рать прогрессистовъ и, наконецъ, уже на нашихъ глазахъ, демократическая, революціонная и радикальная держава возвела на престолъ Маркса. Передовая часть нашей интеллигенціи—и преимущественно, конечно, молодежь—всегда обнаруживала такую склонность къ монархическому принципу въ области мысли; и она, иной разъ на долгое время, оставалась вѣрна не только верховнымъ властителямъ, которые проживали за границей, но и тѣмъ намѣстникамъ, которыхъ эти властители имѣли въ лицѣ руководящихъ русскихъ критиковъ и публицистовъ.

Силу и стойкость, какую обнаружили передовыя группы нашего общества, надо до извѣстной степени приписать ихъ вѣрности той присягѣ, которую они приносили разнымъ доктринамъ, выросшимъ на почвѣ европейской науки, и тѣмъ соціальнымъ теоріямъ, которыя на западѣ рождались. Враги нашихъ радикаловъ нерѣдко упрекали ихъ въ такомъ преклоненіи передъ авторитетами, въ такомъ идолопоклонствѣ, которое свидѣтельствовало будто бы о нежеланіи самостоятельно мыслить и говорило лишь о желаніи отдать себя поскорѣй въ опеку какой-нибудь знаменитости, лишь бы только она была наиболѣе модной. Людьми передового лагеря при выборѣ научныхъ авторитетовъ руководили, въ данномъ случаѣ, конечно, совсѣмъ иныя соображенія. Любовь къ авторитету вытекала изъ причинъ вполнѣ естественныхъ. Опереться на авторитетъ значило въ сущности опереться на послѣднее слово науки. Пусть это слово оказывалось не послѣднимъ, не рѣшающимъ, пусть оно быстро замѣнялось другимъ, но, во всякомъ случаѣ, оно всегда было сказано лицомъ, которое по своей геніальности и по своей учености имѣло всѣ права на всеобщее признаніе. За дутыми авторитетами моло-

дые люди никогда не шли; и во всякомъ случаѣ вредъ отъ «идолопоклонства» былъ значительно меньшій, чѣмъ та польза, какую изъ него извлекали многочисленныя группы людей, нуждавшихся въ умственномъ единеніи, въ единствѣ настроенія и вообще въ сосредоточеніи духовныхъ силъ. Такъ, Гегель нѣкогда сосредоточилъ наши умственныя силы на нѣмецкомъ идеализмѣ, въ которомъ въ тѣ годы была заключена вся мудрость вѣка; такъ Фейербахъ помогъ намъ повернуть въ вопросахъ религіи и философіи отъ Гегеля налѣво; Бокль показалъ намъ, какъ историческіе вопросы могутъ быть поняты и рѣшаемы безъ идеалистическихъ предпосылокъ; Дарвинъ и другіе естествоиспытатели убѣдили насъ въ колоссальномъ значеніи естественныхъ наукъ для выработки научнаго міросозерцанія; Контъ ввелъ въ обиходъ нашихъ мыслей основныя положенія соціологіи какъ позитивной науки; Спенсеръ далъ энциклопедію позитивнаго знанія и, наконецъ, вмѣстѣ съ Марксомъ мы увѣровали въ правительствующую силу наукъ политико-экономическихъ. Тѣ толпы людей молодыхъ, а иногда и зрѣлыхъ, для которыхъ эти всемірные ученые были оракулами мудрости, могли весьма поверхностно читать «священныя» книги, могли даже не читать ихъ, а слушать ихъ пересказъ; могли изъ прочитаннаго дѣлать выводы весьма произвольные; могли отъ лица оракула говорить то, что̀ ему и не приходило въ голову; могли, наконецъ, кромѣ избранной книги, забросить всѣ остальныя, не хотѣть знать ничего, что̀ съ этой книгой не согласуется—и все-таки такое поспѣшное и несистематичное чтеніе и такое стихійное увлеченіе лицомъ или книгой имѣло свое культурное значеніе: открывались новые горизонты мысли и оставалось только ждать, пока послѣ угара люди пріобрѣтутъ способность спокойнаго и углубленнаго раздумья надъ тѣмъ, что̀ на первый взглядъ имъ казалось не гипотезой или теоріей, а откровеніемъ. Всегда такая способность критическаго отношенія къ прочитанному въ людяхъ просыпалась, и тогда только можно было убѣдиться въ несомнѣнной культурной цѣнности того или другого фанатичнаго увлеченія.

V.

Въ исторіи увлеченія нашей молодежи иностранными авторитетами 1855—1861 годамъ принадлежитъ совсѣмъ особое мѣсто. Указать въ эти годы на какую-нибудь книгу или на писателя, который имѣлъ бы преобладающую власть надъ

умами передовой молодежи—нельзя. Такихъ авторитетовъ пока не имѣлось, если не считать авторитетовъ мѣстныхъ, русскихъ—Добролюбова и Чернышевскаго, этихъ первыхъ посредниковъ между западной наукой и русскимъ читателемъ.

Всегда требуется время на то, чтобы книга проникла въ среду, отличающуюся малой податливостью въ усвоеніи идей и малой способностью къ ихъ разсѣянію и круговращенію; и какъ бы молодежь 1855—1861 г.г. ни гналась за новизной въ области мысли,—болѣе или менѣе прочная власть такой мысли надъ умами могла установиться лишь постепенно. Читатель долженъ былъ попасть въ извѣстную полосу настроенія; сама русская жизнь должна была подготовить его къ тому, чтобы онъ могъ прочитать въ новой книгѣ то, что ему въ ней прочитать хотѣлось; а молодой читатель тѣхъ лѣтъ искалъ, конечно, въ книгѣ не столько чистаго знанія, сколько прикладного, и хотѣлъ использовать книгу въ интересахъ переживаемаго дня. Если ученый такъ часто бываетъ во власти настроенія и предрѣшаетъ многое, прежде чѣмъ приступаетъ къ ученому изслѣдованію, то насколько же менѣе защищенъ отъ такого соблазна читатель, который обращается къ ученому, какъ къ оракулу, въ трудную минуту жизни? Неудивительно, что русская молодежь въ, дѣйствительно, трудную минуту жизни, при выборѣ ученаго оракула руководилась не одними лишь постулатами разума, а также и требованіями сердца.

Въ царствованіе императора Николая Павловича перелетъ западныхъ идей черезъ русскую границу былъ очень затрудненъ. Во всѣхъ областяхъ знанія мы сильно отставали отъ западной науки, и она насъ съ каждымъ годомъ опережала. Мы опаздывали въ нашемъ развитіи на нѣсколько десятилѣтій. И вотъ, въ 1855 году, идейное общеніе наше съ сосѣдями было до извѣстной степени облегчено. Новыя книги стали получаться чаще и въ большемъ количествѣ; явилась возможность свободнѣе обсуждать ихъ въ печати; многое могло быть переведено или дано въ извлеченіи. Надо было одновременно слѣдить за новинками и не забывать о томъ громадномъ умственномъ долгѣ, который накопился за нами съ прошлаго царствованія. Дробленіе вниманія и пестрота умственныхъ интересовъ читателя становились неизбѣжны.

Съ движеніемъ западной мысли, какъ она сложилась въ *двадцатыхъ* и *тридцатыхъ* годахъ XIX столѣтія, мы въ дореформенную эпоху кое-какъ успѣли ознакомиться. Старая сентиментальная мораль, романтическое міросозерцаніе, фило-

софскій идеализмъ и даже соціологическая доктрина въ формѣ соціальной утопіи были, хоть и съ трудомъ, но мало-по-малу нашимъ интеллигентнымъ обществомъ усвоены и до извѣстной степени продуманы. Западное идейное движеніе *сороковыхъ* годовъ отражалось въ нашемъ сознаніи значительно слабѣе и гораздо менѣе отчетливо. Если исключить отдѣльныхъ лицъ изъ лагеря западниковъ и славянофиловъ, которые могли черпать свои знанія у самаго ихъ источника и которыхъ можно перечислить по именамъ — много ли было въ Россіи людей, идущихъ въ своемъ развитіи вровень съ Западомъ? Теорія государственнаго либерализма, соціалистическія ученія, съ болѣе или менѣе осуществимой на практикѣ программой, критика основъ христіанскаго міросозерцанія, начала позитивной философіи, матеріалистическое истолкованіе процессовъ жизни вообще и историческаго процесса въ частности—всѣ эти новинки европейской мысли сороковыхъ годовъ оставались для общей массы нашихъ читателей дореформеннаго времени туманными или совсѣмъ незнакомыми областями знанія. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и къ серединѣ *пятидесятыхъ* годовъ европейская наука могла гордиться новыми завоеваніями. Политическая экономія пріобрѣтала въ глазахъ историковъ и соціологовъ значеніе одной изъ самыхъ основныхъ наукъ, строго-научная тенденція въ соціалистическихъ ученіяхъ обрисовывалась все яснѣе и яснѣе, матеріалистическое истолкованіе вселенной и человѣка стало совсѣмъ модной наукой, позитивный методъ во всѣхъ наукахъ становился господствующимъ, и естественныя науки могли отмѣтить цѣлый рядъ открытій колоссальной цѣнности. Наконецъ, антропологія, этнографія, археологія, языкознаніе, исторія народной словесности, исторія права и правовая исторія учрежденій въ короткій срокъ обогатились огромнымъ количествомъ научнаго матеріала, который могъ и долженъ былъ быть использованъ при изученіи не только старины, но и самыхъ очередныхъ вопросовъ современности.

Когда всѣ эти науки находились на Западѣ въ такомъ цвѣту, мы, въ 1855 году, только-что получали возможность до извѣстной степени свободно съ ними ознакомиться.

На насъ лежали долги передъ наукой прошлаго, и съ каждымъ днемъ возрасталъ нашъ долгъ передъ наукой современной. Приходилось спѣшить съ расплатой по этимъ обязательствамъ, если мы хотѣли сохранить за собой званіе людей культурныхъ и современныхъ.

VI.

Иностранная книга захватила умы нашей молодежи очень быстро, но безъ всякой системы и порядка. Въ относительно выгодномъ положеніи находились тѣ немногіе, которые обладали знаніемъ иностранныхъ языковъ. Они могли, если хотѣли, подбирать книги и соблюдать извѣстную экономію и систему при чтеніи. Всѣ остальные, кто языками не владѣлъ, должны были ограничиваться библіографическими замѣтками о книгахъ, пересказомъ ихъ содержанія въ журнальныхъ статьяхъ, сводомъ ихъ основныхъ мыслей въ критикѣ и публицистикѣ, наконецъ, бесѣдой о нихъ съ кѣмъ-либо, кто читалъ ихъ. Переводъ многихъ книгъ по цензурнымъ условіямъ былъ невозможенъ, да и вообще въ годы, о которыхъ мы говоримъ, само дѣло переводовъ съ иностранныхъ языковъ было очень плохо организовано: рискъ былъ большой, сбытъ необезпеченъ, выборъ книгъ часто случайный, иногда въ зависимости отъ количества печатныхъ листовъ. Позднѣе эта отрасль литературнаго труда развивалась при болѣе совершенныхъ условіяхъ.

Несистематичное знакомство съ научной иностранной книгой не было, однако, результатомъ лишь этихъ, хоть и очень неблагопріятныхъ, условій распространенія книги. Отсутствіе системы въ чтеніи вытекало изъ самой психики читающаго.

Нужно, впрочемъ, сдѣлать одну оговорку. Среди молодежи 1855—1861 годовъ попадались люди, которые уже тогда избирали ту или другую область науки предметомъ спеціальнаго изученія; и многіе изъ нихъ составили себѣ впослѣдствіи почетное и громкое имя въ мірѣ русской науки.

Но не этихъ избранныхъ должны мы имѣть въ виду, когда говоримъ о молодыхъ людяхъ—и юношахъ и дѣвицахъ,—пристрастившихся къ чтенію. Весьма немногіе изъ нихъ могли почувствовать истинное влеченіе къ наукѣ, такъ какъ сама эта наука въ лицѣ старшаго поколѣнія была, даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, представлена далеко не блестяще. Молодежь, какъ видно изъ воспоминаній современниковъ, относилась съ большимъ недовѣріемъ къ своимъ профессорамъ и къ тому ученому методу, котораго старики придерживались. По отношенію къ однимъ учителямъ такое недовѣріе было несправедливо, по отношенію къ другимъ вполнѣ обосновано, и вытекало оно, главнымъ образомъ, не изъ критики ученой дѣятельности тѣхъ или иныхъ преподавателей, а изъ дѣленія науки на науку старую и на науку

новую. Старую надо было забыть, а новую надо было усвоить, и во всякомъ случаѣ не у старыхъ преподавателей можно было этой новой наукѣ научиться. Овладѣть ею можно было лишь путемъ самостоятельнаго труда. Надо было не слушать, а читать и читать, искать въ новыхъ книгахъ то, чего не услышишь съ каѳедры. Наконецъ, кромѣ дѣленія науки на двѣ части, изъ которыхъ съ одной частью можно было не считаться, а другую надлежало разыскивать—во многихъ молодыхъ умахъ укоренилось убѣжденіе, что время для строгой науки въ Россіи пока еще не наступило, что Россія нуждается прежде и больше всего въ широкомъ распространеніи, въ популяризаціи научнаго знанія, а не въ углубленіи этого знанія въ тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ вопросахъ. Ученый, который воспитываетъ, былъ поставленъ выше ученаго, который учитъ. Этотъ взглядъ былъ напр. ясно высказанъ въ «Современникѣ» въ годъ смерти Грановскаго (1855). Великой тѣни была воздана великая хвала; общественно-воспитательное значеніе дѣятельности Грановскаго было прославлено, а научная цѣнность этой дѣятельности была поставлена на второе мѣсто. Такой взглядъ могъ многимъ молодымъ людямъ облегчить задачу самообразованія, избавляя ихъ отъ необходимости сразу углубляться въ дебри науки, но въ то же время онъ и затруднялъ работу, предоставляя молодымъ умамъ самимъ разыскивать обѣтованную землю по всѣмъ морямъ знанія.

Но кто могъ бы обучить молодежь такому систематическому чтенію, когда руководителямъ, критикамъ и публицистамъ передовыхъ журналовъ приходилось самимъ для себя установлять впервые такую систему, разбираясь въ массѣ новинокъ, попадавшихъ на западный книжный рынокъ?

Установленію систематическаго чтенія препятствовало и то обстоятельство, что люди въ этомъ чтеніи искали не только пищи для ума, но и оправданія уже заранѣе сложившимся взглядамъ на нѣкоторые коренные вопросы жизни. Эти взгляды сложились незамѣтно, тайно, въ умахъ и преимущественно въ сердцахъ молодыхъ людей еще тогда, когда, можетъ-быть, ни одна новая книга въ ихъ рукахъ не побывала. Еще въ дореформенное время, сидя на школьной скамьѣ средняго или высшаго учебнаго заведенія, ловя отрывки разныхъ контрабандныхъ мыслей, которыя кружились и въ столичныхъ и въ провинціальныхъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ кругахъ, юноши и дѣвицы привыкали вырабатывать въ себѣ убѣжденія по контрасту съ дѣйствительностью, ихъ окружавшей. Запретныя

мысли, сжатыя въ афоризмы и колючія изреченія, подъ которыми можно было прочитать подписи разныхъ искусителей отъ Вольтера до Фейербаха, отъ Руссо до Прудона, крѣпко засѣли въ юныхъ головахъ и въ формѣ неясныхъ убѣжденій, и въ формѣ очень характернаго настроенія, враждебнаго установившемуся міросозерцанію, если этимъ именемъ можно назвать рядъ традиціонныхъ взглядовъ на религію, ея связь съ государствомъ, на политическій и соціальный строй, на задачи общества и семьи. По контрасту съ тѣмъ, что въ дореформенное время молодые люди вокругъ себя видѣли, они создавали себѣ понятія о желаемыхъ порядкахъ, и затѣмъ въ новыхъ книгахъ искали подтвержденія своихъ желаній и взглядовъ. Серьезная книга и несерьезная, истинно научная или популярная могли въ данномъ случаѣ быть равноцѣнны по тому вліянію, которое онѣ оказывали; популярной книгѣ можно было даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдать предпочтеніе, и потому этотъ родъ книгъ и сталъ все болѣе и болѣе захватывать книжный рынокъ. Возрастъ книгъ также не имѣлъ особаго рѣшающаго значенія, такъ какъ по многимъ вопросамъ и старая книга, если она была хорошо, убѣдительно написана и подкрѣплена авторитетомъ, могла дать много нужныхъ и полезныхъ свѣдѣній.

Молодые люди входили въ храмъ науки съ уже создавшимся настроеніемъ и ожидали, что имъ будетъ данъ въ руки новый катехизисъ, основныя догмы котораго были уже предначертаны. Ихъ нужно было только формулировать и подкрѣпить цитатами. Цитаты могли быть взяты изъ разныхъ книгъ, которыя въ общемъ направленіи своемъ и не согласовались другъ съ другомъ, но зато совпадали въ отрицаніи прошлаго или существующаго.

Новое направленіе мыслей подроставшей молодежи, направленіе, вызванное условіями дореформенной жизни и нуждавшееся въ поддержкѣ иностранной книги, можетъ быть выражено въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ.

1. Въ вопросахъ религіи—разрывъ съ традиціонной формой христіанской вѣры вообще, въ данномъ случаѣ съ православнымъ вѣроисповѣданіемъ; историческое и научное объясненіе развитія въ людяхъ религіознаго чувства и религіозныхъ понятій и символовъ; историческая критика священныхъ книгъ откровенія и преданія; доказательства несогласуемости вѣры и знанія, и, какъ конечный выводъ, признаніе религіи за пережитокъ и попытки замѣны ея культомъ благороднаго образа мыслей, сердечной симпатіи и новаго соціальнаго строя, отвѣчающаго требованіямъ разума и справедливости.

2. Въ вопросахъ теоретической философской мысли—отказъ отъ всякаго философскаго идеализма, какъ ученія, искажающаго правильность логическаго мышленія вообще и правильность научнаго метода; попытки истолкованія мірового процесса въ матеріалистическомъ духѣ и въ духѣ нарождающагося позитивизма и такое же истолкованіе гносеологіи и психологіи.

3. Въ вопросахъ этики — освобожденіе отъ устарѣлыхъ этическихъ традицій и самый строгій пересмотръ всего кодекса морали личной и общественной съ точки зрѣнія «разумнаго» эгоизма нравственно свободной личности; изученіе эволюціи моральныхъ взглядовъ и чувствъ; введеніе понятій о разсчетѣ и выгодѣ въ число основныхъ моральныхъ импульсовъ и признаніе утилитаризма крайней уступкой, на какую можетъ пойти человѣкъ, недовольный существующимъ нравственнымъ порядкомъ.

4. Въ вопросахъ политическихъ — возможно послѣдовательное движеніе въ крайнемъ направленіи въ цѣляхъ установленія новаго политическаго строя на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ.

Всѣ основныя положенія этой программы были взяты изъ тѣхъ же западныхъ книгъ, которыя въ сороковыхъ годахъ тайно проникали въ Россію и тайно въ ней распространялись. Теперь, при новыхъ условіяхъ, многія изъ этихъ запретныхъ книгъ вновь всплывали, но уже съ правомъ болѣе свободнаго обращенія. И къ нимъ присоединялись новыя.

Средній читатель могъ ограничиться тѣми журнальными статьями, въ которыхъ говорилось объ этихъ книгахъ, и считать себя освѣдомленнымъ въ главнѣйшихъ очередныхъ вопросахъ европейской науки, но несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ журнальныя статьи должны были ускорить и усилить обращеніе иностраннаго оригинала или его русскаго перевода среди читателей.

Списокъ именъ тѣхъ иностранныхъ авторовъ, книги которыхъ были въ обращеніи въ 1855—1861 годахъ, можетъ быть составленъ съ достаточной полнотой, и онъ окажется не очень значителенъ. По росписи книгъ, напечатанныхъ въ Россіи за 1856—1861 годы, нельзя, однако, судить о степени вліянія иностранной книги на русскіе умы. Переводныхъ книгъ появлялось до 1861 года немного. Но по библіографическимъ замѣткамъ въ журналахъ, по упоминанію именъ авторовъ въ статьяхъ, въ перепискѣ и въ воспоминаніяхъ лицъ, которыя въ тѣ годы были молоды, видно, что выдающіяся имена въ области западной науки, литературы и публицистики были русскому чи-

тателю извѣстны и что онъ успѣлъ прочитать или перелистать немалое количество печатныхъ страницъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ книгахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ читатель былъ болѣе начитанъ и свѣдущъ, чѣмъ въ книгахъ болѣе близкаго къ нему времени.

VII.

Въ годы, о которыхъ мы говоримъ, нельзя подмѣтить въ читающей молодежи преобладающаго интереса къ какой-нибудь опредѣленной области знанія. Ни одна наука не могла пока еще присвоить себѣ гегемоніи въ царствѣ мысли—какъ это было позднѣе, при владычествѣ надъ нашими умами сначала наукъ естественно-историческихъ, затѣмъ наукъ философскихъ на началахъ позитивизма и, наконецъ, науки политико-экономической.

Въ 1855—1861 годахъ вниманіе читателя дробилось между всѣми этими науками и многими другими. Опредѣлить точно, какое вліяніе имѣла та или иная книга на ходъ русской мысли или на слагавшееся общественное настроеніе—конечно, нѣтъ никакой возможности. Книга работала въ тиши, и результатъ всѣхъ интимныхъ бесѣдъ съ нею на поверхности жизни уловленъ быть не можетъ. Въ рѣдкихъ только случаяхъ книга вызывала гласную полемику въ журналахъ и сфера вліянія ея на умы болѣе или менѣе ясно опредѣлялась.

Но если взять въ общемъ всѣ иностранныя книги, которыя въ тѣ годы пользовались вліяніемъ, то общій характеръ этого вліянія обрисуется съ достаточной ясностью.

Иностранная книга приходила молодому читателю на помощь прежде всего въ его борьбѣ съ традиціями старины—т. е. съ установившимся религіознымъ міровоззрѣніемъ, съ господствующимъ политическимъ порядкомъ и съ наличнымъ соціальнымъ строемъ; она, затѣмъ, укрѣпляла въ немъ сознаніе силы индивидуальнаго начала въ жизни вообще и вѣру въ сильную личность, призванную дать направленіе массовой жизни; она поддерживала въ читателѣ его гуманный образъ мыслей и ту демократическую тенденцію, которая все рѣзче и ярче проступала въ его понятіи о прогрессѣ; она помогала читателю въ построеніи новаго міросозерцанія, философскаго, этическаго и эстетитескаго; наконецъ, эта же книга вселяла въ его душу особое чувство бодрости, когда онъ читалъ въ ней лѣтопись прошлой жизни и убѣждался въ томъ, что родъ человѣческій неустанно совершенствуется.

VIII.

Найти на Западѣ союзниковъ въ низверженіи старыхъ авторитетовъ и традицій было нетрудно. Понятіе о сверхчувственномъ и поклоненіе ему во всѣхъ доселѣ существующихъ формахъ было давно уже исторически объяснено и отвергнуто, какъ пережитокъ, въ сочиненіяхъ Фейербаха и Штраусса. Главнѣйшія изъ сочиненій Штраусса и Фейербаха были извѣстны въ Россіи, какъ и труды нѣкоторыхъ ученыхъ Тюбингенской школы, работавшей надъ критикой текста св. Писанія [1]). Богословы и ученые могли найти въ этихъ книгахъ многое, съ чѣмъ можно было не согласиться, но молодой человѣкъ, ищущій въ книгѣ поддержки своему уже готовому, но пока голословному мнѣнію, принималъ книгу къ свѣдѣнію и къ руководству, какъ послѣднее слово науки.

Въ критикѣ наличнаго политическаго и соціальнаго строя отыскать союзниковъ было еще легче. Всѣ выдающіеся историки и публицисты на Западѣ, всѣ, за немногими исключеніями, были либералы, хотя и разныхъ оттѣнковъ. Среди нихъ можно было выбрать любого и въ его сочиненіяхъ найти вполнѣ достаточное количество фактовъ, теорій, взглядовъ и сентенцій, направленныхъ противъ монархическаго, клерикальнаго и феодальнаго строя на Западѣ. Наиболѣе нашумѣвшей у насъ книгой была въ тѣ годы книга Токвилля, разсердившая своей умѣренностью радикаловъ, но тѣмъ не менѣе дававшая имъ въ руки очень вѣское оружіе противъ «стараго порядка». И никто не мѣшалъ читателю, ополчаясь на этотъ старый западный порядокъ, думать о Россіи и объ ея порядкахъ, тоже старыхъ, но пока еще не упраздненныхъ. При судѣ надъ соціальнымъ домашнимъ строемъ, русскій читатель могъ и не нуждаться въ помощи западнаго писателя. Крѣпостное право говорило громче и краснорѣчивѣе всякой книги. Но читатель зналъ, что есть такія книги (нѣкоторыя изъ нихъ стояли у него на полкѣ), въ которыхъ соціальный строй будущаго обрисованъ такъ наглядно, что кажется уже наступившимъ. Ученія С.-Симона, Фурье, Консидерана, Кабэ, Оуэна, Прудона были извѣстны частью въ выдержкахъ и въ переложеніи, и этого было совершенно достаточно, чтобы самый вопросъ о возможномъ грядущемъ соціальномъ строѣ сталъ для многихъ не гипотезой, а научной увѣрен-

[1]) О Тюбингенской школѣ вышло въ 1860 году на русскомъ языкѣ особое сочиненіе.

ностью. Хотя ученія поименованныхъ соціалистовъ рѣзко расходились другъ съ другомъ по вопросамъ объ организаціи грядущаго общества и о распредѣленіи въ немъ продуктовъ производства, но русскій читатель не имѣлъ нужды вникать въ эти споры и могъ ограничиться лишь общимъ представленіемъ о соціальномъ равенствѣ и о перевоспитаніи современнаго общества. Въ особенности такое перевоспитаніе казалось достижимымъ, послѣ краснорѣчиваго и убѣдительнаго разъясненія этого вопроса въ книгѣ Оуэна, которая была почти цѣликомъ пересказана по-русски.

Задача перевоспитанія общества находилась, конечно, въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о роли личности въ историческомъ процессѣ, такъ какъ только на отдѣльную личность могла падать и иниціатива и сама работа надъ такимъ перевоспитаніемъ. Въ нѣкоторыхъ соціалистическихъ системахъ личности отводилась роль очень значительная, а тѣ системы, которыя склонялись къ анархизму, исходили въ своихъ построеніяхъ изъ принципа ея полной автономности. Для русскаго молодого человѣка культъ автономной личности имѣлъ въ тѣ годы особую прелесть, такъ какъ на немъ покоилась вся вѣра молодежи въ свои силы и свое призваніе. Положимъ, вѣра молодежи въ себя не нуждалась въ подкрѣпленіи извнѣ; она была сильна сама по себѣ, но нельзя не учесть того бодрящаго и подымающаго духъ впечатлѣнія, какое производили на молодую душу картины грядущаго счастія, насажденнаго на землѣ усиліями разумно мыслящихъ и справедливо чувствующихъ личностей. Видя предъ собой героевъ, молодой человѣкъ мнилъ себя героемъ. Прочитать такое славословіе герою въ книжкѣ, пользующейся заслуженной славой, было весьма назидательно; и русскій читатель отнесся съ большимъ вниманіемъ къ книгѣ Карлейля о герояхъ, хотя въ этой книгѣ онъ и не находилъ поддержки своимъ демократическимъ идеаламъ. Но книга была самымъ краснорѣчивымъ прославленіемъ героя на всѣхъ аренахъ человѣческой дѣятельности, апоѳеозомъ сильной личности, которая умѣетъ навязать массѣ свой авторитетъ во имя ея блага. Была извѣстна въ тѣ годы и другая книга, въ которой культъ личности былъ доведенъ до полнаго отрицанія всякой общественности, всякой связи съ людьми во имя какихъ-либо общихъ интересовъ. Ученіе Макса Штирнера, которое въ Германіи не нашло никакого отзвука, въ Россіи пользовалось славой ядовитой и опасной ереси. Подписаться подъ выводами этой книги нашъ читатель врядъ ли могъ — такъ эти выводы расходились съ его гуманнымъ и демократическимъ понятіемъ о долгѣ героя

передъ массой, но несогласіе въ мысляхъ не исключало той симпатіи къ героическому чувству, какимъ вся книга была пропитана. Она призывала къ возстанію, къ самому крайнему возмущенію противъ общественнаго уклада жизни; читая ее, можно было подмѣнить отвлеченное понятіе объ обществѣ понятіемъ о какомъ-нибудь данномъ общественномъ порядкѣ, и тогда, вопреки словамъ автора, можно было самого Штирнера зачислить въ списки борцовъ за свободу, въ списки враговъ деспотизма, не опредѣляя, о какой свободѣ и о какомъ деспотизмѣ идетъ рѣчь. Аристократическое и анархическое въ Штирнерѣ было не опасно, такъ какъ демократическій строй мыслей и чувствъ русскаго молодого читателя былъ и высокъ и непоколебимо крѣпокъ.

Этотъ демократизмъ, казалось, не нуждался также ни въ какой поддержкѣ со стороны: сама русская жизнь воспитывала демократовъ. Но пренебречь помощью извнѣ было бы все-таки неразумно, тѣмъ болѣе, что за долгіе годы литературнаго общенія съ Западомъ нашъ читатель привыкъ искать и находить въ иностранной книгѣ художественное выраженіе тѣхъ гуманныхъ и демократическихъ чувствъ, какими онъ самъ былъ насыщенъ. Французскій соціальный романъ сороковыхъ годовъ и бытовой романъ англійскій того же времени были у насъ давно любимой книгой и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ читались, пожалуй, съ бо́льшимъ пониманіемъ и вниманіемъ, чѣмъ раньше. Картины изъ жизни людей обездоленныхъ и обиженныхъ, картины изъ жизни простонародья и рабочаго класса—въ сороковыхъ годахъ на Западѣ уже многочисленнаго—дополнялись теперь тѣми учеными сочиненіями, въ которыхъ крестьянскій и рабочій вопросъ разрабатывался научно, какъ вопросъ историческій, политическій, экономическій и психологическій. Въ общеніи съ этими книгами нашъ читатель—демократъ въ душѣ—становился все бо́льшимъ и бо́льшимъ демократомъ по убѣжденіямъ.

IX.

Если въ какой области помощь, идущая съ Запада, была всего болѣе цѣнна и ощутима—такъ это въ области научныхъ свѣдѣній. При желаніи разработать и дополнить то новое міросозерцаніе, которое предлагалось въ ученыхъ, критическихъ и публицистическихъ статьяхъ любимаго журнала, обращеніе къ иностранной книгѣ становилось обязательно.

Философскія науки, которыя въ дореформенное время

попали въ положеніе наукъ «подозрительныхъ» не могли, конечно, сразу оправиться отъ долгой спячки и занять въ общей энциклопедіи знаній то мѣсто, которое имъ принадлежало по праву. На книжномъ рынкѣ и въ журналахъ онѣ были очень слабо представлены. Старикъ Гегель нашелъ нѣсколькихъ запоздалыхъ поклонниковъ, и біографія его, написанная Гайномъ, появилась въ русскомъ переводѣ; о новыхъ философскихъ школахъ говорилось въ «Современникѣ» съ похвалой, а въ остальныхъ журналахъ съ неодобреніемъ. Имена Фейербаха, Конта, Милля,—этихъ самыхъ видныхъ представителей новыхъ теченій въ философіи, попадались на глаза читателю, но если онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, то онъ не могъ ознакомиться съ ихъ сочиненіями, которыя только къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ нашли себѣ переводчиковъ и издателей въ Россіи. Въ молодыхъ кружкахъ того времени можно было услышать, конечно, и имена сторонниковъ «положительнаго метода въ наукѣ», и ученыхъ естествоиспытателей, которые тяготѣли въ конечныхъ выводахъ своего міросозерцанія, кто къ позитивизму, кто къ болѣе или менѣе явному матерьялизму—имена Вирхова, Клодъ-Бернара, Фогта, Молешотта, Бюхнера, Вагнера, Дарвина и другихъ. Всѣ эти—тогда еще молодые, но уже прославленные, ученые, которымъ суждено было спустя нѣсколько лѣтъ завладѣть умами нашей молодежи и сочиненія которыхъ позднѣе поставляли неизсякаемый матерьялъ для статей, брошюръ и книгъ—пока еще (1855—1861) сами за себя говорить не могли, за отсутствіемъ переводовъ ихъ писаній. Что въ ихъ сочиненіяхъ опровергнуты и низложены всѣ предразсудки традиціонной религіи и метафизики, это было извѣстно, но какъ и какими доводами,—объ этомъ русскій читатель узналъ позже.

Изъ общественыхъ наукъ наибольшимъ распространеніемъ пользовались тогда исторія политическихъ ученій и политическая экономія. По этимъ наукамъ существовало не мало книгъ, написанныхъ русскими учеными, частью при ближайшемъ руководствѣ ученыхъ западныхъ, частью самостоятельно. Переведены были книги Токвилля «Демократія въ Америкѣ» (1860) и «Старый порядокъ» (1861), появилась книга Чичерина «Очерки Англіи и Франціи» (1858), «Курсъ политической экономіи» Молинари (1860), сочиненіе Бабста «Объ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала» (1857), переводъ сочиненія Тенгоборскаго «О производительныхъ силахъ Россіи» (1857), «Очеркъ исторіи политической экономіи» И. Вернадскаго (1858), переводъ «Политико-экономическихъ писемъ»

Кэри (1860), «О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія» Ѳ. Тернера (1860), «Основанія политической экономіи» съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи Д. С. Милля съ комментаріями Чернышевскаго (1861) и многія другія сочиненія изъ тѣхъ же областей знанія. По количеству этихъ сочиненій, по отзывамъ, которые они вызвали, и по полемикѣ съ большинствомъ изъ нихъ, какая велась на страницахъ «Современника», можно судить, какъ эти новые и сложные вопросы тогда волновали читателя. Любовь его къ теоріи народнаго хозяйства была, конечно, не безкорыстна, и почерпалъ онъ въ этихъ трудно читаемыхъ книгахъ не только знанія, но и ту гордую радость, которую испытываетъ молодой человѣкъ при ознакомленіи съ наукой, обладающей властью разрѣшить самые назрѣвшіе вопросы жизни.

Но изъ всѣхъ наукъ привлекала къ себѣ наибольшее вниманіе — исторія. Въ сороковыхъ годахъ эта наука была представлена на Западѣ очень большими силами во всѣхъ странахъ. Почти всѣ выдающіеся историки принадлежали съ разными оттѣнками къ либеральному лагерю, и многіе изъ нихъ были настоящіе художники и мастера стиля. Для русскаго читателя, пока мало привыкшаго къ сухому научному изложенію или къ обобщеніямъ, излагаемымъ болѣе или менѣе отвлеченно, — даръ художественнаго разсказа и блескъ стиля были большими приманками. Но независимо отъ такой изящной оболочки, въ какой исторія человѣческой жизни являлась передъ нашимъ читателемъ, картина дѣяній прошлаго, нарисованная свободомыслящимъ историкомъ, сама по себѣ должна была говорить молодому уму и сердцу. Она, помимо знанія, давала извѣстное настроеніе, которое получалось какъ результатъ идейнаго общенія, не только съ понятіями, но и съ людьми, живыми въ памяти потомства. Историческія картины прошлаго (а историки сороковыхъ годовъ отводили въ своихъ сочиненіяхъ разсказу очень много мѣста) были красочными иллюстраціями къ той теоріи прогресса, которую исповѣдывалъ молодой читатель уже въ силу одной своей молодости, увѣренной въ неизбѣжномъ оправданіи своихъ гуманныхъ идеаловъ. Понятно, что чтеніе историческихъ книгъ могло стать любимымъ занятіемъ.

Книжная лѣтопись тѣхъ годовъ перечисляетъ немало именъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ историковъ, труды которыхъ были переведены по-русски; стали выходить первые томы Всемірной исторіи Шлоссера (1861) подъ редакціей Чернышевскаго и Зайцева, имѣлись книги Ранке «Государи и народы

южной Европы въ XVI и XVII в.» (1857) «Исторія XVIII столѣтія» Шлоссера (1860), «Разсказы изъ римской исторіи» А. Тьери (1861), «Исторія царствованія Филиппа II» Прескотта (1858), «Эпоха возрожденія» Мишле (1860), «Исторія цивилизаціи во Франціи» Гизо (1861), «Исторія англійской революціи» Гизо (1860), «Исторія завоеванія Англіи норманами» Тьери (1859). Кромѣ того появилось много статей и книгъ по исторіи походовъ Наполеона I и книгъ, относящихся къ событіямъ итальянской войны за объединеніе.

Перечисленными именами отнюдь не исчерпывается все то историческое знаніе, которое было доступно русскому читателю въ 1855—1861 годахъ; со многими историческими трудами онъ знакомился не по переводамъ, а по журнальнымъ статьямъ, и нельзя сказать, что такое чтеніе статей о книгахъ было бы всегда проигрышемъ для читателя. Отъ него ускользалъ можетъ быть художникъ, но съ историкомъ и съ философомъ онъ все-таки получалъ случай ознакомиться, и притомъ болѣе систематично. Журнальныя статьи ввели русскаго читателя въ кругъ историческихъ занятій весьма многихъ выдающихся иностранныхъ ученыхъ. Онъ знакомился съ самыми разнообразными способами обработки историческаго матеріала, отъ обработки, граничащей съ поэтическимъ творчествомъ, какъ у Баранта, Тьери, Мишле, Кинэ, Карлейля, до попытокъ примѣнить къ исторіи строгій научный методъ, которому можно было научиться у Ранке и его учениковъ. Передовой журналъ, само собой разумѣется, знакомилъ читателя всего подробнѣе съ тѣмъ направленіемъ въ исторіографіи, которое проводило болѣе или менѣе ясную либеральную тенденцію. Большое вниманіе было удѣлено «Исторіи революціи въ Англіи» Гизо, «Исторіи французской революціи» Тьера, «Исторіи Англіи» Маколея, «Исторіи нидерландской революціи» Мотлея—цѣлому ряду книгъ, и старыхъ и новыхъ, которыя, сохраняя свое научное значеніе, пріобрѣтали въ глазахъ русскаго читателя особую общественную цѣнность. Отъ вниманія редакторовъ журналовъ не ускользнулъ и новѣйшій естественно-историческій методъ въ исторіографіи—упоминалось имя Огюста Конта, которому этотъ методъ обязанъ своимъ первымъ научнымъ обоснованіемъ, а въ 1861 году появилось въ «Современникѣ» первое изложеніе столь нашумѣвшей впослѣдствіи книги Бокля.

Бѣглое чтеніе этихъ книгъ въ оригиналѣ или въ неполномъ переводѣ, даже ознакомленіе съ ними съ чужихъ словъ—имѣло большое культурное и общественное значеніе въ виду особыхъ

условій, среди которыхъ приходилось молодому человѣку тѣхъ годовъ вырабатывать свое міросозерцаніе, въ которомъ такую огромную роль играло настроеніе.

Молодой читатель чувствовалъ себя порой въ беззащитномъ положеніи, несмотря на самоувѣренность молодости и на всѣ выгоды политическаго и общественнаго момента. Въ прошломъ ему было не на что опереться: онъ хотѣлъ начать собой новую эру и не искалъ союзниковъ среди старшихъ и предковъ; да если бы онъ и сталъ искать ихъ—помощь, которую они могли оказать ему, была ничтожна. На современность молодому человѣку положиться также было трудно. Жизнь, несомнѣнно, поворачивала на новую дорогу, но двигалась къ новой цѣли медленно, съ большими задержками; увѣренности въ завтрашнемъ днѣ было мало, опасеній много, и быть довольнымъ и бодрымъ въ сознаніи быстраго приближенія къ желаемой цѣли было трудно, а для многихъ горячихъ головъ и совсѣмъ невозможно. Не было ощущенія, что жизнь уноситъ людей въ своемъ теченіи отъ старыхъ береговъ: берега какъ будто не удалялись. Политическое положеніе на Западѣ не обѣщало ничего отраднаго. За исключеніемъ далекой Италіи, гдѣ совсѣмъ намъ чуждый народъ боролся за національную свободу—во всѣхъ сосѣднихъ странахъ нашъ молодой человѣкъ не могъ подмѣтить никакого даже скромнаго торжества тѣхъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ, которые были ему дороги. Безъ бодрящихъ воспоминаній, при слабой поддержкѣ окружающей дѣйствительности, безъ возможности опереться на сосѣда,—многіе могли ослабѣвать духомъ. И вотъ въ эти минуты неизбѣжнаго во всякой борьбѣ временнаго паденія силъ, иностранная ученая книга была самымъ вѣрнымъ союзникомъ.

На ея страницахъ можно было прочитать всю лѣтопись временъ, и ея устами говорила историческая истина; истина эта утверждала, что на свободную мысль человѣка и на его чувство справедливости оковы могутъ быть наложены лишь временно, что жажда всякой свободы найдетъ въ концѣ концовъ свое утоленіе и что историческій процессъ есть прогрессъ; прогрессъ именно въ томъ направленіи, въ какомъ теперь такъ неувѣренно и медленно стала двигаться русская жизнь.

X.

Молодому человѣку, свидѣтелю первыхъ годовъ новаго царствованія, была, какъ видимъ, сразу дана возможность начать насыщать умъ знаніями и попутно возвышенно настроить

душу. Но какъ ни питательна бываетъ наука, даже приноровленная къ потребностямъ мало образованной среды, не всѣ умы и сердца одинаково расположены къ ея воспріятію. Весьма многіе черпаютъ свое міросозерцаніе или вырабатываютъ его, и легче, и быстрѣе въ общеніи не съ отвлеченными или вообще научными понятіями и разсужденіями о жизни, а въ общеніи съ самой текущей жизнью, поскольку она отражается въ художественныхъ образахъ или вообще въ картинахъ, нарисованныхъ болѣе или менѣе опытнымъ наблюдателемъ. На литературѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, воспитывается огромное количество людей, которымъ въ силу разныхъ обстоятельствъ наука оказываетъ лишь малую помощь.

Въ дореформенную эпоху нашу культуру вынесла на своихъ плечахъ все-таки русская словесность при относительно маломъ содѣйствіи науки. Значеніе литературы не умалилось и въ послѣдующее время, несмотря на все возрастающую конкурренцію научнаго знанія, и только въ наши дни—изящной словесности пришлось отказаться отъ первенствующей роли въ дѣлѣ образованія и воспитанія подростающихъ поколѣній.

Въ началѣ новой эры престижъ художественной литературы стоялъ очень высоко: у всѣхъ въ памяти были ея заслуги въ прошломъ, всѣ помнили, съ какими трудностями ей пришлось бороться при исполненіи своего долга—и думалось, что теперь, когда наступила заря новой жизни, изящная словесность сможетъ съ удвоенной силой продолжать свое служеніе родинѣ—смѣло и свободно. Надежды были вполнѣ основательны, тѣмъ болѣе, что къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ русская изящная словесность совершенно освободилась отъ опеки иноземной и представляла собою самобытную крѣпкую силу. Мы почувствовали впервые, что, какъ художники, мы независимы. Иностранная литература свое дѣло сдѣлала; мы долгое время на ней воспитывались, и теперь она была не то чтобы безсильна помочь намъ, но не такъ нужна, какъ нужна была словесность самобытная и отечественная. Предстояло работать надъ обновленіемъ русской жизни. Хотѣлось поближе ознакомиться съ условіями этой жизни, поглубже вникнуть въ душу всѣхъ тѣхъ, кѣмъ она вершится, всѣхъ, кто стоитъ на мѣстѣ, и всѣхъ, кто движется. Въ особенности хотѣлось узнать поближе людей «новыхъ». Иностранная литература въ данномъ случаѣ не могла намъ оказать никакой поддержки; она могла помочь намъ въ познаніи типовъ общечеловѣческихъ, но мы въ данную минуту нуждались въ ознакомленіи съ типами мѣстными; она могла продолжать знакомить насъ съ бытомъ иноземнымъ, а намъ нужны были картины родного быта.

Съ напряженнымъ интересомъ слѣдила молодежь за новинками отечественной словесности, и, несмотря на то, что много было новыхъ вопросовъ, которые теперь привлекали къ себѣ ея вниманіе, она не охладѣла ни къ литературѣ, ни къ литературной критикѣ. Отъ изящной словесности молодые люди требовали вѣрнаго изображенія окружавшей ихъ обстановки и окружавшихъ ихъ людей, отъ критики они требовали истолкованія этихъ живыхъ картинъ и типовъ.

Но въ какой мѣрѣ наша изящная словесность тѣхъ годовъ (1855—1861) могла отвѣтить на эти требованія?

Несторъ Котляревскій.

ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ.

II.

Не сотвори себѣ кумира ни изъ своихъ, ни изъ чужихъ мнѣній,

А. Потебня.

Интеллектуальное раскрѣпощеніе.

1.

Фанатическіе споры о томъ, какая вѣра лучше, споры на тему о единой и всеспасительной религіозной истинѣ давно уже—въ цивилизованномъ мірѣ — утратили то значеніе и ту остроту, какими они отличались въ былыя времена. И можно предвидѣть, что скоро они совсѣмъ умолкнутъ...

Большую ошибку дѣлаютъ тѣ, которые объясняютъ это упадкомъ религіознаго чувства, распространеніемъ невѣрія и религіознаго индифферентизма. Есть основанія думать, что религіозность человѣчества вовсе не пошла на убыль. Католицизмъ попрежнему владѣетъ умами и сердцами милліоновъ. Религіозность англичанъ достаточно извѣстна. С.-Американскіе Штаты кишатъ религіозными сектами. Духъ свободнаго изслѣдованія не подавилъ, а, напротивъ, оживилъ религіозность протестантскаго міра. Симптоматичнымъ представляется появленіе такихъ книгъ, какъ «Многообразіе религіознаго опыта» покойнаго Джемса и «Die Religion» Георга Зиммеля. И даже «L'irréligion de l'avenir» Гюйо не можетъ быть названа книгой антирелигіозной.

Религіозность осталась и, надо думать, останется навсегда, но радикально измѣняется ея *психологія*. Психологическія отношенія личности къ своимъ вѣрованіямъ и къ самому религіозному чувству теперь уже не тѣ, какими были они въ прежнее время. Вмѣстѣ съ индивидуализаціей личностей индивидуализировалась и религія. Она стала интимнымъ достояніемъ души человѣческой, дѣломъ совѣсти, чувства и «крайняго разумѣнія».

Все интимное, глубоко-личное, затаенное, завѣтное боится обнаруженія, огласки, противорѣчій, споровъ. Оно не навязывается другимъ, чтитъ чужую святыню и ревниво охраняетъ себя отъ вторженія и притязаній чужой святыни. И близко время, когда публичное исповѣданіе вѣры будетъ ощущаться—какъ родъ профанаціи...

Религія становится секретомъ души, которымъ можно—и отрадно—подѣлиться только съ близкими, съ родными по духу, по религіозному чувству.

Пользуясь терминологіей Джемса, я скажу, что психологическія отношенія человѣка къ религіи превращаются изъ догматическихъ въ «прагматическія».

Пользуясь вѣщимъ словомъ покойнаго А. А. Потебни, я скажу, что современный культурный человѣкъ изъ своихъ религіозныхъ убѣжденій не творитъ себѣ кумира,—и не считаетъ ихъ обязательными для прочихъ смертныхъ.

Какая же перспектива открывается намъ отсюда? Разноголосица и анархія религіозныхъ вѣрованій? Личный произволъ въ области религіи?

Эти термины не идутъ къ дѣлу,—они противорѣчатъ самой психологіи прогрессирующей и углубляющейся религіозности. Разноголосицы нѣтъ тамъ, гдѣ люди уклоняются отъ принципіальныхъ, вѣроисповѣдныхъ споровъ. Анархіи нѣтъ тамъ, гдѣ есть другое: законная психологическая и моральная автономія личности, для которой ея интимный міръ есть святыня, не подлежащая вынесенію на торжище. Перспектива эволюціи въ этой области сулитъ намъ не разноголосицу и анархію, а прекращеніе той и другой. Она сулитъ намъ *религіозное замиреніе* человѣчества и свободу религіозной совѣсти.

Человѣкъ, какъ *homo religiosus*, стремится къ замиренію и свободѣ—въ полномъ единеніи и согласіи съ человѣкомъ-гражданиномъ, ζῶον πολιτικόν, который стремится къ всемірному замиренію и полнотѣ гражданской и политической свободы.

2.

Та же перспектива открывается намъ и въ другой области, психологически очень близкой къ религіозной,—въ области философскаго мышленія.

Хотя давно ужъ сказано, что «у всякаго *своя* философія», но это явленіе не старое, а новое. Въ прежнее время человѣкъ

либо никакой философіи не имѣлъ, либо принималъ ту, которая считалась какъ бы обязательной или была наиболѣе распространенной и «модной». Къ философскому міровоззрѣнію относились—какъ къ системѣ установленныхъ «истинъ», имѣющихъ догматическую силу. И когда возникали двѣ-три такія «системы», то между ихъ адептами возгорались ожесточенные споры, живо напоминавшіе борьбу религіозныхъ ученій и исповѣданій. Философскій фанатизмъ не уступалъ религіозному.

Въ эволюціонномъ порядкѣ homo philosophicus генетически возникъ вслѣдъ за homo religiosus, — и неудивительно, что онъ нѣсколько отсталъ отъ этого послѣдняго. Тамъ, гдѣ религіозные споры уже утратили былую остроту и горячность, философскіе еще сохраняютъ ихъ. Есть мыслители и ихъ адепты, творящіе изъ своихъ философскихъ мнѣній кумиръ и, со страстностью Никиты Пустосвята, требующіе, чтобы всѣ этому кумиру поклонялись. Архаическія понятія «истины» и «ереси» отъ средневѣковой теологіи достались въ наслѣдство философіи.

Но, къ счастью, и это идетъ на убыль. За послѣднія десятилѣтія въ психологіи философскаго мышленія ясно обозначилось болѣе свободное отношеніе къ такъ называемой «философской истинѣ». Всѣ попытки основать единую систему идей, призванную упразднить всѣ прочія и объединить умы единымъ міровоззрѣніемъ, оказались тщетными. Самая яркая изъ нихъ—позитивизмъ Ог. Конта, или, точнѣе, претензія великаго мыслителя упразднить «анархію мысли» и создать изъ научной философіи нѣчто подобное средневѣковому католицизму. Пережитки средневѣковой религіозности обнаружились здѣсь воочію. Философъ хотѣлъ основать новую религію, для всѣхъ обязательную.—Неудача этой попытки, какъ и другихъ, показала, въ какомъ направленіи идетъ прогрессивное развитіе философской мысли: оно идетъ не къ единству, а разнообразію, — не къ установленію философской догмы, а къ индивидуализаціи міровоззрѣній,—не къ обязательному единомыслію, а къ свободѣ мнѣній.

И не трудно видѣть, что именно на этомъ пути крѣпнетъ и изощряется философское творчество,—и что кажущаяся анархія мысли прямымъ путемъ ведетъ къ интеллектуальной дисциплинѣ.

3.

На этомъ пути развитія—въ сторону разнообразія религіозныхъ вѣрованій и философскихъ воззрѣній,—въ направленіи терпимости и духовной свободы—радикально преобразуются пси-

хологическія отношенія личности къ ея излюбленнымъ идеямъ и созидается новая *интеллектуальная этика.* Ея сущность состоитъ въ уваженіи къ чужимъ вѣрованіямъ и воззрѣніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ уваженіи человѣка къ себѣ самому,—въ ревнивомъ оберегаціи своей внутренней свободы, въ отвращеніи къ фанатической власти своихъ же идей надъ своимъ разумомъ и душой. Не идеи должны владѣть человѣкомъ, а человѣкъ—идеями. Какъ бы ни была дорога ему та или иная идея, онъ не долженъ, онъ не хочетъ быть ея рабомъ. Перспектива интеллектуальнаго порабощенія своими же понятіями, вѣрованіями, идеалами претитъ ему пуще гнета извнѣ, подчиненія мысли и совѣсти чужому авторитету. И уже возникъ новый психологическій типъ религіозныхъ натуръ и философскихъ умовъ,—типъ, характеризующійся тѣмъ, что по праву можно назвать высшею религіозною искренностью и высшею интеллектуальною честностью. Эти понятія—религіозной искренности и интеллектуальной честности, разумѣется, приложимы и къ старому типу—фанатика идей и вѣрованій. Протопопъ Аввакумъ и Никита Пустосвятъ были, конечно, глубоко-искренни и честны... Но нѣтъ надобности говорить объ искренности и честности тамъ, гдѣ нѣтъ внутренней свободы, гдѣ человѣкъ—рабъ своихъ вѣрованій и идей, которыми онъ загипнотизированъ. Такому рабу-фанатику нетрудно быть искреннимъ и честнымъ. И эти качества не ставятся ему въ заслугу. Они превращаются въ заслугу только при внутренней свободѣ, при психологической и интеллектуальной автономіи личности.

Новая интеллектуальная этика влечетъ къ *единенію* и воспитываетъ умы въ духѣ гуманности и психологической *дисциплины.* Вѣрованія и воззрѣнія различны, они могутъ разнообразиться до крайности, но единство этики, гуманность, взаимное уваженіе объединяютъ людей и создаютъ *замиренную* религіозную, философскую, идейную среду. И тамъ, гдѣ прежде кипѣла нескончаемая борьба вѣрованій и идей, и развивались чувства ненависти, вражды, презрѣнія,—теперь устанавливается мирный *симбіозъ* религій, ученій, доктринъ. На основѣ этого симбіоза возникаетъ и упрочивается свободная *интеллкетуальная дисциплина,* призванная замѣнить собою прежнюю принудительную дисциплину, которая связывала мысль извнѣ и извнутри,—внѣшнимъ авторитетомъ и внутреннимъ рабствомъ.

Свободная интеллектуальная дисциплина объединяетъ людей и воспитываетъ умы и характеры приблизительно такъ, какъ въ области науки дѣлаютъ это законы логики и научные методы. Безконечное дробленіе науки на спеціальности, вплоть до самыхъ

узкихъ, разнообразіе точекъ зрѣнія, непрекращающаяся критика и полемика,—все это ничуть не мѣшаетъ идеальному единству науки и фактическому единенію, или симбіозу, ея представителей и адептовъ. И если бы тутъ пережитки былого фанатизма все еще оставались прочны и дѣйственны, то трудно и вообразить себѣ ту картину анархіи и разноголосицы, а равно и взаимной вражды, ненависти, неспособности не только понять, но и выслушать другъ друга, которая неминуемо развернулась бы въ этой, нынѣ столь замиренной, средѣ, гдѣ только иногда излишнія рѣзкости въ полемикѣ являются слабымъ отголоскомъ былого фанатизма научныхъ идей.

Психологическій типъ Никиты Пустосвята—въ сферѣ научнаго мышленія, можно сказать, исчезъ; тѣ сравнительно рѣдкіе случаи, когда выступаютъ чудаки, не считающіеся ни съ логикой, ни съ научными методами и измышляющіе самодѣльную «науку»,—въ счетъ не идутъ.

Разъ указанный типъ исчезъ въ этой области, то его исчезновеніе и въ другихъ областяхъ не за горами. Это вытекаетъ изъ существа эволюціи человѣчества. Если сила, жизнеспособность и необходимость новаго психологическаго типа воочію обнаружились въ одной области жизни и мысли, онъ неминуемо размножится, проникнетъ въ другія сферы и вездѣ упрочится, вытѣсняя типы старые, для новой жизни непригодные.

Движеніе впередъ совершается не столько силою «новыхъ словъ», «новыхъ идей», сколько выработкою и распространеніемъ новыхъ психологическихъ отношеній личности къ идеямъ,—отношеній, которыя властно требуются духовнымъ ростомъ человѣчества, гармонируютъ съ его стремленіями къ свободѣ, замиренію и порядку.

4

Есть одна область, гдѣ новый психологическій типъ, о которомъ идетъ рѣчь, далеко не такъ ярко выраженъ и не такъ распространенъ, какъ въ другихъ областяхъ. Это—*искусство* въ обширномъ смыслѣ, т. е. художественное творчество и творчество лирическое. И въ самомъ дѣлѣ: въ то время какъ въ наукѣ, въ философіи и даже въ религіозной жизни представители новаго типа встрѣчаются на каждомъ шагу, и здѣсь широта, гуманность, внутренняя свобода и дисциплина ума вовсе не являются прерогативою исключительныхъ натуръ,—въ искусствѣ, напротивъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются фанатики, рабы своихъ

художественныхъ идей, кипитъ ожесточенная борьба направленій, а натуры внутренно-свободныя и широкія, владѣющія даромъ *спокойствія* творчества или до него доработавшіяся, такія, какъ Гёте, какъ Пушкинъ, появляются не часто. Къ этому рѣдкому и потому особливо цѣнимому типу принадлежали—Тургеневъ и Чеховъ.

Дѣятельность, которой почему-то приписывается прерогатива творчества по преимуществу *свободнаго*, далеко не такъ свободна, какъ можно было ожидать. Это объясняется нѣсколькими причинами, ближайшими и болѣе отдаленными, внутренними и внѣшними.

Я укажу сейчасъ на нѣкоторыя изъ нихъ, но сперва постараюсь яснѣе опредѣлить, въ чемъ именно состоятъ и какъ выражаются въ этой области *несвобода* творчества, *фанатизмъ*, *анархія*.

Когда возникаетъ въ искусствѣ новое направленіе, новая «школа», то иниціаторы и представители этого движенія въ большинствѣ случаевъ воображаютъ, что они открыли какую-то новую, дотолѣ невѣдомую міру, «красоту», или познали новую художественную «истину», и становятся въ извѣстной мѣрѣ, а нерѣдко и совсѣмъ, рабами этой навязчивой, претенціозной идеи. Когда Золя выступилъ съ теоріей «натурализма», онъ думалъ, что романтической школѣ съ В. Гюго во главѣ положенъ конецъ, и что вся художественная правда заключена именно въ натурализмѣ, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ ея нѣтъ и быть не можетъ. Онъ духовно не былъ, въ этомъ отношеніи, ни широкъ, ни свободенъ. Когда Л. Н. Толстой говорилъ, что «Записки Охотника» это единственно цѣнное произведеніе Тургенева, а всѣ прочія ничего не стоятъ, великій художникъ не былъ свободенъ отъ власти предвзятой идеи, отъ личныхъ вкусовъ и пристрастій. Но великій художникъ былъ порабощенъ и другимъ: въ своемъ творчествѣ, при всей его геніальности, онъ не сумѣлъ выйти изъ рамокъ классовой психологіи, и такъ и не отдѣлался отъ присущей ему барственности. Не говорю уже о внутренней несвободѣ въ его дѣятельности какъ религіознаго мыслителя и моралиста: это не относится къ его художественному творчеству, хотя психологически и связано съ характернымъ укладомъ этого послѣдняго, да и фактически проявилось въ художественныхъ произведеніяхъ послѣдняго періода его дѣятельности. Развѣ, напр., «Крейцерову Сонату» можно назвать созданіемъ поэта внутренно-свободнаго, чуждаго внушеніямъ излюбленной идеи?...

Художники, выступающіе съ «новымъ словомъ» въ искусствѣ (при чемъ нерѣдко это новое слово оказывается либо очень старымъ, либо ненужнымъ), зачастую проявляютъ непріятную рѣзкость въ оцѣнкѣ произведеній прошлаго, въ томъ числѣ и великихъ, и эта рѣзкость доходитъ иногда до настоящаго *вандализма сужденій*. То, что говоритъ и пишетъ Маринетти, это—только крайняя форма вандализма въ искусствѣ. Въ болѣе мягкой или болѣе робкой формѣ вандализмъ, по существу, обнаруживался и въ выступленіяхъ старыхъ романтиковъ противъ блаженной памяти классицизма, который они несправедливо окрестили «ложнымъ» и заслуги котораго неоспоримы,—въ конфликтѣ реализма съ романтизмомъ, въ задорѣ неоромантическихъ направленій, символизма, декадентства — вплоть до нынѣшней распри символистовъ, реалистовъ, акмеистовъ, футуристовъ.

Вся эта разноголосица, вся эта борьба, свидѣтельствуетъ прежде всего о недостаткѣ внутренней свободы, терпимости, гуманности и—дисциплины мысли...

Въ сферѣ художественнаго творчества и лирики до сихъ еще въ ходу стародавняя миѳологическая идея, будто художникъ, поэтъ—это существо высшаго порядка, избранникъ, «жрецъ», которому дозволительно презирать «толпу», profanum vulgus. Такъ думалъ Горацій, этимъ архаическимъ самомнѣніемъ грѣшили и Пушкинъ, и Гейне, и Лермонтовъ. И чѣмъ меньшую величину представляетъ собой иной поэтъ, тѣмъ пуще и настойчивѣе твердитъ онъ о себѣ, какъ объ избранникѣ, тѣмъ больше презираетъ прочихъ смертныхъ и тѣмъ параднѣе священнодѣйствуетъ.

Ни въ философской, ни въ научной сферѣ этого рода «священнодѣйствій», по крайней мѣрѣ въ столь показной формѣ и съ такими претензіями,—давно уже нѣтъ. И я опасаюсь, что лишь очень немногіе изъ «жрецовъ искусства» поймутъ, какъ слѣдуетъ, то, что говорилъ Потебня о поэзіи (въ смыслѣ образнаго мышленія) и о наукѣ (въ смыслѣ мышленія прозаическаго, т.-е. безъ-образнаго): «Поэзія, какъ и наука, есть лишь способъ мышленія, употребляемый взрослыми и дѣтьми, цивилизованными и дикими, нравственными и безнравственными. Она не только тамъ, гдѣ великія произведенія (какъ электричество не тамъ только, гдѣ гроза), а, какъ видно уже изъ ея эмбріональной формы, т.-е. слова,—вездѣ, ежечасно и ежеминутно, гдѣ говорятъ и думаютъ»... («Изъ записокъ по теоріи словесности», стр. 59).

Иногда внутренняя несвобода (въ томъ или иномъ видѣ)

благополучно совмѣщается у художниковъ и поэтовъ-лириковъ съ широкою свободою — отъ образованности, отъ знанія, отъ культуры мысли. «Даръ Божій» избавляетъ ихъ отъ необходимости развиваться и учиться. Къ нимъ можно примѣнить мѣткое слово Пушкина (сказанное по другому поводу): они «лѣнивы и нелюбопытны»...

Старый психологическій типъ держится въ этой средѣ упорнѣе, чѣмъ гдѣ-либо...

5.

Въ числѣ ближайшихъ причинъ этой отсталости видную роль, какъ мнѣ кажется, играетъ слѣдующая: художественныя произведенія въ гораздо большей степени, чѣмъ другія духовныя цѣнности (напр. научныя и философскія), подлежатъ закону спроса и предложенія. Произведенія архитектуры, скульптуры, живописи сплошь и рядомъ созидаются по прямому заказу — государства, общественныхъ учрежденій, частныхъ лицъ. Въ области художественной литературы прямого заказа (если не имѣть въ виду нѣкоторыхъ исключеній) нѣтъ, но есть «заказъ» косвенный—въ видѣ спроса со стороны читающей публики и предъявляемыхъ ею требованій, нерѣдко прихотливыхъ и не всегда ясныхъ.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта зависимость работы художниковъ отъ заказа, отъ спроса должна извѣстнымъ образомъ отражаться на ихъ психологіи. Я имѣю въ виду именно *психологію самихъ художниковъ*, но не психологію художественнаго творчества. Эта послѣдняя недоступна никакому воздѣйствію со стороны, и самъ художникъ, если бы даже и захотѣлъ, не въ силахъ измѣнить въ ту или другую сторону процессъ творчества, нарушить, въ виду заказа или въ угоду публикѣ, его психологію,—все равно какъ мыслитель и ученый не могутъ по произволу переиначивать психологію и логику своего мышленія.

Другое дѣло — личная психологія человѣка. Я не хочу утверждать, что заказъ и спросъ вліяютъ на нее непремѣнно деморализующимъ образомъ,—и увѣренъ, что гораздо чаще наблюдается обратное, т.-е. подъ стимуломъ конкурренціи изощряются и крѣпнутъ сильныя стороны натуры или характера,— выдержка, трудолюбіе, терпѣніе... Но я имѣю въ виду другое: зависимость отъ заказа и спроса въ извѣстной мѣрѣ ограничиваетъ внутреннюю свободу личности и, превращая человѣка въ

«художественныхъ дѣлъ мастера», суживаетъ горизонты его мысли, ограничиваетъ сферу его умственныхъ, моральныхъ, общественныхъ интересовъ. И, какъ извѣстно, это нерѣдко наблюдается, напр., когда, при огромномъ художественномъ дарованіи, оказывается косность и вялость мысли, скудость міросозерцанія и образованія. Оттуда и недостатокъ интеллектуальной энергіи, въ силу чего человѣкъ легко становится рабомъ не только своихъ идей, но и просто—своей профессіи и даже—своего таланта.

Именно въ области искусства и встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ областяхъ, тѣ случаи, когда не человѣкъ владѣетъ своимъ талантомъ, а талантъ—человѣкомъ...

Кромѣ указанной причины (конечно, не безъ связи съ нею), дѣйствуетъ и другая: художественное мышленіе (а равно и лирическое творчество) дольше и упорнѣе научнаго и философскаго сохраняетъ пережитки миѳологическаго міровоззрѣнія, архаическія и архаизирующія понятія. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и то, которое, несмотря на свою безсодержательность, все еще признается въ искусствѣ—основнымъ. Это—преслову-тое понятіе «красоты». Художники привыкли думать, что они творятъ какую-то «красоту»,—заблужденіе, столь же прискорбное, какъ и аналогичная ему ходячая мысль, будто искусство существуетъ на свѣтѣ для «украшенія» жизни. Тѣмъ, которые такъ думаютъ, и въ голову не приходитъ, что этимъ они принижаютъ искусство, умаляютъ его роль и значеніе. Это воззрѣніе зародилось въ узкой области декоративнаго искусства, оттуда перекочевало во всѣ его области и водворилось и въ его теоріи и его философіи. Это могло случиться лишь потому, что въ психологіи художниковъ сравнительно слабо и, такъ сказать, лѣниво совершается движеніе въ сторону интеллектуальнаго раскрѣпощенія,—освобожденія ума отъ пережитковъ прошлаго.

Эти соображенія приводятъ насъ къ болѣе отдаленной, коренной, причинѣ относительной отсталости умовъ въ данной области творчества.

Посильному разсмотрѣнію этой причины я посвящу слѣдующую бесѣду, гдѣ постараюсь очертить нѣкоторыя явленія, сюда относящіяся,—которыхъ сущность всего лучше опредѣляется выраженіемъ: «психика подъ игомъ словесности».

Д. Овсянико-Куликовскій.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ТОРМОЗЪ ИЛИ ГИБЕЛЬНАЯ ЗАПРУДА?

1.

Кому не извѣстно, что наши законодательныя палаты и весь обновленный политическій строй потребовали всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы со стороны людей, не посвятившихъ себя всецѣло учредительной дѣятельности или теоретическому изученію представительныхъ порядковъ. Поэтому не мудрено, если въ нихъ имѣется не мало недочетовъ, не мало внутреннихъ противорѣчій и совершенныхъ несообразностей. Никогда не бывало еще въ мірѣ такого основного закона, который бы не нуждался въ широкомъ толкованіи его законодательной практикой. Это одинаково примѣнимо и къ тѣмъ тремъ актамъ, совокупность которыхъ образуетъ современную французскую конституцію, и къ образцу всѣхъ конституцій—къ англійской. Во Франціи, какъ я показалъ въ моей статьѣ «О возникновеніи государственныхъ порядковъ третьей республики», нѣтъ въ строгомъ смыслѣ слова акта, вполнѣ исчерпывающаго вопросы, какіе обыкновенно поднимаются въ органическихъ законахъ. Не указано, напримѣръ, каковы публичныя права французскихъ гражданъ, не опредѣлено положеніе, какое въ ряду властей государственныхъ занимаетъ судъ. Имѣются только разрозненные акты о власти президента, о составѣ палатъ и сената, о взаимномъ отношеніи, существующемъ между ними. При толкованіи широкомъ и свободномъ отдѣльныхъ вопросовъ государственнаго устройства, какое, какъ общее правило, признается за законодательными палатами, французамъ приходится принимать во вниманіе не одни только акты 1875 г., но и всю сумму законодательныхъ нормъ, опредѣляющихъ отношеніе правительственныхъ властей между собою и субъективныя права гражданъ. Что касается до Англіи, то и въ

ней законодательными актами далеко не предусмотрѣны всѣ возникающіе въ жизни случаи возможныхъ столкновеній между составными частями парламента, правительствомъ и гражданами. Скажу болѣе, нѣкоторыя части писанной конституціи оказались устарѣвшими, идущими наперекоръ созданнымъ жизнью порядкамъ. Они остаются поэтому безъ примѣненія. Для примѣра укажу хотя бы на то, что по учредительному закону 1701 г.—акту объ устройствѣ королевства—при новой благополучно царствующей Ганноверской династіи, опредѣленно заявлено требованіе, чтобы во главѣ управленія стояли члены тайнаго совѣта короля, имена которыхъ были бы объявлены во всеобщее свѣдѣніе. Кому не извѣстно, однако, что Англіей править кабинетъ, составленный изъ членовъ обѣихъ палатъ и именно тѣхъ членовъ, которые принадлежатъ къ численно господствующей партіи или совокупности партій; что организаторомъ его является призванный монархомъ руководитель большинства; что всѣ лица, входящія въ составъ созданнаго его выборомъ кабинета, солидарно отвѣтственны за общее направленіе политики, и что требованіе о принадлежности членовъ кабинета къ тайному совѣту нисколько не соблюдается.

Если въ двухъ упомянутыхъ странахъ, ранѣе другихъ упрочившихъ всесословное представительство, широкое толкованіе органическихъ законовъ одно въ состояніи восполнить ихъ недочеты и устранить ихъ противорѣчія, то какъ можетъ обойтись безъ него органическій статутъ, спѣшно выработанный и на каждомъ шагу обнаруживающій свои дефекты? Возьмемъ для примѣра хотя бы вопросъ о томъ, что̀ русскій законодатель разумѣетъ подъ словомъ цензъ. Мы только-что на-дняхъ были поставлены лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ: предстояло рѣшить, лишился ли проф. Гриммъ права засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ потому, что министру народнаго просвѣщенія угодно было уволить его отъ должности профессора Харьковскаго университета и причислить къ министерству. Въ Государственномъ Совѣтѣ былъ поставленъ вопросъ о томъ, лишился ли профессоръ своего ценза? И что же оказалось? Оказалось, что слово—цензъ—употребляется нашимъ законодателемъ въ опредѣленномъ и узкомъ смыслѣ ценза имущественнаго и что, слѣдовательно, буквальное толкованіе закона не даетъ права ставить вопросъ о томъ, лишается ли своего мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ, вслѣдствіе потери профессорскаго званія, его членъ, призванный къ своему служенію довѣріемъ ученаго сословія университетовъ и академіи наукъ. Это видно изъ слѣдующаго. Учрежденіе Государственнаго

Совѣта отсылаетъ къ Учрежденію о Государственной Думѣ по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ выборами, и въ частности по вопросу о потерѣ полномочій. Въ Государственной же Думѣ, согласно съ буквальнымъ текстомъ закона о выборахъ, отсутствіемъ ценза признается только потеря имущественнаго состоянія, требуемаго законодателемъ отъ избирателя; иначе получились бы, дѣйствительно, невѣроятныя послѣдствія, совершенно непримиримыя съ задачей независимыхъ отъ администраціи законодательныхъ палатъ. Возьмемъ хотя бы слѣдующій примѣръ. Баллотируется и проходитъ въ депутаты отъ землевладѣльческой куріи человѣкъ, все имущество котораго сводится къ получаемому имъ профессорскому жалованію и квартирѣ. Первое требованіе, предъявляемое къ депутату,—это отказъ отъ штатной должности. Подчиняясь такому требованію закона, избранный въ депутаты профессоръ отказывается отъ профессуры. Должно ли это имѣть своимъ послѣдствіемъ устраненіе его изъ числа депутатовъ? При утвердительномъ отвѣтѣ получилась бы такая картина: законодатель сознательно поставилъ профессорамъ западню. Онъ допускаетъ ихъ къ выборамъ съ тѣмъ, чтобы лишить ихъ одновременно и профессорскаго званія и депутатскаго мѣста. Государственная Дума, правильно понимая подъ словомъ цензъ исключительно наличность требуемаго отъ избирателя имущества, сохранила въ своемъ составѣ профессоровъ, избранныхъ въ депутаты и принесшихъ въ жертву, согласно требованію закона, своему новому служенію свои права на штатную должность.

Примѣняя то же правило къ членамъ Государственнаго Совѣта, очевидно не слѣдовало считаться и съ фактомъ отставки проф. Гримма, такъ какъ этотъ фактъ нельзя толковать въ смыслѣ потери имъ избирательнаго ценза. Иначе получились бы невѣроятныя послѣдствія, совершенно непримиримыя съ самой природой законодательныхъ палатъ и достоинствомъ Государственнаго Совѣта. Законодательныя палаты, какъ надѣленныя правомъ запроса министрамъ и главноуправляющимъ, призваны контролировать ихъ дѣятельность; лица, принадлежащія къ палатамъ, должны, поэтому, пользоваться полной свободой критики: словесно, печатно и, наконецъ, путемъ голосованія. Какъ можно примирить съ этимъ устраненіе изъ состава Совѣта того или другого сочлена механически, благодаря одному удаленію его по волѣ министра изъ состава профессоровъ? Вотъ почему законодатель и не пожелалъ сдѣлать изъ такого устраненія чисто механическій актъ, и почему онъ требуетъ, чтобы по поводу устраненія слѣдовало голосованіе въ Совѣтѣ. Только въ томъ случаѣ, если большинство,—половина

плюсъ одинъ—членовъ Совѣта выскажется за устраненіе профессора, отчисленнаго отъ должности, изъ состава верхней законодательной камеры, онъ признается не принадлежащимъ къ ней. Въ противномъ случаѣ оказалось бы, что представители академіи и университетовъ, вопреки основному началу, по которому всѣ избранные члены собранія пользуются одинаковыми правами, умалены въ правахъ. Мало этого, достоинству Государственнаго Совѣта былъ бы нанесенъ существенный ущербъ, такъ какъ уменьшеніе его состава было бы поставлено въ зависимость отъ административнаго органа, находящагося подъ его же контролемъ. Предвидя возможность оппозиціи тѣмъ или другимъ его начинаніямъ или недовольный уже обнаруженной оппозиціей со стороны того или другого представителя университетовъ и академіи, министръ съ помощью дискреціонной власти могъ бы добиться удаленія изъ состава Государственнаго Совѣта нежелательнаго члена ея. Никто не рѣшится сказать, что такія явленія могли бы считаться нормальными, что они отвѣчали-бы желательному отношенію исполнительной и законодательной власти, что они не обращали-бы послѣднюю въ игрушку министровъ, что они обезпечивали-би свободу слова и критики законодателямъ страны.

Вопросъ о зависимости представителей университетовъ отъ дисциплинарной власти министра народнаго просвѣщенія можно расширить и придти къ мысли о томъ, не существуетъ ли такая же зависимость и для представителей духовенства, бѣлаго и чернаго, засѣдающихъ въ Государственномъ Совѣтѣ? Такихъ случаевъ пока не возникало въ средѣ Государственнаго Совѣта, но ничто не говоритъ за то, чтобы они были невозможны въ будущемъ. Вѣдь, кто могъ ожидать, что дисциплинарная власть того или другого министра народнаго просвѣщенія можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ устраненіе изъ состава Совѣта того или другого изъ его членовъ; кто могъ подумать, что свобода слова и голосованія, тщательно охраняемая законодателемъ отъ вмѣшательства даже тѣхъ, кто участвовалъ въ выборѣ депутата или члена Государственнаго Совѣта, можетъ быть принесена въ жертву административному усмотрѣнію лица, дѣятельность котораго контролируется Думой и Совѣтомъ? Обѣ палаты должны серьезно отнестись къ защитѣ своего достоинства и своей независимости отъ органовъ исполнительной власти. Средствомъ для этого можетъ служить не одно широкое толкованіе отдѣльныхъ статей учрежденія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, при которомъ были бы приняты въ расчетъ не одна буква закона, но и самая природа представительства и построен-

ныхъ на немъ законодательныхъ камеръ; та же цѣль можетъ быть достигнута и прямымъ внесеніемъ, по иниціативѣ тридцати членовъ, законодательнаго предложенія, имѣющаго цѣлью оградить на будущее время возможность вмѣшательства органовъ исполненія въ вопросъ о составѣ одинаково Думы и Совѣта. Изъ двухъ способовъ отстаиванія самостоятельности нашей верхней и нижней палаты преимущество, несомнѣнно, на сторонѣ проведенія спеціальнаго закона, и вотъ по какой причинѣ. Въ дѣлѣ проф. Гримма сказалась зависимость, въ какую комиссія личнаго состава въ Государственномъ Совѣтѣ добровольно поставила себя по отношенію къ ею же принятому рѣшенію въ дѣлѣ проф. Мануилова. У насъ составилось совершенно невѣрное представленіе о томъ, что̀ надо считать обязательнымъ для будущаго прецедентомъ. Предсѣдательствовавшій въ комиссіи, за болѣзнью члена Государственнаго Совѣта Шмемана, графъ Толь заявилъ, что комиссія не можетъ отступить отъ прецедента, установленнаго общимъ собраніемъ Совѣта по дѣлу А. А. Мануилова. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ никакого прецедента этимъ случаемъ не создано, а имѣется только рѣшеніе по одиночному случаю, рѣшеніе, принятое вопреки мнѣнію меньшинства, достигшаго трети всѣхъ членовъ Совѣта. Рѣшеніе могло быть ошибочнымъ и несогласнымъ съ закономъ. Оно обязательно лишь для вызвавшаго его случая. Создать прецедентъ оно не въ силахъ. Теорія и практика прецедентовъ заимствована изъ Англіи, но тѣ, кто прибѣгаетъ къ ней, теряютъ изъ виду, что въ Англіи обязательную силу прецеденты имѣютъ лишь подъ условіемъ ихъ закономѣрности. Ссылаясь на нихъ, англичане употребляютъ всегда эпитетъ «легальный» (legal). А что рѣшеніе, принятое по отношенію къ проф. Мануилову, не было въ строгомъ смыслѣ слова легальнымъ — это слѣдуетъ между прочимъ изъ тѣхъ соображеній, какія были недавно представлены проф. Гриммомъ въ комиссію личнаго состава. Я приведу ихъ въ подлинникѣ, насколько они касаются юридической стороны, другими словами, установленія точнаго смысла параграфа 2, статьи 18 Учрежденія Государственной Думы, на которую ссылается ст. 27 Учрежденія Государственнаго Совѣта. Этотъ второй пунктъ гласитъ буквально: «Членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава . . . . . 2, въ случаѣ утраты ценза на участіе въ выборахъ». «Что буквальное толкованіе этого положенія приводитъ практически къ абсурднымъ выводамъ, пишетъ проф. Гриммъ, давно уже признано. Достаточно указать на то, что утрата квартирнаго, служебнаго, рабочаго ценза, являющаяся во многихъ случаяхъ неизбѣжнымъ послѣд-

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ПОСОБІЯ
СТУДЕНТАМ
ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНЫХЪ
ЗАВЕДЕНІЯХЪ
Г. ОДЕССЫ
2 ФИЛИАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ствіемъ избранія въ члены Думы, какъ въ настоящее время общепризнано, не влечетъ за собою выбытія изъ состава Государственной Думы. Достаточно, чтобы въ этихъ случаяхъ цензъ былъ на-лицо въ моментъ избранія, и не требуется, чтобы онъ сохранился до истеченія срока полномочій. Въ отношеніи членовъ Государственнаго Совѣта, состоящихъ на службѣ въ качествѣ академиковъ и профессоровъ университетовъ, возникаетъ аналогичный вопросъ въ случаѣ утраты ими ценза, въ результатѣ увольненія ихъ со службы, помимо ихъ желанія, въ административномъ порядкѣ».

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи проф. Гриммъ показываетъ, что Совѣту предстояло рѣшить слѣдующій частный вопросъ: «имѣлъ ли, и даже больше,—могъ ли законъ имѣть въ виду такіе случаи, когда увольненіе состоялось на почвѣ естественныхъ послѣдствій неизбѣжной, самимъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта созданной, коллизіи обязанностей, случаи, когда исполненіе обязанности по долгу совѣсти и присяги, несомому членами Государственнаго Совѣта, помѣшало имъ исполнять служебныя обязанности, лежащія на нихъ по должности профессоровъ провинціальныхъ университетовъ».

Извѣстно, что проф. Гримму поставлено въ вину то, что онъ въ теченіе весенняго семестра не читалъ лекцій въ Харьковскомъ университетѣ. Такъ какъ за все это время онъ засѣдалъ въ собраніи Государственнаго Совѣта и въ его комиссіяхъ, исполняя нерѣдко порученіе выступить докладчикомъ по тому или другому законопроекту, то, естественно, возникаетъ вопросъ, могъ ли законъ признать, что увольненіе, вызванное такой коллизіей обязанностей, должно повлечь за собой выбытіе изъ состава Совѣта. Проф. Гриммъ справедливо говоритъ: «Нельзя при толкованіи закона исходить изъ предположенія, что этотъ законъ не считается съ элементарными требованіями нравственности и справедливости, что онъ не озабоченъ огражденіемъ правъ, вытекающихъ изъ другихъ законовъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ и образующихъ вмѣстѣ съ нимъ одно логическое цѣлое, что въ немъ нельзя искать гарантію противъ попранія такихъ правъ... Для того, чтобы изъ закона могъ быть сдѣланъ выводъ, противорѣчащій самой цѣли даннаго института, или нарушающій нравственное чувство и чувство правосознанія,—говоритъ далѣе проф. Гриммъ,—одного молчанія закона не достаточно. Для этого необходимо, чтобы соотвѣтствующее постановленіе было прямо выражено въ законѣ. Этого въ данномъ случаѣ нѣтъ, а потому, казалось бы, нельзя притти къ заключенію, что при настоящихъ

условіяхъ удаленіе изъ числа профессоровъ можетъ служить основаніемъ для признанія даннаго лица выбывшимъ изъ состава Совѣта. Нормальнымъ основаніемъ для выбытія члена изъ представительнаго учрежденія является одно лишь истеченіе срока полномочій, на который онъ избранъ. Всѣ остальныя основанія представляютъ исключеніе изъ общаго правила и какъ таковыя подлежатъ ограничительному, а не распространительному толкованію».

Положенія правильныя и безспорныя; но желательно ли, спрашиваю я, чтобы вопросъ и на будущее время оставался открытымъ, чтобы каждый разъ требовалось обстоятельное обсужденіе всѣхъ частныхъ случаевъ, чтобы верхней палатѣ предстояло обнаруживать новую заботливость о сохраненіи своей независимости и достоинства. Не лучше ли, чтобы разъ навсегда вопросъ рѣшенъ былъ въ корнѣ—признаніемъ, что дискреціонная власть министра и принимаемыя имъ дисциплинарныя мѣры по отношенію къ тому или другому члену Совѣта не могутъ имѣть послѣдствіемъ измѣненіе состава послѣдняго.

2.

Независимо отъ вопроса о томъ, какое значеніе для представительной палаты, надѣленной законодательными функціями, имѣетъ невозможность измѣненія ея состава органами исполнительной власти, я обращу вниманіе читателей на то обстоятельство, что изъ всѣхъ законодательныхъ палатъ, какія существуютъ по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана, одинъ только русскій Государственный Совѣтъ можетъ быть частично измѣненъ въ своемъ составѣ каждое первое января. Хотя въ 5-й статьѣ учрежденія Совѣта и сказано, что въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, онъ пользуется свободой мнѣній, а въ статьѣ 9-й—что члены по Высочайшему назначенію увольняются только по ихъ о томъ просьбамъ, но это не исключаетъ возможности отчисленія къ первому января въ другіе департаменты Совѣта безъ всякаго объясненія тѣхъ изъ членовъ по назначенію, которые по той или другой причинѣ могли вызвать недовольство или присутствіе которыхъ просто заграждаетъ путь другимъ, болѣе желательнымъ правительству или предсѣдателю высокаго Собранія. Мы видѣли примѣры тому въ годъ, слѣдовавшій за роспускомъ Государственной Думы второго призыва. За послѣднее время они стали болѣе рѣдкими, но тѣмъ не менѣе возможность ихъ не устранена. Между тѣмъ легко судить, въ какой

степени одинъ страхъ быть отчисленнымъ способенъ парализовать свободу, если не внутренняго сужденія, то внѣшняго выраженія его членораздѣльной рѣчью. Отчисляемые не только попадаютъ въ категорію лицъ, потерявшихъ законодательныя функціи, но и получаютъ меньшее противъ прежняго жалованье. Въ виду возможности такихъ отчисленій, сталъ укореняться взглядъ, что свобода сужденій и голосованій принадлежитъ однимъ выборнымъ членамъ, тогда какъ члены по назначенію должны голосовать съ правительствомъ. Но согласно ли такое предположеніе съ достоинствомъ Совѣта и самымъ содержаніемъ приносимой членами его присяги? Вѣдь въ текстѣ ея говорится объ обязательствѣ подавать мнѣніе по совѣсти, по крайнему разумѣнію, памятуя о благѣ и пользѣ Россіи. Да и мыслимо ли согласіе всѣхъ членовъ по назначенію съ правительствомъ по всѣмъ возбуждаемымъ вопросамъ? Вѣдь сами члены по назначенію входятъ въ составъ одни правой, другіе центра. До выхода изъ состава совѣта министровъ нынѣшняго графа Коковцова, во все время предсѣдательствованія Столыпина и его преемника, центръ считался поддерживающимъ правительство, и правая часть оказывалась, такимъ образомъ, въ оппозиціи, если не всему кабинету, то тѣмъ министрамъ, которые, въ противность обѣщанной намъ солидарности, одни поддерживали своего предсѣдателя. Итакъ, ясно, что практика отчисленій къ первому января грозила лишь тѣмъ членамъ по назначенію, которые подавали свой голосъ по нѣкоторымъ вопросамъ вмѣстѣ съ лицами, занимающими лѣвыя кресла. Какое впечатлѣніе должны были производить такія, явно пристрастныя, дѣйствія, и какъ сильно содѣйствовали они упадку довѣрія къ нашей высшей законодательной палатѣ—легко судить каждому. Не пользовалась она популярностью и съ самаго момента ея созданія, такъ какъ въ ней видѣли какой-то наростъ, какой-то непредвидѣнно-созданный тормозъ для дѣятельности народнаго представительства. Манифестъ 17 октября говорилъ только о томъ, что впредь не будетъ закона безъ Думы; о Государственномъ Совѣтѣ въ немъ не упоминалось ни слова. Я далеко не принадлежу къ числу сторонниковъ однопалатной системы и полагаю, что на-ряду съ представительствомъ личнымъ, должно быть представительство коллективныхъ группъ; но, за одно съ Бенуа и Дюги, я желалъ бы, чтобы отъ такого представительства не были устранены ни рабочіе союзы, ни муниципальные совѣты. Ни того, ни другого о нашемъ Государственномъ Совѣтѣ сказать нельзя. Онъ даетъ голосъ дворянству, земствамъ и организаціямъ предпринимателей про-

мышленности и торговли; но онъ отказываетъ въ немъ муниципалитетамъ и синдикатамъ рабочихъ. Послѣднее по понятной причинѣ, такъ какъ самыхъ этихъ синдикатовъ законъ не допускаетъ. Хотя у насъ и не разъ былъ высказываемъ тотъ взглядъ, что при опредѣленіи состава Совѣта принятъ былъ во вниманіе французскій Сенатъ, но въ дѣйствительности цѣлая бездна отдѣляетъ нашъ Государственный Совѣтъ отъ того «великаго Собранія Общинъ Франціи», какимъ Гамбетта называлъ верхнюю Палату дружественной намъ Республики. Начать съ того, что всѣ члены этой Палаты въ настоящее время выборные и что города въ такой же степени имѣютъ въ ней своихъ представителей, какъ и генеральные совѣты департаментовъ, т. е. губернскія земства. Позволительно также сомнѣваться и въ томъ, чтобы въ нашемъ Государственномъ Совѣтѣ представлены были въ достаточной степени научные интересы страны. Во всякомъ случаѣ тѣ высшія образовательныя заведенія, которыя сообщаютъ своимъ слушателямъ прикладныя знанія и отъ которыхъ зависитъ прогрессивное развитіе техники, не имѣютъ голоса при выборахъ; ни одинъ изъ политехническихъ Институтовъ, напримѣръ, не призванъ посылать выборщиковъ въ ту коллегію, которая изъ своего состава избираетъ 6 представителей,—всего 6, тогда какъ дворянскія собранія шлютъ ихъ десятками.

Отъ состава Совѣта перейдемъ къ его функціямъ. Онѣ тѣ же, что и функціи Государственной Думы. Въ этомъ отношеніи нашъ законодатель пошелъ по совершенно иному пути, чѣмъ тотъ, какого придерживалась Англія и, по ея примѣру, весь англо-американскій міръ, а также Бельгія. Верхняя палата въ этой доброй половинѣ человѣчества въ отношеніи къ бюджету лишена возможности вносить измѣненія; она въ правѣ только цѣликомъ принять его или отвергнуть. Не являясь представительницей массы плательщиковъ, она не считается по этому самому призванной къ осуществленію равныхъ правъ съ нижней палатой, съ тѣми «общинами», которыя несутъ самое бремя налоговъ. Если въ Англіи считается труизмомъ, что только отъ одного правительства должны исходить предложенія денежныхъ тягостей для народа и что Палата Общинъ не въ правѣ ихъ увеличивать, то въ такой же мѣрѣ неоспоримымъ признается тамъ и невмѣшательство Верхней камеры въ частности смѣты доходовъ и расходовъ. У насъ наоборотъ: обѣ Палаты въ равной мѣрѣ считаютъ возможнымъ какъ увеличивать, такъ и уменьшать налоговыя тягости народонаселенія, пріурочивать къ тѣмъ или другимъ расходамъ тѣ или другія поступленія, поднимать вопросы

о томъ, не слѣдуетъ ли изъ вотированныхъ Думой субсидій на развитіе сѣти народныхъ училищъ отдѣлить нѣсколько милліоновъ на приходскія школы. О фиксаціи, напримѣръ, дохода отъ питейной монополіи заговорили впервые въ верхней Палатѣ, ни мало не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ вопросъ не былъ поставленъ въ нижней.

Широтой своихъ полномочій верхняя Палата поставлена въ возможность быть тормозомъ для всѣхъ начинаній со стороны нижней. Этой возможностью она пользуется въ полной мѣрѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ Государственный Совѣтъ, осуществляя свою задерживающую функцію, останавливаетъ ходъ законодательства и мѣшаетъ проведенію реформъ. Сколько-нибудь крупныя начинанія Государственоой Думы встрѣчаютъ въ немъ обыкновенно ничтожное большинство, обезпечивающее провалъ законопроекта или въ самой комиссіи, или до обсужденія его по статьямъ въ общемъ собраніи Высокой палаты, или при самомъ этомъ обсужденіи. Такъ, благодаря несговорчивости членовъ, засѣдающихъ на правой сторонѣ, не прошелъ законъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ; та же судьба постигла недавно законопроектъ о наймѣ торговыхъ служащихъ; созданіе земства въ Донской области также не встрѣтило сочувствія большинства Государственнаго Совѣта. Судьба волостного земства предрѣшена тѣмъ положеніемъ, какое заняли по отношенію къ проекту правительства и Думы члены комиссіи Совѣта. Они сперва по одиночкѣ выходили изъ состава комиссіи, затѣмъ предложили повременить въ виду слуховъ о томъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ скорѣе поздно, чѣмъ рано, намѣрены заняться пересмотромъ всего законодательства о земствѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ оживилъ дѣятельность комиссіи, приглашая ее не возлагать большихъ надеждъ на скорое окончаніе затѣянной имъ работы. Съ этого времени комиссія подъ руководствомъ новаго предсѣдателя, П. Н. Дурново, отклоняетъ одну статью за другой, готовя законопроекту близкій конецъ.

Я остановилъ вниманіе читателя только на послѣднихъ по времени проявленіяхъ несговорчивости нашихъ консерваторовъ. Отклоненіе законовъ, благополучно прошедшихъ чрезъ Думу, производится обыкновенно незначительнымъ большинствомъ,—рѣдко когда въ двадцать человѣкъ, чаще—въ восемь и даже въ три или въ два. Правительству, по буквальному смыслу Основныхъ Законовъ и Учрежденій Думы и Совѣта, остается только молча присутствовать при этомъ паденіи Вавилонской башни, первые

кирпичи которой были имъ же самимъ заложены. Его готовность умыть руки, подобно Понтію Пилату, иногда выступаетъ въ крайне наивной формѣ. Предсѣдатель совѣта министровъ сидитъ внѣ залы засѣданій и ждетъ, чѣмъ кончится единоборство его товарища съ палатой, или,—вопреки обѣщанной намъ солидарности всѣхъ членовъ правительства, тотъ или другой министръ приводитъ для голосованія наибольшее число сочувствующихъ ему коллегъ, тогда какъ прочіе сидятъ дома и въ свою очередь показываются въ Совѣтъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій съ цѣлью дѣйствовать какъ разъ обратно той линіи поведенія, которой держался ихъ коллега. Такъ, графъ Коковцовъ въ томъ засѣданіи, въ которомъ ставился вопросъ о правѣ поляковъ говорить по-польски въ городскихъ думахъ польскихъ городовъ, имѣлъ возможность пожать руку только двумъ членамъ совѣта министровъ; но когда, нѣсколько дней спустя, рѣчь зашла о томъ, чтобы не пускать въ согласительную комиссію никого, помимо членовъ тѣхъ партій, которыя отклонили законодательное предложеніе, поддержанное главой правительства, явились всѣ прочіе министры.

Мнѣ неизвѣстно въ Европѣ болѣе пассивнаго отношенія правительства къ вносимымъ имъ законопроектамъ, чѣмъ то, свидѣтелемъ котораго мнѣ приходится быть въ Россіи. Всюду, гдѣ руководящая роль принадлежитъ общественному мнѣнію, кабинетъ какъ-нибудь реагируетъ на рѣшеніе той или другой палаты отвергнуть его законодательную программу: или отдѣльный министръ, ее поддерживающій, выходитъ во отставку, или все правительство отказывается отъ дальнѣйшаго осуществленія власти, или, наконецъ, считая, что общественное мнѣніе страны его поддерживаетъ, оно рѣшается распустить палату и производитъ новые выборы. Если оппозиція идетъ отъ дворянской камеры,—скажемъ для примѣра, отъ палаты лордовъ,—правительству достаточно заручиться согласіемъ короля, чтобы пригрозить ей измѣненіемъ ея личнаго состава путемъ новыхъ назначеній, способныхъ обезпечить прохожденіе закона. Одной угрозы въ этомъ случаѣ, какъ показываютъ недавнія событія, вполнѣ достаточно для достиженія намѣченной цѣли. И также въ государствахъ, въ которыхъ, какъ въ Италіи, всѣ члены Верхней палаты по назначенію, ничто не препятствуетъ правительству обратиться къ такому пріему и съ той же удачей. Одинъ только русскій законодатель, сознательно или безсознательно, поставилъ правительство въ невозможность сломать упрямство палаты иначе, какъ путемъ роспуска, да и то одной выборной ея половины не вполнѣ: вѣдь члены

по назначенію въ Государственный Совѣтъ пожизненны, и роспускъ въ такомъ только случаѣ можетъ коснуться ихъ, если правительству, съ согласія Государя, удастся перевести всю кампанію въ «нѣмые департаменты» Государственнаго Совѣта. Правительство, въ частности, совершенно безсильно по отношенію къ упорству, хотя бы большинства въ два человѣка, въ нашей верхней палатѣ. Я не говорю, разумѣется, о такихъ пріемахъ, какъ предложеніе тѣмъ или другимъ членамъ Высокаго собранія пропутешествовать нѣсколько мѣсяцевъ за границей, или о рѣшимости прибѣгнуть къ помощи 87-й ст. и, распустивъ палаты на три дня, провести, подъ предлогомъ неотложности, въ административномъ порядкѣ то, что составляетъ прямую задачу законодательныхъ учрежденій. Примѣръ этому мы видѣли въ недавнее время диктатуры П. А. Столыпина. Но память о недовольствѣ, вызванномъ такимъ поведеніемъ, еще настолько жива, что ждать скораго его повторенія покамѣстъ трудно. Въ нормальныхъ же условіяхъ, т.-е. при соблюденіи элементарной законности, правительству, проведшему свой законопроектъ чрезъ Госуд. Думу, остается только ждать у моря погоды. Оно такъ и поступаетъ. Рѣдко когда министръ, предчувствующій серьезную оппозицію справа, найдетъ въ себѣ рѣшимость энергически поддерживать впавшій въ немилость законопроектъ. Во многихъ изъ нихъ закрадывается при этомъ подозрѣніе: не означаетъ ли походъ противъ проекта желаніе подкопаться подъ самого министра?

Не всѣ, конечно, доходятъ до того, чтобы отсутствовать при самомъ обсужденіи внесенной ими самими мѣры, хотя были примѣры и этому, именно въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Чаще министръ, которому вѣдать надлежитъ, довольствуется короткимъ словомъ, произносимымъ вслѣдъ за докладчикомъ, и принимаетъ затѣмъ, въ случаѣ аваріи законопроекта, равнодушную позу. Не будемъ слишкомъ винить его за такое душевное равновѣсіе: хотя законопроектъ и былъ имъ внесенъ съ вѣдома и одобренія Верховной Власти, но онъ не можетъ порекомендовать той же Власти измѣнить составъ Государственнаго Совѣта новыми назначеніями, такъ какъ законодатель озаботился тѣмъ, чтобы число выборныхъ членовъ отвѣчало числу членовъ по назначенію, и наоборотъ. Остается только одно средство: ждать наступленія 1-го января и приложить старанія къ тому, чтобы перемѣщеніемъ противниковъ въ «собраніе нѣмыхъ» (употребляю терминъ, освященный Наполеономъ I) открыть доступъ болѣе надежнымъ союзникамъ. Впро-

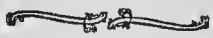
чемъ, въ возможности и такого исхода есть основаніе усомниться. Ничто не доказываетъ, чтобы предсѣдатель совѣта министровъ принималъ ближайшее участіе въ назначеніи и перемѣщеніи членовъ Государственнаго Совѣта. Есть основаніе думать, что и предсѣдатель послѣдняго не относится къ этому дѣлу безразлично: членъ опредѣленной партіи, онъ, разумѣется, будетъ рекомендовать однопартійныхъ съ нимъ людей для замѣщенія вакансій. Въ результатѣ получается слѣдующее: если правительство, какъ это было до сихъ поръ, въ своей политикѣ могло разсчитывать на поддержку центра, то ростъ оппозиціи справа, очевидно, могъ только колебать его положеніе. Но этотъ ростъ былъ безостановоченъ за послѣдніе годы, такъ какъ большинство вакантныхъ мѣстъ отдавалось правымъ, и правительство являлось лишь нѣмымъ свидѣтелемъ тѣхъ именно явленій, которыя должны были неизбѣжно затруднить его работу.

Исходъ легко было предвидѣть. Никакая страна не знаетъ продолжительнаго управленія наперекоръ господствующему теченію въ правящихъ кругахъ, за исключеніемъ тѣхъ странъ, въ которыхъ вліяніе правящихъ круговъ замѣняется вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Въ Россіи охотно идутъ наперекоръ послѣднему, считая, что оно является простымъ отраженіемъ печати и тѣхъ, по выраженію г. Дурново, «недоучившихся пропагандистовъ», которые будто бы поднимаютъ одни классы противъ другихъ. За нежеланіемъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ приходится прислушиваться къ голосу правящихъ круговъ, а этотъ голосъ кажется звучащимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда законопроектъ, прошедшій искусъ Думы, гибнетъ въ Совѣтѣ, натолкнувшись на утесъ упрямства правыхъ членовъ. То, что называютъ «новымъ курсомъ», и есть ни больше, ни меньше, какъ проявленіе того несомнѣннаго закона, по которому никакое правительство не можетъ не итти заодно съ большинствомъ, если не всего народа, то хотя-бы правящихъ круговъ. Возможны, разумѣется, ошибки при рѣшеніи вопроса, кто же составляетъ это большинство? И я думаю, что такая ошибка произошла въ настоящее время. Если бы «новый курсъ» заключалъ въ себѣ что-либо новое, то въ теченіе мѣсяца мы увидѣли бы нѣчто положительное помимо продолжающагося оштрафованія органовъ печати, и полнаго отсутствія какой-либо опредѣленной программы. Но перейти къ разбору тѣхъ предложеній, какія слышатся съ разныхъ сторонъ насчетъ необходимости вывести законода-

тельную дѣятельность изъ той запруды, въ какую она попала благодаря недосмотру составителей основныхъ законовъ и учрежденій Думы и Совѣта, я не вижу, другого выхода помимо пересмотра самыхъ законовъ; иначе придется всерьезъ принимать предложенія въ родѣ того, какое было сдѣлано недавно кн. Мещерскимъ, издателемъ «Гражданина». Мы думали до сихъ поръ, что одно изъ преимуществъ представительнаго образа правленія то, что при немъ отвѣтственность правительства устраняетъ возможность приписывать главѣ государства тѣ или другія нестроенія: произволъ администраціи, бездѣйствіе властей и т. д. и т. д. У палатъ есть право законодательствовать и дѣлать запросы министрамъ,—другими словами, проводить реформы и контролировать администрацію. Князь Мещерскій предлагаетъ, чтобы на выборъ Монарха поступали рѣшенія, принятыя по одному и тому же законодательному проекту Думой и Совѣтомъ. Государь утверждаетъ то изъ нихъ, которое кажется ему наиболѣе отвѣчающимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ. Это значитъ, что Монархъ будетъ нравственно отвѣтственъ за всѣ ставшія закономъ нормы, что между палатами будетъ искусственно созданъ неизбѣжный антагонизмъ, что рознь будетъ внесена на мѣсто того согласія, которымъ озабоченъ всякій основной законъ и, въ частности, нашъ, придумавшій даже особыя согласительныя комиссіи на случай разномыслія между палатами. При старомъ порядкѣ Государю представляли мнѣнія большинства и меньшинства Государственнаго Совѣта. Онъ могъ остановиться на одномъ изъ этихъ мнѣній или избрать третье. Совѣтъ никогда не претендовалъ, да и не могъ претендовать на иную роль, кромѣ роли совѣщательнаго органа, и никто не видѣлъ въ немъ выразителя общественнаго мнѣнія. Въ настоящее время мы имѣемъ въ Думѣ и въ выборной части Государственнаго Совѣта, если не представителей народа, то представителей имущихъ классовъ. Эти классы призваны къ выполненію законодательныхъ функцій, при чемъ тѣ же функціи даны и засѣдающимъ въ Совѣтѣ высшимъ представителямъ бюрократіи. Если не считать послѣднихъ,—которыми, впрочемъ, также въ большинствѣ случаевъ являются землевладѣльцы,—можно сказать, что законодательству обезпечена возможность прислушиваться къ мнѣнію имущихъ классовъ общества. Голосъ общественнаго мнѣнія не слышенъ вовсе и не доходитъ до Совѣта, но зато голосъ этихъ общественныхъ круговъ призванъ высказываться открыто и по конкретнымъ вопросамъ. Бюрократія, составляющая половину высшей палаты, можетъ только задержать выраженіе этого голоса, но она не въ

силахъ заступить его мѣсто. Если бы планъ кн. Мещерскаго осуществился, мы имѣли бы постоянное противоположеніе земщины тому, что̀ заняло бы мѣсто опричнины. А такое противоположеніе на каждомъ шагу этихъ двухъ столь различныхъ элементовъ, какъ учитъ исторія, отнюдь не можетъ служить на пользу государства.

Максимъ Ковалевскій.



МЯТЕЖНАЯ ЮНОСТЬ.

Романъ Темпля Сёрстона.

(Окончаніе) [1]).

XXIX.

Послѣ свиданія съ Доротеей на берегу Дикки ходилъ нѣсколько дней, какъ потерянный. М-ръ Холломъ замѣчалъ это, но молчалъ. Анни разсказала ему, что знала о Доротеѣ. Разсказала, побуждаемая тѣмъ стремленіемъ къ общимъ тайнамъ, которое такъ прельщаетъ въ ранніе, робкіе часы любви.

М-ръ Холломъ видѣлъ теперь въ Анни все то сходство съ Христиной, о которомъ говорилъ ему м-ръ Ферлонгъ. Видѣлъ и многое другое. Онъ не замѣчалъ въ ней отсутствія воображенія и непосредственности, унаслѣдованнаго отъ отца и такъ отличавшаго ее отъ Христины. Онъ видѣлъ глаза, лобъ, волосы ея матери. Когда Анни садилась за рояль, онъ слышалъ игру Христины. Хотя по искусству ихъ и сравнить было нельзя, но онъ своимъ воображеніемъ дополнялъ то, чего ей недоставало. Самъ того не зная, онъ любилъ въ ней Христину,—Христину, которая владѣла имъ всю жизнь.

— Они поссорились,—сообщила ему однажды Анни.—Я встрѣтила Доротею, и она ни слова не спросила о Дикѣ.

— Поговорить съ нимъ?—предложилъ м-ръ Холломъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо: онъ понялъ бы, что я вамъ все разсказала. Уладится какъ-нибудь само собой. Только я замѣтила, что Доротея заплакана...

Но это было больше, чѣмъ ссора, и не такъ легко было «уладить» все это. Дикки стоило только дать обѣщаніе, что онъ не уѣдетъ въ Лондонъ, и Доротея снова была бы въ его объ-

---

[1]) См. мартъ, стр. 173.

*

ятіяхъ, нѣжно нашептывая утѣшенія, какими женщина всегда врачуетъ рану, причиненную ею самой. Но какъ ни удрученъ былъ Дикки размолвкой, какое-то тайное упорство мѣшало ему дать это обѣщаніе. Мысль объ этомъ нѣсколько разъ являлась ему, и чѣмъ больше онъ вдумывался въ нее, тѣмъ больше убѣждался, что это немыслимо. Не оттого, чтобы любовь была недостойна жертвы. Нѣтъ, она казалась ему выше и свѣтлѣе, чѣмъ онъ когда-либо себѣ представлялъ. Но внутренній голосъ, голосъ того смутнаго, но властнаго идеала, которому повинуются люди, звалъ его уйти. Если онъ останется жить въ Эккинатонѣ, онъ измѣнитъ правдѣ. Онъ отогналъ эту мыслъ и далъ себѣ клятву постараться забыть Доротею.

— Не буду ждать до іюня,—пробормоталъ онъ про себя.— Уйду, пока Холломъ здѣсь.

Вечеромъ послѣ ужина ему удалось остаться наединѣ съ учителемъ.

— Я не хочу ждать до іюня,—сказалъ онъ.—Поѣду завтра.

М-ръ Холломъ взялъ его за руку.

— Въ чемъ дѣло, голубчикъ?—спросилъ онъ.

— Ни въ чемъ,—отвѣтилъ Дикки.

— Да... но ты измѣнилъ свое рѣшеніе?

— Оттого, что... оттого, что я понялъ, что это удобнѣе, пока вы здѣсь. Вы можете сказать что-нибудь отцу, когда я исчезну.

— Значитъ, ты не хочешь сказать мнѣ?—настаивалъ м-ръ Холломъ.

— Нечего говорить,—упрямо возразилъ Дикки.

— Ну, ладно... Богъ съ тобой! Только вотъ что: завтра тебѣ не уѣхать.

— Почему?

— Потому что сначала я долженъ выписать деньги. Я не ношу съ собой въ карманѣ десяти фунтовъ. И, кромѣ того, мнѣ надо написать рекомендательныя письма.

— Ну, это не долго,—возразилъ Дикки.

— Пожалуй, да. Но денегъ все-таки не будетъ.

— Ну, а къ послѣзавтрему можно получить?

М-ръ Холломъ улыбнулся.

— Нѣтъ. Такъ скоро нельзя. Отчего ты не хочешь признаться, почему ты измѣнилъ свое рѣшеніе? Можетъ быть, я сумѣю помочь.

— Вы тутъ не можете помочь,—проговорилъ Дикки сквозь

слезы.—И никто не можетъ. Тяжело мнѣ... вотъ и все, и я хочу поскорѣе уйти отсюда.

М-ръ Холломъ положилъ руку ему на плечо.

— Черезъ нѣсколько дней деньги будутъ,—сказалъ онъ.— Но помни, что тебѣ предстоятъ тяжелыя времена. Не воображай, что попадешь въ страну, гдѣ молочныя рѣки текутъ въ кисельныхъ берегахъ. Ты ѣдешь въ городъ тумана и жестокой борьбы за существованіе и ты не въ состояніи будешь жить такъ, какъ живутъ тамъ многіе, забывая все, что вокругъ нихъ творится. Ты попадешь въ самую гущу этой жизни. Часто придется и тебѣ самому быть однимъ изъ несчастныхъ. Какъ тебѣ понравится, напримѣръ, ходить время отъ времени безъ обѣда?

— Мнѣ на это наплевать,—сказалъ Дикки.

— Милый мой, тебѣ это будетъ такъ же тяжело, какъ и всѣмъ прочимъ смертнымъ. Когда ты будешь проходить по улицѣ съ пустымъ желудкомъ, тебѣ ненавистны будутъ люди, сидящіе за зеркальными окнами ресторановъ. Жизнь покажетъ тебѣ свою изнанку. Тебѣ кажется, что она уже довольно показала. Но ты узнаешь, что такое горечь, когда картины твои будутъ все возвращаться и возвращаться назадъ, пока отъ одного вида ихъ тебѣ уже станетъ тошно. Подожди, пока ты откроешь первую маленькую выставку въ своей первой маленькой мастерской. Посчитай тогда, сколько людей придетъ смотрѣть твои картины и сравни съ тѣмъ числомъ, на какое ты разсчитывалъ. И когда они уйдутъ, не купивъ ни одной вещи, вспомни мои слова. Много будетъ неудачъ, мой мальчикъ. Ты и не знаешь, сколько!

Все это для Дика были одни слова. Въ нихъ не было ничего, что могло бы удержать его. Все, что м-ръ Холломъ говорилъ ему, онъ прослушалъ спокойно и съ такимъ вниманіемъ, что учителю показалось, будто онъ поколебался въ своемъ рѣшеніи бѣжать.

— Да,—проговорилъ онъ въ заключеніе,—что же? ты все еще хочешь ѣхать?

Дикки отвѣтилъ, что да. Онъ все время думалъ о томъ, какъ бы увидаться съ Доротеей прежде чѣмъ, уйти.

— Но я не увижу ее,—добавилъ онъ самъ къ себѣ.—Надо уйти, уйти одному и не попрощавшись.

— Ты слушалъ меня?—спросилъ недовольно м-ръ Холломъ.

— Да,—твердо солгалъ Дикки, глядя ему прямо въ глаза.

XXX.

На слѣдующій день было воскресенье. Оставалось три дня до отѣзда Дикки.

Была та пора, когда царитъ еще весна, но уже незамѣтно подкрадывается лѣто и заглядывается на свою нареченную, красавицу-природу, съ которой скоро будетъ вѣнчаться. Выпадаютъ такіе плѣнительные дни на землѣ. И кажется тогда, что одинъ изъ боговъ съ Олимпа любуется юной дѣвушкой, пришедшей къ ручью купаться.

Въ каждомъ кустѣ, на каждомъ деревѣ птицы хлопотливо строили свои жилища. Съ восходомъ солнца начался ихъ хоръ, чирикали съ крышъ воробьи, щебетали зяблики въ изгородяхъ. Въ пышныхъ кустахъ терновника, зазеленѣвшихъ молодыми листочками,—черные дрозды шевелились отъ каждаго тревожнаго звука. Мелькнетъ желтый клювъ, прозвучитъ глубокая грудная нота испуга, и исчезнутъ они въ зеленой гущѣ. Въ своихъ только-что отстроенныхъ гнѣздахъ какія-то птицы съ зоркими глазами сидѣли такъ недвижно, точно вырѣзанныя изъ дерева. Съ вѣтки на вѣтку порхали корольки, заливаясь пронзительными голосами. На ивахъ, по близости отъ жилья, гнѣздились малиновки, хитро поблескивая черными глазками на проходящихъ по берегу, точно вызывая ихъ угадать тайну своего сердца.

Земля была вся въ цвѣтеніи, весь міръ млѣлъ въ истомѣ. Подъ жаркими лучами ранняго лѣта бутоны боярышника разрывали уже свою оболочку, а цвѣтъ яблони терялъ свою ярко-розовую окраску. Къ серединѣ дня жара все усиливалась, и тяжелыя головки бѣлой буквицы устало повисли на стеблѣ. Только лютики у рѣки стояли прямо, не сгибаясь, обративъ къ солнцу свои лакированные вѣнчики.

Какъ дѣвушки, встрѣчая возлюбленнаго, убрались поляны цвѣтами; съ изгородей несся медовый ароматъ дрока, съ луговъ вѣяло дикой мятой—хотѣлось дышать, дышать глубоко, вольно безъ конца.

И все-таки Дику міръ казался сегодня печальнымъ. Какъ птица со сломаннымъ крыломъ, которая не можетъ полетѣть искать подругу, онъ всталъ утромъ, и опять передъ нимъ былъ длинный тоскливый день, день безъ Доротеи; она такъ близко и вмѣстѣ такъ далеко! Но рѣшеніе его было твердо. Должно

хватить силы потерпѣть еще нѣсколько часовъ. Онъ заявилъ отцу, что у него болитъ голова, и онъ не сможетъ пойти въ церковь.

— Если у тебя сильная боль, то оставайся, конечно,—сказалъ м-ръ Ферлонгъ,—но я бы думалъ, что можно и потерпѣть немножко, лишь бы исполнить святой долгъ молитвы. Вѣдь, требуется такъ немного,—всего одинъ день въ недѣлю. Можетъ-быть, пойдешь все-таки?

— Мнѣ очень, очень больно,—отвѣтилъ Дикки.—Все равно я не могъ бы слушать со вниманіемъ. Нѣтъ...—и онъ полузакрылъ глаза въ доказательство того, какія онъ переноситъ страданія.

М-ръ Ферлонгъ не сказалъ больше ни слова, и Дикки наблюдалъ изъ окна, какъ они всѣ ушли со своими перчатками и молитвенниками, а когда онъ услыхалъ стукъ затворяемой калитки, у него вырвался вздохъ облегченія. Одинъ, совсѣмъ одинъ!

— Я никогда не считалъ возможнымъ,—сказалъ м-ръ Ферлонгъ, когда они пошли по дорогѣ въ Эккингтонъ,—и не считаю, что нужно заставлять мальчика итти въ церковь, когда онъ не расположенъ. Такимъ способомъ нельзя развивать религіозное чувство.

— Вы совершенно правы, — согласился м-ръ Холломъ.— Силой съ Дикки ничего нельзя сдѣлать.

Эти слова глубоко проникли въ сознаніе м-ра Ферлонга. Онъ шелъ нѣкоторое время молча. Въ его мозгу зашевелилась мысль, что онъ, можетъ-быть, не разъ употреблялъ надъ Дикомъ насиліе. Съ минуту онъ думалъ о томъ, знаетъ ли онъ себя въ самомъ дѣлѣ; затѣмъ откинулъ эту волнующую мысль.

— Я воспиталъ своихъ дѣтей,—говорилъ онъ самъ себѣ,— съ любовью и мягкостью. Никто не можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я не любилъ Дикки.

И передъ нимъ живо встало доказательство: какъ онъ молился въ то утро, когда пастухъ принесъ Дикки домой на своихъ плечахъ.—Если я заставлялъ его входить въ интересы мельницы,—продолжалъ онъ аргументировать съ самимъ собой,—то это оттого, что я знаю, какъ онъ самъ будетъ впослѣдствіи благодаренъ мнѣ за это.

Наконецъ, его мысли были отвлечены отъ этой непріятной темы; на дорогѣ имъ встрѣтилась Доротея Легаттъ.

— Что это? ты не въ церкви, Доротея?—спросилъ онъ.

Она робко покачала головой и улыбнулась Анни. Анни быстро взглянула на м-ра Холлома.

— Дикки тоже сегодня забастовалъ,—сказалъ м-ръ Ферлонгъ, смѣясь.—Голова у него болитъ.

Затѣмъ, когда они пошли дальше, онъ продолжалъ, обращаясь къ м-ру Холлому, уже серьезнымъ голосомъ:

— Я вовсе не думаю, что онъ притворяется. Видно, что ему нездоровится — подъ глазами у него собрались морщинки. У меня всегда такъ же дѣлается при головной боли.

Минуту спустя Анни оглянулась назадъ. Доротея продолжала свой путь по направленію къ мельницѣ.

— Знаетъ она, что Дикки такъ скоро уѣзжаетъ? — шепнула она Холлому, когда выдался удобный моментъ.

Онъ покачалъ головой.

— Понятія не имѣю,—отвѣтилъ онъ тоже шопотомъ.

— Тогда, значитъ, она догадалась.

— По какимъ признакамъ?

На такой вопросъ женщины обыкновенно не отвѣчаютъ. Анни только головой покачала.

Насколько она была права—кто знаетъ? Но, дѣйствительно, смутное предчувствіе зарождалось въ умѣ Доротеи. Въ тотъ вечеръ она цѣлый часъ ждала Дикки у откоса; съ тѣхъ поръ она ждала его тамъ каждый день. Если бы она ночью въ каждую изъ этихъ ночей выглянула въ окно своей комнаты, она увидѣла бы знакомую фигуру, проходившую мимо дома и снова возвращавшуюся и все глядѣвшую вверхъ на ея комнату, гдѣ она лежала, ни о чемъ не догадываясь, съ глазами, полными тяжелыхъ, жаркихъ слезъ. Если бы она знала это, было бы меньше основаній отчаяваться; но она не знала, и всѣ ея мысли были отравлены сомнѣніемъ.

Доротея угадала, что продолжительное молчаніе Дикки скрываетъ въ себѣ принятое рѣшеніе. Она не знала навѣрное, что онъ вотъ-вотъ уѣзжаетъ, но среди безчисленныхъ предположеній, скользившихъ въ ея сознаніи, была и эта мысль.

У нея не было опредѣленнаго плана дѣйствій въ это утро, но она слѣдовала какому-то неясному инстинкту. Въ ней сильно было желаніе видѣть Дикки, говорить съ нимъ, сказать ему, чтобы онъ ѣхалъ и не жалѣлъ ее. Она не думала, какъ найти его. Ноги сами вели ее по направленію къ мельницѣ. Когда она узнала, что онъ не пошелъ въ церковь, сердце ея забилось сильнѣе отъ волнующаго ожиданія. Не умѣя создать плана встрѣчи, не владѣя своими мыслями, она все же твердо рѣшила, что сегодня она увидитъ Дикки.

Доротея ясно понимала теперь, что Дикки уѣдетъ въ Лондонъ. И больше того: она сама должна благословить его на это. И странно: она не чувствовала себя потерпѣвшей пораженіе. Она

такъ любила его, что, ей казалось, даже разлука не разлучитъ ихъ. Но былъ у нея и расчетъ. Если она проявитъ такое мужество и отпуститъ его, не станетъ ли она во сто разъ ближе ему, чѣмъ раньше? А если такъ, то сможетъ ли онъ забыть или покинуть ее?

Она приготовилась отречься отъ всего. Безъ жалобы, безъ вздоха, она отпуститъ его и останется одна въ Эккингтонѣ. Кто знаетъ, какой тайный голосъ подсказалъ ей, что это самопожертвованіе привяжетъ къ ней крѣпче прежняго его своевольное сердце?

Эта побѣда, женская побѣда подчиненія ликующе тѣснила грудь Доротеи — въ то воскресное утро, когда она шла по дорогѣ на мельницу, и всѣ птицы громко щебетали, а боярышникъ стоялъ въ полномъ цвѣту.

XXXI.

Черезъ то самое окошко, изъ котораго когда-то Христина слѣдила за уходящимъ Дикки, онъ теперь видѣлъ Доротею, проходящую по дорогѣ въ Бредонъ. Въ первый моментъ, увидѣвъ ее, онъ отошелъ быстро въ глубь комнаты, чувствуя слабость, какую производитъ внезапное сердцебіеніе. Онъ сдѣлалъ это не только оттого, чтобы она не увидала его, но также просто инстинктивно, какъ дѣлаетъ человѣкъ, когда онъ стоитъ на самомъ краю пропасти. Онъ зналъ, какая ему предстоитъ борьба, но твердо стоялъ на рѣшеніи не дѣлать самому перваго шага.

— Дѣло идетъ о всей моей жизни,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Я не могу оставаться на мельницѣ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и сталъ переходить изъ одной спальни въ другую, пока наконецъ не попалъ въ комнатку Анни, откуда тоже видна была Бредонская дорога. Доротея все еще была видна. Если онъ станетъ, полускрытый гардиной, она не сможетъ увидѣть его. Онъ воспользовался выгодой своей позиціи и сталъ наблюдать за ней.

Отчего она не въ церкви? Какъ ей удалось избавиться отъ этого? М-ръ Легаттъ въ этомъ вопросѣ былъ такъ же строгъ, какъ и его отецъ. И зачѣмъ она здѣсь? Можетъ-быть, она пришла въ надеждѣ встрѣтиться съ нимъ? Отъ этой мысли опять бѣшено заколотилось его сердце. Пальцы его крѣпко вцѣпились въ занавѣску.

Стало подкрадываться сомнѣніе: справедливо ли его рѣ-

шеніе? Собственно говоря, да. Оно—правильно. Онъ зналъ хорошо, какъ дорога, какъ нужна ему Доротея. Но также хорошо зналъ онъ, какой стыдъ и презрѣніе къ самому себѣ онъ будетъ чувствовать, если откажется отъ жизни, лежащей передъ нимъ. Зачѣмъ ей хочется заставить его отказаться отъ нея? Какъ ни страшитъ его Холломъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ начнетъ уже продавать свои картины. Пусть даже отецъ откажетъ ему въ поддержкѣ! Все равно: его заработка хватитъ на нихъ обоихъ, и они женятся. Какъ женщины рѣшаются просить такія вещи? Какой смыслъ останется въ жизни, если отнять это?

Вдругъ онъ поймалъ себя на томъ, что, вѣдь, онъ старается самъ себя провести этими разсужденіями. Это было непріятно. Но любовь—великая сила. Съ ней ничего не подѣлаешь. Любовь его къ Доротеѣ не уменьшилась отъ ея требованій. И когда онъ смотрѣлъ на нее, какъ она медленно шла вдоль изгороди, каждая частица его существа инстинктивно рвалась вслѣдъ за ней.

Ну, а если бъ онъ все-таки пошелъ ей навстрѣчу? Что же тутъ было бы особеннаго? Вѣдь, все равно онъ уѣзжаетъ. Черезъ нѣсколько дней. Это уже рѣшено. Отчего же въ такомъ случаѣ не попрощаться? Одна мысль объ этомъ пахнула на него забытымъ тепломъ, отъ котораго онъ отрекся. Разставаніе ихъ будетъ полно печали; но развѣ онъ этого боится?

Дикки сошелъ внизъ прямо въ переднюю и снялъ съ вѣшалки свою фуражку. Но онъ клялся, что не пойдетъ за Доротеей... Какъ быть? И онъ въ смущеніи теребилъ въ рукахъ свою шапку. Всегда ему казалось, что у него сильная воля. Теперь приходится убѣдиться, что это вздоръ. Но, можетъ-быть, сейчасъ Доротеи уже и не видно. Если да,—подумалъ онъ,—исчезнетъ искушеніе догнать ее.

Онъ снова побѣжалъ наверхъ. Прямо къ окну, откуда первый разъ увидалъ ее. Дорога была пуста. Онъ распахнулъ окно и сталъ слушать. Въ воздухѣ звенѣлъ звонкій хоръ весеннихъ голосовъ. Все было напоено имъ. Дикки почувствовалъ, что день—чудесный, что дыханіе лѣта—въ каждомъ вѣтеркѣ. Теплый воздухъ ласково обвѣвалъ его лицо. Глаза его заблистали. Онъ самъ не зналъ, что, собственно, ожидалъ услышать въ открытое окно, но теперь слухъ его былъ полонъ весеннихъ шумовъ. Доротея ушла. Вернулась ли она въ Эккингтонъ или пошла къ холму? То, что она исчезла изъ виду, только усилило его желаніе пойти за ней. И онъ забылъ, что еще за минуту разсчитывалъ, что если ея не будетъ видно, то не пойдетъ отыскивать ее.

Дикки оставилъ окно раскрытымъ и бѣгомъ спустился внизъ. Теперь единственнымъ его желаніемъ было узнать, пошла ли она въ Эккингтонъ или по дорогѣ къ холму. Но онъ не хотѣлъ встрѣчаться съ ней. Этого можно легко избѣгнуть. Если завидитъ ее издалека, можно будетъ отойти и скрыться за кустами или за деревомъ. Не слѣдуетъ ей вовсе знать, что онъ шелъ за ней слѣдомъ.

Дверь изъ сѣней со стукомъ захлопнулась за нимъ. Когда Дикки юркнулъ въ садовую калитку, то слышалъ кругомъ немолчный птичій гамъ. Онъ побѣжалъ по дорогѣ. Никогда онъ еще не чувствовалъ въ груди такого жаркаго, трепетнаго волненія, какъ сейчасъ. Съ каждымъ шагомъ все настойчивѣе, все властнѣе становилось желаніе найти Доротею. Съ каждымъ шагомъ блѣднѣли и гасли мысли о будущемъ и отпадали одна за другой передъ требованіями настоящаго. Онъ рѣшилъ, что отыщетъ Доротею, хотя бы ему пришлось искать ее до наступленія темноты.

Добравшись до перваго поворота дороги, Дикки замедлилъ шаги и пошелъ не спѣша, у самой изгороди. Впереди никого не было видно. Солнце садилось. Темныя тѣни лежали на травѣ, съ краю дороги. Недавно проѣхалъ здѣсь возъ съ соломой; нѣсколько соломинокъ зацѣпились за вѣтку боярышника и повисли на ней, будто золотая вышивка на зеленомъ фонѣ. Все кругомъ звучало жизнью. Даже на черныхъ голыхъ сучьяхъ засохшаго дерева пѣлъ дроздъ — только Доротеи не было.

Дикки снова пустился бѣжать. Холодящей струйкой скользнула въ его головѣ мысль, что она давно уже повернула здѣсь и пошла домой, въ Эккингтонъ. Еще вдвое сильнѣе захотѣлось увидѣть ее.

— Она еще не могла успѣть вернуться за это время,— бормоталъ онъ про себя, задыхаясь отъ быстраго бѣга.—Не могла!

Ему не приходило въ голову, что она могла свернуть съ дороги и пойти лугомъ. Онъ видѣлъ ее идущей по дорогѣ, и теперь онъ самъ шелъ прямо, никуда не сворачивая. Когда Доротея услышала въ отдаленіи топотъ бѣгущихъ ногъ, она остановилась на полѣ среди высокой, нескошенной травы и сквозь густую сѣтку терновника увидѣла мчавшагося мимо Дика.

Пока топотъ приближался, она не видѣла, кто бѣжитъ. Конечно, у нея была надежда, что это, можетъ-быть, онъ. Она

дрожала отъ ожиданія, сердце слабо билось, а губы пересохли. Но когда она сквозь густую чащу вѣтокъ, скрывавшихъ ее, увидала лицо Дикки, огоньки радостнаго смѣха зажглись въ ея глазахъ. И такъ неожиданно застучало сердце, что она прижала руку къ груди.

Дикки былъ безъ шапки. Онъ держалъ ее въ рукѣ. Волосы разметались. Щеки были красны, и видно было, какъ блестятъ его глаза. Волна благодарности прихлынула къ сердцу Доротеи, когда она увидала его: онъ все-таки еще любитъ ее!

Вблизи, у края луга, паслось маленькое стадо, какъ бы продолжая собою прерванную линію изгороди. Доротея подбѣжала сюда и стала звать Дика, прежде чѣмъ онъ не повернетъ за уголъ и скроется изъ виду. При звукѣ ея голоса, онъ остановился на секунду и обернулся назадъ. Затѣмъ увидѣлъ ея фигуру среди стада и сталъ медленно возвращаться.

Обстоятельства противъ него. Такъ ему теперь казалось. Настоящей встрѣчи онъ, вѣдь, все-таки не желалъ. Но онъ не могъ отрицать передъ самимъ собой, какъ онъ радъ ей. Такъ ярокъ былъ приступъ охватившаго его радостнаго возбужденія, что нельзя было обмануть себя. Онъ подумалъ, что въ теченіе всѣхъ этихъ дней онъ былъ какъ судно, борющееся съ Божьимъ гнѣвомъ среди моря. Это все было, какъ тогда, когда онъ ѣхалъ ночью на пароходѣ на похороны матери. А теперь при видѣ Доротеи этотъ кошмаръ случайностей разсѣялся. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ не сознавалъ и не помнилъ ничего, кромѣ того, что она здѣсь и что она протягиваетъ ему руку.

— Доротея!—прошепталъ онъ.

— Дикки!—отвѣтила она.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Я такъ измучился,—сказалъ онъ.

Онъ поклялся, что никогда не скажетъ ей этого, и теперь сразу же выговорилъ именно это. Сказавъ, онъ тотчасъ вспомнилъ, но махнулъ рукой. Пусть!

— Я тоже,—зашептала въ отвѣтъ Доротея,—страшно измучилась. Мнѣ казалось, что мы ужъ никогда больше не увидимся.

— Всѣ эти ночи,—сказалъ Дикки,—я почти совсѣмъ не спалъ.

— И я тоже,—сказала она.

Обоимъ такъ сладко было излить другъ передъ другомъ свои страданія, что ни одинъ изъ нихъ не говорилъ правды.

Когда Дикки ложился въ постель, проходило какихъ-нибудь полчаса—правда, мучительныхъ, когда онъ чувствовалъ все земное страданіе—прежде чѣмъ онъ засыпалъ здоровымъ, крѣпкимъ сномъ. Почти то же было и съ Доротеей. Но въ часы бодрствованія они, дѣйствительно, горько терзались, и оттого имъ хотѣлось разсказывать о своей безутѣшной печали въ доказательство того, какъ сильна ихъ любовь.

— Отчего ты вдругъ ушла тогда у рѣки?—спросилъ Дикки.

— А отчего ты не пошелъ за мной? Я цѣлый часъ ждала у откоса.

— Я не предполагалъ, что ты могла ждать,—сказалъ онъ.—Я забрался въ тотъ лѣсъ, на холмѣ, и оставался тамъ до поздней ночи. Дома страшно переполошились. Всѣ пошли разыскивать меня. Но мнѣ было все равно. Мнѣ было все равно, что̀ случится.

Доротея глядѣла на него съ изумленіемъ, съ восхищеніемъ: подумать, сколько онъ перенесъ и все изъ-за нея!

— Ахъ, Дикки! ты, вѣдь, могъ простудиться на̀ смерть!—шепнула она.

— Ну что жъ? не очень бы сталъ жалѣть объ этомъ,—сказалъ онъ.—Что̀ смерть для человѣка въ тотъ моментъ, когда его любовь умерла? Въ ту ночь я бы съ радостью встрѣтилъ смерть.

— Но если бъ ты умеръ, Дикки,—продолжала она съ той логичностью, какая присуща женщинамъ въ этой области,—если бы ты умеръ, что сталось бы съ твоей живописью? Никогда бы не пришлось тебѣ поѣхать въ Лондонъ, ни учиться; не бывать бы той великой картинѣ, которую всѣ захотятъ купить.

Дикки выпустилъ ея руки и положилъ свои къ ней на плечи, пытливо и вопросительно глядя ей въ глаза.

— А ты хочешь, чтобы я написалъ великую картину?—спросилъ онъ.

Доротея кивнула головой, не опуская рѣсницъ подъ его упорнымъ взглядомъ.

— Но, вѣдь, ты просила меня не уѣзжать, ты говорила, что я могъ бы отлично, оставаясь на мельницѣ, рисовать, и мы развѣсили бы эти картины, когда поженились.

Она снова закивала головой.

— Знаю, знаю. Я такъ говорила. Тогда я такъ думала. Но теперь я думаю иначе. Я убѣдилась, что тебѣ надо уѣхать въ Лондонъ. Что бы ты ни сказалъ, я тебѣ поперекъ дороги больше не стану. Я знаю, что свою живопись ты любишь больше всего...

— Я тебя люблю,—быстро вставилъ Дикки.—Въ эти дни я понялъ, какъ ужасно сильно я тебя люблю.

Доротея мягко, но твердо прижала руку къ его плечу. Она поняла теперь свою власть. Даже въ эти первыя минуты отреченія она замѣчала, какую власть оно даетъ ей въ руки. Въ его глазахъ она видѣла тысячу возраженій, которыхъ такъ жаждала услышать. Да... теперь онъ не можетъ забыть или разлюбить ее. Но она хотѣла высказать все, прежде чѣмъ позволить ему возразить то, что готово ужъ было сорваться съ его губъ.

— Да, живопись свою ты любишь больше,—повторила она.—Ты сказалъ мнѣ это тогда у рѣки, когда промолчалъ на мой вопросъ. Знаю, что ты любишь меня, но это на второмъ планѣ. У мужчинъ это такъ. И я вовсе не надѣюсь, чтобы ты любилъ меня больше всего.

Дикки слушалъ Доротею въ молчаніи и изумленіи, дивясь ея неожиданной перемѣнѣ. Онъ не пытался разобраться въ причинахъ этой перемѣны. Душа его была полна восторга передъ благородствомъ ея самоотверженія. Она казалась ему теперь еще болѣе удивительной, чѣмъ въ тотъ вечеръ на старомъ мосту въ Эккингтонѣ, когда онъ долго глядѣлъ ей въ глаза, и она спросила, отчего онъ не цѣлуетъ ее. Онъ былъ убѣжденъ за свой короткій опытъ, что всѣ женщины (за однимъ исключеніемъ) чистыя существа. Онъ не подозрѣвалъ до этого дня, насколько онѣ одарены чуткостью. Доротея ничего не требовала для себя и готова была отдать все. Это сознаніе давало ему неожиданное ощущеніе свободы, но онъ готовъ былъ бы снова связать себя тѣми цѣпями, которыя такъ давили его.

— Нельзя любить сильнѣе, чѣмъ я тебя люблю,—благоговѣйно произнесъ онъ.—Да, я хочу въ Лондонъ. Я долженъ уѣхать. Ничему я иначе не выучусь, а мнѣ уже восемнадцать лѣтъ. Подумай, еще около двухъ только лѣтъ, и мнѣ будетъ двадцать... больше половины жизни ушла... но Боже,—Доротея, какъ мнѣ не хочется ѣхать! Я такъ страшно люблю тебя. Ты все понимаешь, а я думалъ, что—нѣтъ. Если бы только мы могли жениться до моего отъѣзда! Если бъ уѣхать вмѣстѣ!

Передъ обоими встала картина путешествія въ Лондонъ вдвоемъ и затѣмъ ихъ общая жизнь. Самое представленіе себя мужемъ и женой такъ тѣсно сближало, что, казалось, никто не въ силахъ ужъ будетъ разлучить ихъ.

Глаза Дикки съ страннымъ выраженіемъ не отрывались отъ лица Доротеи, пока она съ легкимъ радостнымъ крикомъ не упала къ нему на грудь.

— Родная моя,—зашепталъ онъ,—развѣ этого нельзя? Развѣ нельзя? Тогда все было бы такъ просто. Подумай только: весь день... каждый день вмѣстѣ.

Онъ подумалъ о ночахъ, которыя не будетъ проводить одиноко, когда тяжесть на душѣ не даетъ заснуть до утра. Но о нихъ онъ не рѣшался заговорить. Его губы были такъ близко отъ ея губъ. Да и зачѣмъ говорить? Впрочемъ, подобныя же мысли кружились и у нея въ головѣ. У нея было такое чувство, словно оно упала въ глубокую, быстро бѣгущую рѣку. Вода бѣжитъ, омывая ей лицо. Казалось ей, вотъ-вотъ теченіе подхватитъ ее и унесетъ; казалось, что если онъ коснется ея губъ своими, она не будетъ ужъ ничего больше слышать и сознавать.

— Дикки,—прошептала она.

Онъ склонился ближе къ ней, но не цѣловалъ ея. На дорогѣ послышались тяжелые шаги и стукъ палки о землю. Доротея поспѣшно высвободилась изъ объятій Дика и отошла на шагъ отъ него.

Это былъ пастухъ, Энжель, возвращавшійся отъ своего стада на холмѣ. Овчарка, Лэсси, лѣниво плелась рядомъ съ нимъ.

— Здравствуйте, м-ръ Дикки! Здравствуйте, миссъ Доротея,—сказалъ онъ, замедляя шаги, и наконецъ остановился...— Славная погода нынче не,—то, что въ церкви въ духотѣ! Но моя старуха пошла: она ходитъ все равно, что въ погоду, что въ дождь.

— А вы никогда не ходите?—спросилъ Дикки недовольный вмѣшательствомъ посторонняго въ ихъ свиданіе.

— Отчего же? въ мокрые дни иногда и пойдешь, послушаешь проповѣдь. Бываетъ даже, очень хорошо пойму; а моя старуха—вотъ чудно-то, право!—все насквозь объяснить можетъ, какъ и что. Я и говорю ей разъ: «Ты бы,—говорю,—матушка, попробовала и сама народъ поучить. Не хуже священника у тебя это,—говорю,—выйдетъ». А она, что бы вы думали, никакъ этого забыть не можетъ. Да, и вотъ... что же это я хотѣлъ сказать?..

Онъ нѣсколько разъ ударилъ палкой по землѣ, стараясь собрать мысли, но ничего у него не вышло, онъ сердито крикнулъ Лэсси и побрелъ дальше.

А для влюбленныхъ чары волшебныхъ минутъ были развѣяны. Хрупко ихъ очарованіе, какъ самое тонкое стекло. Старый Энжель разбилъ его на тысячу кусковъ. Доротея заговорила

о томъ, что пора домой. Необъяснимый страхъ овладѣлъ ею. Жизнь казалась страшной, потокъ ея слишкомъ быстрымъ.

— Пойдемъ уже, Дикки,—сказала она.

— Такъ скоро? почему?—спросилъ онъ, горько разочарованный.

Она покачала головой.

— Я... я не совсѣмъ хорошо себя чувствую, — отвѣтила она.

Онъ бережно повелъ ее домой.

XXXII.

М-ръ Холломъ и Анни возвращались изъ церкви вдвоемъ. М-ръ Ферлонгъ строжайшимъ образомъ придерживался правила не заниматься въ воскресенье никакими дѣлами, но онъ остался еще въ Эккингтонѣ, чтобы потолковать съ однимъ фермеромъ о разныхъ разностяхъ. Это создавало удобный случай познакомиться, такъ какъ на слѣдующій день предстояло ему войти съ нимъ въ дѣловыя отношенія.

— Я долго не задержусь,—сказалъ онъ.—Этотъ человѣкъ Линскомбъ,—прибавилъ онъ въ поясненіе для м-ра Холлома,—онъ сидѣлъ на три скамьи впереди васъ... Обыкновенно посѣщаетъ церковь въ Кембертонѣ. Не знаю, почему ему вздумалось явиться сегодня сюда... Знаю только, что онъ всегда говорилъ, что ему хочется со мной дѣло сдѣлать. Надо полагать, что для этого онъ и пришелъ. Конечно, я никогда не дѣлаю дѣлъ въ воскресные дни. Не дѣлалъ и не стану дѣлать. Но хочется такъ просто остаться на минутку и спросить его, какъ понравилась ему наша проповѣдь. А вы съ Анни идите впередъ.

М-ръ Холломъ не заставилъ себя просить объ этомъ. Онъ съ радостью повелъ Анни отъ церкви, гдѣ возлѣ входа, какъ всегда, послѣ окончанія службы толпились кучки обывателей.

— Видите вонъ ту даму въ черномъ, — зашептала Анни, когда они отошли немного,—съ мальчикомъ такихъ лѣтъ, какъ Дикки?

— Вижу.

— Это м-съ Легаттъ.

— Мать Доротеи?

— Да.

— Вотъ какъ...—значитъ, она та самая, которая...—онъ

неожиданно запнулся, а щеки Анни медленно залились румянцемъ. Онъ вспомнилъ исторію, которую м-ръ Ферлонгъ разсказалъ ему, когда онъ послѣдній разъ гостилъ на мельницѣ. Это та женщина, грѣхъ которой былъ разоблаченъ и прощенъ. До этой минуты въ его умѣ ея образъ никогда не ассоціировался съ образомъ той Доротеи, въ которую влюбленъ Дикки. И теперь м-ръ Холломъ сталъ внимательно вглядываться въ ея лицо. У нея было то же открытое, простое выраженіе лица, которое онъ подмѣтилъ у Доротеи, но только въ лицѣ м-съ Легаттъ былъ налетъ печали и усталости. Не осталось въ немъ прежней радости. Онъ представилъ себѣ, какъ подъ тяжелымъ ярмомъ прощенія она все ниже склоняла голову и молча страдала. Но не одной простотой была Доротея похожа на свою мать. У этой была та же привлекательная полнота губъ, свидѣтельствующая о непостоянствѣ чувства, о способности отдаться увлеченію.

— Доброе утро, Анни,—сказала м-съ Легаттъ, когда они проходили мимо нея.

Въ голосѣ ея были тѣ же мягкія ноты, какія онъ слышалъ въ словахъ Доротеи два часа назадъ.

— Доброе утро,—привѣтливо отвѣтила Анни.—Мы встрѣтили Доротею, когда шли въ церковь.

— Да... Она выпросила разрѣшенія пойти гулять, вмѣсто церкви. Я не особенно порицаю ее за это. Да она и говорила, что у нея голова болитъ. Вѣроятно, вы встрѣтите ее опять. Мы обѣдаемъ въ часъ.

Они прошли черезъ калитку въ садъ при школѣ, а м-ръ Холломъ и Анни нѣсколько минутъ шли молча. Его вопросъ относительно м-съ Легаттъ разбудилъ цѣлую цѣпь мыслей въ умахъ обоихъ. И хотя у одного былъ запасъ жизненнаго опыта, а у другой—полное невѣдѣніе жизни, цѣпь эта была почти что одинакова. Въ какой степени, думалъ м-ръ Холломъ, дѣвочка эта похожа на мать? Анни же размышляла надъ вопросомъ, одаренъ ли Дикки тѣми инстинктами, о которыхъ когда-то говорила ей Христина.

— Будь вѣрна самой себѣ,—сказала Христина,—и тогда мужчины будутъ вѣрны тебѣ.

Это было все сказанное матерью, но оно пробудило тысячу мыслей въ умѣ Анни.

— Какъ вы думаете, Анни,—сказалъ наконецъ м-ръ Холломъ,—уѣдетъ Дикки въ Лондонъ или нѣтъ?

Вопросъ былъ поставленъ такъ внезапно и былъ такъ

тѣсно связанъ съ мыслями, которыя въ этотъ самый моментъ бродили у нея въ головѣ, что она опѣшила. Не знала, что отвѣтить. Онъ заглянулъ ей въ лицо. Вокругъ губъ у нея была сжатая, увѣренная черточка, какъ и у отца, но Холломъ никогда, въ слѣпотѣ своего чувства не замѣчалъ этого.

— Какъ вамъ кажется?—переспросилъ онъ еще разъ.

Анни глядѣла прямо впередъ.

— Отчего же ему не поѣхать?—отвѣтила она вопросомъ.—Вы думаете, что если бъ папа узналъ, онъ бы помѣшалъ ему исполнить этотъ планъ?

— Нѣтъ... я не это думаю. Надо было спросить такъ: хочется ли Дикки въ самомъ дѣлѣ въ Лондонъ?

Анни нахмурила лобъ. Женщины не любятъ, когда ихъ заставляютъ выложить свое знаніе жизни.

— Отчего ему не хотѣть,—спросила она.

— Оттого, что Доротея не отпуститъ его,—отвѣтилъ м-ръ Холломъ;—представьте, что вы влюблены въ кого-нибудь. Развѣ вы согласились бы, чтобы онъ уѣхалъ далеко? Развѣ вы рискнули бы тѣмъ, что онъ забудетъ васъ, что онъ встрѣтитъ другихъ женщинъ, что, вообще, онъ станетъ другимъ человѣкомъ, потому что, знаете ли, жизнь забавляется тѣмъ, что мѣняетъ людей на разные лады. Рискнули ли бы вы, повторяю, всѣмъ этимъ ради того, чтобы любимый вами человѣкъ сдѣлалъ себѣ имя, между тѣмъ какъ, оставаясь дома, онъ могъ бы быть счастливъ до конца дней своихъ... съ вами.

Только въ рѣдкія минуты даритъ жизнь свои откровенія. Въ это воскресное утро, по дорогѣ изъ Эккингтона въ Бредонъ, Анни въ первый разъ ощутила внутренно, что жизнь—сложный клубокъ, распутать который можетъ только безграничное терпѣніе и страданіе.

До сихъ поръ, до вопроса, предложеннаго ей м-ромъ Холломомъ, жизнь представлялась ей очень простымъ дѣломъ: въ ней есть зовущій голосъ и исполненіе его велѣнія. Голосъ этотъ можетъ-быть—любовь можетъ-быть—долгъ. Ей никогда не казалось возможнымъ, чтобы оба могли повелѣвать одновременно.

М-ръ Холломъ съ интересомъ и ласковой ироніей наблюдалъ ея лицо.

— Непреодолимая сила,—сказалъ онъ, улыбаясь,—и непреклонный объектъ. Что бы вы стали дѣлать?

— Я не считала бы себя въ правѣ стоять на чьей бы то ни было дорогѣ,—проговорила она наконецъ.

— Да,—согласился онъ,—вы бы не могли. Хотя съ дру-

той стороны вы имѣли бы полное право оберегать и защищать интересы своего чувства. Любовь для женщины—очень много. Въ ней—ея домъ, ея счастье, ея дѣти. Любовь—это то, что восемьдесятъ пять процентовъ женщинъ называетъ своей жизнью—это все. А первый законъ жизни—самозащита. Можете ли вы говорить о томъ, что стоите на чьемъ-то пути, когда ваша собственная жизнь въ опасности? Вы думаете, что Доротея отпуститъ его когда-нибудь?

— Какъ можетъ она удержать его?—спросила Анни.—Не могу себѣ вообразить, чтобы кто-нибудь былъ въ силахъ удержать Дикки, если онъ рѣшился. Я не считаю его черствымъ. Но иногда онъ бываетъ черствъ, когда хочетъ настоять на своемъ. Разъ онъ рѣшилъ уѣхать, онъ уѣдетъ.

— Дай Богъ, чтобы вы были правы,—медленно произнесъ м-ръ Холломъ.—Дикки не такой, какъ всѣ. Я вѣрю, что ему предстоитъ большое будущее. Онъ будетъ большимъ человѣкомъ. Въ немъ есть задатки крупнаго художника. Но всѣ эти шансы, всѣ эти возможности лежатъ въ дѣвичьей рукѣ. Она не знаетъ, что̀ ей приходится рѣшать, что̀ на каждой чашкѣ вѣсовъ. Однако, я увлекся. Мой тонъ можетъ показаться глупымъ. Можетъ-быть, Дикки попадетъ въ Лондонъ и будетъ очень посредственнымъ художникомъ. Я не пророкъ. Я только вѣрю.

Нѣкоторое время стукъ каблуковъ Анни по каменистой дорогѣ въ тактъ съ шагами м-ра Холлома одинъ только нарушалъ тишину. Мысли Анни разбрелись. Она никогда не думала о великой будущности Дикки. И сейчасъ она казалась ей мало вѣроятной. Дикки, ея братъ, съ дѣтства любившій рисовать маленькія картинки, которыя никогда не нравились ей по-настоящему, потому что онѣ никогда не были похожи на тѣ мѣста, которыя изображали? Развѣ онъ сможетъ когда-нибудь этими картинами зарабатывать деньги? Кто станетъ покупать ихъ? Талантъ самъ по себѣ, его сила и значеніе были непонятны ей. Но въ то же время, если бы онъ могъ зарабатывать на жизнь кистью, то въ этомъ было нѣчто, гораздо болѣе красивое, чѣмъ работа на мельницѣ. Такимъ образомъ, отчасти Анни раздѣляла точку зрѣнія Доротеи. Но зачѣмъ уходить въ концѣ концовъ? Свой домъ все-таки лучше, чѣмъ многое другое на свѣтѣ. Она попыталась взглянуть на дѣло съ романтической точки зрѣнія, но попытка не удалась.

Романтизмъ—есть даръ видѣть явленія въ яркихъ краскахъ. Представляя себѣ похожденія Дикки въ Лондонѣ, Анни видѣла ихъ сѣрыми, мрачными. А будущее на мельницѣ, рядомъ съ

*

Доротеей, и гдѣ она будетъ всегда видѣть его, рисовалось ей въ розовомъ свѣтѣ.

— Мнѣ кажется,—сказала Анни,—что я понимаю, почему Доротея хочетъ оставить его здѣсь. Но я бы не могла такъ.

— Почему?

— Потому что не хорошо мѣшать другому. Можетъ-быть, Дикки добился бы когда-нибудь, чтобы продавать свои картины...

— Милая Анни,—прервалъ ее Холломъ,—вопросъ не въ томъ, чтобы продавать. Дикки стремится не къ этому, а...

— Тогда какой смыслъ,—прервала его Анни,—позволять ему ѣхать? Онъ долженъ зарабатывать.

— О, да... по всей вѣроятности, онъ сможетъ это. Конечно, на очень скудное существованіе... только чтобы прокормиться. Но я увѣренъ, что онъ проберется. Сомнѣваться въ томъ, что онъ овладѣлъ техникой настолько, что можетъ заработать, чтобы не умереть съ голоду—невозможно. Вопросъ, значитъ, въ томъ, станетъ ли онъ большимъ художникомъ? Если—да, то онъ будетъ и богатъ,—гораздо больше, чѣмъ могъ бы когда-либо на мельницѣ. Все равно, будетъ ли онъ стремиться къ этому или нѣтъ. Но пока выбросьте изъ головы эти деньги. Предположите, что ему будетъ хватать на жизнь. Открытъ ли ему великій путь или эта дѣвочка преградитъ ему его? Знаю только, что если онъ не уѣдетъ, то я буду глубоко удрученъ. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что у нихъ произошла размолвка. Видно это по его манерѣ.

— Да. Но сейчасъ они уже поладили,—сказала Анни,—Доротея не зря гуляла по этой дорогѣ.

— Да. Но это еще не значитъ, чтобы они поладили.

Анни быстро взглянула ему въ лицо.

— Вы какъ будто надѣетесь,—сказала она,—на продолженіе размолвки?

— Да, я надѣюсь,—отвѣтилъ онъ.

XXXIII.

Доротея пошла назадъ въ Эккингтонъ верхней дорогой. Она не хотѣла, чтобы Дикки пошелъ съ ней.

— Но, Дорри, — взмолился Дикки, — вѣдь, тебѣ не совсѣмъ хорошо?

— Ахъ, это пустяки, а главное... мнѣ хочется... думать.

— А сегодня послѣ обѣда—можно намъ свидѣться?

— Не лучше ли завтра?

— Нѣтъ. Я не могу ждать до завтра.

— Это только нѣсколько часовъ, Дикки.

— Да, но я не могу. Приходи послѣ обѣда. Будь на вышкѣ подъ дубомъ въ половинѣ третьяго.

— Въ три.

— Ну, хорошо... въ три четверти.

— Я постараюсь,—прошептала она.

Дикки смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока не исчезъ изъ виду послѣдній кусочекъ ея платья. Какъ оставить ее? И все же тайно онъ чувствовалъ, что черезъ два дня его уже не будетъ здѣсь. Что бы она сказала, если бъ знала?

Будь у него надежда жениться на ней, скажемъ, черезъ годъ, тогда положеніе было бы совсѣмъ иное. Вѣдь, вотъ отецъ его женился очень молодымъ. Меньше чѣмъ черезъ два года ему самому будетъ двадцать лѣтъ. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ болѣе возможнымъ казалось ему осуществить это. Какой-то новый оттѣнокъ вкрался въ ихъ отношенія въ тѣ минуты, когда такъ некстати явился на сцену пастухъ. Сдѣланъ какой-то шагъ, съ которымъ нельзя не считаться. Онъ не вполнѣ былъ увѣренъ, въ какомъ направленіи сдѣланъ этотъ шагъ. Но все его сознаніе было теперь проникнуто убѣжденіемъ необходимости ихъ брака. Если ему разрѣшено будетъ жениться на Доротеѣ, онъ останется. Онъ не уѣдетъ въ Лондонъ, онъ откажется отъ всего. И вотъ, усѣвшись на шлюзныя ворота, онъ передумывалъ всѣ эти шансы—то окрыляясь сладкой надеждой, то снова погружаясь въ глубокое отчаяніе.

Медленно, безпрерывно просачивалась вода сквозь закрытые шлюзы. Звукъ этотъ журчалъ въ ушахъ Дикки нѣжнымъ аккомпаниментомъ къ его мыслямъ. Воскресный покой чувствовался во всемъ. Мельничное колесо было въ бездѣйствіи; на ободкахъ его разсѣлись воробьи и клевали обрывки засохшей тины, повисшіе на колесѣ. Отъ цвѣтущихъ кустовъ тянуло миндалемъ. Вьющіяся растенія, обвивавшія стѣны мельницы, начинали цвѣсти.

Однако для Дикки все это сейчасъ не имѣло никакой прелести и не могло отвлечь его отъ мыслей. Вся душа его ушла въ нихъ. Когда м-ръ Холломъ и Анни вернулись домой, они застали его все еще сидящимъ на рукавѣ шлюза, скрестивши ноги на большой черной перекладинѣ, обнявъ голову руками и глядя на воду.

Сначала они искали его въ комнатахъ, а затѣмъ увидали на плотинѣ, когда снова вышли въ садъ.

— Они не поладили,—объявилъ м-ръ Холломъ, какъ только увидалъ Дикки. Въ голосѣ его звучало облегченіе, и отъ этого у Анни что-то кольнуло въ сердце. Она поняла тогда, что все время желала, чтобы влюбленные помирились, и что она вовсе не хотѣла отъѣзда Дикки.

— Гдѣ отецъ?—былъ первый его вопросъ, когда онъ увидѣлъ ихъ.

— Онъ еще остался,—сказалъ м-ръ Холломъ,—побесѣдовать съ однимъ фермеромъ, Линскомбомъ. А что?

— Ничего,—отвѣтилъ Дикки.—Я только удивился, что его нѣтъ.

За обѣдомъ Дикки былъ очень внимателенъ къ отцу. Даже подозрительно внимателенъ. Впрочемъ, только для Анни, такъ какъ м-ръ Холломъ все-таки былъ чужой и не замѣчалъ ничего. М-ръ Ферлонгъ всегда требовалъ внимательнаго и услужливаго къ себѣ отношенія со стороны дѣтей. Онъ часто повторялъ, что это долгъ юности передъ старшими. И теперь, встрѣтивъ вниманіе, онъ принималъ его, какъ должное. Когда Дикки всталъ съ мѣста, чтобы передать ему судокъ, онъ улыбнулся и сказалъ «спасибо». Затѣмъ онъ пошутилъ насчетъ толщины того ломтя хлѣба, котрый Дикки ему отрѣзалъ; но, кромѣ этого и нѣкотораго подъема настроенія онъ не проявлялъ никакъ, что замѣчаетъ перемѣну въ обращеніи Дика. Настроеніе духа у м-ра Ферлонга, вообще, было отличное: съ фермеромъ онъ имѣлъ очень пріятную бесѣду. Тотъ даже заикнулся было о дѣлѣ, но м-ръ Ферлонгъ остановилъ его

— Оставимъ это на завтра,—сказалъ онъ. — По воскресеньямъ я стараюсь забыть обо всѣхъ дѣлахъ. Время терпитъ.

Это обстоятельство сослужило службу, такъ какъ убѣдило м-ра Линскомба въ томъ, что онъ не такъ ужъ гоняется за тѣмъ, чтобы съ нимъ дѣло сдѣлать. М-ръ Ферлонгъ считалъ, что такъ и надо; что польза должна быть наградой за его строгую религіозность. Все это давало м-ру Ферлонгу спокойное довольство собой и окружающими. И когда послѣ обѣда Дикки попросилъ его поговорить съ нимъ кое о чемъ, то онъ сначала удивился, но сейчасъ же улыбнулся, взялъ сына подъ руку и вышелъ съ нимъ въ садъ.

М-ръ Ферлонгъ ждалъ съ большимъ любопытствомъ, что Дикки скажетъ ему, потому что, сколько онъ помнилъ, Дикки никогда не выражалъ желанія подѣлиться съ нимъ чѣмъ бы то ни было. Онъ почувствовалъ неожиданный трепетъ гордости при мысли о томъ, что услышитъ сейчасъ тайныя

мысли сына изъ его собственныхъ устъ. Онъ крѣпче прижался рукой къ рукѣ Дика и оглянулся назадъ, видитъ ли Анни, что они идутъ вмѣстѣ.

Садовая калитка была открыта. Они вышли на дорогу, гдѣ цвѣли яблони, перешли черезъ плотину на маленькую тропинку по ту сторону рѣки, а Дикки все еще ничего не сказалъ.

— Ну, дружище,—проговорилъ, наконецъ, отецъ,—что ты хотѣлъ сообщить мнѣ?

Дикки высвободилъ руку. Нервность его все усиливалась. Увѣренность въ несомнѣнной правотѣ его замысла уже сильно потускнѣла въ его умѣ.

Сегодня утромъ, въ разгарѣ увлеченія онъ считалъ его единственнымъ истиннымъ выходомъ изъ того почти неопреодолимаго затрудненія, которое природа такъ неожиданно бросила на его пути. Но теперь, въ присутствіи отца, холодномъ и безстрастномъ, замыселъ этотъ утратилъ бо́льшую часть своего смысла. Но онъ зналъ, что если ужъ говорить, то надо говорить прямо, безъ обиняковъ, твердо и рѣшительно. Онъ передохнулъ и уставился взглядомъ въ одну точку передъ собой.

— Возможно ли было бы,—началъ онъ неувѣренно, — то есть я хочу сказать, есть ли какія-нибудь препятствія къ тому, чтобы я женился черезъ годъ или два?

Въ цѣль его не входило называть такой долгій срокъ, какъ два года, но сейчасъ ему казалось, что одинъ годъ прозвучитъ для отцовскихъ ушей слишкомъ смѣшно. Но какъ никакъ слова уже сказаны, непоправимо сказаны. Послѣдовало молчаніе. Дикки слышалъ эхо своихъ словъ, точно тысячи голосовъ насмѣшливо кричали ихъ въ самыя его уши. Онъ не смѣлъ взглянуть на отца. Глаза его были устремлены прямо впередъ, но онъ не различалъ ничего. Черная змѣйка тропинки, теряющаяся въ зеленой травѣ, рядъ деревьевъ, опоясавшихъ другой берегъ рѣки, далекія очертанія Бредонскаго холма, вздымающіяся и подающія на сверкащемъ небѣ,—все это безформеннымъ туманомъ колыхалось передъ его глазами.

—Жениться?—проговорилъ наконецъ м-ръ Ферлонгъ. Онъ произнесъ эти слова мягко и благожелательно, искренно надѣясь, что теперь, когда сынъ обратился къ нему по собственному почину, онъ отнесется со всей уступчивостью и внимательностью къ запросамъ молодой души, которую онъ, вѣроятно, не всегда понималъ. Дикки услышалъ въ голосѣ отца ноту не осужденія и вражды—нѣтъ! но разочарованія и упавшаго интереса. Дѣйствительно, м-ръ Ферлонгъ сразу почуялъ, что это для него не-

понятно. Онъ ощутительно чувствовалъ, что Дикки говоритъ не серьезно, а если онъ серьезенъ, то просто не понимаетъ самъ, о чемъ говоритъ. Но онъ воздержался отъ сужденія, пока не услышитъ больше. Онъ сознательно усилилъ ноту—привѣтливаго участія въ своемъ голосѣ, но чуткое ухо Дика уловило искусственность ея.

— Жениться?—повторилъ м-ръ Ферлонгъ. — Вотъ какъ... объясни мнѣ, дружище, какъ ты это задумалъ?

Дикки смутился. Онъ зналъ, что подошелъ къ двери, которая никогда не откроется на его стукъ. Какъ объяснитъ, что онъ чувствовалъ сегодня утромъ, когда обнималъ Доротею? Онъ и самъ не вполнѣ сознавалъ свои ощущенія. Всѣ женщины чисты. Онъ много разъ повторялъ это про себя. Такія женщины, какъ Доротея, чисты. Въ гимназіи онъ слыхалъ о другихъ женщинахъ, непохожихъ на нихъ. Одну такую онъ самъ зналъ. Но такія, какъ Доротея, чисты и невинны. Онъ самъ не зналъ, что онъ разумѣлъ подъ этимъ и что чувствовалъ: онъ зналъ только, что женитьба спасетъ его отъ ужасной катастрофы. Но чтобы дать понять это отцу, надо объяснить ему, а безъ словъ тотъ не пойметъ, и Дикки зналъ, что никогда не въ силахъ будетъ найти нужныя слова.

Застѣнчивость мальчика, воспитаннаго такъ, какъ Дикки, вещь хрупкая и ломкая, какъ самый тонкій хрусталь. И даже передъ чуткимъ пониманіемъ женщины она заставляетъ его прятаться въ свою раковину. Съ мужчинами онъ совершенно нѣмѣетъ. И теперь, когда м-ръ Ферлонгъ спросилъ его, какъ онъ задумалъ жениться, онъ запнулся и молчалъ.

— Кто же она?—спросилъ тогда отецъ.

— Доротея.

— Доротея Легаттъ?

— Да.

М-ръ Ферлонгъ улыбнулся. Ну, конечно, это дѣтская любовь, не серьезная ни въ какомъ отношеніи, но очень занимательная, даже интересная. Онъ улыбнулся оттого, что ему пришелъ на память одинъ эпизодъ изъ собственной жизни, когда онъ былъ еще моложе, чѣмъ Дикки теперь. Онъ вспомнилъ ея имя: Эльза. У нея были волосы, какъ легкое свѣтлое облачко, и она была на два года старше его. Онъ улыбнулся, когда подумалъ, какъ она, должно быть, теперь выглядитъ. Вѣроятно, расплылась, обабилась, да и сорокъ лѣтъ не шутка! Онъ вспомнилъ, какъ однажды на прогулкѣ поцѣловалъ ее, какъ писалъ ей письма. Но ему и въ голову тогда не приходила мысль же-

ниться на ней. И ей тоже. А затѣмъ въ одинъ прекрасный день все между ними было кончено: онъ показалъ своему товарищу ея карточку, которую она дала ему. Это уязвило ея гордость: другіе будутъ знать, что она влюбилась въ мальчика на два года моложе, чѣмъ она сама. М-ру Ферлонгу вспоминалось это обрывками, какъ давно забытая мелодія. Вѣроятно, думалъ онъ, любовная исторія Дика въ томъ же духѣ, только онъ принимаетъ ее въ серьезъ. М-ръ Ферлонгъ зналъ, что и ему слѣдуетъ отнестись къ ней съ полной серьезностью.

— Ну что же, она въ самомъ дѣлѣ очень милая дѣвочка,— сказалъ онъ.—Я очень радъ, что она тебѣ нравится. Я увѣренъ, что это послужитъ тебѣ на пользу, и надѣюсь, будетъ не мимолетно. Давно ли это уже продолжается?

— Съ прошлой осени.

Дикки не видѣлъ улыбки отца, но онъ съ первыхъ же словъ зналъ все, что было у него на умѣ, какъ будто читалъ всѣ его мысли. Еще отецъ не произнесъ своего сужденья, а въ немъ уже закипалъ духъ борьбы. Умъ его подготовлялся къ неизбѣжному конфликту ихъ несходныхъ натуръ. Дикки съ большей проницательностью, чѣмъ м-ръ Ферлонгъ, увидѣлъ ожидавшую ихъ опасность.

— Это довольно давно,—сказалъ м-ръ Ферлонгъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ изумленъ, такъ какъ ожидалъ, что вся исторія насчитываетъ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль.

Дикки протяжно вздохнулъ. Щеки у него горѣли, но внутри ему было холодно до дрожи.

— Ну, а на какія же средства ты намѣренъ жениться?— спросилъ м-ръ Ферлонгъ и самымъ добродушнымъ образомъ заглянулъ въ лицо сыну.

Щеки Дикки разгорѣлись еще ярче. Мягкость голоса и привѣтливость обращенія отца, въ сопровожденіе къ этому вопросу, показались ему особенно оскорбительными. Вѣдь, отецъ зналъ, что въ этомъ пунктѣ онъ безоруженъ. У него ничего не было и разсчитывать было не на что, кромѣ какъ на великодушіе отца, который могъ вознаградить его—можетъ-быть, даже не по заслугамъ за его работу на мельницѣ.

— Средства? Вы знаете отлично, что я ничего не имѣю,— съ усиліемъ выговорилъ онъ.—Другое дѣло, если бъ вы мнѣ платили жалованье, какъ Вильямсу за его работу на мельницѣ. Я тоже работаю.

— А сколько по-твоему стоитъ твоя работа?

Въ умѣ м-ра Ферлонга не было и тѣни издѣвательства,

когда онъ задавалъ сыну эти вопросы. Онъ полагалъ, что было бы жестоко отказать Дикки въ внимательномъ обсужденіи вопроса, разъ онъ самъ поставилъ его. Но для Дика, предугадавшаго конечный результатъ переговоровъ, этотъ перекрестный допросъ былъ утонченной пыткой. Нѣсколько минутъ онъ не въ силахъ былъ овладѣть собой, чтобы отвѣтить.

— Сколько по-твоему она стоитъ?—повторилъ м-ръ Ферлонгъ.

— Не знаю,—медленно произнесъ Дикки.

— Ну, а на сколько ты предполагаешь жить, если бы женился?

— Мы могли бы жить на фунтъ въ недѣлю, — отвѣтилъ Дикки.—Я, вѣдь, не говорю, чтобы свадьба была теперь, сейчасъ, а, скажемъ, такъ черезъ годъ... мнѣ тогда будетъ почти двадцать лѣтъ... и мы могли бы жить на фунтъ въ недѣлю.

— Гдѣ? гдѣ это?

— Да вотъ, если бъ... если бъ мы могли имѣть тѣ двѣ комнаты, которыя стоятъ у васъ пустыми наверху... мы платили бы вамъ десять шиллинговъ или даже больше за столъ и... и если бы вы дали мнѣ небольшой подарокъ къ свадьбѣ — а м-ръ Легаттъ, навѣрное, дастъ Доротеѣ немного денегъ,—мы купили бы мебель и...

Никогда до этого момента Дикки не представлялъ себѣ, какъ это все можетъ быть сдѣлано реально. А тутъ сразу его точно осѣнило. Какъ все это просто! Что можно возразить противъ его плана? Эти двѣ комнаты, дѣйствительно, никому не нужны. На десять фунтовъ—нѣтъ, даже меньше — ихъ можно омеблировать. И какъ они были бы восхитительно-счастливы въ этихъ двухъ маленькихъ комнаткахъ! Одна у нихъ будетъ въ родѣ гостиной, и туда часто будетъ заходить къ нимъ Анни. Онъ будетъ писать картины и—да, все-таки!—развѣситъ ихъ по стѣнамъ. Все это вдругъ представилось Дику такъ реально, что онъ даже не почувствовалъ боли при мысли о томъ, что изъ живописи его никогда ничего лучшаго не выйдетъ. Отъ этой картины, нарисованной его воображеніемъ, снова ожила въ его сердцѣ надежда. Онъ серьезно думалъ, что въ этихъ рамкахъ планъ его достаточно осуществимъ. Но онъ взглянулъ въ лицо отца, и надежда его увяла.

Ни отецъ, ни сынъ не замѣчали комической стороны проекта: этой уплаты сыномъ отцу десяти шиллинговъ въ недѣлю за двѣ комнатки въ мезонинѣ для того, чтобы ввести туда свою невѣсту и жить тамъ съ нею, точно пара голубковъ подъ крышей.

Но была въ этомъ и серьезная задача — задача, которая могла бы увлечь многихъ отцовъ, не желающихъ, чтобы ихъ сынъ получалъ жестокіе уроки судьбы въ раннюю пору своей юности. Но задача эта ни съ серьезной, ни съ комической стороны не привлекала м-ра Ферлонга. Онъ почувствовалъ, что его позиція доброжелательнаго протеста не такъ ужъ неприступна, какъ онъ ее считалъ. Это сознаніе часто раздражало его во время прежнихъ споровъ съ Дикки. Раздосадовало оно его и теперь.

— Понимаешь ли ты,—проговорилъ онъ, — что ты еще мальчикъ... семнадцати лѣтъ... или восемнадцати... сколько тебѣ?

— Ровно восемнадцать,—сказалъ Дикки.

— Хорошо, восемнадцать. Когда мнѣ было столько, я и не помышлялъ о женитьбѣ.

— Да, вы не помышляли, но что же дѣлать, если я помышляю?

— Но, дорогой мой, ты такъ молодъ, что не можешь еще понимать самого себя. Когда ты узнаешь жизнь, всѣ эти мысли, навѣрное, измѣнятся. Сейчасъ Доротея Легаттъ представляется тебѣ очаровательной и все такое и, конечно, она прелестная дѣвушка. Повторяю, я чрезвычайно радъ, что она тебѣ нравится. Но когда ты увидишь свѣтъ и людей, то очень возможно, что все это измѣнится.

— Какъ я могу увидѣть свѣтъ, когда я долженъ сидѣть здѣсь на мельницѣ?—спросилъ Дикки.—Предположимъ, все то, что вы говорили—правильно и что я, дѣйствительно, измѣнюсь—но какъ же это возможно, разъ я буду жить здѣсь? Я никогда не увижу свѣтъ, какъ вы говорите; я никогда не узнаю людей, откуда же возьмется во мнѣ перемѣна?

— Послушай. Когда я говорю «свѣтъ», я понимаю это фигурально. Это значитъ, когда ты будешь имѣть опытъ.

— Но я уже говорилъ, что не прошу разрѣшенія жениться сейчасъ. Мы будемъ ждать годъ. Если и тогда я буду вѣренъ ей, развѣ это не достаточное испытаніе? развѣ это не покажетъ, что я знаю свое сердце.

— Милый мой мальчикъ,—сказалъ м-ръ Ферлонгъ, стараясь улыбаться и сохранить въ глазахъ ласковое выраженіе,—ни одинъ мужчина не разбирается настоящимъ образомъ въ собственномъ сердцѣ, до тридцати лѣтъ приблизительно.

— Значитъ, ты считаешь, что до этого времени мнѣ не слѣдуетъ жениться?

— Ну, пожалуй, не до самаго конца этого срока.

— Но вы сами женились на двадцать второмъ году.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Ну какъ же? теперь вамъ сорокъ четыре, правда?

— Откуда ты знаешь, что мнѣ сорокъ четыре года?

— Знаю... Анни двадцать, почти двадцать одинъ. Значитъ, вамъ должно быть въ этомъ родѣ.

Вокругъ губъ отца легло выраженіе, хорошо знакомое Дикки, означавшее, что чаша его терпѣнія переполнилась, и больше онъ не станетъ слушать никакихъ резоновъ.

— Я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы разбирать вопросъ о моемъ возрастѣ,—сказалъ онъ сухо.

— Да, я знаю,—отвѣтилъ Дикки.—Я и не намѣренъ былъ разбирать его. Но если нельзя жениться почти до тридцати лѣтъ, то что же мнѣ дѣлать? Я не могу чувствовать иначе, чѣмъ я чувствую.

Упрямое выраженіе ушло изъ глазъ м-ра Ферлонга. Вмѣсто него взглядъ его загорѣлся ужасомъ и отвращеніемъ.

— Что ты чувствуешь? Вырази яснѣе: что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ онъ.

— Я хочу сказать, что если я останусь здѣсь, на мельницѣ... и она тутъ, близко, то намъ... лучше было бы жениться.

— Первый разъ въ жизни слышу такое безобразіе!—воскликнулъ м-ръ Ферлонгъ. — Неужели у тебя такъ мало самообладанія? И только изъ-за этого ты и хочешь жениться? Иди домой! и пожалуйста, чтобы я больше ни слова объ этомъ не слышалъ отъ тебя. Никогда я не думалъ, чтобы у моего сына были такія отвратительныя мысли. Ступай домой! Я не хочу больше говорить съ тобой.

Дикки повернулся и ушелъ, а м-ръ Ферлонгъ присѣлъ на пригоркѣ, на поворотѣ къ лугамъ. Онъ ни разу не поглядѣлъ въ сторону, куда пошелъ Дикки. Мысли его ушли въ далекое прошлое. Передъ нимъ всталъ образъ Христины, во время парадныхъ обѣдовъ въ Виттингхамѣ. Онъ вспомнилъ ея нѣжныя плечи и какія мысли тогда бродили у него въ головѣ. Онъ вспомнилъ, какая борьба происходила въ немъ, когда онъ понялъ, что жениться на ней — значитъ пожертвовать помощью своему старику-отцу. И онъ вспомнилъ, какъ онъ сдался въ этой борьбѣ, какъ плоть побѣдила духъ.

Эти воспоминанія раздразнили его. Онъ съ досадой поднялся на ноги.

— Да, но помилуй Богъ!—воскликнулъ онъ вслухъ,—мнѣ тогда было уже двадцать лѣтъ! А этому мальчишкѣ всего восемнадцать!

XXXIV.

Дикки шелъ полями на условленное свиданіе съ Доротеей на вышкѣ подъ дубомъ. Мысли бѣшенымъ вихремъ носились въ его головѣ. Онъ съ горечью обвинялъ отца во всѣхъ тѣхъ порокахъ и недостаткахъ, которые производятъ отсутствіе чуткости и пониманія. Онъ жестокъ; онъ черствъ. Въ немъ было лицемѣріе, котораго Дикки никогда раньше не замѣчалъ. Какъ онъ смѣетъ называть эти вещи безобразіемъ, когда онъ самъ былъ женатъ? Какое онъ имѣетъ право предписывать каждому юношѣ ждать до тридцати лѣтъ прежде, чѣмъ взять себѣ жену?

Дикки шелъ и громко, возбужденно говорилъ все это самому себѣ. Въ пылу увлеченія и сознанія своей правоты онъ не могъ, не умѣлъ взглянуть на дѣло съ чужой, не своей точки зрѣнія. Непониманіе м-ра Ферлонга представлялось ему умышленнымъ. Былъ только одинъ способъ реагировать на это отношеніе, и этотъ способъ Дикки избралъ, безъ всякаго колебанія. М-ръ Холломъ сказалъ ему, что къ понедѣльнику его десять фунтовъ будутъ получены. Значитъ, во вторникъ утромъ онъ уйдетъ—во вторникъ, рано, рано, когда на мельницѣ всѣ еще будутъ спать.

— Я не останусь! ни за что! — бормоталъ Дикки. Онъ очень спѣшилъ къ дубу встрѣтиться съ Доротеей и впопыхахъ споткнулся на лежавшее на дорогѣ бревно. Едва-едва удержался онъ на ногахъ и громко выбранился.

— Я совсѣмъ измѣнился,—сказалъ онъ вслухъ,—я раздражаюсь, я становлюсь не похожъ на себя. Но все равно! скоро я уйду отсюда.

Доротея была уже на вышкѣ. Разговоръ съ отцомъ задержалъ Дикки такъ долго. Онъ сразу сталъ разсказывать ей, что произошло. Теперь казалось легко сказать Доротеѣ, что онъ скоро уѣзжаетъ. Онъ разсказалъ ей все, что произошло за послѣдніе часы. Слова стремительно обгоняли другъ друга.

— Да, надо бѣжать,—закончилъ онъ.—Я уѣду во вторникъ утромъ изъ Першора. Выйду очень рано утромъ, когда всѣ еще спятъ. Онъ никогда больше не увидитъ меня въ этомъ домѣ. Ненавижу его теперь. Въ сущности, я всегда ненавидѣлъ нашъ домъ съ тѣхъ поръ, какъ мама умерла. Безъ нея все стало не то.

Доротея слушала. Губы ея дрожали. Глаза наполнялись слезами. Она чувствовала, что теперь, если бы хотѣла, не имѣла бы власти удержать Дикки. Онъ уходитъ отъ нея, уходитъ уже

черезъ два дня. Она спрятала лицо на его плечѣ. Ея слезы катились по его курткѣ.

— Ты говорилъ, Дикки, что раньше іюня не уѣдешь,— выговорила она, запинаясь,—я отмѣтила это на своемъ календарѣ. Казалось такъ страшно скоро и такъ, только пять недѣль—а теперь... два дня!

Онъ ласково погладилъ ее по плечу. Онъ—мужчина, онъ взялъ на себя одного отвѣтственность за свою жизнь.

— Чѣмъ раньше я уѣду,—шепнулъ онъ ей,—тѣмъ скорѣе я стану зарабатывать для насъ обоихъ. Разъ надо ждать до тридцати лѣтъ, то какой мнѣ смыслъ оставаться на меньницѣ? Я бы вовсе не уѣхалъ, если бы онъ позволилъ мнѣ жениться черезъ годъ или два. Я бы бросилъ все ради тебя. Но ты, вѣдь, вѣришь, — правда? — что я добьюсь успѣха? — Знаю, что то, что я дѣлаю сейчасъ, никуда не годится. Но во мнѣ что-то есть. М-ръ Холломъ вѣритъ въ меня. Онъ думаетъ, что я выбьюсь въ люди. Онъ никогда не далъ бы мнѣ столько денегъ, если бы не вѣрилъ. Ты тоже вѣришь, да? Скажи, маленькая моя!

Доротея плакала у него на плечѣ, а онъ себя чувствовалъ такимъ сильнымъ, такимъ мужчиной.

Она подняла къ нему глаза, влажные отъ слезъ.

— Да, я вѣрю,—шепнула она.

Тогда онъ бѣшено прижалъ ее къ себѣ. Изъ всѣхъ словъ, какія женщина можетъ сказать мужчинѣ, эти звучатъ пріятнѣе всѣхъ. Любви онъ ждетъ, любовь онъ надѣется завоевать; но когда она говоритъ, что вѣритъ въ него, этихъ словъ ему не могутъ замѣнить восторженныя похвалы всего міра.

Когда Дикки услыхалъ отъ Доротеи эти слова, онъ снова, какъ прежде, почувствовалъ въ себѣ силу и доблесть ста человѣкъ. Весь свѣтъ былъ передъ нимъ и готовъ былъ ему покориться. И въ душѣ у него сложилось усердное упованіе, чтобы вѣра ея не оказалась напрасной.

— Но почему онъ сказалъ, что это мерзость?—спросила Доротея, вытирая глаза.

— Потому что ему не понравилось все, что я сказалъ.

— А что же ты сказалъ?

Дикки заколебался: первая горячка его досады уже схлынула. За нѣсколько минутъ раньше онъ бы не запинаясь повторилъ ей сказанное имъ.

— Я сказалъ... — началъ онъ. — Видишь ли, сегодня утромъ, прежде чѣмъ подошелъ старый Энжель...—онъ обвилъ ее руками и снова спряталъ ея головку у себя на плечѣ. —

Ахъ, голубка моя, — зашепталъ онъ, — я такъ люблю тебя! Я сказалъ... ты, вѣдь, поймешь, что я думаю... я сказалъ, что если бъ я остался здѣсь и продолжалъ съ тобой видѣться, то намъ слѣдовало бы жениться, потому что... ахъ, я знаю, что ты поймешь...—потому что я чувствую такое...

Онъ еще ближе прижалъ ее къ себѣ.

— Дорри, ты знаешь, какъ я люблю тебя?

Онъ смолкъ и сталъ ждать, какъ она отвѣтитъ на это признаніе. Она все такъ же тѣсно прижималась головой къ его плечу, но молчала. Она думала о своей матери. О матери и о м-рѣ Алленѣ. И она поняла, почему она никогда не любила отца.

— Ты не считаешь это мерзостью?—шепнулъ Дикки, перебивая ея мысли.

Она на мгновеніе подняла глаза, и онъ глянулъ въ нихъ.

— Жена моя маленькая,—сказалъ Дикки и припалъ губами къ ея губамъ.

Они просидѣли на вышкѣ все послѣобѣденное время. Тысячу вещей надо было сказать другъ другу, и они проговорили, пока солнце не стало склоняться къ закату.

— А гдѣ мы встрѣтимся завтра?—спросилъ Дикки, когда Доротея стала собираться уходить.

— Завтра нигдѣ,—печально отвѣтила она.—Я должна съ мамой ѣхать въ Першоръ. Мы пробудемъ тамъ цѣлый день.

— Но намъ надо еще увидѣться,—воскликнулъ онъ.—Я долженъ видѣть тебя завтра, потому что во вторникъ рано утромъ я ухожу. Дорри, я долженъ видѣть тебя. Я... мы не можемъ такъ разстаться. Приди завтра вечеромъ.

— Но какъ? Меня не отпустятъ. Папа страшно строгъ.

— Но ты можешь уйти, когда они лягутъ спать... тогда они не узнаютъ... Дорри! невозможно такъ среди поля прощаться.

— Нѣтъ... но какъ же мнѣ уйти?

— Ты можешь выйти на черный ходъ.

— Когда они заснутъ?

— Да.

Онъ сказалъ это такъ легко, такъ непринужденно, что оно показалось вовсе не такимъ труднымъ. Почему бы домашнимъ въ самомъ дѣлѣ непремѣнно хватиться ея? И развѣ она можетъ не увидаться съ нимъ еще разъ, передъ разлукой на цѣлый годъ, а можетъ, и дольше? Она чувствовала, что это невозможно. Было бы выше ея силъ попрощаться съ нимъ простымъ рукопожатіемъ тутъ же на дорогѣ, возлѣ мельницы.

— Хорошо,—сказала она, волнуясь,—я приду... я постараюсь. У насъ ложатся въ половинѣ одиннадцатаго. Я думаю, что черезъ часъ приблизительно они будутъ уже спать. Моя комната надъ кухней, такъ что не будетъ слышно. Я постараюсь, Дикки. Будь на мосту въ половинѣ двѣнадцатаго.

XXXV.

Въ этотъ вечеръ и весь слѣдующій день Дикки съ отцомъ не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Сознаніе своей правоты и безвиннаго оскорбленія облегчало для Дикки тяжелое ожиданіе бѣгства. Если бы онъ подозрѣвалъ, какую тяжелую рану нанесетъ сердцу отца его отъѣздъ, тогда, можетъ быть, начались бы сомнѣнія. И такъ какъ ему больно было оторваться отъ Доротеи, то онъ, можетъ быть, и остался бы. Но м-ръ Ферлонгъ не зналъ, какой готовится ему ударъ, былъ спокойно-суровъ и серьезно воображалъ, что онъ долженъ молчать, чтобы поддержать свой авторитетъ.

— Я не заговорю съ нимъ,—думалъ онъ,—пока онъ самъ не подойдетъ и не извинится.

Понедѣльникъ такъ и прошелъ. Дикки работалъ на мельницѣ, какъ будто ничего не должно было произойти. За столомъ Анни и м-ръ Холломъ замѣтили его упрямо стиснутыя губы. Они слѣдили за всѣми оттѣнками выраженія его лица, стараясь уловить, измѣнилъ ли онъ свое рѣшеніе. Въ глазахъ Анни свѣтилась еще надежда на то, что въ послѣдній моментъ у него не хватитъ мужества, та же мысль сверкала испугомъ во взглядѣ м-ра Холлома. Но они не замѣчали ничего. Въ молчаливомъ и упорномъ спокойствіи провелъ Дикки этотъ день. Вечеромъ, послѣ ужина, онъ очень рано поднялся съ своего мѣста и заявилъ, что идетъ спать.

Онъ склонился къ Анни и нѣжно, съ любовью поцѣловалъ ее.

— Дикки,—сказалъ вдругъ отецъ,—по какому поводу ты цѣлуешь свою сестру *такъ*?

— Какъ *такъ*?—спросилъ Дикки рѣзко.

Щеки Анни пылали.

— Я не вижу необходимости такихъ нѣжностей и объятій. Это совсѣмъ некрасиво.

Отецъ и сынъ взглянули другъ на друга, и въ глазахъ обоихъ вспыхнулъ огонь борьбы. Дикки понялъ, почему его

поцѣлуй сестрѣ привлекъ вниманіе отца. Въ свѣтѣ вчерашняго разговора сдѣлать ему такое замѣчаніе было жестоко. Онъ не видѣлъ, какъ несчастный человѣкъ отчаянно и безнадежно борется за свой отцовскій авторитетъ. Пользоваться у своихъ дѣтей авторитетомъ значило для него пользоваться и ихъ уваженіемъ. Закрѣпляя за собой ихъ послушаніе, онъ полагалъ, что закрѣпляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ любовь. Онъ видѣлъ, что между нимъ и Дикки возникла опять вражда, и оттого готовъ былъ придраться къ какому угодно поводу, лишь бы высказать приказаніе и увидѣть, что оно исполнено.

И оттого онъ отвѣтилъ на взглядъ Дикки мрачнымъ, непоколебимымъ взглядомъ, не зная, что много, много лѣтъ не придется ему видѣть сына.

Отъ этого взгляда защемило сердце Дикки. Съ болью душевной онъ повернулся къ м-ру Холлому. Они пожали другъ другу руки. Когда онъ выходилъ уже изъ комнаты, м-ръ Ферлонгъ позвалъ его назадъ.

— Ты не сказалъ мнѣ спокойной ночи,—заявилъ онъ.

Дикки протянулъ руку.

— Спокойной ночи,—произнесъ онъ.

— Спокойной ночи,—отвѣтилъ м-ръ Ферлонгъ и постарался оттѣнить въ голосѣ сознаніе своей власти. Но Дикки услышалъ въ немъ только недовольство. Въ послѣдній разъ пытался смирить мятежный духъ сына, но Дикки не взглянулъ на него и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса Анни робко постучалась въ дверь къ брату. Его голосъ издалека закричалъ: «войдите!» Она вошла и увидѣла Дикки. Онъ высунулся изъ окна, поставивъ локти на подоконникъ. За плотиной, надъ ивами, вставала блѣдная луна. Анни тихо закрыла дверь и приблизилась къ окну.

— Дикки, — прошептала она, — ты въ самомъ дѣлѣ уѣзжаешь?

— Да,—отвѣтилъ онъ.

Она присѣла у окна, рядомъ съ нимъ.

— Ты, вѣдь, будешь писать, правда?

— Если ты не разскажешь отцу, гдѣ я.

— Я не скажу. Обѣщаю тебѣ. И ты будешь писать мнѣ, если тебѣ что-нибудь понадобится? Ты не будешь голодать, правда? Если не сможешь зарабатывать, ты вернешься.

— Люди съ голоду не пропадаютъ,—сказалъ Дикки. Онъ не зналъ еще жизни.

— И потомъ, Дикки... послушай!..

— Что?

— Я хочу, чтобы ты взялъ вотъ это.

Онъ подала ему маленькій пакетикъ, который зазвякалъ, переходя изъ рукъ въ руки.

— Анни!—воскликнулъ онъ съ изумленіемъ.

— Тутъ всего два фунта,—шептала она.—Я бы дала тебѣ много, много больше, если бъ имѣла.

— Анни!

Онъ обнялъ шею сестры. Ея великодушный даръ вызвалъ въ его памяти множество фактовъ: какъ она опорожняла свою копилку, чтобы купить ему альбомъ для этюдовъ, какъ много разъ своей помощью выводила его изъ затруднительнаго положенія.

— Я не могу взять,—сказалъ Дикки. Пакетикъ лежалъ у него на ладони. Онъ смотрѣлъ на него.

— Возьми!—просила она.—Тебѣ, навѣрное, пригодится. Десяти фунтовъ не на долго хватитъ.

— Но это всѣ твои сбереженія... ты такъ долго откладывала.

— Ничего не значитъ... они мнѣ не нужны. Зачѣмъ мнѣ деньги?

— Ты можешь купить массу вещей,—протестовалъ онъ. Онъ не могъ повѣрить въ то, что деньги могутъ быть безполезны—даже дѣвушкѣ. А пакетикъ все время такъ соблазнительно лежалъ у него на ладони.

— Отдать тебѣ, это мнѣ все равно, что купить себѣ подарокъ,—сказала Анни:—пожалуйста, ну, пожалуйста, возьми!

Ей удалось, наконецъ, уговорить его, и когда уже не было страха, что онъ вернетъ деньги назадъ, Анни взялась сложить ему платье и бѣлье.

— Я не возьму много,—сказалъ онъ.—Заверни нѣсколько перемѣнъ въ коричневую оберточную бумагу. Вотъ и все. Не тащить же мнѣ чемоданъ такую даль до самого Першора.

Анни стала заворачивать коричневый пакетъ. Когда онъ былъ готовъ, она обняла брата. Слезы текли по ея щекамъ.

— Счастливаго пути, Дикки,—сказала она срывающимся голосомъ.—Не забывай меня.

Дикки тоже плакалъ. Онъ чувствовалъ теперь, чѣмъ была для него Анни съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать. Они прижались другъ къ другу мокрыми щеками; но ни однимъ словомъ они не вспомнили непріятную сцену, происшедшую вечеромъ въ столовой.

— Храни тебя Богъ, голубчикъ мой,—пролепеталъ Дикки. Не оглядываясь назадъ, Анни вышла изъ комнаты.

Дикки машинально вернулся къ окну. Ахъ! если бъ никогда не приходила ему эта мысль уйти изъ дому! Что будетъ за жизнь безъ Доротеи, безъ Анни? Поставивъ вопросъ такъ, онъ скоро бы сдался, но у него все же оставалась гордость. Когда онъ опредѣленно представилъ себѣ, какъ было бы, если бы онъ остался, то съ новой силой встали въ его памяти слова отца, а также вспомнились всѣ тѣ надежды, которыя онъ лелѣялъ— и онъ отбросилъ эту мысль. Надо ѣхать! Надо! Это было сдѣлано съ усиліемъ, но разъ уже оно сдѣлано, то надо итти дальше, и онъ зналъ, что будетъ впослѣдствіи радъ этому.

Вскорѣ опять раздался стукъ въ дверь.

Дикки, не двигаясь и не оглянувшись назадъ, закричалъ «Войдите!». Онъ зналъ, кто это.

М-ръ Холломъ притворилъ за собою дверь.

— Ты совсѣмъ не ляжешь? — спросилъ онъ, подойдя ближе.

— Нѣтъ,—сказалъ Дикки.—Поѣздъ изъ Першора отходитъ въ безъ пяти минутъ шесть. А сколько надо, чтобы добраться до станціи! И потомъ я могъ бы проспать, а если я теперь не уѣду, то ужъ никогда не выберусь.

— Начинаешь жалѣть, что рѣшился?

— Жалѣть? Нѣтъ. Но только начинаю чувствовать, что это трудно... Трудно оставить Анни.

— За Анни ты можешь быть покоенъ,—сказалъ м-ръ Холломъ.

— Почему такъ?

— Потому что я буду заботиться о ней, если только она согласится быть моей женой.

Дикки отошелъ отъ окна.

— А, вотъ какъ? — сказалъ онъ. — Я страшно радъ. Страшно!

Они крѣпко пожали другъ другу руки.

— Подумать только! Анни... ахъ, я радъ!

— Да .. и тревожишься ты вовсе не объ Анни, милый человѣкъ. Но о ней мы оба будемъ заботиться. Когда ты черезъ годъ вернешься домой съ деньгами за первую маленькую картину, то найдешь ее молодцомъ. Я слыхалъ, что у стараго Легатта открылась учительская вакансія. Я заявлю о своемъ желаніи занять ее. Денегъ не много, но какъ-нибудь хватать будетъ. Здѣсь жизнь дешевле, чѣмъ тамъ, на сѣверѣ.

— Великолѣпно!—сказалъ Дикки,—если вы такъ сдѣлаете... Отецъ пошелъ уже спать?

— Онъ уходилъ къ себѣ, когда я шелъ наверхъ. Лучше будетъ, если онъ не застанетъ меня въ твоей комнатѣ. Спокойной ночи, другъ мой. Возьми это письмо, что я далъ тебѣ къ Марло. Онъ поможетъ тебѣ на первыхъ порахъ. И старайся протянуть съ деньгами возможно дольше. Это весь твой капиталъ. Больше мнѣ нечего сказать тебѣ. Только вотъ еще одно: работай какъ дьяволъ. Это иногда помогаетъ забыть, что въ желудкѣ пустота.

Дикки перевелъ дыханіе и взялъ Холлома за руку.

— Спасибо... огромное, огромное спасибо,—сказалъ онъ. Это было просто, но оно выражало все, что онъ хотѣлъ сказать.

Когда дверь закрылась, онъ снова вернулся къ окну и сталъ прислушиваться: по разнымъ долетавшимъ до него звукамъ онъ зналъ, что отецъ собирается идти спать. Прошло еще довольно много времени. Затѣмъ онъ слышалъ, какъ нижнюю дверь изъ сѣней запирали на ключъ, а затѣмъ въ окнѣ лѣстницы показался свѣтъ: это м-ръ Ферлонгъ шелъ со свѣчей наверхъ.

Когда свѣтъ исчезъ, Дикки остановился среди комнаты, прислушиваясь. Для того, чтобы попасть въ свою спальню, м-ръ Ферлонгъ долженъ былъ пройти мимо комнаты сына. Дикки слышалъ мягкій звукъ приближающихся шаговъ. Въ щелочку внизу двери онъ видѣлъ приближающійся свѣтъ. Шаги остановились у двери. Дикки затаилъ дыханіе.

Раздался слабый стукъ въ дверь. Отецъ произнесъ его имя, осторожно, какъ бы стараясь узнать, спитъ ли онъ. Дикки не отвѣтилъ. Если бъ онъ отвѣтилъ, кто знаетъ, какъ измѣнилась бы его жизнь?

Какъ только м-ръ Холломъ ушелъ изъ столовой, онъ отложилъ книгу и упалъ на колѣни возлѣ своего кресла, сталъ молиться, чтобы Богъ помогъ ему понять сына, котораго онъ благодаря собственнымъ воспоминаніямъ уже начиналъ смутно

Въ натурѣ мистера Ферлонга было всегда молиться о тѣхъ вещахъ, которыя у него уже были. Когда онъ понялъ, что такая страсть (хотя нѣсколько ранняя у Дикки) вполнѣ естественна и свойственна человѣку, онъ сталъ молиться, чтобы Богъ далъ ему разумѣніе.

М-ръ Ферлонгъ рѣшилъ сегодня же вечеромъ поговорить

съ Дикомъ, если тотъ еще не будетъ спать. Онъ не допускалъ мысли о томъ, чтобы Дикки женился черезъ годъ или два. Это слишкомъ рано! Но онъ желалъ сказать ему, что не осуждаетъ его помысла; желалъ, чтобы сынъ увидѣлъ, какъ широки и безпристрастны его взгляды.

И онъ постучалъ въ дверь. Онъ произнесъ имя Дикки. Но отвѣта не было. Дикки стоялъ въ комнатѣ, не шевелясь, едва смѣя дышать. Тогда мистеръ Ферлонгъ пошелъ дальше по корридору. Желтый свѣтъ свѣчи уползъ изъ дверной щели. Дикки присѣлъ къ столу и сталъ писать.

«Дорогой отецъ!»—написалъ онъ—«Я уѣзжаю въ Лондонъ учиться живописи. Я не могу жить и работать на мельницѣ. Не ищите меня. Я не вернусь домой. Я хочу пріобрѣсти опытъ, о которомъ вы говорили. Прощайте! Дикки».

Онъ сложилъ письмо, всунулъ въ конвертъ и адресовалъ отцу. Затѣмъ взялъ свертокъ со своими вещами, тихо открылъ дверь, прислушался и осторожно сталъ спускаться внизъ.

Когда м-ръ Ферлонгъ ложился въ постель, ему показалось, что онъ слышитъ какой-то звукъ, похожій на защелкиваніе двери. Онъ сѣлъ на кровать и прислушался. Все было тихо.

— Если бы я былъ нервнымъ человѣкомъ,—подумалъ онъ,—я бы не успокоился, пока не пошелъ бы посмотрѣть, не прячутся ли въ домѣ воры.

И довольный тѣмъ, что онъ не нервенъ, онъ опять улегся удобно и заснулъ.

XXXVI.

Луна быстро плыла по свѣтлому небу, когда Дикки подходилъ къ мосту въ Эккингтонѣ. Она освѣщала легкую флотилію облаковъ, скользившихъ по ея диску, и серебрила ихъ паруса. Вѣроятно, тамъ наверху дулъ свѣжій вѣтеръ, но ближе къ землѣ было очень тихо. Едва шелестѣли молодые листья ивъ—шелестомъ шелка, какъ будто женщина прошла по тихому корридору. Подъ сводами моста шептала вода, тихо плескалась о старые каменные столбы и спѣшила донести свою пѣсню камышамъ. Кромѣ этихъ звуковъ, ничего не было слышно: ночь была спокойная, нѣмая.

Дикки положилъ свой свертокъ на землю и остановился въ той нишѣ, гдѣ онъ впервые поцѣловалъ Доротею. Было рано. Въ немъ еще не рождалась тревога за то, придетъ ли она. Ему было пріятно опираться на источенный каменный

барьеръ, пріятно глядѣть внизъ на текущую воду. Когда луна выплывала изъ-за тучъ, ему видно было глубоко, до самаго дна, гдѣ извивались ползучіе стебли водорослей, которыхъ лизалъ бѣгущій потокъ. Дикки глядѣлъ вверхъ на небо, стараясь убѣдить себя въ томъ, что та же самая луна плыветъ надъ безчисленными крышами лондонскихъ домовъ. Направо, надъ нимъ, были семь звѣздъ, которыя онъ столько лѣтъ всегда видѣлъ изъ окна своей комнаты. Это будетъ то свое, которое онъ найдетъ и на чужбинѣ. Онъ сталъ думать, какъ будетъ работать въ Лондонѣ, какъ добьется славы, но все это казалось ему сейчасъ второстепеннымъ: умъ его былъ всецѣло поглощенъ тревожнымъ сознаніемъ, что онъ оставляетъ все близкое знакомое ради чужого и далекаго.

Такъ еще недавно, когда Анни складывала его вещи, мысли о будущемъ казались ему главными: онъ съ досадой выбросилъ какое-то платье и взамѣнъ положилъ свою папку съ этюдами и ящикъ акварельныхъ красокъ. Съ этимъ багажемъ и съ небольшими деньгами въ карманѣ онъ готовъ былъ начать свою карьеру.

Но сейчасъ, стоя одиноко на старомъ мосту, Дикки не могъ думать о своей карьерѣ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ разстаться въ Доротеей! А что, если отецъ войдетъ къ нему въ комнату, увидитъ письмо и помчится въ Першоръ, чтобы помѣшать его отъѣзду? Сильно ли бы онъ опечалился, если бъ пришлось вернуться назадъ? И если бъ отецъ, убѣдившись, какъ серьезно его чувство, далъ согласіе на его бракъ съ Доротеей черезъ годъ или въ этомъ родѣ?

Дикки переживалъ то неуравновѣшенное душевное состояніе, когда человѣкъ принялъ опредѣленное рѣшеніе и вынужденъ съ растущимъ нетерпѣніемъ ожидать момента привести его въ исполненіе. Эти полчаса на мосту, когда онъ ждалъ Доротею, были тяжелымъ испытаніемъ. Наступилъ и тотъ мучительный моментъ, когда зловѣще сгустилось вокругъ него молчаніе, когда все еще не слышно было звука шаговъ, которыхъ онъ такъ ждалъ, и Дикки началъ думать, что она не придетъ. Защемило въ сердцѣ. Снова мужественная сила и доблесть покинула его. Теперь это былъ только мальчикъ, стоящій надъ самой пропастью у бѣшено бурлящаго водоворота жизни; слабо, но упорно, онъ твердитъ самому себѣ, своему бѣдному сердцу, что надо броситься въ пучину, что надо оторваться отъ всего, что ему дорого. Надо ради того, чтобы спасти себя!

Нѣтъ для человѣка ничего тяжелѣе этой борьбы. И чѣмъ ближе онъ къ гибели, тѣмъ больше потомъ его побѣда. Дикки напрасно вслушивался нѣсколько минутъ, ожидая знакомыхъ шаговъ. Время шло. Наконецъ, онъ медленно нагнулся и поднялъ свой свертокъ. Она не пришла, а не увидавшись съ нею, онъ не въ силахъ уѣхать. Онъ ясно сознавалъ, что если онъ не уйдетъ эту ночь, то онъ никогда не уйдетъ, и все-таки готовъ былъ вернуться. Не попрощавшись съ Доротеей, онъ не могъ уйти.

Видно, его судьба—жизнь на мельницѣ. При этой мысли у него задрожали губы. Ярко встало передъ нимъ сознаніе всего, что онъ терялъ въ жизни. Но еще требовательнѣе, еще громче, чѣмъ голосъ свободы, заявлялъ въ немъ о себѣ другой голосъ.

Дикки медленно сталъ возвращаться домой. Очевидно, для такой борьбы онъ слабъ. Онъ зналъ, что не годится. Побѣждать жизнь не въ его силахъ.

Вдругъ онъ остановился. До ушей его долетѣли отдаленные звуки. Да... съ дороги звучало: тукъ-тукъ-тукъ—да, это она! Ошеломленный, пристыженный тѣмъ, что сдѣлалъ эти нѣсколько шаговъ назадъ, онъ снова вернулся на мостъ и снова положилъ свой узелокъ. Еще минута, и луна выплыла изъ-за тучи. Дорога освѣщена была ярко, точно днемъ, и онъ увидалъ вдали фигуру Доротеи. Тогда онъ почувствовалъ, какъ они съ ней одиноки среди этой тихой ночи.

XXXVII.

Дикки пошелъ по дорогѣ навстрѣчу Доротеѣ. Свертокъ онъ оставилъ на мосту. Она нервно протянула ему руку. Онъ взялъ ее, притянулъ ближе къ себѣ и поцѣловалъ ея губы. Онѣ были холодны. Еще нѣсколько дней назадъ Доротея сама не повѣрила бы, что она тайкомъ убѣжитъ ночью изъ дому. И теперь, сдѣлавъ это и ускользнувъ незамѣченной, она все же чувствовала страхъ, увидя кругомъ тьму и себя наединѣ съ Дикки.

Мелькнула даже мысль вернуться. Въ душѣ явственно рождалось предчувствіе. Она не думала, что что-то произойдетъ; но въ сознаніи ея присутствовало неопредѣленное ожиданіе чего-то. Она не называла сама себѣ что именно. Она не знала имени. Но таинственная возможность ощущалась.

Оттого были холодны ея губы, и дрожали руки. Она много плакала въ этотъ вечеръ у себя въ комнатѣ, но теперь слезъ не было.

— Я могу остаться только очень недолго, Дикки—сказала она.

— Развѣ дома могутъ замѣтить, что тебя нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ! если бъ была такая опасность, я бы не пришла. Но мнѣ нельзя долго оставаться. Да и... холодно. Правда?

— Холодно?—повторилъ онъ, обвивая ея плечо рукой.—Мнѣ ничуть не холодно, хотя я здѣсь уже почти часъ.

— Не знаю... меня знобитъ,—сказала она.—Можетъ-быть, это и не отъ холода.

Дикки привлекъ ее въ нишу и крѣпко прижалъ къ себѣ.

— Помнишь тотъ вечеръ, когда мы здѣсь стояли,—прошепталъ онъ,—прошлой осенью, когда всходила луна. Тогда я первый разъ поцѣловалъ тебя.

Она взглянула ему въ лицо. Глаза ея отвѣтили «да».

— Ты хотѣла тогда, чтобъ я поцѣловалъ тебя, правда?

Опущенныя внизъ рѣсницы отвѣтили ему.

— А теперь... ты хочешь, чтобы я поцѣловалъ тебя?

Неопредѣленное предчувствіе снова заполонило ея сознаніе. Она дрожала.

— Хочешь?

Губы ея все еще были холодны, но онѣ были теплѣе, когда его губы оторвались отъ нихъ. Въ тотъ же моментъ нога Доротеи нечаянно коснулась свертка съ вещами. Она посмотрѣла на землю.

— Что это лежитъ?—спросила она.

— Мои вещи.

— Какія вещи? Ахъ! твое платье. Развѣ ты не пойдешь еще сегодня домой?

Онъ покачалъ головой.

— Я ушелъ уже окончательно,—сказалъ онъ,—и назадъ никогда не вернусь.

Неопредѣленное предчувствіе отлетѣло отъ нея. На его мѣсто встало болѣзненно яркое ощущеніе настоящаго. Это ихъ послѣднее свиданіе. Путь его уже начался; скоро онъ уйдетъ и скроется изъ виду. Слезы снова прихлынули къ ея глазамъ. Она проскользнула рукой подъ его руку и крѣпко прижалась къ нему.

— Ахъ, Дикки,—шептала она,—теперь я чувствую, что это такъ. До сихъ поръ я все-таки не вѣрила. Что я буду дѣлать?

Онъ старался, насколько могъ, утѣшить и ободрить ее.

— Но ты увѣренъ, что не забудешь меня? — жалобно продолжала она. — Найдутся другія, кого любить, и другія будутъ тебя любить, но никогда, никогда такъ сильно, какъ я.

Что помѣшаетъ ему забыть ее? Что будетъ связывать ихъ, когда онъ уѣдетъ? Ахъ, если бъ только она могла удержать его теперь! Зачѣмъ она согласилась на его отъѣздъ, сегодня утромъ, когда они помирились? Что она этимъ выиграла? Черезъ нѣсколько часовъ ея руки не смогутъ больше обнимать его. Хоть тысячу разъ повторять его имя, онъ не откликнется. Онъ будетъ далеко...

Въ приливѣ страстнаго отчаянія Доротея закинула руки вокругъ его шеи и стала осыпать его лицо поцѣлуями. Можетъ быть, они заставятъ его помнить ее. Мысль о нихъ проснется въ его умѣ, если какая-нибудь другая женщина захочетъ, чтобы онъ поцѣловалъ ее. Она знала, что такія найдутся! И въ необузданную пылкость ея поцѣлуевъ входила и яростная ненависть къ этимъ другимъ. Дикки чуть не задохся отъ стремительнаго града ласкъ, но онъ думалъ, что это только отъ мысли о скорой разлукѣ.

— Ты никогда не забудешь меня, да?—пробормотала она и заглянула ему въ глаза.

— Какъ я могу забыть, Дорри? — шепнулъ онъ. Но по тону, которымъ онъ сказалъ это, она поняла, какъ много людей уже произнесли эти самыя слова.

Нѣтъ! Удержать его было нечѣмъ. Даже эти поцѣлуи остынутъ на его губахъ. Какъ жестока жизнь! Щеки ея ярко горѣли отъ этой мысли.

Вдругъ они услышали стукъ... какъ будто громыканіе колесъ телѣги, медленно приближавшейся изъ Эккингтона.

— Слушай!—прошептала Доротея.

Оба насторожились, полуоткрывъ губы. Глаза были внимательно устремлены въ полутьму.

— Я не думаю...—началъ было Дикки.

— Тише!—нервно воскликнула она.

Звуки доносились теперь явственнѣе. Чуткому слуху Доротеи они казались оглушительными, точно громъ съ неба.

— Приближаются къ мосту,—сказала она.—Что мнѣ дѣлать, Дикки? Если меня увидятъ, обязательно разскажутъ папѣ. Что дѣлать?

— Мы можемъ спрятаться за этими ивами, пока проѣдутъ. Они не увидятъ насъ.

— А вдругъ все-таки замѣтятъ!—вскликнула она горячо.— Я знала, что кто-нибудь пройдетъ. Я знала, что все откроется!

— Ну, тогда пойдемъ скорѣе на старое гумно, — предложилъ Дикки. — Здѣсь, сейчасъ... на лугу. На другой сторонѣ есть откосъ... я знаю, гдѣ можно пройти. Скорѣе... тутъ всего нѣсколько шаговъ, Дорри, и тогда ни одна душа не увидитъ насъ.

Онъ поднялъ свой свертокъ и взялъ Доротею за руку. Черезъ секунду они быстро шли по сырой травѣ луга на берегу рѣки. Коровы съ тупымъ любопытствомъ поворачивали головы и смотрѣли имъ вслѣдъ.

Старое гумно одиноко стояло посреди луга. Одна стѣна почти развалилась. Въ томъ углу, который лучше сохранился, нѣсколько коровъ было привязано къ стойламъ. Онѣ подняли сонные глаза, когда Дикки, а вслѣдъ за нимъ Доротея пробрались внутрь.

Сердце у Доротеи бѣшено колотилось отъ возбужденія. Когда они вошли, и сова, взмахнувъ крыльми, снялась съ балки въ углу и вылетѣла сквозь одно изъ отверстій въ стѣнѣ, Доротея вскрикнула и судорожно уцѣпилась за рукавъ Дика.

— Это только сова, — успокоительно сказалъ онъ.—Я зналъ, что здѣсь ея гнѣздо. Чего бояться, Дорри? Не бойся.

— Но тутъ такъ темно,—сказала она.

— Это сразу такъ кажется. Потомъ ты привыкнешь. Зато никто не будетъ знать, что мы здѣсь.

— Тише!—шепнула она. Снова ея пальцы конвульсивно сжали его руку. Они стояли не шевелясь. Изъ противоположнаго угла гумна доносилась мѣрная жвачка коровы. Звукъ этотъ, такой однообразный, успокаивающій, такъ пріятенъ слуху днемъ, но ночью, когда не догадываешься, откуда онъ исходитъ, онъ можетъ заледенить ужасомъ кровь.

Сколько разъ случалось Доротеѣ проходить мимо стараго гумна, когда она шла лугомъ. Но внутрь она никогда не заходила. Она со страхомъ взглянула вверхъ. Старыя дубовыя балки и стропила, сводчатыя, изогнутыя напоминали церковные потолки. Запахъ сѣна, за ночь остывшаго, былъ очень силенъ и ударилъ имъ въ ноздри. Мѣсто было жуткое, но Доротею облегчало сознаніе, что здѣсь она въ безопасности отъ взглядовъ прохожихъ. Она все еще держалась за руку Дикки, но уже была довольна, что они тутъ.

Дикки повелъ ее черезъ все гумно къ тому мѣсту, гдѣ сѣно лежало большой кучей. Нѣсколько разъ изъ-подъ ногъ у нихъ пробѣгали мыши, и Дикки кашлялъ, чтобы Доротея не слыхала подозрительнаго шороха.

— Сядемъ здѣсь, на сѣнѣ,—сказалъ онъ,—и будемъ говорить. Мнѣ столько надо сказать тебѣ.

Они сѣли. Онъ взялъ ея руку и молча смотрѣлъ на нее.

Постепенно, мирная коровья жвачка въ углу усыпила страхи Доротеи. Снова пришли мысли о разлукѣ, о томъ, какъ она будетъ жить безъ Дикки.

— Ты читалъ когда-нибудь Броунинга?—неожиданно спросила она.

Онъ покачалъ головой.

— Мама дала мнѣ книгу его поэмъ. Она сказала, чтобы я прочла ихъ, но я не могу все въ нихъ понять.

— А почему ты меня спрашиваешь?—удивился онъ.

— Потому что тамъ есть одна—называется она «Ночь и Утро»... она вспомнилась мнѣ теперь... Это старое гумно... твой отъѣздъ... все это. Послѣднія двѣ строчки такія чудесныя!

— Какъ онѣ? ты помнишь?

— Нѣтъ. Не помню точно,—отвѣтила она. Но это была неправда. Каждое ихъ слово громко звучало въ ея душѣ.

«И прямо передъ нимъ путь золотой разостланъ,
«А мнѣ... мнѣ мѣста нѣтъ на жизненномъ пиру» *).

Она повторила про себя нѣсколько разъ кряду эти стихи, вдумываясь въ слова, которыя давали ей печаль и отраду.

«А мнѣ... мнѣ мѣста нѣтъ на жизненномъ пиру».

Эта строчка рисовала долгія ночи, которыя ждутъ ее; уныніе и голодъ ея сердца. Такъ жестоко, что онъ долженъ уѣхать! Сейчасъ только это сознаніе владѣло ея мыслями. Она забыла свой страхъ, забыла, что надо возвращаться домой.

А Дикки вперилъ взглядъ въ тьму, не казавшуюся уже такой непроглядной, и думалъ, какъ мало въ сущности людей, которымъ такъ, какъ ему, могла бы довѣриться любимая дѣвушка. Съ нимъ она въ безопасности. Онъ вспомнилъ легенду о викингахъ, которые клали мечъ на ложе между собой и своей возлюбленной, для того, чтобы охранять ея честь. У нихъ съ Доротеей тоже лежалъ этотъ мечъ—ея чистота.

Дикки откинулся назадъ на сѣно. Сильный запахъ его кружилъ ему голову. Ему хотѣлось доказать Доротеѣ величіе своего чувства, силу и красоту своей любви къ ней.

— Дорри!—нѣжно сказалъ онъ. Она повернула къ нему голову. Онъ медленно обнялъ ее рукой и привлекъ къ себѣ. Теперь они лежали близко, близко другъ къ другу. Щеки ихъ

*) „And straight was a path of gold for him,
„And the need of a world of men for me“.

прикасались. Волосы ея пахли такъ же сильно, какъ и сѣно. У Дикки перехватило дыханіе, когда дуновеніе ихъ запаха коснулось его лица. Навѣрное, никогда ни одинъ человѣкъ не былъ такъ далеко отъ всѣхъ людей со своей милой. Мысль объ ихъ уединеніи вдругъ ударила его по нервамъ. Онъ задрожалъ.

— Дикки, тебѣ такъ холодно?—прошептала она.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Но такъ уже скоро мнѣ надо итти. Если бы мы были женаты, то могли бы вотъ такъ быть всегда. Всегда вмѣстѣ. Каждый день... — его голосъ понизился до еле слышнаго шопота,—каждую ночь.

Доротея лежала тихо-тихо. Такъ тихо лежала она, какъ будто была въ болѣзненномъ забытьи. Въ дальнемъ углу гумна корова по-прежнему монотонно жевала свою жвачку. Дикки чувствовалъ близко отъ себя неподвижно лежащее тѣло Доротеи, и дрожь его еще усилилась. Какъ они одни!

— Тебѣ очень спать хочется, Дорри?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она. Въ голосѣ ея онъ услышалъ страданіе, но не рѣшился спросить, отчего оно.

Долго молчали. Затѣмъ Доротея спросила шопотомъ, когда ему надо итти.

— Какъ только взойдетъ солнце,—отвѣтилъ Дикки.—Оно восходитъ около четверти шестого. Будетъ довольно времени, чтобы поспѣть къ поѣзду въ Першоръ.

— Когда взойдетъ солнце,—прерывисто повторила она и тѣснѣе прижалась къ нему. И они молча лежали на мягкомъ сѣнѣ въ углу стараго гумна. Когда луна высвобождалась изъ-за тучъ, то сквозь безчисленныя щели ветхаго строенія пробивался къ нимъ сильный свѣтъ; тогда Дикки видѣлъ лицо Доротеи. Глаза ея были закрыты, губы полусомкнуты, дыханіе ея быстро, горячо и прерывисто вѣяло на него. Онъ старался понять, отчего это такъ. Былъ ли это тотъ важный, единственный моментъ въ жизни, какой, онъ зналъ, случается у каждаго человѣка. Онъ этого не зналъ. Онъ былъ смущенъ и встревоженъ. Неужели онъ—такъ гнусенъ, такъ мерзокъ? Стала ли бы она презирать его и ненавидѣть, если бъ узнала его мысли?

Дрожа и запинаясь, Дикки притянулъ ближе къ себѣ лицо Доротеи.

— Дорри,—сказалъ онъ хрипло,—Дорри, скажи, что ты любишь меня. Скажи, скажи! Я чувствую себя такимъ негодяемъ. Такимъ подлымъ! Скажи, что ты любишь меня.

Онъ услышалъ отвѣтъ въ ея дыханіи. Слова она не могла выговорить.

Послышался бой церковныхъ часовъ въ Эккингтонѣ. Дикки сталъ осыпать Доротею безумными поцѣлуями, чтобы она не услыхала, который часъ, и не захотѣла уйти. Но сквозь всѣ поцѣлуи она слышала бой часовъ. У нея скользнула мысль, что надо итти; но она не могла двинуться. Пусть кончится здѣсь жизнь! Такъ темно! Она такъ любитъ Дикки, а онъ черезъ нѣсколько часовъ покинетъ ее, а ей... ей мѣста нѣтъ на жизненномъ пиру.

— Я люблю тебя, Дикки,—прошептала она.

И снова окутало ихъ молчаніе, а въ дальнемъ углу гумна раздавалось все то же мѣрное чавканье: это корова упорно жевала свою жвачку.

. . . . . .

Всю эту ночь Доротея просидѣла возлѣ спящаго Дикки. Онъ скоро уснулъ. Ни радость, ни раскаяніе ни могли удержать его бодрствующимъ. Глаза его сомкнулись противъ воли. Среди борьбы между его совѣстью и могучимъ чувствомъ любви, сонъ незамѣтно подкрался къ нему; его голова, покоившаяся на ея плечѣ, соскользнула ниже, къ ней на руку. Онъ мѣрно дышалъ. Доротея поняла, что онъ будетъ теперь спать до восхода солнца, и улыбнулась.

Такъ она просидѣла около него всю ночь. Медленно, одна за другой, проходили мысли въ умѣ Доротеи.

Новая бодрость проснулась въ ней. Она не сожалѣла о томъ, что было. Она глядѣла на Дикки, и онъ казался ей ребенкомъ у нея на рукахъ. Теперь онъ не можетъ забыть ее: всѣ женщины въ мірѣ не заставятъ его теперь забыть ее. Въ душѣ Доротеи не было больше горечи отъ сознанія, что скоро Дикки уйдетъ. Была только радостная надежда, что онъ скоро вернется. И вернется онъ съ торжествомъ!

Чувство враждебной розни исчезло. Побѣда была ихъ общей. Онъ уходитъ въ жизнь, онъ уходитъ отъ нея, но онъ владѣетъ такой властью надъ нимъ, которую онъ никогда не въ силахъ будетъ отстранить. Всѣ эти мысли представлялись ей въ смутномъ видѣ; всѣ онѣ смутно радовали ее. Но онѣ были достаточно сознательны для того, чтобъ отогнать страхъ настоящаго и опасенія за то, что можетъ принести будущее.

Время шло. Доротея думала о своей матери, понимая теперь то, что казалось ей раньше такимъ непонятнымъ. Она почувствовала свое сходство съ матерью и горячо поблагодарила Бога за то, что ея мужемъ будетъ тотъ, кого она любитъ. Они любятъ другъ друга—кто посмѣетъ сказать что-нибудь противъ

нихъ? Она не предчувствовала для себя ни горя, ни позора. Какое бы разстояніе ни раздѣляло ихъ съ Дикки, все равно! Они принадлежатъ другъ другу и вѣчно будутъ принадлежать. Ничто не можетъ разлучить ихъ теперь.

Долго сидѣла такъ Доротея, въ ничѣмъ не нарушаемой тишинѣ, раздумывая объ ихъ судьбѣ, пока наконецъ сквозь открытое отверстіе гумна, въ которое они вошли, не сталъ пробиваться сѣрый свѣтъ занимающагося дня. Тогда только дрогнули губы Доротеи.

Она сидѣла не шевелясь и глядѣла, какъ постепенно начинаетъ разгораться могучее пламя зари. А на глаза ея набѣгали слезы. На востокѣ медленно поднялся сѣрый, какъ дымъ, туманъ. Онъ поглощалъ тьму ночи и широкими полосами медленно ползъ вверхъ, къ небу. Когда сѣрая дымка начала окрашиваться пурпуромъ и на горизонтѣ стали появляться первые, несмѣлые, языки огромнаго костра зари, а черезъ холмы протянулась длинная блѣдно-палевая лента, Доротея поняла, что конецъ близокъ. И вся картина измѣнилась въ ея глазахъ.

Этого костра не погасить ей всѣми своими слезами! Онъ упорно разростался тамъ, за линіей холмовъ, какъ будто цѣлый городъ былъ объятъ пламенемъ. Упорно тянулся къ западу сѣрый туманъ, превращаясь въ розово-багряный, когда отраженіе огня попадало въ него. Упорно свѣтлѣлъ востокъ, горя краснымъ свѣтомъ, затѣмъ оранжевымъ и наконецъ золотымъ. И наконецъ пустилъ яркіе лучи вверхъ, надъ холмами. Костеръ дня зажженъ, пламя простиралось къ самому небу. Солнце взошло.

Доротея вытерла бѣжавшія по ея щекамъ слезы.

— Дикки,—прошептала она,—солнце взошло!

И, склонившись, она поцѣловала его губы.

Дикки проснулся и услышалъ, что въ кустахъ вблизи стараго гумна, уже раздаются звонкія, утреннія ноты дрозда. Проснулся міръ, который ему предстояло завоевать.

Съ англійскаго пер. М. Славинская.

КОНЕЦЪ.

БОРЬБА ЗА СИБИРСКІЯ ЗЕМЛИ.

За послѣднее время правительство проявляетъ какое-то лихорадочное стремленіе освободиться отъ государственнаго земельнаго фонда, какъ отъ досадной обузы. Тенденція къ раздачѣ казенныхъ земель въ частныя руки наблюдается съ 1906 г., но тогда она была вызвана совершенно иными мотивами: тогда правительство искало средствъ, которыми бы оно могло утолить крестьянскую земельную нужду, не затрагивая помѣщичьихъ интересовъ, и однимъ изъ такихъ средствъ явилась передача небольшихъ запасовъ удобныхъ казенныхъ и удѣльныхъ земель въ Европейской Россіи въ ипотечныя учрежденія для продажи крестьянамъ. Тогда можно было протестовать противъ *формы* передачи національнаго фонда за деньги и въ собственность отдѣльныхъ лицъ, но нельзя было отрицать правильности назначенія этого фонда исключительно для нуждъ трудовыхъ земледѣльцевъ. Точно такъ же и азіатскій государственный фондъ обслуживалъ до сихъ поръ почти однихъ крестьянъ-переселенцевъ. Хотя съ 1822 г. издано не мало законовъ и указовъ, которыми насаждалось въ Сибири крупное землевладѣніе, но эти законодательные акты реальнаго значенія не пріобрѣли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе экономическихъ условій, невыгодныхъ для капиталистическаго хозяйства, а отчасти, благодаря опасливости бюрократіи, не рисковавшей допустить безудержнаго расхищенія національнаго достоянія, а потому изобрѣтавшей чрезвычайно сложныя процедуры передачи земель частнымъ предпринимателямъ.

Но теперь экономическія условія въ Сибири радикально видоизмѣнились. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, съ наплывомъ въ Азію $2^1/_2$ милліоновъ переселенцевъ, на-ряду съ ними, уже появились въ Сибири крупные скотоводы—кубанскіе, донскіе, ставропольскіе, которыхъ изгнали изъ насиженныхъ мѣстъ сгущеніе населенія, ростъ земельныхъ цѣнъ и передача запасного фонда казачьихъ войскъ малоземельнымъ казакамъ. Новыя предпринимательскія хозяйства облюбовали, преимущественно, степныя области, гдѣ на

территоріи сибирскаго казачьяго войска они скупили доступныя продажѣ офицерскія имѣнья и заарендовали какъ сотни тысячъ десятинъ войскового запасного фонда, такъ и земли у киргизъ. По неполнымъ подсчетамъ, общій размѣръ площади, эксплоатируемой этими хозяйствами буржуазнаго типа—не менѣе полумилліона десятинъ, пріобрѣтенныхъ арендой и покупкой за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Правительство обратило на это новое явленіе весьма благосклонное вниманіе: для него крупнопомѣстный элементъ открываетъ наиболѣе желательный выходъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое его ставитъ вопросъ о сибирскомъ земствѣ. Необходимость введенія земства въ Сибири настолько назрѣла, что даже мѣстныя губернскія власти кое-гдѣ начинаютъ настаивать на скорѣйшемъ осуществленіи земской реформы. Но ввести земство безъ помѣщиковъ — это, по мнѣнію многихъ бюрократовъ, едва-ли не равносильно устройству въ Сибири демократическихъ республикъ. Тутъ-то и пришла на помощь идея насажденія «культурнаго скотоводства» и «частной предпріимчивости». «Наличность частной собственности на землю, кромѣ общаго подъема хозяйственной жизни страны,—говорится въ объяснительной запискѣ къ законопроекту о частной предпріимчивости,—дастъ въ то же время полезныя силы для *мѣстнаго общественнаго управленія*, которое необходимо организовать въ будущемъ и по ту сторону Урала» (стр. 6). Пока законопроектъ еще не разсмотрѣнъ Государственной Думой, а правительство успѣло уже отвести «культурнымъ скотоводамъ» 702 тысячи дес. казенныхъ земель въ лучшихъ районахъ; и этотъ фактъ ввелъ, повидимому, въ соблазнъ петербургскихъ мясоторговцевъ, обратившихся къ бывшему министру финансовъ г. Коковцову, съ неслыханнымъ ходатайствомъ о *прекращеніи дальнѣйшаго заселенія Сибири переселенцами* [1]).

Отсюда ясно, что интересы крупныхъ предпринимателей и бюрократіи сошлись на этомъ пунктѣ и въ жертву такой entente cordiale предполагается принести нашъ государственный земельный фондъ. Въ ближайшемъ будущемъ Государственной Думѣ предстоитъ приступить къ обсужденію уже разсмотрѣннаго въ переселенческой комиссіи законопроекта о «привлеченіи частной предпріимчивости къ разработкѣ впустѣ лежащихъ казенныхъ земель», и тогда мы станемъ свидѣтелями борьбы за сибирскія казенныя земли между представителями интересовъ крупнаго хозяйства и бюрократической власти, съ одной стороны, и сторонниками интересовъ трудящейся массы, съ другой. Пока этотъ моментъ рѣшительной борьбы еще не насту-

---

[1]) См. „Русск. Вѣд." № 10 текущаго года.

пилъ, намъ кажется полезнымъ обратить вниманіе общества на указанный законопроектъ, представляющій существенный интересъ какъ съ точки зрѣнія принциповъ, такъ и со стороны раціональной аграрной политики.

Но мы оставимъ принципы въ сторонѣ: для многихъ принципіальный вопросъ о *формахъ* земельной собственности—государственной или частной, тѣсно связанный съ законопроектомъ о частной предпріимчивости, представляется слишкомъ сложнымъ и спорнымъ, а мы хотимъ въ данномъ случаѣ исходить изъ совершенно безспорныхъ, очевидныхъ для всѣхъ положеній. Поэтому въ основу дальнѣйшаго изложенія мы кладемъ неоспоримый тезисъ, выставленный въ Высочайшемъ рескриптѣ 30 января на имя министра финансовъ Барка. «Нельзя ставить въ зависимость благосостояніе казны отъ разоренія духовныхъ и хозяйственныхъ силъ множества вѣрноподданныхъ, а посему необходимо направлять финансовую политику къ изысканію государственныхъ доходовъ, добываемыхъ изъ неисчерпаемыхъ источниковъ государственнаго богатства и отъ народнаго производительнаго труда, и, при соблюденіи разумной бережливости, *постоянно соединять заботы объ увеличеніи производительныхъ силъ государства съ заботою объ удовлетвореніи нуждъ народа*». Тезисъ этотъ одинаково приложимъ, какъ къ финансовой, такъ и къ экономической и къ соціальной политикѣ. Изъ него вытекаютъ слѣдующія основныя посылки:

1) Нельзя, въ интересахъ казны, проводить мѣры, разоряющія народъ, или препятствующія его хозяйственному и культурному развитію.

2) Необходимо развитіе производительныхъ силъ государства соединять съ удовлетвореніемъ народныхъ нуждъ.

Прилагая этотъ тезисъ и вытекающія изъ него посылки къ разсматриваемому нами вопросу, мы устанавливаемъ заранѣе, что система извлеченія государственныхъ доходовъ, добываемыхъ «изъ неисчерпаемыхъ источниковъ государственнаго богатства»—въ данномъ случаѣ, изъ казенныхъ земель, обязательно должна быть согласована не только съ принципомъ развитія производительныхъ силъ страны, но и съ удовлетвореніемъ дѣйствительныхъ народныхъ нуждъ, т. е. въ нашей проблемѣ—съ переселенческимъ движеніемъ, которое является непосредственнымъ результатомъ настоятельной народной нужды въ землѣ.

Но мы дѣлаемъ еще одну уступку и будемъ разсматривать нашу проблему, прежде всего, съ точки зрѣнія производительныхъ силъ страны, независимо отъ потребностей и нуждъ крестьянской массы. Положимъ на одну чашку вѣсовъ производительныхъ силъ «культурное скотоводство», какъ главный доводъ въ пользу «част-

ной предпріимчивости», выставляемый объяснительной запиской, а на другую—«некультурное земледѣліе»—этотъ единственный козырь нашихъ хлѣборобовъ. Посмотримъ, какая чашка перетянетъ въ современныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства въ Азіи.

«Особенно широкое поприще для частной предпріимчивости, заявляетъ «Записка», могутъ дать степныя пространства Западной Сибири, исключительно удобныя для развитія скотоводства вообще и въ частности овцеводства» (Зап. стр. 2). Необходимость подъема овцеводства въ Россіи мотивируется тѣмъ, что эта отрасль скотоводства сильно упала: въ 1910 г. общее количество тонкорунныхъ овецъ въ Имперіи не превышало 5 милліоновъ, тогда какъ въ концѣ 80-хъ годовъ оно равнялось 15 милліонамъ. Въ результатѣ, количество мериносовой шерсти за 25 лѣтъ упало съ 2,3 мил. пудовъ до 1,3 мил.; вывозъ за границу сократился съ 2.523 тыс. пудовъ до 582 тыс., а ввозъ увеличился съ 560 тыс. п. до 3.060 тыс. «Такое острое паденіе овцеводства побуждаетъ принять рѣшительныя мѣры къ поддержанію этой цѣнной отрасли хозяйства. Достигнуть этого можно только переселеніемъ овцеводныхъ хозяйствъ изъ Европейской Россіи въ такія мѣстности, гдѣ имѣется еще *много свободныхъ земель и цѣна на землю сравнительно низка.* Къ заключенію о необходимости оставленія старыхъ мѣстъ и переселенія въ Сибирь и Среднюю Азію пришли и овцеводы, которые начали уже передвигать свои стада въ эти районы. Придти къ нимъ на помощь предоставленіемъ части свободныхъ земель необходимо, не только въ цѣляхъ экономическаго подъема Сибири, но и въ интересахъ общегосударственныхъ» (Зап. стр. 3—4).

Таковъ главный доводъ въ защиту предоставленія казеннаго фонда «частной предпріимчивости». Что не только въ Россіи, а и во всей Европѣ овцеводство падаетъ—фактъ общеизвѣстный, и падаетъ оно вовсе не потому, что уменьшаются производительныя силы въ сельскомъ хозяйствѣ Европы, а какъ разъ наоборотъ, потому что онѣ развиваются, какъ никогда раньше не развивались. Широко поставленное овцеводство немыслимо безъ обширныхъ пастбищъ, а такія пастбища—принадлежность экстенсивнаго хозяйства, собственно, хозяйства первыхъ ступеней аграрной эволюціи. Чѣмъ больше прогрессируетъ хозяйство, тѣмъ скорѣе пастбища замѣняются пашнями, искусственными и естественными лугами, а вмѣстѣ съ тѣмъ вымирающую овцу вытѣсняетъ болѣе производительная корова. Горевать объ исчезновеніи овецъ—это все равно, что плакать о томъ, что поэтическую, хотя дымную, лучину въ деревенскихъ избахъ у насъ вытѣснилъ керосинъ, стародавнюю соху—плугъ; все это неизбѣжныя слѣдствія экономической эволюціи. Конечно, объ эволюціи можно говорить лишь

тогда, когда овцы дѣйствительно замѣняются коровами, а не тогда, когда, какъ у насъ иногда, не остается ни овецъ, ни коровъ. Но, даже и въ Россіи, параллельно съ сокращеніемъ вывоза шерсти за границу, мы наблюдаемъ ростъ вывоза хотя бы пшеницы: въ 1885—94 гг. мы вывозили ее по 150 мил. пудовъ ежегодно, а въ 1907—11 гг. по 232 мил. несмотря на ростъ внутренняго потребленія. Очевидно, десятина хорошей земли, занятая овечьимъ пастбищемъ, напр. на Кубани, была гораздо менѣе продуктивна, чѣмъ та же десятина, засѣянная пшеницей.

Но на Европейскую Россію даже правительство махнуло рукой въ этомъ отношеніи: аграрная эволюція безповоротно выдворила овецъ съ роскошныхъ черноземовъ припонтійскихъ степей. Зато въ Сибири, по его словамъ, «имѣется еще много свободныхъ земель», и это говоритъ то самое вѣдомство, въ которомъ находится переселенческое управленіе. А переселенческое управленіе почти ни въ одномъ своемъ изданіи послѣдняго времени не упускаетъ случая пожаловаться именно на *истощенность* свободнаго земельнаго фонда. Въ недавно вышедшемъ нашемъ трудѣ [1]) желающіе найдутъ много доказательствъ этого факта, а здѣсь мы считаемъ достаточнымъ сослаться на только-что вышедшую брошюру самого главнаго управленія землеустройства «Итоги работъ за послѣднее пятилѣтіе», въ которой на страницѣ 26 сказано: «Главною, можетъ-быть, причиной «затишья» въ переселенческомъ дѣлѣ было временное истощеніе въ Сибири запаса земель, сравнительно легко доступныхъ для населенія. Полоса, прилегающая къ Сибирской желѣзной дорогѣ, уже заселена; съ каждымъ годомъ приходится теперь передвигаться въ болѣе трудныя и удаленныя отъ желѣзной дороги мѣстности, въ тайгу и на пустынный югъ киргизскихъ степей». Полоса, прилегающая къ дорогѣ, лежитъ между 50—58 параллелями: на сѣверѣ отъ нея суровая тайга, на югѣ— безводные солонцы и пески. Безъ *меліорацій* продвинуться туда невозможно. «Безплатное, такъ сказать, водвореніе на приготовленные самой природой участки, повидимому, отходитъ въ область прошлаго. Теперь каждую пядь земли приходится отвоевывать у природы съ затратой значительныхъ денежныхъ суммъ» [2]). Только надеждой на меліораціи и можетъ быть объяснено въ приведенной цитатѣ выраженіе «временное» истощеніе: но разъ дѣло дошло до

---

[1]) Обновленіе земледѣльческой Россіи и аграрная политика, в. I. Населеніе. Переселенческій вопросъ. М. 1914 г.

[2]) Объяснительная записка къ смѣтѣ Переселенческаго Управленія на 1912 г.

необходимости меліорацій, — очевидно, о земельномъ просторѣ, о какомъ-то множествѣ «свободныхъ земель» не можетъ быть и рѣчи.

Итакъ, само вѣдомство свидѣтельствуетъ объ истощеніи свободнаго удобнаго земельнаго фонда. Послѣ того, какъ населеніе Азіатской Россіи, со времени всеобщей переписи, увеличилось на 6 милліоновъ, т.-е почти въ $1^1/_2$ раза, при чемъ большая часть прироста упала на послѣднее 5-лѣтіе, этотъ фактъ сталъ слишкомъ очевиднымъ, чтобы можно было серьезно оспаривать его. Удобныя земли добываются теперь, главнымъ образомъ, «отрѣзками» отъ земель старожиловъ и туземцевъ, да и этихъ отрѣзковъ хватитъ лишь на нѣсколько лѣтъ. Но отрѣзки создаютъ земельную тѣсноту у мѣстнаго населенія, привыкшаго къ прежней «вольницѣ», а земельная тѣснота—главный стимулъ къ переходу отъ пастбищнаго скотоводства на *зерновое* хозяйство. Сельское хозяйство въ Сибири вступаетъ въ новый фазисъ аграрной эволюціи и не только тебеневочное скотоводство—пастушескій бытъ, но и экстенсивное переложное земледѣліе становится, зачастую, анахронизмомъ въ болѣе густо населенныхъ—западныхъ районахъ. Для хозяйствъ трудового типа, во всякомъ случаѣ, уже вполнѣ назрѣлъ переходъ къ урегулированному трехполью; для капиталистическихъ хозяйствъ пастбищное скотоводство, вслѣдствіе подъема цѣнъ на землю, становится невыгоднымъ и, какъ свидѣтельствуетъ оффиціальный источникъ [1]). тѣ самые кубанскіе овцеводы, которые переселялись въ Сибирь съ исключительной цѣлью заняться овцеводствомъ, годъ отъ году *расширяютъ свои пашни.*

Беремъ изъ этого источника нѣсколько описаній крупныхъ хозяйствъ Акмолинской области, по которой они болѣе подробны. Г. Николенко (6,6 тыс. дес.) распахивалъ сначала 20—50 дес., а теперь у него подъ посѣвомъ 575 дес.; г. Красюковъ, при 2 тыс. дес., уже имѣетъ 1.350 дес. пашни; Леженкина (3,4 тыс. дес.) посѣяла въ 1910 г. 60 дес., 1912 г.—200 дес; И. С. Николенко (4 тыс. дес.) твердо рѣшилъ при переходѣ сюда заняться только разведеніемъ тонкорунного овцеводства. «Въ продолженіе 6 лѣтъ онъ не отступалъ отъ разъ принятаго рѣшенія, но продолжительныя суровыя зимы и связанныя съ ними большія заготовки корма принудили его обратить вниманіе и на другую отрасль хозяйства—на *земледѣліе*». Г. Шевченко «при переѣздѣ въ Сибирь имѣлъ цѣлью разведеніе культурнаго скотоводства, но въ силу мѣстныхъ условій, на ряду съ означеннымъ дѣломъ, онъ развиваетъ и земледѣліе». Г. Бодлевскій (5 тыс. дес.) засѣвалъ въ 1910 г. 300 дес., въ 1913 г.—

[1]) „Земли для коневодства и скотоводства въ Азіатской Россіи". Изд. Переселенч. Управленія. Спб. 1913 г.

600, а теперь думаетъ довести посѣвъ до 1.000 дес. Г. Романченко (4,1 тыс. дес.) сразу установилъ свой хозяйственный базисъ на земледѣліи; тоже и Штумпфъ (4,6 тыс. дес.), и агрономъ Корзинъ (15 тыс. дес.) и Поповъ (17,5 тыс. дес.); у Острякова (16 тыс. дес.) главной отраслью въ хозяйствѣ считается коневодство и овцеводство, «но, какъ показалъ опытъ послѣдняго года, выгоднымъ представляется и хлѣбопашество»; то же и у Лебскаго (2,5 тыс. дес.). Значеніе земледѣлія въ этихъ хозяйствахъ можно видѣть по инвентарю: въ 13 имѣньяхъ — 14 паровыхъ молотилокъ, три паровыхъ плуга, 206 простыхъ, 77 буккеровъ, 95 сѣялокъ, 158 жнеекъ-косилокъ. Лѣтнихъ наемныхъ рабочихъ въ этихъ имѣньяхъ на площади въ 86 тыс. дес.—2.382 человѣка. Конечно,—это не пастухи, а земледѣльческіе батраки. Мы перебрали почти всѣ описанныя «скотоводческія» хозяйства Акмолинской области и можемъ установить, что въ этой области въ крупныхъ хозяйствахъ земледѣліе уже взяло верхъ надъ скотоводствомъ. Иначе и не могло быть, при бѣшеномъ ростѣ цѣнъ на землю, когда имѣнья, купленныя по 9 руб. за десятину, перепродавались по 65 руб., купленныя по 36 руб. — за 133 руб. на протяженіи двухъ-трехъ лѣтъ.

Въ Семипалатинской области изъ 20 описанныхъ П. Румянцевымъ хозяйствъ на площади въ 142 тыс. дес.—2 зерновыхъ, 9 смѣшанныхъ—зерновыхъ и скотоводческихъ и 9 чисто-скотоводческихъ. Изъ этихъ хозяйствъ въ короткій срокъ ликвидировано—5. Вообще, капиталистическія хозяйства въ Степномъ краѣ не отличаются устойчивостью: «Крупныя с.-хозяйственныя предпріятія возникаютъ кое-гдѣ въ Степномъ краѣ на арендованныхъ земляхъ, но организаторами такихъ предпріятій выступаютъ не мѣстные землевладѣльцы, а заѣзжіе люди, стремящіеся использовать свѣжія, еще никогда не паханныя земли, и, при первыхъ признакахъ истощенія ихъ естественнаго плодородія, переносящіе свою дѣятельность въ другое мѣсто, опять-таки на свѣжія новины» [1]).

Большое количество частновладѣльческихъ хозяйствъ, кромѣ Степного края, лежитъ еще въ лѣсо-степяхъ и степяхъ Тобольской губ., а также на Алтаѣ; но тамъ, во-первыхъ большинство сравнительно мелкихъ размѣровъ, во-вторыхъ, даже въ самыхъ крупныхъ имѣніяхъ земледѣліе выдвинуто на первое мѣсто. Лишь на Алтаѣ, въ 21 хозяйствѣ на площади въ 70 тыс. дес. ведется тонкорунное овцеводство (15,4 тыс. овецъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ и засѣвается пшеницей 3,4 тыс. дес.

Эти факты, засвидѣтельствованные оффиціозами, показываютъ,

[1]) „Районъ желѣзной дороги. Петропавловскъ-Спасскій заводъ въ экономическомъ отношеніи“. Изд. М. П. С. Спб. 1912, стр. 101.

насколько неосновательна увѣренность авторовъ объяснительной записки къ законопроекту о частной предпріимчивости въ томъ, что особенно широкое поприще для нея могутъ дать степныя пространства Западной Сибири, удобныя для овцеводства. Овцеводство уже отжило свой вѣкъ и тамъ—его вытѣсняетъ экстенсивное, зачастую самое хищническое земледѣліе въ тѣхъ же крупныхъ, якобы «скотоводческихъ» хозяйствахъ. И не можетъ не вытѣснить, потому что, даже при цѣнѣ въ 50—70 руб. за десятину, овца, требующая около 3-хъ дес. пастбища, уже не въ состояніи окупить даже ренты, не считая расходовъ по ея содержанію. Пастбищное тонкорунное овцеводство, въ современныхъ условіяхъ Западной Сибири, обречено на быстрое исчезновеніе: оно отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть, такъ какъ представляетъ невыгодную систему хозяйства, берущую много и дающую мало. А между тѣмъ, въ жертву этой утопической идеѣ, правительство уже отвело въ степяхъ (считая съ Семирѣчьемъ) 612 тыс. д. изъ 702, при чемъ, напр., въ Акмолинской области (гдѣ отводъ равенъ 196 тыс. дес.)—83% удобной площади пригодны для хлѣбопашества. Правительство заботливо отводитъ участки вблизи отъ рынковъ и населенныхъ пунктовъ съ хорошими путями сообщенія, заранѣе предупреждаетъ предпринимателей, что «въ рабочихъ рукахъ недостатка нѣтъ», т.-е. что согнанные со своихъ кочевій киргизы и неустроенные переселенцы - самовольцы доставятъ ихъ сколько угодно, за какую угодно плату. И при такихъ условіяхъ наивно полагаютъ, или хотятъ увѣрить въ томъ другихъ, что предприниматели, въ угоду «русской» идеѣ культурнаго овцеводства, не будутъ засѣвать эти цѣлинныя земли великолѣпнымъ зерномъ пшеницы «кубанки» до полнаго ея истощенія!.. Ясное дѣло, что никакія нормы, никакіе запреты не удержатъ предпринимателей отъ перехода на земледѣліе, потому что это послѣднее будетъ для нихъ несравненно выгоднѣе.

А разъ такъ, то на той чашкѣ вѣсовъ производительныхъ силъ Россіи, на которую мы положили «частную предпріимчивость», лежитъ не «культурное овцеводство», а въ лучшемъ случаѣ хищническое зерновое хозяйство, строящееся по типу гигантскихъ «пшеничныхъ фабрикъ» далекаго запада Америки. Мы говоримъ «въ лучшемъ случаѣ», потому, что въ подавляющемъ большинствѣ у нашихъ предпринимателей не будетъ ни такого инвентаря, ни такихъ капиталовъ, какъ у американскихъ, и они, при безудержномъ ростѣ цѣнъ, предпочтутъ сдавать въ аренду и распродавать свои имѣнья «непричисленнымъ» самовольцамъ. Но даже и въ этомъ «лучшемъ случаѣ»,—когда мы сравнимъ его съ обычнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ,—у крестьянъ, въ общей массѣ на единицу площади, всегда

оказывается гораздо больше инвентаря, скота, не говоря о рабочихъ рукахъ; поэтому, несмотря на пониженную урожайность, *сумма продуктовъ*, добываемая крестьянами съ единицы площади, всегда больше, чѣмъ у помѣщиковъ. Трудовое хозяйство въ земледѣліи обладаетъ общепризнанной способностью развивать *высшую производительность земли*, и потому съ этихъ 700 тыс. дес., отданныхъ «культурнымъ скотоводамъ», крестьяне добыли бы во много разъ больше хлѣба и мяса, чѣмъ крупные предприниматели. А такъ какъ, съ точки зрѣнія *народно-хозяйственныхъ интересовъ*, основной цѣлью сельскаго хозяйства въ Россіи является развитіе производительности земли, т.-е. полученіе возможно бо́льшаго количества продуктовъ съ единицы площади, то чашка *крестьянскаго* хозяйства на вѣсахъ производительныхъ силъ Россіи безусловно перевѣшиваетъ чашку хозяйства капиталистическаго.

Послѣ всего вышеизложеннаго, намъ, собственно, нѣтъ даже особой нужды ссылаться на «заботу объ удовлетвореніи нуждъ народа», но мы попробуемъ оцѣнить это удовлетвореніе, опять-таки, съ точки зрѣнія производительныхъ силъ. Малоземельный крестьянинъ, ведущій со своей семьей на родинѣ хозяйство на 3-хъ десятинахъ, растрачиваетъ безплодно массу труда: какъ онъ ни старается, а на 3-хъ десятинахъ его трудъ не окупится. Въ Сибири, вмѣсто 3-хъ десятинъ, онъ получаетъ 30 и, въ силу этого, *производительность его труда* сразу возрастаетъ въ нѣсколько разъ: если онъ на родинѣ добывалъ 100—150 пудовъ зерна, то здѣсь, при среднемъ посѣвѣ въ 7—8 дес., онъ добываетъ 300—400. Въ оффиціальныхъ изданіяхъ мы находимъ много данныхъ, показывающихъ, что производительность труда у переселенцевъ, черезъ 3—5 лѣтъ послѣ водворенія, возрастаетъ, сравнительно съ той, которая была у него на родинѣ, не менѣе, чѣмъ втрое. Такимъ образомъ передача всѣхъ земель, *пригодныхъ для земледѣльческой культуры въ Азіатской Россіи, исключительно переселенцамъ*, является conditio sine qua non повышенія производительности земли и производительности народнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи, а потому ни одной пяди такой земли не должно быть уступлено «частной предпріимчивости».

Съ такимъ безусловнымъ требованіемъ мы подходимъ къ анализу законопроекта «о привлеченіи частной предпріимчивости къ разработкѣ впустѣ лежащихъ казенныхъ земель въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ»—таково его полное заглавіе. Прежде всего, мы должны отмѣтить, что заглавіе это не соотвѣтствуетъ ни содержанію объяснительной записки, ни тѣмъ операціямъ съ отводомъ земель предпринимателямъ, которыя уже произвело переселенческое вѣ-

домство, не дожидаясь, пока законъ будетъ утвержденъ Думой, ни, наконецъ, существующимъ законамъ. Судя по заглавію, дѣло идетъ о «впустѣ лежащихъ земляхъ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ», но, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ записки и изъ изложенныхъ фактовъ отвода, правительство намѣрено предоставить особенно широкое поприще для частной предпріимчивости въ степяхъ Западной Сибири и Туркестана, каковыя (въ районахъ колонизаціи) ни «впустѣ лежащими», ни «малонаселенными» назвать уже нельзя [1]). Въ № 13 «Вопросовъ Колонизаціи» г. В. Муганскій замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее:

«На страницахъ 2—4, 6 и 9 объяснительной записки къ законопроекту говорится о желательности развитія скотоводческой и хлопковой промышленности въ киргизскихъ степяхъ Туркестана и въ степныхъ областяхъ вообще, при чемъ эти соображенія и составляютъ едва-ли не главную аргументацію вѣдомства въ пользу утвержденія проектируемыхъ правилъ. Но, конечно, ни «пустопорожними», ни «впустѣ лежащими» землями киргизскія степи считать невозможно, хотя онѣ признаются государственной собственностью. На нихъ проживаютъ и ими пользуются, согласно закону (св. зак. т. II. Пол. Туркестан., ст. 255—279 и пол. степн., ст. 119—136), киргизы, какъ осѣдлые, такъ и кочевые, и, согласно тому же закону, только излишнія земли поступаютъ въ распоряженіе казны; да и то обращеніе ихъ въ казну законъ знаетъ лишь въ порядкѣ правилъ о переселеніи (степн. пол., ст. 120 прим. Правила о перес., ст. 124, прим., и законъ 19 дек. 1910 г.). Такимъ образомъ, въ районахъ киргизскаго землепользованія могутъ быть только: или находящіяся въ пользованіи киргизъ земли, или выдѣленные уже въ казну въ опредѣленныхъ границахъ участки, обращенные въ запасныя или оброчныя статьи [2]). Никакихъ иныхъ разрядовъ земель тамъ нѣтъ и быть не можетъ,—особенно «впустѣ лежащихъ», ибо всѣ освободившіяся понынѣ казенныя земли на всемъ пространствѣ Тургайской и Уральской областей, Степного генералъ-

---

[1]) Если бы участки, отведенные «культурнымъ скотоводамъ», лежали въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, вѣдомство не могло бы заманивать предпринимателей постоянно повторяющимися указаніями, что «въ рабочихъ рукахъ недостатка нѣтъ».

[2]) Переводъ запасныхъ переселенческихъ земель въ «оброчныя статьи» является законнымъ способомъ насажденія «культурнаго скотоводства» до сихъ поръ. Г. Кривошеинъ еще года два назадъ распорядился объ отводѣ этихъ «оброчныхъ статей» на-ряду съ переселенческими участками. Но оброчныя статьи можно лишь сдавать въ аренду; продавать же, безъ соотвѣтствующаго измѣненія законовъ, вѣдомство не имѣетъ права.

губернаторства, Семирѣченской обл. и наиболѣе благопріятныхъ для скотоводства районовъ Туркестанскаго края—уже сняты на планъ и имѣютъ вполнѣ опредѣленное назначеніе, не говоря уже о томъ, что прежде, чѣмъ сдѣлаться «свободными», киргизскія степи требуютъ обязательнаго устроенія мѣстнаго населенія въ земельномъ отношеніи. «Поэтому, авторъ считаетъ,—что пространство дѣйствія проектируемаго закона должно ограничиться оставшимися послѣ интенсивной колонизаціи отдаленными глухими районами Сибири съ Дальнимъ Востокомъ и неорошенными землями осѣдлаго туркестанскаго населенія» [1]).

Изъ этого видно, что центръ тяжести законопроекта лежитъ въ опредѣленіи термина «*впустѣ лежащія*» земли. Согласно ст. 1 и 2-ой, таковыми считаются свободныя казенныя земли въ Азіатской и на сѣверѣ Европейской Россіи, кромѣ: 1) необходимыхъ для поземельнаго устройства мѣстнаго крестьянскаго населенія или для нуждъ переселенія, или для иныхъ государственныхъ цѣлей; 2) подлежащихъ сохраненію за казной въ интересахъ лѣсного хозяйства; 3) завѣдомо нефтеносныхъ и съ наличностью ископаемыхъ и 4) пограничныхъ, которыя оставляются за государствомъ по соображеніямъ государственной обороны. Переселенческой комиссіей Государственной Думы разсмотрѣны и приняты въ измѣненной редакціи 4 первыхъ статьи закона. Этими измѣненіями въ перечень исключеній изъ закона включены: а) свободныя казенныя земли, пригодныя для хлопководства; б) лѣсныя казенныя дачи, разрабатываемыя въ цѣляхъ лѣсопромышленности; в) тѣ земли въ Европейской Россіи, которыя будутъ признаны, во исполненіе Высочайшаго указа 27 августа 1906 г., необходимыми для обезпеченія нуждающихся въ землѣ крестьянъ.

Казалось бы, перечень исключеній достаточно полонъ: «впустѣ лежащими» признаются земли, не нужныя ни мѣстнымъ крестьянамъ, ни переселенцамъ, ни казнѣ для государственныхъ военныхъ цѣлей, а согласно дополненіямъ переселенческой комиссіи—еще земли хлопковыя, лѣсокультурныя, а въ Европейской Россіи—необходимыя для крестьянъ, нуждающихся въ землѣ. Вѣроятно, пораздумавши немного, наши законодатели найдутъ необходимымъ дополнить списокъ исключеній еще новыми; но, по нашему мнѣнію, вся эта головоломная работа можетъ быть сведена до минимума, если въ законѣ будетъ ясно и точно указано, *гдѣ*, *кто* и *какъ* опредѣляетъ «впустѣ лежащія» земли.

Мы установили выше, что не только въ интересахъ трудовыхъ

---

[1]) Муганскій. Вопросы колонизаціи въ четвертой Государственной Думѣ. «Вопр. Колонизаціи» № 13, стр. 30—31.

земледѣльцевъ, но и во имя развитія производительныхъ силъ страны, ни одной пяди земли, пригодной для земледѣльческой культуры, не должно быть отведено частнымъ предпринимателямъ. О земляхъ, доступныхъ болѣе интенсивнымъ культурамъ—хлопководству, огородничеству, садоводству, нечего и говорить, ибо самъ главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ, напр., признаетъ, что культура хлопка—не дѣло *крупныхъ хозяйствъ*, въ виду того, что хлопокъ требуетъ слишкомъ бережной и внимательной обработки, которой наемный рабочій дать не можетъ. Хлопковая плантація лучше всего, поэтому, ведется хозяйствомъ мелкимъ, трудовымъ». (Записка главноупр. землеустр. о поѣздкѣ въ Туркестанскій край, стр. 17).

Въ переселенческой комиссіи представитель вѣдомства завѣрялъ, что подъ частно-владѣльческіе участки будутъ отмежевываться единственно земли, *негодныя* подъ земледѣльческую культуру (В. Муганскій). Стало быть, выставленный нами основной принципъ закона является общепризнаннымъ, и весь вопросъ заключается въ томъ, *какъ гарантировать закономъ его осуществленіе.*

Къ сожалѣнію, завѣреніямъ переселенческаго вѣдомства довѣрять невозможно послѣ отвода подъ скотоводческіе участки такихъ земель, въ которыхъ 83% площади пригодны для пахоты. Необходимо настаивать на болѣе серьезныхъ гарантіяхъ. Наилучшей гарантіей было бы *географическое* опредѣленіе границъ, черезъ которыя не имѣетъ права переходить «частная предпріимчивость». Колонизація идетъ почти исключительно въ предѣлахъ 8-ми градусной полосы (50—58 параллели); на югъ и на сѣверъ отъ этой полосы или климатическія, или почвенныя условія, или тѣ и другія вмѣстѣ препятствуютъ земледѣлію (за исключеніемъ хлопковыхъ раіоновъ). Въ Европейской Россіи, благодаря большей мягкости климата, сѣверная граница полосы должна быть продвинута дальше. Въ переселенческой комиссіи нѣкоторые члены проводили именно подобную идею—о разрѣшеніи отвода земель капиталистамъ только въ самыхъ отдаленныхъ и никого изъ переселенцевъ не привлекающихъ мѣстностяхъ. При такомъ рѣшеніи, законъ былъ бы простъ, ясенъ и точенъ: но большинство въ комиссіи, повидимому, не было склонно принять это рѣшеніе за руководящее начало, хотя, какъ видно изъ предыдущаго, и современный законъ, и фактическое положеніе вещей въ значительной степени ему соотвѣтствуютъ. Противъ него, говоря объективно, можно выдвинуть лишь одно вѣское возраженіе: вѣдь и въ раіонахъ колонизаціи, находящихся въ поясѣ, доступномъ земледѣлію, встрѣчается и не мало обширныхъ площадей, неудобныхъ либо по почвѣ, либо по

рельефу, либо по безводію, или, наоборотъ вслѣдствіе заболоченности. Если эти площади пригодны, какъ пастбища—почему бы и не допустить туда частной предпріимчивости?

Это затрудненіе, по нашему мнѣнію, могло бы быть разрѣшено при помощи почвенно-ботаническихъ и гидротехническихъ изслѣдованій. Всякій «впустѣ лежащій» участокъ въ раіонахъ колонизаціи, на который частные предприниматели сдѣлаютъ заявку, долженъ быть предварительно подвергнутъ такому изслѣдованію, при чемъ участки, доступные сравнительно нетруднымъ и выгоднымъ меліораціямъ, «впустѣ лежащими» признаваться не могутъ. Приведемъ примѣръ такой меліораціи. Фирма Алексѣевъ и К° получила въ аренду въ Енисейскихъ степяхъ казенные участки площадью 57.000 дес. [1]). Эти участки, по свидѣтельству поземельно-устроительнаго чиновника г. Козьмина, нарѣзавшаго ихъ, сначала были образованы какъ переселенческіе: затѣмъ, «по распоряженію власти», они были утверждены, какъ запасные, а вскорѣ обращены въ казенно-оброчную статью и сданы въ аренду фирмѣ Алексѣева мѣстнымъ управленіемъ государственными имуществами [2]). Г. С. Четвериковъ (предсѣдатель правленія фирмы), въ полемикѣ съ пишущимъ эти строки, утверждалъ, что участки были сданы по *безводію*. (См. «Русск. Вѣд.» № 250). Фирма сумѣла «добуриться до воды», устроила колодцы и прочія водовмѣстилища; судя по цифрамъ, приведеннымъ въ изданіи Перес. Упр-нія «земли для коневодства», это ей обошлось всего въ 38 тыс. рублей. Такъ какъ участки эти раньше были нарѣзаны для переселенцевъ, то, можно думать, что пригодныхъ для пашни земель въ нихъ было достаточно, и переселенческое вѣдомство, затративъ нѣсколько десятковъ тысячъ на ихъ обводненіе, вмѣсто овецъ фирмы, могло бы отдать ихъ подъ заселеніе тысячамъ переселенцевъ. Какъ мы видѣли, само вѣдомство признаетъ, что, безъ меліорацій, при колонизаціи теперь обойтись невозможно, а потому участки, доступные посильнымъ казнѣ меліораціямъ, не могутъ быть включаемы въ фондъ «впустѣ лежащихъ» земель.

Но техника меліораціоннаго дѣла у насъ находится еще въ зачаточномъ состояніи, и тѣ меліораціи, которыя въ настоящій моментъ признаются сложными и непосильными, черезъ нѣсколько лѣтъ могутъ оказаться легко осуществимыми. Точно также и оцѣнка культуро-способности земель—весьма условна: при данномъ уровнѣ населенности, системѣ земледѣлія и т. д. извѣстный участокъ признается негоднымъ для хлѣбопашества, ненужнымъ ни мѣстнымъ

---

[1]) Имѣніе фирмы самое крупное въ Сибири.

[2]) См. газ. «Сибирь» № 252.

крестьянамъ, ни переселенцамъ; но черезъ 10—20 лѣтъ въ этой мѣстности населеніе удваивается, участокъ становится нужнымъ для земледѣльцевъ, при подъемѣ уровня агрикультуры они находятъ его пригоднымъ, но его уже нѣтъ, онъ уже попалъ въ цѣпкія руки частной предпріимчивости. Еще большій субъективизмъ проявляется при оцѣнкѣ пригодности даннаго участка для «государственныхъ» цѣлей: эти цѣли у насъ постоянно мѣняются, и кто изъ государственныхъ людей рискнетъ утверждать, что ненужный казнѣ участокъ черезъ нѣсколько лѣтъ не станетъ для нея высокоцѣннымъ? Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ потребности народа и государства въ казенныхъ земляхъ не представляются постоянными, такъ какъ онѣ систематически расширяются, и та земля, которая сейчасъ кажется пустопорожней, никому ненужной, въ послѣдующіе годы можетъ пріобрѣсти ту или иную цѣну,—то *распродажа* казенныхъ земель въ собственность крупныхъ владѣльцевъ совершенно недопустима. Допустима можетъ быть лишь сдача въ долгосрочную аренду съ гарантіей оплаты всѣхъ, произведенныхъ частными предпринимателями с.-хозяйственныхъ улучшеній [1]). Если вспомнить, что башкирскія земли въ Уфимской губ. продавались статскимъ и тайнымъ совѣтникамъ въ 70-хъ годахъ по рублю за десятину, а потомъ были перепроданы крестьянамъ по 100 рублей, то станетъ очевидно, что уберечься отъ такой спекуляціи—можно лишь при помощи полнаго запрещенія продажи.

Что касается до вопроса о томъ, какъ опредѣлить понятіе о «впустѣ лежащихъ» территоріяхъ, выдѣляемыхъ для частной предпріимчивости безъ ущерба народнымъ интересамъ, то отвѣтить на него можно бы такъ. *Внѣ* географическихъ раіоновъ колонизаціи, т.-е., главнымъ образомъ, на сѣверѣ и на югѣ отъ восьмиградусной полосы, можно, по нашему мнѣнію, предоставить просторъ частнымъ предпринимателямъ, оберегая лишь отъ расхищенія естественныя природныя богатства—лѣса, и ископаемыя. Въ предѣлахъ полосы колонизаціи крупному хозяйству можно предоставить развѣ только земли, абсолютно непригодныя для земледѣльческой культуры, или требующія большихъ, невыгодныхъ, либо непосильныхъ для казны меліорацій. Въ законѣ должны быть точно опредѣлены способы классификаціи и оцѣнки земель, и каждый участокъ, передъ сдачей его предпринимателю, долженъ подвергаться предварительному почвенно-ботаническому и гидротехническому обслѣдованію. Наконецъ,

---

[1]) Защитники распродажи земель утверждаютъ, что предприниматели не согласятся на аренду. Однако, тѣ же скотоводы отлично арендуютъ земли у казачьихъ войскъ и у киргизъ.

общее правило должно гласить, что пріобрѣтеніе участковъ въ собственность совершенно не допускается.

Послѣдній вопросъ,—*кто* является исполнителемъ закона, т.-е. кто фактически назначаетъ участки предпринимателямъ въ пользованіе, кто вступаетъ съ ними въ соглашеніе и контролируетъ выполненіе ими условій договора? По мнѣнію авторовъ «объяснительной записки», неуспѣхъ извѣстнаго сипягинскаго закона 8-го іюня 1901 г. объяснялся чрезмѣрной *централизаціей* и сложностью порядка отвода земель предпринимателямъ. «По точному смыслу закона, для примѣненія его, необходимо до 21 предварительнаго сношенія главнаго управленія землеустройства съ другими центральными вѣдомствами, независимо отъ тѣхъ, которыя дѣлаются до представленія дѣлъ во второй деп-тъ Государственнаго Совѣта, разсматривающій, согласно ст. 9, нѣкоторые частные случаи продажи казенныхъ земель... Все построеніе закона таково, что даже, въ подробностяхъ, всѣ дѣйствія и распоряженія правительственныхъ органовъ сосредоточены въ центрѣ и притомъ въ цѣломъ рядѣ вѣдомствъ. Все дѣло ведется какъ бы сверху внизъ, а не наоборотъ, какъ слѣдовало бы для жизненной его постановки» (стр. 8).

Эта «чрезмѣрная» централизація замѣняется по новому законопроекту *децентрализаціей*, многоэтажная канцелярская волокита—суворовскимъ натискомъ и быстротой. По ст. 7, частнымъ лицамъ предоставляется самимъ избирать участки до 5.000 тыс. дес. изъ состава свободныхъ казенныхъ земель; по ст. 11 для частныхъ предпринимателей образуются участки по предложеніямъ управленія земледѣлія и гос. им-въ. Предложенія управленія и ходатайства частныхъ лицъ разсматриваются или губернскими землеустроительными комиссіями, или, гдѣ ихъ нѣтъ:—губернскими присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ (ст. 12). Только для пріобрѣтенія участковъ свыше 5.000 дес. требуется разрѣшеніе центральнаго комитета по землеустроительнымъ дѣламъ (ст. 6). Мѣстныя административныя учрежденія назначаютъ условія аренды и *продаютъ въ собственность безъ торговъ* (ст. 9, 10, 14). Участки сдаются въ аренду на 36 лѣтъ съ правомъ выкупа до срока, при выполненіи арендаторомъ принятыхъ на себя обязательствъ (ст. 56), за чѣмъ слѣдитъ опять-таки мѣстная администрація. Хотя въ законѣ нѣтъ ни слова о томъ, *кто* будетъ опредѣлять пригодность избраннаго предпринимателемъ участка для тѣхъ или иныхъ сельскохозяйственныхъ—цѣлей, что представляется намъ очень отвѣтственнымъ дѣломъ,—но изъ общаго смысла закона явствуетъ, что это дѣло, безъ указанія какихъ бы то ни было *объективныхъ* способовъ опредѣленія, всецѣло представляется на усмотрѣніе мѣстной администраціи, которая и будетъ рѣ-

шать, можно ли причислить данный участокъ къ разряду «впустѣ лежащихъ» земель, или онъ нуженъ туземцамъ, переселенцамъ, для государственныхъ цѣлей, цѣненъ какъ лѣсокультурный и т. д.

Конечно, крайняя централизація и безконечная канцелярская волокита являются огромнымъ тормозомъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ; но безудержная децентрализація, предоставленіе мѣстной администраціи полнаго права вязать и рѣшать въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ лицомъ къ лицу сталкиваются интересы трудящихся массъ и капиталистическихъ предпринимателей, во много разъ хуже. Хуже потому, что у крестьянъ, переселенцевъ и проч., единственными представителями ихъ интересовъ являются тѣ же административные чины, фигурирующіе одновременно въ роли судей. Совмѣщеніе функцій защитника и судьи невольно сдѣлаетъ администрацію пристрастной въ ту либо въ другую сторону: одни администраторы, сообразно своимъ субъективнымъ взглядамъ и симпатіямъ, будутъ систематически отклонять ходатайства предпринимателей, на томъ основаніи, что эти участки нужны, положимъ, переселенцамъ, другіе, наоборотъ, станутъ раздавать ихъ направо и налѣво. Какіе случаи на практикѣ будутъ встрѣчаться чаще,—предоставляемъ догадываться читателямъ. Но отсюда очевидно, что субъективную волю, личныя симпатіи администраторовъ необходимо ограничить какими-либо *объективными* нормами. Объ одномъ методѣ ограниченія мы говорили: это—почвенно-ботаническія и гидротехническія изслѣдованія; къ этому слѣдуетъ добавить еще установленіе обязательныхъ минимумовъ арендной платы въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Донскомъ казачьемъ войскѣ прекрасная войсковая земля, до самаго недавняго времени, сдавалась коневодамъ по 3 коп. за десятину; азіатскія казенныя земли сдаются сейчасъ тоже за копеечную плату. Нужно еще принять въ соображеніе, что, по дѣйствующимъ теперь правиламъ объ арендныхъ договорахъ, арендная плата, при заключеніи договора на 36 лѣтъ, повышается черезъ каждыя 9 лѣтъ лишь на 10%, тогда какъ „вольныя“ арендныя и продажныя цѣны чуть ли не удваиваются въ каждое пятилѣтіе. Поэтому, арендные контракты должны быть сдѣланы болѣе гибкими, приспособленными къ росту экономическаго развитія, а вмѣстѣ съ нимъ и земельныхъ цѣнъ, что̀ особенно важно въ колонизуемыхъ раіонахъ.

Итакъ, мы не противъ частной предпріимчивости; но исходя изъ принципа, предуказаннаго въ Высочайшемъ рескриптѣ 30-го января, мы настаиваемъ, чтобы, при проведеніи закона въ жизнь, заботы объ увеличеніи „производительныхъ силъ государства“, поскольку эти послѣднія могутъ быть усилены частной предпріимчивостью,—не пошли въ разрѣзъ съ „удовлетвореніемъ нуждъ народа“,

ибо, въ особенности въ сельскомъ хозяйствѣ, представителемъ производительныхъ силъ страны, прежде всѣхъ и больше всѣхъ другихъ группъ населенія, является именно трудовой народъ.

Н. Огановскій.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

I.

Возвращаюсь снова къ «Замку царицы Блодьюуэдъ» и къ тремъ заключеннымъ тамъ плѣнникамъ, рвущимся на свободу, о которыхъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ [1]). Тогда я писалъ о женскомъ движеніи; теперь я хочу коснуться второго плѣнника—ирландцевъ. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Англіи еще были граждане, ограниченные по причинѣ ихъ вѣры, въ политическихъ правахъ; но теперь такихъ «плѣнниковъ», рвущихся на свободу, въ предѣлахъ Соединеннаго королевства нѣтъ. То движеніе, о которомъ я буду говорить, имѣетъ цѣлью—самоуправленіе острова, населеніе котораго давно уже сравнено въ правахъ съ англичанами и шотландцами. Вопросъ, словомъ, идетъ о гомрулѣ, который теперь въ третій разъ будетъ разсматриваться Нижней палатой. Министерство Асквита уже дважды вносило этотъ билль. Уже дважды, какъ извѣстно, онъ былъ принятъ Нижней палатой и дважды отвергнутъ лордами. Въ силу «парламентскаго акта 1911 года», для проведенія котораго понадобились спеціальные выборы, билль о гомрулѣ, если онъ теперь пройдетъ въ Нижней палатѣ, долженъ стать закономъ, даже если лорды отвергнутъ его. И вотъ теперь мы слышимъ всюду, что осуществленіе гомруля приведетъ Англію къ гражданской войнѣ. Газеты всего міра помѣщаютъ ежедневно телеграммы, что «Ольстеръ не хочетъ гомруля», что онъ вооружился, сформировалъ армію и временное правительство на случай, если Ирландіи дано будетъ самоуправленіе. Мы ежедневно читаемъ грозныя рѣчи вождей консервативной партіи на тему, что «Ulster will fight and be right» (Ольстеръ будетъ драться и будетъ правъ). Для консервативной партіи, не имѣющей теперь программы, лишенной вслѣдствіе поразительнаго промышленнаго развитія страны [2]) возможности нападать

---

[1]) См. „Вѣстн. Евр.“, январь текущаго года.

[2]) Въ 1906 году изъ Англіи вывезено товаровъ на 376 мил. ф. ст., а въ 1913 году на 525 мил. Въ 1906 году капиталъ, подлежавшій подоходному налогу, равнялся 944 мил. ф. ст., а въ 1913 году—1.150 мил. ф. ст. Процентъ безработицы былъ въ 1905 г.—4,9, въ 1906 г.—4,9, въ 1907 г.—

на финансовую политику министерства,—броженіе въ Ольстерѣ явилось положительно находкой. Прежде чѣмъ опредѣлить, насколько вѣроятна гражданская война, постараюсь выяснить, что̀ такое Ольстеръ и почему онъ противъ гомруля. Ольстеръ—одна изъ четырехъ провинцій Ирландіи и дѣлится на девять графствъ. Часть населенія этой провинціи состоитъ не изъ католиковъ, а изъ протестантовъ, переселенныхъ сюда отчасти Кромвелемъ, отчасти Вильгельмомъ III, съ цѣлью «энглизированія» провинціи. Англійское правительство тогда вѣрило въ политику «наступательнаго національизма», т.-е. въ то, что въ покоренной окраинѣ должна быть державная народность, поставленная въ исключительно благопріятныя условія. Въ теченіе двухъ вѣковъ, — я писалъ уже объ этомъ, — потомкамъ шотландскихъ переселенцевъ въ Ольстерѣ всячески твердили, что они—соль земли, что они не просто фермеры, лавочники или заводчики, а носители государственной идеи. Ольстерцевъ постоянно увѣряли, что они представители господствующей національности; что государство *обязано* охранять ихъ интересы иначе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ соединеннаго королевства; что дарованіе подчиненной національности одинаковыхъ правъ со всѣми гражданами является личнымъ оскорбленіемъ для лояльнаго Ольстера. Много десятковъ лѣтъ подрядъ ольстерскіе лоялисты привыкали къ мысли, что государство обязано имѣть два закона, два понятія о справедливости: одною мѣркою слѣдуетъ мѣрить ольстерцевъ, а другою—ирландцевъ. Лоялисты, поэтому, смотрѣли, какъ на нѣчто вполнѣ естественное и законное, на всѣ постановленія о «національзаціи» въ ихъ пользу земли, торговли, промышленности. Теоретически, напр., ольстерскій лоялистъ признавалъ, что право собственности священно, когда дѣло касалось его собственности; но онъ признавалъ большія отступленія отъ этого права, когда дѣло шло о «папистѣ». Католикамъ воспрещалось покупать землю, а тѣ немногіе паписты, которые сохранили ее еще послѣ конфискацій, обязаны были завѣщать ее дѣтямъ «in gavelkind», т.-е. равными участками; лишь въ томъ случаѣ, если старшій сынъ оставлялъ вѣру отцовъ и переходилъ въ протестантство, онъ не только получалъ всю землю по наслѣдству, но и при жизни отца могъ требовать треть его дохода. Папистъ имѣлъ право арендовать ферму не больше, чѣмъ на 31 годъ. Такъ какъ кредитъ былъ «національзированъ», то католикъ не могъ заложить свою землю. Служба въ арміи, во флотѣ, въ муниципалитетѣ, въ казенныхъ

5,6, въ 1908 году—9,1, а въ 1913 году—2,6. Въ Clearing House поступило въ 1905 году чековъ на 7,593 мил. ф. ст., а въ 1913 году—на 16,436 мил. ф. ст. При такихъ цифрахъ консервативная партія не можетъ утверждать, что „Ллойдъ-Джорджъ разоряетъ Англію“.

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ... ЧНІЯ
ВЪ ... ЛЕ ... ЛЕ
ВЪ НАЧАЛЬ ... ЩЕНІЯХЪ
Г. МОСКВЫ
2 ФИЛЛ. ... ОТДѢЛЕНІЕ.

учрежденіяхъ, а равно всѣ либеральныя профессіи, кромѣ медицинской, были закрыты для представителей «низшей» національности. Помимо обычной присяги, даваемой всѣми англичанами, отъ ирландцевъ требовалась еще спеціальная, доказывавшая, что государство смотритъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ и заговорщиковъ.

Зато систематически вводились законы, дававшіе все новыя льготы протестантскому населенію Ольстера. И оно вѣками привыкло смотрѣть на себя, какъ на патріотовъ по преимуществу, которымъ государство *обязано* оказывать льготы. Съ другой стороны, ольстерцы срослись съ мыслью, что ирландцы «низшая» національность, которую можно и надо ограничивать въ правахъ. «Каждый ирландецъ рождается съ двойною дозою первороднаго грѣха»,—заявилъ англійскій государственный дѣятель XVIII вѣка, мотивируя суровое законодательство по отношенію къ католикамъ. «Каждый ирландецъ заговорщикъ отъ рожденія»,—сказалъ другой государственный дѣятель. И когда съ теченіемъ времени правительство поставлено было въ необходимость примѣнить иную политику по отношенію къ ирландцамъ, ольстерцы сочли это за личное оскорбленіе. Лоялисты, поющіе при всякой возможности «God save the king», грозили вооруженнымъ возстаніемъ каждый разъ, когда парламентъ намѣревался измѣнить какое-нибудь ограниченіе, направленное противъ ирландцевъ. «Ольстеръ не позволитъ»! «Ольстеръ возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ». «Если король подпишетъ билль, его корона полетитъ за проливъ св. Георга»,—грозили протестанты въ 1829 году, когда обсуждался законопроектъ о равноправіи католиковъ.

Ольстеръ — только одна изъ четырехъ провинцій Ирландіи. Въ остальныхъ провинціяхъ, т.-е. въ Коннотѣ, Ленстерѣ и Менстерѣ католики составляютъ 95—99% всего населенія. Въ самомъ Ольстерѣ, наконецъ, протестанты сильно перемѣшаны съ католиками. Провинція эта посылаетъ въ парламентъ 17 гомрулеровъ и 19 юніонистовъ. Только въ четырехъ изъ девяти графствъ, входящихъ въ составъ Ольстера, протестантское населеніе преобладаетъ; но католики и тутъ составляютъ очень замѣтное меньшинство [1]). Такимъ образомъ, хотя даже въ Ольстерѣ, въ общемъ, гомрулеровъ больше, чѣмъ юніонистовъ; хотя всѣ остальныя провинціи сплошь за гомруль,—ольстерскіе лоялисты теперь грозятъ пустить въ ходъ оружіе, если не исполнено будетъ требованіе ихъ, т.-е. меньшинства. «Ольстеръ не хочетъ гомруля»! Мы слышимъ теперь ежедневно про временное правительство, которое избралъ Ольстеръ (т.-е. *протестанты*

[1]) Въ графствѣ Даунъ—31,6%, въ Энтримѣ—20,3, въ Арма—45,3% и въ Дерри—41,5%. Это—въ цитадели Ольстера.

этой провинціи); про генераловъ и полковниковъ, которые будутъ командовать бѣлой революціонной арміей, про пулеметы, купленные ею. Консервативныя газеты печатаютъ длинныя телеграммы про смотры бѣлой революціонной арміи, устраиваемые сэромъ Эдуардомъ Керсономъ, бывшимъ прокуроромъ, преслѣдовавшимъ при консервативномъ министерствѣ ирландцевъ за принадлежность къ тайнымъ организаціямъ. И когда Керсонъ пріѣзжаетъ послѣ смотра въ Англію, онъ ставитъ въ парламентѣ ультиматумъ: «или исключить Ольстеръ изъ билля, или вы будете имѣть гражданскую войну». Насъ, постороннихъ наблюдателей, поражаетъ то обстоятельство, что «конспирація» идетъ такъ открыто: въ каждой газетѣ печатается списокъ полководцевъ и членовъ временнаго правительства; изъ любой газеты можно узнать, гдѣ находится главная квартира, арсеналъ и генеральный штабъ бѣлыхъ революціонеровъ. И при чтеніи всего этого, невольно зарождается вопросъ: можетъ ли быть *тайная организація* серьезна, если она ведется съ такимъ колокольнымъ звономъ?

«Ольстеръ готовъ бороться съ оружіемъ въ рукахъ противъ гомруля. И въ этомъ отношеніи провинцію поддержитъ вся оппозиція». «Впервые за послѣднія 250 лѣтъ одна изъ двухъ большихъ англійскихъ политическихъ партій торжественно заявила, что поможетъ Ольстеру, когда тотъ съ оружіемъ въ рукахъ возстанетъ противъ того, что̀ намѣрено сдѣлать правительство,—сказалъ 24 февраля въ парламентѣ вождь консервативной партіи.—Буду говорить совершенно откровенно. За нами большинство англійскаго населенія Соединеннаго Королевства... Вы утверждаете, что у васъ есть полномочія избирателей осуществить реформу (т.-е. гомруль). Вы хотите увѣрить насъ, что составляете конституціонное правительство, осуществляющее реформы законнымъ путемъ, и что, поэтому, имѣете право требовать отъ гражданъ подчиненія новымъ законамъ. Мы смотримъ на дѣло иначе. Вы нарушили конституцію тѣмъ, что, безъ предварительнаго согласія избирателей, хотите навязать Ольстеру порядокъ, противъ котораго тотъ возстаетъ. Вы злоупотребляете правомъ, предоставленнымъ вамъ націей. Вотъ почему всѣ лояльные граждане обязаны сопротивляться вамъ съ оружіемъ въ рукахъ. Вотъ каково положеніе дѣлъ... Вы сами неувѣрены въ томъ, что поступаете правильно. Иначе, чѣмъ же объяснить ваши колебанія? Сознаніе неправоты сдѣлало васъ трусами... Правительство показало, что слова на него не дѣйствуютъ... Надо пустить поэтому въ ходъ болѣе *сильные* аргументы... Мы не дадимъ совершиться великому преступленію». Дѣйствительно, за 250 лѣтъ впервые въ Палатѣ общинъ партія, называющая себя лоялистами, грозитъ ору-

жіемъ, если не будетъ измѣненъ основной принципъ представительнаго правленія, т.-е. подчиненіе меньшинства волѣ большинства. Слова о «большинствѣ», которое будто-бы противъ гомруля,—только политическій выпадъ, какъ увидимъ дальше.

Ольстеръ готовъ выступить на поле битвы хоть сегодня. Его удерживаютъ лишь вожди,—сообщаетъ корреспондентъ *Times*'а.—Онъ подробно описываетъ генеральный штабъ ольстерскихъ бѣлыхъ революціонеровъ, полководцевъ, поглощенныхъ въ изученіе плана предстоящей кампаніи, почтовую организацію, расположеніе военныхъ силъ и т. д. Газета сообщаетъ намъ [1]) даже такую подробность, что такого-то числа въ Бельфастъ изъ Лондондери прибудутъ на мотоциклетахъ курьеры съ чрезвычайно секретными депешами для главы временнаго правительства. Надо помнить, что *Times* всецѣло на сторонѣ Ольстера. Другая газета, *Daily Telegraph*, тоже всецѣло преданный революціи, сообщаетъ заранѣе планы кампаніи. Ольстерцы, видите ли, усвоятъ тактику бургеровъ, которая причинила столько огорченій англичанамъ во время послѣдней южно-африканской войны. Правда, у Ольстера нѣтъ крезовскихъ большихъ пушекъ, какъ у бургеровъ,—говоритъ *Daily Telegraph*, но зато воинствующіе роялисты тѣломъ крѣпче, чѣмъ голландцы, и имѣютъ лучшія ружья. И такъ какъ Ольстеръ выставитъ армію въ 90 тысячъ человѣкъ, то правительству придется послать не меньше 50 тысячъ солдатъ. Но армія эта,—какъ заявилъ фельдмаршалъ лордъ Робертсъ,—не будетъ стрѣлять въ ольстерцевъ (пули изготовлены только для стачечниковъ). Такимъ образомъ, Ольстеръ долженъ выйти побѣдителемъ.

Я просматриваю газеты юніонистовъ, выходящія въ Ольстерѣ. Если не считать огорченій, причиняемыхъ мелкимъ, грязнымъ, въ высшей степени сбитымъ шрифтомъ, то чтеніе этихъ изданій въ высшей степени любопытно. Съ тѣхъ поръ, какъ въ государствахъ присутствуютъ недовольные, никогда еще революція не подготовлялась такъ демонстративно и съ такими рекламами. Никогда заговорщики и революціонеры не встрѣчали еще репортеровъ, фотографовъ и агентовъ отъ кинематографовъ съ такими распростертыми объятіями, какъ это дѣлаютъ ольстерскіе полководцы и члены временнаго правительства. Все дѣлается на чистоту, на глазахъ у фотографа. Если полководецъ пріобрѣтетъ пять винтовокъ, то онъ объ этомъ громогласно заявляетъ въ газетахъ, при чемъ прибавляетъ, что правительство, если хочетъ, можетъ имѣть его кровь. Каждый въ Ольстерѣ пользуется революціей, какъ поводомъ, для заявленія о собственномъ существованіи. Нѣкій клэрджименъ, имѣющій школу

[1]) *Times*, February 7, 1914.

для мальчиковъ въ Лергэнѣ, объявляетъ, что готовъ на лѣтніе мѣсяцы взять за уменьшенную плату двухъ мальчиковъ, если отецъ ихъ офицеръ будетъ сражаться въ рядахъ юніонистовъ. Лавочникъ изъ Лисбёрна приноситъ на алтарь отечества пять фунтовъ чая и длинное посланіе, помѣщенное въ видѣ письма въ редакцію. Мыльный фабрикантъ изъ Лиффорда жертвуетъ на революцію отъ щедротъ своихъ двѣнадцать кусковъ лучшаго мыла «Щечки Гейши», вѣроятно для того, чтобы герои, послѣ боя, могли смыть съ лица пороховую копоть. Къ пожертвованію приложено тоже письмо въ редакцію. Аптекарь изъ Лондондери письмомъ въ *Northern Whig* выражаетъ готовность положить свой животъ за отечество, а покуда, заботясь о животахъ бѣлыхъ революціонеровъ, посылаетъ генеральному штабу двѣнадцать коробочекъ патентованныхъ слабительныхъ пилюль марки «Голубой мальчикъ» да столько же коробочекъ тоже патентованныхъ крѣпительныхъ пилюль марки «Веселый грачъ». И такъ далѣе.

«Вы видите: Ольстеръ серьезно готовится къ революціи,—говорятъ консервативныя газеты.—Или распускайте парламентъ, или исключите Ольстеръ изъ билля, или готовьтесь къ гражданской войнѣ!»

II.

Если многія предупрежденія о неминуемости гражданской войны въ Ирландіи носятъ анонимный характеръ запугиванія министерства, то имѣются также предостереженія, дѣлаемыя людьми искренними и не преслѣдующими узко-партійныхъ интересовъ. Таково, напр., предупрежденіе, которое сдѣлали на-дняхъ въ *Times* сэръ Хорасъ Пленкетъ (бывшій вице-президентъ ирландскаго департамента земледѣлія). Авторъ статьи человѣкъ очень богатый, вліятельный и пользующійся уваженіемъ самыхъ разнообразныхъ круговъ въ Ирландіи. Сэръ Хорасъ по религіи католикъ, по политическимъ убѣжденіямъ юніонистъ. Постъ вице-президента департамента земледѣлія онъ принялъ при консервативномъ министерствѣ, но сохранилъ его и тогда, когда у власти стали либералы. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ *Times*, сэръ Хорасъ Пленкетъ указываетъ, что ко взглядамъ своимъ на современное положеніе въ Ирландіи пришелъ послѣ бесѣды, какъ съ представителями разныхъ парламентскихъ партій въ Лондонѣ, такъ и съ вождями бѣлаго революціоннаго движенія въ Ольстерѣ. «И въ Англіи, и въ Ирландіи я убѣдился, что партіи не желаютъ понять дѣйствительное положеніе дѣлъ». А между тѣмъ при неосторожности нынѣшній кризисъ можетъ разразиться катастрофой, «отъ которой сильно пострадаютъ миръ, прогрессъ и благоденствіе Ир-

ландіи». Катастрофа, если она произойдетъ, надолго поселитъ непримиримую расовую и религіозную вражду между католиками и протестантами въ Ирландіи,—говоритъ сэръ Хорасъ.—Больше того,—катастрофа поведетъ къ осложненіямъ, какъ въ Соединенномъ Королевствѣ, такъ и въ Британской Имперіи. Кто знаетъ,—продолжаетъ авторъ,—быть можетъ, кризисъ въ Ирландіи отзовется даже на европейскомъ мирѣ, Юніонисты въ Ольстерѣ убѣждены, что парламентскій актъ 1911 года принятъ парламентомъ спеціально для того, чтобы легче было осуществить гомруль. Актъ этотъ,—думаютъ ольстерцы,—подсказанъ министерству ирландцами (націоналистами) и является платой имъ за поддержку правительства. Вотъ почему ольстерцы думаютъ,—говоритъ сэръ Хорасъ,—что министерство желаетъ хитростью отнять у нихъ привилегіи. Вотъ почему юніонисты этой провинціи требуютъ новыхъ выборовъ, прежде чѣмъ осуществить гомруль. Ольстерцы думаютъ, что имъ удастся заставить правительство или отказаться отъ билля, или распустить парламентъ. Во всякомъ случаѣ Ольстеръ рѣшилъ не подчиняться конституціи, которая явится результатомъ законопроекта, и призоветъ къ власти большинство въ Ирландіи, т. е. націоналистовъ. По мнѣнію ольстерцевъ, это большинство, т.-е. католики, до такой степени плохо умѣетъ вести дѣла вообще и до такой степени нечестно, что совершенно неспособно организовать сколько-нибудь удовлетворительное правительство. Затѣмъ ирландцы такъ фанатичны и въ такой степени подчинены невѣжественнымъ священникамъ—ханжамъ, утверждаютъ ольстерцы,—что протестанты могутъ ждать замаскированныхъ религіозныхъ преслѣдованій, когда католики станутъ у власти. Кромѣ того, по мнѣнію ольстерцевъ, всѣ ирландцы въ глубинѣ души измѣнники и бунтовщики, поэтому они непремѣнно воспользуются гомрулемъ для того, чтобы отдѣлаться окончательно отъ Англіи[1]) И вотъ ольстерскіе юніонисты,—

[1]) О безчестности націоналистовъ ольстерцы должны были бы говорить болѣе осторожно. Въ самомъ началѣ XIX вѣка ольстерцы продали англійскому правительству парламентъ, который Ирландія тогда имѣла. „Унія“ (т. е. уничтоженіе ирландскаго парламента) актъ такого вида, что любой судъ отмѣнилъ бы его, какъ договоръ, основанный на безстыдномъ подкупѣ,—говоритъ проф. Дайси. За то, что они продали свой парламентъ, маркизъ Даунширъ получилъ взятку въ 52 тысячи ф. ст., лордъ Шаронъ—45 тысячъ ф. ст., маркизъ Эли—45 т. ф. ст., лордъ Кланмонирисъ—23 т. ф ст лордъ Бельвайдеръ —15 тысячъ ф. ст. Это все видные ольстерцы, потомки которыхъ теперь кричатъ о врожденной продажности католиковъ. Что касается безпрерывныхъ указаній ольстерцевъ на „нелояльность“ ирландцевъ, то послѣдніе отвѣчаютъ: „Путь къ лояльности ведетъ черезъ свободу, а не къ свободѣ черезъ лояльность. Нельзя говорить подчиненной національности: „сперва проявите лояльность, а потомъ вы получите свободу“. надо дать національности свободу, а тогда лояльность проявится сама.

говоритъ сэръ Хораль Пленкетъ,—рѣшили теперь лучше сражаться, чѣмъ подчиниться парламенту, въ которомъ большинство будетъ находиться въ рукахъ католиковъ. Ольстерцы, конечно, знаютъ, что несмотря на всѣ приготовленія къ борьбѣ, они не могутъ устоять противъ регулярной арміи; но они не вѣрятъ, что солдаты будутъ стрѣлять въ повстанцевъ, поднявшихъ британскій флагъ, распѣвающихъ «God save the king» и религіозный гимнъ: «Oh God, our help in ages past». Во всякомъ случаѣ, общественное мнѣніе въ Англіи не потерпитъ, чтобы стрѣляли въ ольстерцевъ, — думаютъ они. «Я не знаю, вѣрны ли или нелѣпы всѣ эти опасенія и предположенія,—продолжаетъ сэръ Хораль; могу сказать только, что ольстерцы искренни. Все это люди трудолюбивые, способные, честные, набожные. Было бы преступленіемъ со стороны знающаго ольстерцевъ утверждать, что они только бахвалятся. Лично я глубоко убѣжденъ въ томъ, что если билль о гомрулѣ пройдетъ въ эту сессію безъ существенныхъ измѣненій, то въ Ирландіи или начнется гражданская война, или рядъ дикихъ проявленій сектантскаго фанатизма, на которыя послѣдуетъ отвѣтъ со стороны ирландцевъ». Затѣмъ сэръ Хоралъ Пленкетъ предлагаетъ поправку билля о гомрулѣ, о которой скажу дальше.

Въ возможность революціи въ Ирландіи вѣритъ также извѣстный престарѣлый радикалъ и вождь англійскихъ позитивистовъ Фредерикъ Гаррисонъ, которому недавно исполнилось восемьдесятъ два года. Недавно онъ изложилъ свои опасенія и предостереженія въ письмѣ къ Асквиту. Это письмо на-дняхъ появилось въ Times'ѣ и усиленно комментировалось консервативными газетами. «Какъ старый юристъ, спеціально изучавшій государственное право; какъ парламентскій кандидатъ, выставившій въ своей программѣ гомруль еще въ 1886 году и какъ полувѣковой стойкій защитникъ ирландскихъ интересовъ, — я обращаюсь къ вамъ, наканунѣ самаго страшнаго политическаго кризиса, который когда-либо грозилъ странѣ, — пишетъ престарѣлый позитивистъ. Если дѣло будетъ идти и дальше, какъ теперь, то неминуемо столкновеніе, которое не только поколеблетъ армію, но основы соединеннаго королевства, а, быть можетъ, и всей Британской имперіи. Вооруженное возстаніе Ольстера и его сопротивленіе будущему ирландскому парламенту возвращаетъ насъ ко временамъ Стюартовъ. Будетъ прямо преступнымъ легкомысліемъ ожидать, что и ольстерскую революцію можно разгромить тѣми же средствами, какъ и націона-

собою, какъ результатъ. Наступитъ время, когда все населеніе Ирландіи будетъ пѣть „God save the King!“ Но для этого требуется предварительно, чтобы этотъ гимнъ не служилъ больше лозунгомъ преслѣдованія подчиненной національности господствующею“.

листическія движенія XIX вѣка, т. е. исключительными законами, запрещеніемъ митинговъ и союзовъ. Впереди кровавая борьба, въ такой же степени упорная, какъ и бурская война. Исходъ сомнителенъ; но, во всякомъ случаѣ, она оставитъ озлобленіе, которое не разсѣется даже черезъ нѣсколько поколѣній. Серьезнѣе всего то, что вся оппозиція въ парламентѣ теперь всецѣло на сторонѣ Ольстера. Это обстоятельство ставитъ предстоящее возстаніе въ совершенно иныя условія, чѣмъ всѣ другіе мятежи, которые были въ Ирландіи. Было ли раньше, чтобы вооруженное сопротивленіе закону проповѣдывалось въ церквахъ и рекомендовалось прихожанамъ, какъ долгъ! Было ли раньше, чтобы во главѣ революціоннаго движенія стояли люди, занимающіе крайне видное положеніе въ обществѣ, въ парламентѣ, въ военной службѣ и въ церковной іерархіи? Ольстеръ можетъ выставить сто тысячъ вооруженныхъ и обученныхъ военному строю людей. Это уже не «толпа» — продолжаетъ Фредерикъ Гаррисонъ.—Передъ нами гражданская война. Когда Бастилія была взята, Людовикъ XVI назвалъ это мятежомъ. Приближенный сказалъ королю, что это не мятежъ, а революція. Почему онъ сказалъ? Потому что повстанцы имѣли на своей сторонѣ половину всей націи. Вы, конечно, знаете,—продолжаетъ Гаррисонъ, — что Ольстеръ проникнутъ такимъ же фанатизмомъ, не поддающимся убѣжденіямъ разума, какъ латники Кромвеля или какъ айрширскіе камеронисты [1]). Ольстерцамъ такъ же безполезно говорить о соглашеніи и компромиссѣ, какъ безрезультатно было убѣждать камеронистовъ. Упрямство это я знаю хорошо, потому что унаслѣдовалъ его отъ предковъ ольстерцевъ, хотя самъ я въ такой же степени мало протестантъ, какъ и католикъ... Если правительство будетъ настаивать на осуществленіи своего билля, то это неминуемо приведетъ къ кровавому взрыву».

Фредерикъ Гаррисонъ рекомендуетъ выдѣлить Ольстеръ, какъ увидимъ дальше. Любопытно, что исчерпывающій отвѣтъ на всѣ эти страшныя предупрежденія мы находимъ въ произведеніяхъ самого Фредерика Гаррисона. Вотъ, напр., статья его, помѣщенная въ *Fortnightly Review* за 1892 годъ, когда Гладстонъ подготовлялъ свой билль о гомрулѣ, «Совершенную безсмыслицу, по его словамъ,—говорятъ тѣ, которые утверждаютъ, будто Ольстеръ долженъ быть выдѣленъ въ отдѣльную провинцію. Ольстеръ наполовину населенъ пламенными націоналистами. Другая половина должна какъ нибудь примириться съ гомрулемъ. Ирландія населена отдѣльной націей, но того же нельзя сказать объ Ольстерѣ. Эта провинція представляетъ собою

[1]) Непримеримая религіозная секта конца XVII вѣка. Основателемъ ея былъ нѣкій Ричардъ Камеронъ. Сектанты, подъ предводительствомъ своего основателя, возстали въ 1680 году.

группу графствъ, населеніе которыхъ раздѣлено по религіи и по политическимъ взглядамъ. Со стороны потомковъ тѣхъ авантюристовъ, которые забрали себѣ всѣ земли въ сѣверо-восточной Ирландіи, требованіе на отдѣльную конституцію для Ольстера является только безстыднымъ бахвальствомъ (impudent bluster). Скоро мы дождемся того, что чэмберлэновскій кланъ въ Бирмингэмѣ также начнетъ выть, добиваясь отдѣльной конституціи для защиты отъ естественныхъ послѣдствій собственной глупости. Другія націи тоже имѣли или имѣютъ сварливыя провинціи. У Шотландіи, наприм., были графства, населенныя бунтовщиками; у Франціи была Вандея; Австрія имѣетъ Кроацію и Богемію. Не во всякомъ случаѣ возможно исполнить въ полномъ объемѣ всѣ требованія сварливыхъ провинцій. Когда-то, при малѣйшемъ броженіи среди націоналистовъ ольстерцы обращались съ настойчивымъ требованіемъ къ ирландскому правительству (Dublin Castle), формулированнымъ такъ: «Do not hesitate to shoot»! (Не медлите, пускайте въ ходъ оружіе). Не должно ли правительство воспользоваться тѣмъ же совѣтомъ въ случаѣ, если Ольстеръ дѣйствительно вздумаетъ возстать? Зачѣмъ Ольстеру какія-то спеціальныя гарантіи? Какія у него права на спеціальныя привилегіи? Неужели только то, что въ теченіе двухъ вѣковъ они были наглы, назойливы, крикливы, эгоистичны и безконечно жадны? Неужели ольстерцамъ надо дать спеціальныя льготы только потому, что два вѣка они преслѣдовали католиковъ? Или потому, что столь же долго пользовались плодами конфискованнаго добра? Съ такимъ же правомъ богачъ, попавъ въ адъ, могъ бы обратиться къ сатанѣ со словами: «Я всегда жилъ въ позолоченныхъ хоромахъ, носилъ тонкое бѣлье и отличное платье, имѣлъ француза-повара и двѣнадцать каретъ. Ты мнѣ обязанъ поэтому отвести лучшій апартаментъ въ пандемоніумѣ. Такого именитаго гостя, какъ я, нельзя вѣдь помѣщать вмѣстѣ съ разной шушерой!» Ольстерцы - юніонисты постоянно относились къ націоналистамъ, какъ къ собакамъ, — продолжаетъ Фредерикъ Гаррисонъ,—и къ гомрулю, какъ къ чему-то въ высшей степени позорному. Мы не собираемся платить юніонистамъ ихъ же монетою; но либералы будутъ горько каяться, если теперь, имѣя ольстерцевъ во власти, выпустятъ ихъ только потому, что они подняли вой» [1]). Фредерикъ Гаррисонъ напоминаетъ, что ольстерцы «выли» и грозили мятежемъ въ 1829 году, когда обсуждался вопросъ объ эмансипаціи католиковъ, въ 1869 году, когда шла рѣчь объ отдѣленіи церкви отъ государ-

---

[1]) «How to Drive Home Rule Home». *Fortnightly Review*, 1892, vol. 52, стр. 273.

ства въ Ирландіи, и въ 1872 году, когда обсуждался билль о выборахъ. Ольстерцы тогда называли законопроектъ «заговоромъ папистовъ».

III.

«Мы хотимъ гомруль; мы сто лѣтъ добивались его; намъ онъ необходимъ для возрожденія націи; мы его добьемся во что бы то ни стало,—говорятъ націоналисты.—Требуйте отъ насъ какихъ хотите гарантій, что вы будете пользоваться при гомрулѣ абсолютно такими же привилегіями, какъ и все населеніе. Мы готовы дать эти гарантіи».

— Мы не хотимъ злораднаго торжества надъ частью населенія,— сказалъ Рэдмондъ въ Національномъ Либеральномъ клубѣ—напротивъ, нашъ идеалъ—объединенная Ирландія. Въ одну народность пусть сольются всѣ расы, всѣ религіи и всѣ классы нашего острова. Для быстраго осуществленія этого идеала стоитъ пойти навстрѣчу всякимъ жертвамъ. Чтобы успокоить опасенія меньшинства, мы готовы на жертвы, какъ бы ни были онѣ велики. Пусть ольстерцы формулируютъ свои требованія. Мы хотимъ примиренія, но Ольстеръ долженъ признать ирландскій парламентъ. Если Ольстеръ будетъ непримиримъ и откажется отъ соглашенія съ нами, тогда пусть правительство идетъ впередъ со своимъ биллемъ... Но предположимъ, что враги гомруля побѣдятъ. Предположимъ, что законопроектъ погибнетъ. Что же случится тогда? Ирландія *никогда* больше не подчинится старому порядку. Нынѣшняя административная система сгнила. И если тори станутъ у власти, погубивъ предварительно билль о гомрулѣ, никто въ Ирландіи не подчинится закону. «Вы были слишкомъ уступчивы!»—протестуютъ газеты, издаваемыя гомрулерами въ Ольстерѣ. «Если бы министры и либеральная печать не говорили такъ много о компромиссахъ,—положеніе дѣлъ было бы гораздо яснѣе теперь,—жалуется *Ulster Guardian*. Всѣ тѣ примирительныя рѣчи, которыя произнесены были послѣ заявленія ольстерскихъ юніонистовъ о томъ, что они хотятъ «гражданскую войну», укрѣпили консерваторовъ въ мнѣніи, что либералы боятся. Теперь ольстерскіе юніонисты глубоко убѣждены, что стоитъ лишь грозить войной, чтобы билль о гомрулѣ былъ снятъ съ очереди». Газета требуетъ отъ правительства, чтобы оно «шло на всѣхъ парахъ впередъ». «Правительство ни въ коемъ случаѣ не должно теперь уступать передъ угрозами,—пишетъ другая газета гомрулеровъ.—Если оно подастся угрозамъ, то оно не только измѣнитъ своимъ вѣрнымъ союзникамъ ирландцамъ, но, несомнѣнно, сильно потеряетъ въ глазахъ своихъ англійскихъ сторонниковъ. Трудно даже представить себѣ, какъ

можетъ выжить политическая партія, которая добровольно откажется отъ трофеевъ, добытыхъ послѣ тридцатилѣтней борьбы. Отсюда слѣдуетъ, что если оппозиція не откажется отъ своего требованія объ исключеніи Ольстера и если она не приметъ предложенія о «гомрулѣ въ гомрулѣ» [1])—то правительство должно смѣло идти впередъ, осуществляя волю большинства въ парламентѣ. Интересно, что многіе вліятельные юніонисты-ирландцы высказываются противъ исключенія Ольстера, т. е. противъ раздѣленія острова на двѣ враждующія территоріи. Въ такомъ духѣ высказались, между прочимъ, сэръ Хораль Пленкетъ и очень извѣстный въ Англіи профессоръ Дублинскаго университета Махаффи. Въ письмѣ, помѣщенномъ въ *Times*'ѣ, Махаффи указываетъ, что выдѣленіе Ольстера практически неосуществимо. Если взять даже тѣ четыре графства, въ которыхъ протестантское населеніе преобладаетъ, то и тамъ есть очень много католиковъ, открыто высказывающихся за гомруль. Неужели интересы этихъ людей не будутъ приняты во вниманіе? Выдѣленіе Ольстера только усилитъ ту роковую ошибку, которую когда-то совершила Англія, т. е. возстановленіе одной части населенія противъ другой, — пишетъ профессоръ Махаффи.—Это поведетъ къ тому, что какъ въ Ольстерѣ, такъ и въ остальныхъ трехъ провинціяхъ «меньшинство будетъ находиться подъ пятой у большинства». Я обращаюсь къ главнымъ юніонистскимъ газетамъ, издающимся въ Ирландіи, за предѣлами Ольстера. И оказывается, что онѣ, какъ и проф. Махаффи, возставая противъ билля въ нынѣшней формѣ, абсолютно не согласны съ требованіемъ оппозиціи и сэра Эдуарда Керсона (т. е. вождя ольстерскихъ бѣлыхъ революціонеровъ) объ исключеніи Ольстера. «Такое выдѣленіе невозможно по тремъ причинамъ,—говоритъ самая вліятельная ирландская юніонистская газета *Irish Times*;— во-первыхъ, нельзя географически опредѣлить границы той провинціи, которую можно исключить; во-вторыхъ, юніонисты, живущіе въ трехъ католическихъ провинціяхъ, останутся тогда безъ защиты и, въ-третьихъ, націоналисты никогда не примутъ выдѣленія Ольстера». *Irish Times* полагаетъ, что дилемма, стоящая теперь передъ правительствомъ, формулируется не: «исключеніе Ольстера или гражданская война», а «общіе выборы или гражданская война».

Мы слышали доводы Пленкета и Фредерика Гариссона, вѣрящихъ въ возможность гражданской войны. Выслушаемъ также аргументы другихъ спокойныхъ людей, убѣжденныхъ, что вооруженнаго столкновенія сѣвера съ югомъ въ Ирландіи не будетъ.

---

[1]) Отдѣльный сеймъ для Ольстера, подчиненный Ирландскому парламенту.

«Обратите вниманіе,—говорятъ они,—на самый чуткій политическій барометръ: на биржу. Когда гдѣ-нибудь въ Эквадорѣ генералъ Наваретте разстрѣливаетъ генерала Санчеса и объявляетъ себя президентомъ, немедленно на лондонской биржѣ начинается колебаніе всѣхъ цѣнныхъ бумагъ, не имѣющихъ повидимому никакого отношенія къ Эквадору. Теперь, если вѣрить оппозиціи, Англія наканунѣ такой же гражданской войны, какъ въ 1642 году, а между тѣмъ всѣ бумаги идутъ въ гору. Даже «консоли», т.-е. бумаги отвержденнаго государственнаго долга, стоявшія 73, теперь поднялись до 77. Такимъ образомъ, финансовый міръ, повидимому, совершенно не вѣритъ въ то, что ближайшее будущее такъ страшно, какъ изображаетъ, напр., Бонаръ Ло. Католическое меньшинство, живущее въ Ольстерѣ, не проявляетъ ни малѣйшей тревоги.

They do not believe in a *pogrom* of the catholics if the Home Rule Bill passes into law. (Они не вѣрятъ, что протестанты устроятъ католикамъ погромъ, если гомруль станетъ закономъ), — объяснялъ мнѣ вчера пріятель, музыкантъ, только-что вернувшійся изъ Бельфаста. Вы замѣтите, конечно, что русское слово «погромъ» получило права гражданства въ англійскомъ языкѣ.

Есть основательныя причины, почему гражданской войны не будетъ,—продолжалъ тотъ же пріятель. Всѣ ирландскіе банки находятся въ рукахъ протестантовъ. Вкладчиками являются фермеры католики. При малѣйшемъ признакѣ гражданской войны, всѣ вкладчики католики, по данному сигналу, потребуютъ свои вклады обратно. Въ одинъ день всѣ банки лопнутъ, и Ольстеръ будетъ разоренъ. Банкиры знаютъ это и не принимаютъ никакого участія въ ольстерскомъ движеніи. Протестанты лавочники, имѣющіе покупателей католиковъ, шепчутъ имъ, что «ничего не будетъ».

— Знаете, гдѣ главная причина недовольства Ольстера?— спросилъ пріятель.

— Религіозная нетерпимость, я думаю.

— Ольстерцы, въ сущности, относятся къ церкви какъ большинство англичанъ.

— Непонятная любовь къ Dublin castle (нынѣшняя бюрократическая машина)?

— Ольстерцы ненавидятъ ее еще больше, чѣмъ католики. Имъ, какъ дѣловымъ людямъ, необходимо самоуправленіе.

— Ну, не знаю.

— Все дѣло въ распредѣленіи платныхъ мѣстъ въ будущей администраціи. Ольстерскіе «лоялисты», судя по себѣ, думаютъ, что при гомрулѣ партія большинства, т.-е. «паписты» раздадутъ всѣ

платныя мѣста только католикамъ. Если бы дать гарантію этимъ «лоялистамъ», что ихъ не обойдутъ при распредѣленіи мѣстъ, воинственное движеніе прекратилось бы.

Я не думаю, что причины такъ просты, какъ объяснилъ мой пріятель, но нѣкоторая доля правды тутъ есть. Основа ольстерскаго движенія *психологическая:* предубѣжденіе расы, привыкшей считать себя высшей, противъ расы «низшей». Передъ нами, какъ я упомянулъ уже, результаты политики «государственнаго націонализма».

IV.

Что же дѣлать теперь? И либералы, и консерваторы убѣждены, что нынѣшняя система управленія Ирландіи немыслима больше. Населеніемъ нельзя управлять помимо его воли. Гдѣ же выходъ, если отклонить законопроектъ о гомрулѣ? Въ совѣтахъ нѣтъ недостатка. Мы видѣли, что тотъ проектъ выдѣленія Ольстера, за который стоитъ оппозиція, не пріемлемъ для ирландскихъ юніонистовъ. Одни совѣтуютъ раздѣлить католиковъ и протестантовъ въ Ирландіи на двѣ куріи, посылающія равное число представителей въ будущій парламентъ. Этимъ совѣтчикамъ отвѣчаютъ, что ихъ проектъ нелѣпость. Помимо того, что нельзя дать 75% столько же представителей, сколько 25%, дѣленіе на куріи усилитъ только религіозный антагонизмъ. Правительство, любящее страну, должно заботиться о сліяніи избирателей въ одну народность, а не о раздѣленіи ихъ на враждующія куріи. Сэръ Хоралъ Пленкетъ рекомендуетъ Ольстеру принять гомруль, но на трехъ условіяхъ: 1) черезъ нѣсколько лѣтъ (срокъ опредѣляется заранѣе) Ольстеръ путемъ плебисцита рѣшаетъ, желаетъ ли онъ подчиняться Дублинскому парламенту или нѣтъ. Эти нѣсколько лѣтъ дадутъ возможность Ольстеру убѣдиться, на сколько выгоденъ для него гомруль и возможно ли примиреніе съ католиками. 2) Представителямъ отъ гомрулеровъ и отъ Ольстера предлагается теперь выработать совмѣстно планъ соглашенія и проектъ измѣненія законопроекта о гомрулѣ. 3) Армія, которую Ольстеръ навербовалъ теперь, т. е. «ольстерскіе волонтеры», остается у провинціи, какъ ея гражданская гвардія. Такимъ образомъ, въ теченіе тѣхъ лѣтъ, покуда Ольстеръ пребываетъ подъ властью Дублинскаго парламента, провинція будетъ знать, что у нея есть защитники отъ возможныхъ притѣсненій. Сэръ Хоралъ Пленкетъ убѣждаетъ ольстерцевъ и правительство принять предложенный планъ примиренія. Авторъ указываетъ на то, что и Европа представляетъ теперь собою одинъ военный лагерь.

Миръ сохраняется искусной политикой Великобританіи, въ рукахъ которой находится балансъ силъ между тройственнымъ союзомъ и тройственнымъ соглашеніемъ. И если дѣйствительно суждено произойти европейской войнѣ, т.-е. тому страшному Армагеддону, который является кошмаромъ всего міра,—Англія не сможетъ занять подлежащее ей мѣсто, когда она будетъ занята гражданской войной. То обстоятельство, что многіе англійскіе офицеры, сочувствуя Ольстеру, выступятъ, такимъ образомъ, противъ короны, произведетъ опредѣленное впечатлѣніе на континентѣ; легко можетъ быть, что тамъ преувеличатъ значеніе какъ этого факта, такъ и междоусобной войны, и захотятъ использовать его. Такимъ образомъ,—продолжаетъ сэръ Хоралъ,—революція въ Ольстерѣ можетъ ускорить наступленіе общеевропейской войны. Примѣръ Ольстера можетъ, кромѣ того, найти подражателей въ Индіи, гдѣ тоже въ настоящій моментъ происходитъ сильное броженіе. «Если консервативная партія, похваляющаяся своею лояльностью и законностью, вполнѣ одобряетъ вооруженное возстаніе, то почему же *намъ* нельзя этого сдѣлать?»—скажутъ индѣйскіе націоналисты. Такимъ же самымъ образомъ будутъ разсуждать въ Англіи синдикалисты.

Фредерикъ Гаррисонъ выступаетъ тоже со своимъ проектомъ замиренія Ольстера. На Ольстеръ правительство должно смотрѣть, какъ на провинцію, населенную отдѣльной націей. Съ согласія парламентской оппозиціи къ законопроекту прибавляется такой параграфъ. Выборные представители отъ Ольстера, послѣ введенія гомруля, образуютъ отдѣльный, независимый комитетъ, вѣдающій всѣми ольстерскими законодательными, финансовыми и административными дѣлами. Рѣшеніе ольстерскаго комитета совершенно независимо отъ воли Дублинскаго парламента. Свое *veto* на постановленія этого комитета могутъ наложить только король или имперскій парламентъ. Для Ольстера только этотъ комитетъ будетъ законнымъ правительствомъ. Власть этого комитета продолжается опредѣленное число лѣтъ, послѣ того, какъ состоятся общіе выборы въ Британскій парламентъ. Въ зависимости отъ исхода этихъ выборовъ весь вопросъ объ Ольстерѣ можетъ быть разсмотрѣнъ заново. Населеніе Ольстера, въ случаѣ надобности, рѣшитъ путемъ референдума, желаетъ ли оно, чтобы комитетъ продолжалъ свое существованіе, какъ самостоятельная организація. Свою систему Фредерикъ Гаррисонъ называетъ «Home Rule by instalments» (Гомруль при помощи взносовъ). Престарѣлый публицистъ доказываетъ, что общіе выборы, назначенные, какъ требуетъ оппозиція, теперь, — ничего не рѣшатъ. На общихъ выборахъ избиратели имѣютъ обыкновенно передъ собою программу, состоящую изъ нѣсколькихъ пунктовъ. Каковъ бы ни былъ исходъ

выборовъ, заинтересованная сторона всегда сможетъ утверждать, что, въ сущности говоря, рѣшается вопросъ не о гомрулѣ, а, скажемъ, объ измѣненіи закона о страхованіи. Если надо теперь узнать волю избирателей и ихъ взглядъ на гомруль, то необходимо назначить плебисцитъ.

Крайне любопытно, что референдумъ находитъ теперь въ Англіи такихъ защитниковъ, которые еще недавно возставали противъ прямого опроса избирателей по поводу какого-нибудь вопроса. Иные изъ этихъ защитниковъ раньше были противъ референдума, потому что это революціонная мѣра, а другіе потому, что вспоминали, какъ производился плебисцитъ при Наполеонѣ III. Фредерикъ Гаррисонъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. «Есть одинъ путь, при помощи котораго можно немедленно узнать отношеніе всѣхъ избирателей къ гомрулю: Референдумъ ad hoc,—пишетъ престарѣлый публицистъ. — Избиратели должны отвѣтить только *да* или *нѣтъ*».

Затѣмъ много пишется теперь о федерализмѣ, какъ эквивалентѣ гомруля. За федерализмъ, т. е. за областные сеймы съ ограниченными полномочіями въ Ирландіи, Шотландіи и Валисѣ, подчиненные британскому парламенту, выступаютъ, по преимуществу, консерваторы. Идеалы эти лучше всего выражены Фредерикомъ Оливеромъ [1]). Анализъ двухъ книжекъ, выпущенныхъ имъ по вопросу о федерализмѣ, обнаруживаетъ, что многіе консерваторы крайне своеобразно толкуютъ это понятіе. «Федерализмъ означаетъ соединеніе нѣсколькихъ независимыхъ государствъ въ одинъ союзъ,—читаемъ мы, напр.—Такимъ образомъ, независимое государство, вступая въ союзъ, отказывается отъ части своихъ правъ въ пользу центральнаго парламента. Но не можетъ быть обратнаго, т. е. чтобы центральный парламентъ, имѣющій всю полноту власти, добровольно отрекся отъ части ея въ пользу областныхъ, вновь созданныхъ парламентовъ» [2]).

«Населеніе Англіи возмущено политикой министерства въ Ирландіи, съ ужасомъ видитъ впереди гражданскую войну и ждетъ только первой возможности, чтобы выразить правительству свое порицаніе». Таковъ тезисъ, развиваемый оппозиціей. На-дняхъ состоялся цѣлый рядъ дополнительныхъ выборовъ; либералы потеряли нѣсколько мѣстъ, при чемъ въ одномъ случаѣ пораженіе потерпѣли министры и членъ кабинета. Всѣ эти факты, какъ будто бы, дока-

1) «The Alternatives to civil War» и «What Federalism is *not*». Обѣ книжки вышли недавно и имѣли большой успѣхъ.

2) «What Federalism is not», стр. 34—35.

зываютъ справедливость приведеннаго тезиса, но это лишь на первый взглядъ. Либералы, правда, потеряли нѣсколько мѣстъ; но случилось это не потому, что шансы оппозиціи усилились; не потому, что населеніе Англіи негодуетъ на внесеніе законопроекта о гомрулѣ и трепещетъ въ ожиданіи гражданской войны. Нѣтъ, пораженіе либераловъ всюду обусловливается выступленіемъ третьяго кандидата, рабочаго или соціалиста, отнимавшаго голосъ у либерала. (Въ Англіи, какъ читателямъ извѣстно, *нѣтъ* перебаллотировокъ). Рабочій кандидатъ высказывался всюду убѣжденнымъ сторонникомъ гомруля. Если сложить голоса, поданные за гомрулеровъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ либералы потерпѣли пораженіе, то обнаружится, что населеніе давно уже примирилось съ тѣмъ, что Ирландія должна имѣть отдѣльный парламентъ. Населеніе Англіи, повидимому, абсолютно равнодушно относится къ военнымъ приготовленіямъ Ольстера и совершенно не вѣритъ въ ихъ серьезность. Вотъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ только-что сказанное. Въ Лондонскомъ округѣ Бетналъ-Гринъ либералъ прошелъ въ 1911 году большинствомъ въ 184 голоса. За него тогда было подано 2.745 голосовъ, а за консерваторовъ—2.561 голосъ. Теперь выступилъ третій кандидатъ, соціалистъ, получившій 315 голосовъ. Либералъ получилъ 2.804 голоса, а консерваторъ 2.828 голосовъ. И либералъ, и соціалистъ высказались за гомруль. Такимъ образомъ, гомрулисты въ округѣ преобладаютъ, но, вслѣдствіе раздѣленія голосовъ, консерваторъ прошелъ большинствомъ въ 24 голоса. На дополнительныхъ выборахъ въ Leith либералы тоже потеряли мѣсто и тоже только потому, что выступилъ третій кандидатъ, рабочій, тоже высказавшійся за гомруль. Консерваторъ получилъ большинство въ 16 голосовъ, но гомрулеры имѣютъ большинство надъ юніонистами въ 3.330 голосовъ. То же самое явленіе наблюдается во всѣхъ округахъ, гдѣ происходили дополнительные выборы. Обычной тяги въ пользу консерваторовъ нѣтъ. Если рабочіе выступаютъ противъ министерства, то не потому, что они недовольны ирландской политикой правительства. Напротивъ, ее они одобряютъ безусловно. Анализъ фактовъ, какъ я сказалъ, показываетъ, что населеніе Англіи не вѣритъ воплямъ ольстерскихъ патріотовъ и совершенно примирилось съ тѣмъ, что скованный плѣнникъ *долженъ* вырваться изъ подвала замка царицы Блодьюуэдъ.

Діонео.

Лондонъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Высочайшій рескриптъ 6-го марта.—Совѣщаніе 1-го марта.—Предсѣдатель совѣта министровъ и право запроса.—Циркуляръ управляющаго министерствомъ финансовъ.—Стачки рабочихъ.

Высочайшій рескриптъ 6-го марта можетъ быть разсматриваемъ только какъ вступленіе къ программѣ, которую долженъ создать и развить новый курсъ—чтобы быть дѣйствительно новымъ. Только въ ней могутъ получить опредѣленное, реальное значеніе указанія рескрипта, въ краткой, общей формулировкѣ допускающія весьма различныя толкованія; только она можетъ ясно намѣтить путь, на который должно вступить заново объединенное министерство. Одной программы, впрочемъ, мало: необходимы дѣйствія, подчеркивающія ея смыслъ, проводящія ее, въ жизнь.

«Дальнѣйшее и неуклонное упроченіе въ странѣ государственнаго и общественнаго порядка»—читаемъ мы въ рескриптѣ—«должно быть положено въ основу заботъ правительственной власти». Съ перваго взгляда можетъ показаться, что рѣчь идетъ о продолженіи той дѣятельности, которая задавалась цѣлью *успокоенія*, какъ предварительнаго условія *реформъ*, но, внѣшне успокоивъ страну, отодвинула реформы въ туманное будущее. Къ другому заключенію приводятъ, однако, тѣ мѣста рескрипта, гдѣ на-ряду съ порядкомъ ставится *уваженіе къ закону* и исполненіе Высочайшихъ указаній объявляется не допускающимъ *произвола* Меньше чѣмъ когда-либо, за послѣднія семь лѣтъ, господствовало у насъ уваженіе къ закону; шире и глубже, чѣмъ когда-либо, стала сфера примѣненія произвола. Не слѣдованія по старой дорогѣ, а проложенія новыхъ путей требуетъ, поэтому, рескриптъ 6-го марта. Осуждая «послабленія въ ущербъ достоинства правительства и въ угоду какимъ бы то ни было стороннимъ побужденіямъ», возлагая на предсѣдателя совѣта министровъ попеченіе о томъ, чтобы «великій образъ русскаго государства не затемнялся личными соображеніями», онъ признаетъ, тѣмъ самымъ, что несвободными отъ «личныхъ соображеній» и «стороннихъ побужденій» были до сихъ поръ въ своихъ дѣйствіяхъ, органы власти.

На самомъ дѣлѣ, гдѣ открытъ просторъ для произвола, гдѣ забыто уваженіе къ закону, тамъ неизбѣжны вліянія, не имѣющія ничего общаго съ служебнымъ и гражданскимъ долгомъ. Слишкомъ неотра-

зимо упоеніе ничѣмъ не сдерживаемымъ усмотрѣніемъ, слишкомъ великъ соблазнъ пользованія имъ въ своихъ особыхъ видахъ, тѣмъ болѣе, что они всегда могутъ быть прикрыты интересомъ государства, необходимостью оградить престижъ «властной руки». Членъ законодательнаго собранія досаждаетъ министру возраженіями, въ печати или съ трибуны, противъ его распоряженій или предначертаній; какъ не сдѣлать попытку устранить непріятнаго противника, разъ что дискреціонная власть даетъ къ тому хотя бы сомнительную—во всѣхъ отношеніяхъ — возможность? Газета позволяетъ себѣ неодобрительный отзывъ о «моральной» сторонѣ партіи, которой сочувствуетъ губернаторъ; какъ не двинуть противъ нея заманчиво неопредѣленное обязательное постановленіе, хотя бы и съ извращеніемъ его смысла? Въ деревнѣ не возбуждаютъ интереса тѣ періодическія изданія, которыя, съ точки зрѣнія администратора, заключаютъ въ себѣ альфу и омегу политической мудрости; какъ не оказать имъ поддержку, прямую—рекомендаціей, равносильной приказанію, или косвенную—затрудненіемъ разсылки другихъ изданій, равносильнымъ запрещенію? Выходитъ книга, весьма мало доступная по цѣнѣ и весьма сомнительная по своему внутреннему достоинству, но пришедшаяся по вкусу тому или другому начальству; какъ не оказать «нажимъ», въ ея пользу, на волю подчиненныхъ лицъ или учрежденій? Такихъ вопросовъ можно было бы поставить безчисленное множество. Почему въ послѣднее время несомнѣнно пало довѣріе общества къ цѣлымъ вѣдомствамъ? Не потому ли, что въ давленіи, іерархически на нихъ оказываемомъ, трудно—или невозможно—отличать долю, диктуемую за ботой о благѣ государства (правильно или не правильно понимаемомъ—это вопросъ другой), отъ доли, обусловливаемой жаждою проявленія своей личности, своего внѣшняго авторитета—или просто жаждою успѣха? Достигаемый такимъ путемъ, видимый, кажущійся подъемъ значенія отдѣльныхъ должностныхъ лицъ не соотвѣтствуетъ цѣли, намѣчаемой рескриптомъ; «достоинству правительства» онъ несомнѣнно грозитъ ущербомъ.

Насколько принадлежность къ партіи вообще совмѣстима съ свободой отъ «личныхъ соображеній» и «стороннихъ побужденій» — объ этомъ могутъ существовать различныя мнѣнія; но едва-ли можно отрицать, что въ Россіи, при настоящихъ условіяхъ, такая свобода немыслима для министра, разъ что онъ вступилъ въ партію и, тѣмъ болѣе, открыто призналъ себя ея членомъ. Дѣло въ томъ, что всѣ русскія партіи раздѣлены теперь на легализованныя и нелегализованныя. Разсчитывать на справедливое отношеніе послѣднія, конечно, не могутъ; но равновѣсіе имъ во предъ нарушается уже черезчуръ рѣзко, когда въ составъ одной изъ привилегированныхъ партій вступаютъ носители власти. Правительство перестаетъ тогда,

даже по имени, стоять внѣ и выше партій; оно становится участникомъ партійной борьбы, существенно отличной отъ борьбы за общіе интересы государства и народа. На партійные вѣсы падаетъ всей своей тяжестью часть могучаго аппарата, предназначеннаго для совершенно иныхъ цѣлей. Группа лицъ, озабоченныхъ своими специфическими задачами, получаетъ, по французскому выраженію, l'oreille du pouvoir: ее не только выслушиваютъ—ея по временамъ слушаются. А между тѣмъ, она сплошь и рядомъ даже не скрываетъ своихъ «личныхъ соображеній» и «стороннихъ побужденій»; хлопоча, напримѣръ, о созданіи казенной монополіи объявленій, которыя затѣмъ распредѣлялись бы между покровительствуемыми изданіями, она имѣетъ въ виду пріобрѣсти въ свое распоряженіе цѣлый рядъ доходныхъ статей. Во всемъ и всегда такія партійныя организаціи, какъ «палата Михаила Архангела» или «союзъ русскаго народа»—т.-е. именно тѣ, активными участниками которыхъ недавно заявили себя два министра и одинъ директоръ канцеляріи,—разсчитываютъ на милости казны, во всемъ и всегда домогаются для себя—или для своего сословія—осязательныхъ, матеріальныхъ выгодъ. Недалеко, въ этомъ отношеніи, ушло отъ нихъ и близкое имъ во многомъ объединенное дворянство. Ограничить притязанія этихъ элементовъ на руководящую роль въ политической жизни, предоставить ихъ собственнымъ ихъ силамъ—значило бы сдѣлать большой шагъ впередъ на пути къ обузданію произвола и возстановленію уваженія къ закону.

Отъ предсѣдателя совѣта министровъ ожидается «постоянное вниманіе къ тому, чтобы благо народа не приносилось въ жертву безпочвеннымъ стремленіямъ, порой совсѣмъ чуждымъ тѣмъ народнымъ завѣтамъ и историческимъ устоямъ, которыми росла и крѣпла Россія». Въ государственной и народной жизни нѣтъ ничего неизмѣннаго и неподвижнаго; безпочвенное сегодня можетъ завтра обрѣсти твердую основу; рядомъ съ старыми завѣтами могутъ возникнуть и окрѣпнуть новые; устои, въ виду осложнившихся требованій времени, могутъ раздвинуться въ ширь и глубь, отнюдь не грозя паденіемъ зданія. Недавно казавшееся немыслимымъ стало дѣйствительно существующимъ, и нѣтъ причины думать, чтобы историческая эволюція, совершившаяся на нашихъ глазахъ, могла пойти вспять и обратиться въ небытіе. Чего требуетъ и чего потребуетъ благо народа—этого нельзя опредѣлить разъ навсегда; до крайности различно, въ каждую данную минуту, можетъ быть понимаемо самое благо народа, и нѣтъ такихъ средствъ, съ помощью которыхъ могло бы быть устранено это разногласіе. Меньше всего пригодны, въ этомъ отношеніи, обычныя мѣры власти: преслѣдованія, запрещенія, попытки искорененія «злыхъ» и поощренія «добрыхъ». Опытъ недавняго прошлаго показалъ съ

полною ясностью, что эпоха наибольшихъ репрессій была эпохой наибольшаго распространенія гонимыхъ взглядовъ.

«Кругъ вѣдомства законодательныхъ учрежденій»—читаемъ мы въ Высочайшемъ рескриптѣ—«строго очерченъ въ законѣ»; согласіе между ними и правительствомъ признается «необходимымъ». Этими словами осуждена, какъ намъ кажется, агитація правыхъ партій, направленная къ одностороннему измѣненію основныхъ законовъ. «Строго очерченъ» не только кругъ вѣдомства законодательныхъ учрежденій, но и кругъ дѣйствій правительственной власти. Еще разъ, такимъ образомъ, подчеркнута общая для всѣхъ обязанность уваженія къ закону, исключающая возможность произвола. Нужно думать, что обнародованіе Высочайшаго рескрипта сдѣлаетъ невозможнымъ многое изъ того, что до сихъ поръ невозбранно творилось въ разныхъ концахъ Россіи. Приведемъ только одинъ примѣръ, особенно поразительный. Въ печати было сообщено, что одинъ изъ священниковъ харьковской епархіи былъ переведенъ въ другой приходъ исключительно вслѣдствіе неладовъ, возникшихъ между нимъ и мѣстнымъ земскимъ начальникомъ. Въ бюджетной комиссіи Госуд. Думы, при обсужденіи смѣты Св. Синода, былъ спрошенъ по этому поводу синодальный оберъ-прокуроръ. В. К. Саблеръ отвѣтилъ, что распоряженіе харьковскаго архіепископа состоялось не по доброй его волѣ: архіепископъ довелъ до свѣдѣнія Синода, что священникъ былъ совершенно правъ, дѣйствія губернатора, вмѣшавшагося въ это дѣло, неправильны—но священника пришлось перевести подъ давленіемъ со стороны губернатора. Итакъ, давленіе власти, идущее прямо въ разрѣзъ съ закономъ, распространяется даже на высшее епархіальное начальство и оказывается настолько сильнымъ, что заставляетъ совершить явную, сознательную несправедливость! Какимъ же должно быть положеніе другихъ должностныхъ лицъ, менѣе самостоятельныхъ и авторитетныхъ, чѣмъ архіепископъ? Что могутъ противопоставить губернаторскому гнету простые обыватели, лишенные всякой опоры, всякаго престижа?.. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, мѣстные властители не внимаютъ даже приказаніямъ изъ Петербурга, игнорируютъ—какъ напр. извѣстный курскій губернаторъ Муратовъ — распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ. Пока возможны такіе факты, до тѣхъ поръ не прекратится господство произвола, открывающаго широкій просторъ для «стороннихъ побужденій» и наносящаго непрерывный ущербъ «достоинству правительства».

Совѣщаніе, состоявшееся въ Думѣ вечеромъ 1-го марта, должно было служить, по всей вѣроятности, однимъ изъ средствъ «упорядоченія отношеній между правительствомъ и законодательными учреж-

деніями». Для насъ не совсѣмъ ясно, чѣмъ это средство, помимо своей внѣшней эффектности, отличается отъ другихъ, обычныхъ способовъ общенія между министерствомъ и народнымъ представительствомъ. Безспорно, бываютъ случаи, когда открытому выступленію въ Думѣ цѣлесообразно предпослать неоффиціальный обмѣнъ мыслей, ни къ чему не обязывающій, намѣчающій лишь первые шаги къ соглашенію и сохраняемый, до поры до времени, въ тайнѣ; но самымъ подходящимъ для него мѣстомъ является та или другая думская комиссія, малочисленная, засѣдающая при закрытыхъ дверяхъ и свободная отъ формализма. Обращеніе къ этому пути правильно уже потому, что рано или поздно къ нему все-таки придется прибѣгнуть. Намъ могутъ замѣтить, что въ комиссію вносятся готовые законопроекты, а совѣщаніе можно устроить до ихъ изготовленія; но что же мѣшаетъ коснуться въ комиссіи еще не оформленныхъ, только намѣченныхъ предположеній, при обсужденіи какого-либо близкаго къ нимъ предмета?.. Само собою разумѣется, однако, что возможность обойтись безъ совѣщанія не составляетъ рѣшительнаго аргумента противъ его созыва; форма—вещь второстепенная, важна только преслѣдуемая цѣль. Съ этой точки зрѣнія совѣщаніе 1-го марта возбуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Если правительство желаетъ ознакомиться съ мнѣніями членовъ Думы и, въ свою очередь, ознакомить ихъ съ своими взглядами, оно не должно проводить демаркаціонную линію между овцами и козлищами, не должно произвольно суживать кругъ своихъ собесѣдниковъ; оно должно желать, чтобы въ составъ совѣщанія были включены представители всѣхъ фракцій, такъ какъ имъ всѣмъ предстоитъ принять участіе въ окончательномъ обсужденіи дѣла. Ни къ одной изъ нихъ нельзя относиться съ предвзятымъ недовѣріемъ; отъ нихъ самихъ должно зависѣть рѣшеніе вопроса, участвовать ли въ совѣщаніи. Если интересы государства требуютъ, на время, сохраненія тайны, и это было заранѣе извѣстно приглашеннымъ на совѣщаніе, самая готовность принять участіе въ немъ равносильна обязательству хранить молчаніе—и для предположенія, что обязательство это исполнено не будетъ, не должно быть мѣста. Между тѣмъ, на совѣщаніе 1-го марта не былъ приглашенъ никто изъ среды крайнихъ лѣвыхъ. Помимо этого основного дефекта, составъ совѣщанія былъ, повидимому, опредѣленъ случайно, безъ соглашенія между президіумомъ Думы съ одной стороны и партійными организаціями—съ другой. Только этимъ можно объяснить, напр., тотъ странный фактъ, что въ составѣ совѣщанія не оказалось ни одного крестьянина и ни одного священника. Конечно, въ Думѣ нѣтъ и не можетъ быть ни крестьянской, ни священнической фракціи, какъ нѣтъ за ея стѣнами соотвѣтствующихъ партій; но всѣмъ извѣстно, что существуютъ *группы* депутатовъ-

крестьянъ и депутатовъ-священниковъ—группы, въ значительной степени однородныя и объединенныя, члены которыхъ во многомъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ товарищамъ по фракціи. И въ совѣщаніи, поэтому, не должны были остаться непредставленными цѣлыя категоріи депутатовъ — въ особенности та категорія, за которой стоитъ народная масса... Въ концѣ концовъ, впрочемъ, особо важнаго значенія совѣщаніе не могло бы имѣть и при болѣе правильномъ, болѣе полномъ его составѣ. Предварительное освѣдомленіе о намѣреніяхъ правительства—вотъ, въ сущности, все, чего оно могло достигнуть. Намѣренія Думы оно не могло освѣтить потому, что никто изъ депутатовъ не былъ уполномоченъ говорить отъ имени своей фракціи, да и получить такое полномочіе нельзя было въ виду неизвѣстности, что̀ скажутъ, что̀ предложатъ во время совѣщанія министры. Когда, въ первомъ послѣ 1-го марта засѣданіи Думы, бывшіе участники совѣщанія отрицали выдачу ими какихъ бы то ни было *векселей*, т. е. связывающихъ ихъ свободу обѣщаній, имъ нельзя было не повѣрить; никакой другой роли, кромѣ роли слушателей и «вопросителей», они принять не могли. Окончательно роняетъ цѣнность совѣщанія тотъ фактъ, что предсѣдатель совѣта министровъ отказался отвѣчать на предложенные ему депутатами вопросы, относившіеся къ внутренней политикѣ министерства. Въ настоящее время внѣшнее положеніе государства тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, связано съ его внутреннимъ состояніемъ; отношеніе его къ иностраннымъ державамъ въ значительной мѣрѣ обусловлено отношеніемъ его къ собственнымъ гражданамъ.

Гораздо больше, чѣмъ какія бы то ни было совѣщанія, могло бы способствовать намѣчаемому «новымъ курсомъ» «упорядоченію отношеній» устраненіе или хотя бы пониженіе перегородокъ, отдѣляющихъ министерство отъ Думы. На самомъ дѣлѣ, однако, приходится наблюдать ихъ повышеніе. И. Л. Горемыкинъ довелъ на-дняхъ до свѣдѣнія предсѣдателя Думы, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ отвѣчать на запросы Думы (а слѣдовательно, и Госуд. Совѣта), такъ какъ обязанность эта, по ст. 33 учр. Думы, лежитъ только на министрахъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, подчиненныхъ Сенату, а предсѣдатель совѣта министровъ Сенату не подчиненъ. Какъ согласить этотъ взглядъ съ задачей «объединенія» министерства, лежащей, въ силу вещей, на предсѣдателѣ совѣта министровъ и спеціально возложенной на И. Л. Горемыкина какъ указомъ 30-го января, такъ и рескриптомъ 6-го марта? Не ясно ли, что при дѣйствительномъ объединеніи министерства предсѣдатель совѣта министровъ не можетъ считать себя непричастнымъ къ дѣятельности своихъ товарищей, не можетъ относиться къ ней безраз-

лично даже тогда, когда возникаетъ серьезное сомнѣніе въ ея закономѣрности? Кто руководитъ другими, тотъ неизбѣжно раздѣляетъ ихъ отвѣтственность, все равно, имѣетъ ли она юридическій или только нравственный характеръ. Сколько бы предсѣдатель совѣта министровъ ни прикрывался узко понимаемымъ закономъ, онъ едва-ли убѣдитъ кого-либо въ серьезности этого прикрытія. Нельзя пользоваться выгодами положенія и отказываться отъ сопряженнаго съ нимъ бремени; нельзя быть первымъ между равными—и отдѣлять себя отъ нихъ, когда имъ приходится оправдываться или защищаться. Заявленіе И. Л. Горемыкина не встрѣтило сочувствія даже среди октябристовъ, всегда склонныхъ становиться на сторону власти; «онъ имѣлъ право это сдѣлать»—воскликнулъ одинъ изъ нихъ,—«но не долженъ былъ этого дѣлать». Самое право, впрочемъ, представляется спорнымъ: оно выводится изъ молчанія закона, вполнѣ объяснимаго, если принять во вниманіе время учрежденія самой должности предсѣдателя совѣта министровъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что къ послѣднему непримѣнимы тѣ соображенія, въ силу которыхъ изъятъ изъ вѣдѣнія Сената министръ императорскаго двора или главноуправляющій учрежденіями императрицы Маріи. Въ Думѣ возникло уже предположеніе о дополненіи законопроекта о Сенатѣ правиломъ, прямо подчиняющимъ Сенату (на сколько вообще можетъ идти рѣчь о подчиненіи ему министровъ) предсѣдателя совѣта и самый совѣтъ министровъ; но неужели необходимо соблюденіе этой формальности, чтобы осуществить вытекающую изъ самыхъ основъ новаго государственнаго строя обязанность предсѣдателя совѣта министровъ отвѣчать на запросы, предъявляемые ему Госуд. Думой или Госуд. Совѣтомъ? [1]) Эта обязанность—оборотная сторона права, которымъ до сихъ поръ постоянно пользовались предсѣдатели совѣта министровъ: права обращаться къ законодательнымъ учрежденіямъ съ декларацiями о видахъ и намѣреніяхъ правительства. П. А. Столыпинъ держалъ въ своихъ рукахъ портфель внутреннихъ дѣлъ, В. Н. Коковцовъ—портфель финансовъ, но оба излагали программы, выходившія далеко за предѣлы ихъ спеціальныхъ вѣдомствъ; широкій характеръ имѣла и программа, прочитанная И. Л. Горемыкинымъ—тогда, какъ и теперь, министромъ безъ портфеля—въ первой Думѣ. Кто, такимъ образомъ, предопредѣляетъ ближайшее будущее, тотъ не можетъ всецѣло слагать на другихъ оправданіе прошедшаго и настоящаго.

---

[1]) Въ признаніи за предсѣдателемъ совѣта министровъ обязанности отвѣчать на запросы Госуд. Совѣтъ, въ виду ст. 44 своего учрежденія, заинтересованъ въ такой же мѣрѣ, какъ и Гос. Дума. Можно предположить, поэтому, что онъ не отвергнетъ дополненіе къ законопроекту о Сенатѣ, если оно будетъ принято Думой.

Въ циркулярѣ управляющаго министерствомъ финансовъ, касающемся способовъ исполненія Высочайшаго рескрипта 30-го января, наибольшее значеніе имѣютъ, какъ намъ кажется, слѣдующія слова: «не слѣдуетъ опасаться уменьшенія доходовъ казны отъ продажи питей вслѣдствіе упроченія трезвости... Предлагаю вамъ относиться съ полною благожелательностью къ ходатайствамъ сельскихъ обществъ о закрытіи или недопущеніи торговли крѣпкими напитками, неуклонно удовлетворяя всѣ законно состоявшіеся о томъ приговоры». До сихъ поръ агенты финансоваго вѣдомства на мѣстахъ могли думать, что отъ нихъ ожидается скорѣе увеличеніе, чѣмъ уменьшеніе питейнаго дохода, другими словами — скорѣе расширеніе, чѣмъ сокращеніе торговли крѣпкими напитками; теперь имъ внушается противоположная увѣренность, и если она вкоренится въ ихъ средѣ, это не можетъ не отразиться на ихъ образѣ дѣйствій. Еще важнѣе указаніе, касающееся запретительныхъ общественныхъ приговоровъ; если они и не будутъ поощряться, то не будутъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчать противодѣйствіе или недоброжелательство со стороны власти. Не слѣдуетъ, однако, скрывать отъ себя, что болѣе серьезную роль въ этомъ отношеніи долженъ сыграть законопроектъ, обсуждавшійся недавно въ Государственномъ Совѣтѣ и не прошедшій еще черезъ всѣ фазисы своего движенія. Если запретительный общественный приговоръ не будетъ служить препятствіемъ къ открытію продажи питей на частновладѣльческой землѣ, хотя бы въ самомъ близкомъ разстояніи отъ деревни, то значеніе приговора окажется фиктивнымъ и самое «благожелательное» отношеніе финансоваго вѣдомства никакой пользы дѣлу трезвости не принесетъ. Что касается до активной работы на пользу трезвости, то ожидать ея отъ финансовыхъ агентовъ довольно трудно; по совершенно правильному замѣчанію циркуляра, она предполагаетъ «непосредственную близость» къ населенію—а положенію чиновъ финансоваго вѣдомства такая близость свойственна весьма мало и можетъ быть достигнута ими лишь въ видѣ исключенія. «Общеніе съ народомъ», вообще говоря, не дается должностнымъ лицамъ и не будетъ даваться имъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся бюрократическія традиціи и привычки, а вмѣстѣ съ ними—и народныя чувства... Большимъ шагомъ впередъ—въ борьбѣ съ пьянствомъ, какъ и во всемъ другомъ—было бы устраненіе всякаго рода административныхъ преградъ и помѣхъ. Пускай власть пресѣкаетъ и преслѣдуетъ нарушенія закона—тайную продажу крѣпкихъ напитковъ, тайное винокуреніе,—и пускай она не мѣшаетъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ вести дѣятельную пропаганду трезвости: это и будетъ лучшей формой того «единенія» и «сотрудничества», о которомъ идетъ рѣчь въ циркулярѣ П. Л. Барка.

«Я глубоко убѣжденъ»—говоритъ управляющій министерствомъ фи-

нансовъ,—«что сбереженныя на потребленіи крѣпкихъ напитковъ народныя средства, оставаясь въ оборотѣ трудовой жизни и создавая новыя цѣнности, откроютъ иные, вполнѣ надежные источники для покрытія возрастающихъ государственныхъ расходовъ». Безспорно, народныя сбереженія, достижимыя путемъ уменьшенія пьянства, должны отозваться благопріятно и на положеніи государственныхъ финансовъ; но это дѣло многихъ, многихъ лѣтъ, а въ близкомъ будущемъ всякая мѣра, серьезно поднимающая народную трезвость, легко можетъ повлечь за собою замѣтное паденіе государственныхъ доходовъ. Этому вѣроятному—или, лучше сказать, неизбѣжному—результату слѣдуетъ смѣло смотрѣть въ глаза. Не успокоивая себя неопредѣленными надеждами, слѣдуетъ озаботиться съ одной стороны созданіемъ новыхъ видовъ обложенія, упадающаго на достаточные классы населенія, съ другой стороны—сокращеніемъ непроизводительныхъ расходовъ. Пора, наконецъ, ввести подоходный (прогрессивный) налогъ, о которомъ, слишкомъ четверть вѣка тому назадъ, серьезно помышлялъ Н. Х. Бунге; пора остановить безпредѣльно увеличивающійся ростъ затратъ на военныя и военно-морскія силы государства. Только тогда станутъ возможными и такіе способы борьбы съ пьянствомъ, которые далеко оставятъ за собою всѣ намѣчаемыя теперь съ этой цѣлью палліативныя мѣры.

Въ виду постоянно возобновляющихся стачекъ рабочихъ, особый интересъ пріобрѣтаютъ появившіяся въ печати свѣдѣнія о предположеніяхъ, возникающихъ по этому поводу въ правительственныхъ сферахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ стоитъ за учрежденіе особыхъ примирительныхъ камеръ, но, ограничивая ихъ сферу дѣйствія экономическими стачками, считаетъ необходимымъ установленіе уголовной кары за возбужденіе рабочихъ къ выступленіямъ политическаго характера. Совѣтъ министровъ, раздѣляя, въ принципѣ, мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, находитъ, что «составъ примирительныхъ камеръ долженъ быть выборнымъ, дабы обезпечить за ними достаточный авторитетъ безпристрастія и внутренней нравственной силы; участіе же въ нихъ правительственныхъ чиновъ имѣло бы ту положительную сторону, что пріучило бы рабочихъ въ ихъ справедливыхъ домогательствахъ смотрѣть на агентовъ правительственной власти не какъ на своихъ противниковъ, а какъ на защитниковъ». Дѣйствующее уголовное законодательство о стачкахъ совѣтъ министровъ признаетъ не отвѣчающимъ условіямъ современной жизни и недостаточно охраняющимъ общественный порядокъ и спокойствіе отъ нарушенія ихъ политическими выступленіями забастовщиковъ. Что касается до экономическихъ забастовокъ, то, по мнѣнію совѣта, «выступленія рабочихъ въ этой об-

ласти, поскольку они обусловливаются борьбой рабочаго класса за свои справедливые экономическіе интересы, не могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія вообще преступности стачечныхъ выступленій, пока они не сопровождаются насиліемъ, или поврежденіемъ имущества, или не грозятъ общественнымъ интересамъ». Въ отношеніи къ такимъ стачкамъ слѣдуетъ ограничиваться направленіемъ ихъ теченія въ закономѣрное русло. Разработка всѣхъ этихъ предположеній возложена совѣтомъ министровъ на особое междувѣдомственное совѣщаніе.

Насколько примирительныя камеры могутъ оказаться полезными при правильномъ теченіи государственной и общественной жизни, настолько трудно ожидать отъ нихъ крупныхъ результатовъ при господствѣ «усмотрѣнія», составляющаго въ настоящее время отличительную черту правительственной политики по отношенію къ рабочимъ. До извѣстной степени это признаетъ и совѣтъ министровъ, ожидая, что только въ будущемъ, при существованіи примирительныхъ камеръ, рабочіе станутъ видѣть въ агентахъ власти не противниковъ своихъ, а защитниковъ. Другими словами, теперь рабочіе считаютъ агентовъ власти своими противниками. Развѣ это было бы возможно при другихъ, болѣе нормальныхъ условіяхъ? Развѣ противниками рабочихъ слывутъ въ Англіи, во Франціи чины фабричной инспекціи? Развѣ такова была репутація, пріобрѣтенная у насъ, четверть вѣка тому назадъ, первыми фабричными инспекторами? И какъ понимать слова совѣта министровъ о необходимости выборнаго состава примирительныхъ камеръ, если въ число ихъ членовъ предполагается ввести представителей власти?.. Не отличаются ясностью и другія соображенія совѣта министровъ. Читая ихъ, можно подумать, что мы живемъ не въ 1914-мъ, а въ 1904-мъ году, что у насъ все еще не узаконено право стачекъ, да и предполагается узаконить его только съ большими оговорками. Что значитъ «вообще преступность стачечныхъ выступленій», разъ что еще въ 1905 г. отмѣнено общее запрещеніе стачекъ, заключавшееся въ ст. 1358-ой улож. о наказ.? Какъ установить различіе между *справедливыми* и несправедливыми экономическими интересами рабочихъ? Какъ ввести въ опредѣленныя границы понятіе объ опасности, которою стачка можетъ грозить *общественнымъ интересамъ*? Какими гарантіями будутъ обставлены старанія власти «направить теченіе стачекъ въ закономѣрное русло»? И можно ли возлагать большія надежды на усиленіе уголовной репрессіи, если безсильными оказываются самыя крутыя мѣры, принимаемыя теперь съ цѣлью предупрежденія стачечныхъ выступленій?

Одновременно съ предположеніями, изложенными выше, въ печати появились оффиціально собранныя статистическія данныя о забастовкахъ. Нельзя не пожалѣть, что первыя такъ мало согласованы

съ послѣдними. Если число забастовокъ съ 222 въ 1910-мъ и 466 въ 1911-мъ году дошло въ 1912-мъ до 2.032, въ первые девять мѣсяцевъ 1913-го года—до 1.671, а соотвѣтствующія цифры забастовщиковъ повысились съ $46^1/_2$, и 110 до 725 и $678^1/_2$ тыс., если число забастовокъ на политической почвѣ, сначала совершенно ничтожное, теперь только немногимъ меньше числа экономическихъ забастовокъ, то не ясно ли, что въ основѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ, лежатъ причины, неустранимыя ни судебными, ни административными репрессіями? Среди поводовъ къ забастовкамъ, по удостовѣренію чиновъ фабричной инспекціи, на первомъ мѣстѣ стоитъ недовольство рабочихъ преслѣдованіями рабочей печати и воспрещеніемъ общихъ собраній рабочихъ для обсужденія проектовъ уставовъ больничныхъ кассъ. Неужели это указаніе недостаточно краснорѣчиво, неужели оно не заставляетъ вспомнить старинную формулу: sublata causa tollitur effectus? Элементарная политическая мудрость требуетъ мѣропріятій не столько противъ отдѣльныхъ правонарушеній, сколько противъ ихъ общаго источника. И это слѣдовало бы имѣть въ виду не только министерству, но и большинству Государственной Думы, усвоившему себѣ, въ послѣднее время, печальную привычку признавать существенно важные запросы спѣшными только для того, чтобы поскорѣе отклонить ихъ...

К. Арсеньевъ.

СУДНЫЕ ДНИ.

(Письмо изъ Парижа).

Пуля, которой жена министра финансовъ, Кайо, убила редактора газеты «Фигаро», Кальмета, наложила трагическую печать на борьбу политическихъ партій и матеріальныхъ интересовъ во Франціи, достигнувъ въ настоящую минуту своей кульминаціонной точки. Долго зрѣвшій нарывъ прорвался, и «жестъ отчаянія» женщины, считавшей себя оскорбленной въ своихъ лучшихъ чувствахъ, привлекъ страстное вниманіе рѣшительно всей Франціи къ послѣдовавшимъ разоблаченіямъ. Враги республики кричатъ при этомъ о ея крушеніи, о томъ, что она до сердцевины проѣдена гнилью. Враги радикализма возлагаютъ отвѣтственность на него и хоронятъ его съ злорадствомъ. Насколько они правы? Правы ли они, утверждая, что республиканскія учрежденія выйдутъ изъ кризиса умаленными? Я думаю—не правы. Несомнѣнно, что политическіе нравы современной Франціи и атмо-

сфера, окружающая ея установленія, нуждаются въ капитальнѣйшей чисткѣ. Но развѣ домъ становится менѣе обитаемымъ, когда его вычистятъ, когда обнаружатъ соръ, грязь и гниль въ самыхъ его закрытыхъ отъ взоровъ углахъ, и уберутъ ее оттуда? Франція и республика, я думаю, выиграютъ въ настоящемъ кризисѣ,—но кризисъ будетъ тяжелъ для многихъ. Его причины, источники, теченіе и развитіе представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Два политическихъ теченія и два стоящихъ за нимъ классовыхъ интереса борются за преобладаніе въ современной Франціи: коалиція реакціонныхъ и консервативныхъ партій, защищающихъ интересы имущихъ классовъ, и коалиція прогрессивныхъ и демократическихъ партій, защищающихъ,—однѣ съ большей, другіе съ меньшей энергіей,—интересы низшихъ общественныхъ слоевъ,—мелкой буржуазіи и трудящихся массъ. Центромъ борьбы и ея ставкой является фискальная реформа. Опредѣлившійся вслѣдствіе роста военныхъ расходовъ дефицитъ долженъ быть покрытъ новыми налогами. Какими? Лѣвая коалиція видитъ эти новые источники дохода въ налогѣ на доходъ и на капиталъ, правая—въ увеличеніи косвеннаго обложенія, и только частью въ налогѣ на наслѣдство и въ повышеніи промысловаго обложенія. Какіе крупные интересы въ данномъ случаѣ здѣсь затронуты, свидѣтельствуютъ цифры и разсчеты, оглашенные во время парламентскихъ дебатовъ. Нормальной налоговой ставкой для доходовъ отъ 120.000 до милліона предположены $3^1/_2$%. Между тѣмъ въ настоящее время банки, крупныя акціонерныя предпріятія фабричнаго и промышленнаго характера почти никогда не платятъ въ видѣ промысловыхъ и др. налоговъ выше 0,8%, при чемъ нерѣдко эта цифра спускается до 0,3 и даже 0,1%; въ то же время мелкія предпріятія обложены непомѣрно высоко.

Фискальная реформа является центральнымъ пунктомъ борьбы двухъ коалицій, но не единственнымъ. Консервативные республиканскіе элементы борются одновременно за власть, католики—за церковное господство, роялисты—за возстановленіе монархіи. И у всѣхъ ихъ на дорогѣ стоятъ въ настоящую минуту радикальное министерство и объединенная радикальная партія. И такъ какъ къ тому же близятся выборы въ палату, во время которыхъ выгодно стоять у власти, то естественно, что правое крыло развернуло всѣ свои силы и пустило въ ходъ всѣ средства, чтобы опрокинуть кабинетъ. Мишенью для своихъ выстрѣловъ она выбрала Кайо, министра финансовъ, — и поступила вполнѣ цѣлесообразно. Онъ, во-первыхъ, представляетъ въ кабинетѣ объединенныхъ радикаловъ, предсѣдателемъ бюро которыхъ онъ состоитъ; во-вторыхъ, онъ — главная интеллектуальная и боевая сила кабинета; въ-третьихъ, въ качествѣ опытнаго

финансиста и министра финансовъ, онъ является главнымъ работникомъ фискальной реформы; въ-четвертыхъ, какъ у финансоваго дѣльца, у Кайо больше, чѣмъ у кого-либо изъ его товарищей, уязвимыхъ мѣстъ; и въ-пятыхъ, наконецъ, у него много личныхъ враговъ: Кайо рѣзкій и несдержанный человѣкъ. И такъ, опрокинуть Кайо! Дезорганизовать кабинетъ! Дискредитировать его морально. Заставить выйти въ отставку до окончанія парламентской сессіи и слѣдовательно, до выборовъ. Съ чѣмъ пойдутъ тогда радикалы на выборы? Съ пустыми руками и замаранной репутаціей. Итакъ, въ атаку! Эту атаку повела не только парламентская коалиція правыхъ, но рядомъ съ нею вся буржуазная пресса, вся *большая* капиталистическая пресса; Temps, Débats, Figaro, Gaulois, Matin, Journal, Petit journal, Petit Parisien, Petite République, L'Action, L'Excelsior, La Presse, L'ntransigeant, L'Eclair, L'Echo de Paris, La Liberté—не говоря о правой провинціальной печати. Изо дня въ день, въ 15 милліонахъ экземпляровъ газетныхъ листовъ, на всѣ лады твердилось французскому читателю, что Кайо разоритъ Францію, подорветъ ея кредитъ, погубитъ ея промышленность, ограбитъ собственность, введетъ фискальную инквизицію, уничтожитъ коммерческую тайну,—все это сдѣлаетъ онъ, роковой для Франціи человѣкъ, если страна и парламентъ не укажутъ ему на дверь. Но въ странѣ очень много людей, считающихъ, что пора привлечь къ платежамъ и денежный мѣшокъ; въ палатѣ же у радикальнаго кабинета значительное большинство. Биржевые комитеты, ассоціаціи торговцевъ и промышленные синдикаты организовывали митинги протеста противъ радикальной финансовой и фискальной политики,—но дѣйствіе этихъ протестовъ было недостаточнымъ. И оказалась нужда въ другихъ, экстраординарныхъ средствахъ. Отъ полемики перешли къ травлѣ. Отъ литературной борьбы къ инсинуаціи. Отъ обличеній къ разоблаченіямъ.

Орудіемъ этой новой кампаніи явился Figaro и его редакторъ, Кальметъ. «Фигаро»—большая газета, читаемая свѣтскими кругами; акціонерами ея состоятъ финансовые тузы, и она находится подъ вліяніемъ, съ одной стороны, биржевыхъ круговъ, съ другой,—бонапартистскихъ. Ея редакторъ, Кальметъ, талантливый газетчикъ на парижскій ладъ, давно отдалъ свое перо на службу бонапартизму, и для него кампанія противъ Кайо представляла двойной интересъ борьбы съ демократіей и съ республикой. Велъ онъ ее съ настойчивостью, ловко, упорно, почти каждый день печатая сенсаціонную статью, направленную прямо противъ министра финансовъ. Въ чемъ только онъ не обвинялъ его! Во-первыхъ, въ измѣнѣ тройственному соглашенію, въ тайныхъ переговорахъ съ Германіей, въ игрѣ на Берлинской биржѣ, въ интригахъ и махинаціяхъ, въ которыхъ онъ былъ матеріально заинтересованъ. Рядомъ съ этимъ и

въ противорѣчіе съ германофильствомъ Кайо, Кальметъ обвинялъ его въ разрывѣ франко-германскаго соглашенія, заключеннаго кабинетомъ Бріана по вопросу объ эксплоатаціи владѣній, въ Конго,—разрывѣ, повлекшемъ за собою посылку Германіей «Пантеры» въ Агадиръ. Потерю части французскаго Конго Кальметъ ставилъ въ вину ему же. «Кайо,—писалъ Кальметъ,—во время преній по вопросамъ о налогѣ на доходъ и объ иммунитетѣ ренты, сознательно дѣлалъ противорѣчивыя заявленія «вольтфасы и пируеты», колебавшіе биржевыя цѣны, для того, чтобы дать возможность своимъ друзьямъ, пользуясь разницей цѣнъ, наживать милліоны. «Министръ финансовъ,—формулировалъ Кальметъ,—въ заговорѣ съ спекулянтами». Чтобы подорвать довѣріе къ Кайо въ его собственныхъ рядахъ, Кальметъ опубликовалъ частныя письма его, относящіяся къ 1901 году, въ которыхъ онъ высказывался, какъ противникъ подоходнаго налога, или, вѣрнѣе, какъ его ложный другъ, который похоронилъ реформу, повидимому защищая ее. И, наконецъ, онъ ставитъ противъ Кайо обвиненіе въ заинтересованномъ покровительствѣ банкиру Рошету, осужденному за мошенничество,—покровительствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ то время, когда Кайо былъ министромъ финансовъ въ кабинетѣ Мониса, а Рошетъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Что въ этихъ обвиненіяхъ вѣрнаго? Въ нихъ много вѣрнаго, но клевета тогда только, вѣдь, и бываетъ удачной клеветой, когда она тѣсно сплетена и до неразбираемости перепутана съ истиной. Во время Агадирскаго столкновенія съ Германіей Кайо и, въ особенности, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, Сельвъ, дѣйствительно, надѣлали ошибокъ; но заинтересованная игра въ германскую руку, конечно, есть выдумка, не основанная ни на чемъ. Стачка съ биржевыми спекуляторами? Кайо слишкомъ умный и честолюбивый человѣкъ, слишкомъ дорожащій своимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы позволить себѣ нѣчто подобное. Игра на двѣ руки въ вопросѣ о подоходномъ налогѣ? Но всей Франціи извѣстно, что Кайо пришелъ къ радикализму справа, изъ самой глубины рядовъ соціальныхъ консерваторовъ. Тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ кабинетѣ Вальдека-Руссо, онъ не считалъ подоходный налогъ очередной реформой и, можетъ быть, даже относился къ нему отрицательно. Его эволюція налѣво въ вопросахъ, какъ общей, такъ и финансовой политики, произошла у всѣхъ на глазахъ, въ зависимости отъ требованій эволюціонировавшей французской дѣйствительности, и партія, поставившая его во главѣ своего бюро и поручившая ему провести финансовую реформу, конечно, знала, съ кѣмъ она имѣла дѣло. Она прекрасно знала, что Кайо директоръ четырехъ крупныхъ банковъ, что онъ «дѣлецъ», но она знала также, что въ качествѣ министра финансовъ онъ реализиро-

валъ реформу, нужную не банкамъ и дѣльцамъ, а одобренную и принятую всей прогрессивной демократіей. Инсинуаціи Кальмета, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ шли мимо цѣли. Они раздражали Кайо; они давали аргументы митинговымъ ораторамъ и могли оказать нѣкоторое дѣйствіе на неосвѣдомленнаго избирателя,—но положеніе кабинета и положеніе Кайо въ кабинетѣ и въ партіи они поколебать не могли. Тогда на помощь Кальмету пришелъ Барту и принесъ ему доказательство незаконнаго давленія на судъ, оказаннаго въ 1911 году во время разбирательства дѣла банкира Рошета, давленія, произведеннаго Монисомъ, бывшимъ тогда предсѣдателемъ совѣта министровъ, по ходатайству Кайо, министра финансовъ. Въ настоящую минуту это обвиненіе составляетъ предметъ разбирательства парламентской слѣдственной комиссіи, надѣленной особыми полномочіями. Передъ нею чередою проходятъ министры, члены магистратуры, журналисты и вскрываютъ картину политическихъ нравовъ современной Франціи, достойную величайшаго вниманія. На ней и остановимся. Но для полноты картины позвольте мнѣ начать издалека, изложивъ дѣло Рошета съ его возникновенія

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ дѣловомъ мірѣ Парижа появилась новая фигура—Рошетъ. Человѣкъ безъ денегъ, безъ связей, онъ выдвинулся благодаря своимъ общественнымъ талантамъ и большой дѣловой ловкости. Такихъ аферистовъ, болѣе или менѣе удачныхъ, или болѣе или менѣе неудачныхъ, кормящихся около биржи, около крупныхъ дѣльцовъ, монтирующихъ собственныя предпріятія, открывающихъ банкирскія конторы, устраивающихъ акціонерныя общества для эксплоатаціи то серьезныхъ, то фиктивныхъ, антрепризъ, здѣсь, въ Парижѣ тысячи. Небольшой процентъ ихъ успѣваетъ и, укрѣпившись, входитъ въ различнаго рода консорціумы банкировъ и дѣльцовъ. Громадное большинство, послѣ непродолжительнаго и эфемернаго существованія, исчезаетъ со сцены, иногда мѣняя кресло банкира на скамью подсудимыхъ. Рошетъ принадлежалъ къ «успѣвающимъ», въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шелъ въ гору, множилъ свои предпріятія, при чемъ занялъ въ дѣловомъ мірѣ особое мѣсто: сталъ особнякомъ, не вошелъ ни въ одинъ изъ консорціумовъ, держался независимо по отношенію къ крупнымъ банкамъ,—словомъ, не подѣлился своими барышами съ людьми, считавшими себя хозяевами парижскаго денежнаго рынка. Отсюда борьба, въ которой Рошетъ, зарвавшись, заявилъ, что онъ не дастъ банковымъ акуламъ проглотить себя, что онъ самъ акула, и самъ всѣхъ проглотитъ. Въ рядѣ крупныхъ городскихъ предпріятій онъ выступилъ конкуррентомъ парижскихъ банковъ, и такъ какъ обладалъ, какъ я уже сказалъ, талантами дѣльца, умѣлъ заводить связи и нравиться, то конкурренція

его оказалась настолько серьезной, что соперники рѣшили его «упечь». Сдѣлать это было не невозможно, но и не легко. Въ ряду предпріятій Рошета, азартнаго игрока, было много дутыхъ, много убыточныхъ. Но были и вѣрныя, доходныя дѣла, и убытки однихъ онъ покрывалъ барышами другихъ; безцеремонно относился къ требованіямъ правильной бухгалтеріи, выдавалъ несуществующіе дивиденты, покрывая ихъ изъ акціонерныхъ капиталовъ,—словомъ, крутился, какъ крутятся очень многіе, ежедневно нарушая требованія закона и тѣмъ давая основанія для судебнаго преслѣдованія. Но для возбужденія судебнаго преслѣдованія нужна была жалоба какого-нибудь заинтересованнаго и потерпѣвшаго лица,—а такой жалобы ни откуда не поступало, такъ какъ Рошету везло счастье, и акціонеры были довольны своимъ директоромъ и своими доходами. Тогда конкурренты Рошета—люди вліятельные,—рѣшили обратиться къ содѣйствію правительства. Предсѣдателемъ совѣта министровъ былъ Клемансо, и на него было оказано давленіе. Ему объяснили, что Рошетъ ведетъ дѣла не чисто; что ему уже удалось размѣстить на 68 милліоновъ акцій своихъ предпріятій, изъ которыхъ добрая половина не стоитъ ничего; что все развивающаяся дѣятельность Рошена грозитъ серьезной опасностью народнымъ сбереженіямъ. Клемансо въ концѣ концовъ потребовалъ къ себѣ Лепина, префекта полиціи, чтобы навести у него справки о коммерческой добросовѣстности Рошета. Лепинъ опредѣлилъ Рошета кратко и сильно: S'est un fripon, мошенникъ.—Тогда почему же не привлеченъ онъ къ отвѣтственности?—Потому что нѣтъ жалобъ; нѣтъ жалобщика.—Нѣтъ жалобщика? Ну, такъ найдите его!

Своеобразно исполняя это распоряженіе, Лепинъ, возвратившись въ префектуру, приказалъ секретарю «отыскать жалобщика». Секретарь отправился къ извѣстному ему биржевому шакалу Пишеро, затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ въ банкирскую контору; тамъ на имя биржевика, но на полицейскія деньги, было куплено нѣсколько рошетовскихъ акцій; отъ имени новаго и явно пассивнаго акціонера была затѣмъ составлена жалоба на злоупотребленія Рошета, которая и подана прокурорскому надзору «найденнымъ» жалобщикомъ, явившимся къ прокурору въ сопровожденіи секретаря префектуры. Такъ, истиннымъ беззаконіемъ началось знаменитое дѣло Рошета, которое было поведено съ чрезвычайной энергіей прокуратурой, освѣдомленной о точкѣ зрѣнія на дѣло правительства и на роль префектуры. Контора Рошета была опечатана, дѣлопроизводство и счетоводство подвергнуто экспертизѣ, обнаружены неправильности, самъ Рошетъ по приказу Бріана, тогда министра юстиціи, сдѣланному генеральному прокурору Фабру, арестованъ. Онъ, конечно, былъ разоренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были въ конецъ подорваны и всѣ его предпріятія, въ томъ числѣ и

такія безупречныя, по общему мнѣнію, какъ «Credit minier», акціонеры котораго по ликвидаціи получили всего 3% вложеннаго капитала.

Но тогда же у Рошета нашлись сторонники и защитники, указывавшіе на то, что его дѣятельность не давала повода для тѣхъ суровыхъ репрессалій, которымъ онъ былъ подвергнутъ, и что «провосудіе» явилось въ данномъ случаѣ орудіемъ интересовъ конкуррентовъ Рошета. Въ печати, въ дѣловыхъ кругахъ и въ политическихъ сферахъ создались два теченія,—одно враждебное Рошету, другое благопріятное. Рошетъ былъ выпущенъ на поруки. Имъ была подана жалоба на неправильныя и незаконныя манипуляціи полиціи, представившей подставного жалобщика-акціонера,—съ просьбой аннулировать все дѣло, основанное на не имѣющемъ юридической силы документѣ. Газета Rappel, пользующаяся уваженіемъ и твердо установленной доброй репутаціей, руководимая очень извѣстнымъ и вліятельнымъ публицистомъ, Du-Menil'емъ, обратила вниманіе на дѣло, въ которомъ нарушены были, въ угоду извѣстнымъ финансовымъ кругамъ, личная и имущественная неприкосновенность гражданина и въ которомъ власть позволила себѣ рядъ вопіюще незаконныхъ дѣйствій. Словомъ, вокругъ этого дѣла закипѣла ожесточенная борьба,—что не мѣшало, конечно, самому судебному процессу итти своимъ путемъ, и на апрѣль 1911 г. дѣло было назначено къ слушанью въ судѣ. Неожиданно для судейскаго міра 30-го марта 1911 года разборъ дѣла былъ отложенъ до декабря 1911 года. Въ судѣ всѣ знали, что генеральный прокуроръ Фабръ все время ускорялъ производство, настаивалъ на томъ, чтобы дѣло попало въ весеннюю сессію,—почему же вдругъ такой вольтфасъ? Изъ объясненій предсѣдателя суда, Бидо-де-Лиля, и самого генеральнаго прокурора Фабра, въ судебныхъ и адвокатскихъ кругахъ составилось убѣжденіе, что отсрочка была вызвана правительственнымъ давленіемъ на Фабра. Предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Монисъ, потребовалъ, будтобы въ интересахъ министра финансовъ, Кайо, этой отсрочки; и прокуроръ, возмущенный давленіемъ на него и чувствуя, что сопротивленіе разбило бы его карьеру, упросилъ предсѣдателя суда, Бидо-де-Лиля, исполнить желаніе правительства. Сообщали это, конечно, подъ секретомъ,—но секретъ полишинеля распространился далеко за стѣны Palais de Justice и дошелъ до свѣдѣнія парламентской комиссіи, назначенной въ 1912 г. палатой для выясненія неправильностей, совершенныхъ въ дѣлѣ Рошета. Были вызваны въ комиссію прокуроръ Фабръ и предсѣдатель Бидо. У Фабра спросили, правда ли, что на него было оказано правительственное давленіе, и правда ли что имъ былъ составленъ «протоколъ», въ которомъ изложена фактическая сторона этого вмѣшательства власти въ дѣло отправленія правосудія? Фабръ отвѣтилъ, что профессіональный долгъ не позволяетъ ему огласить свои

сношенія съ властями, но за все въ дѣлѣ Рошета онъ принимаетъ отвѣтственость на себя; на второй же вопросъ онъ отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ: никакого «протокола» не было и нѣтъ. Предсѣдатель суда, Бидо-де-Лиль, подъ присягой показалъ, что онъ далъ отсрочку внѣ всякаго съ чьей-либо стороны давленія, въ силу своего права, въ виду ходатайства адвоката, согласія прокурора и отсутствія какихъ-либо препятствій съ точки зрѣнія интересовъ правосудія. Какъ теперь выяснено, предсѣдатель суда въ показаніи, данномъ парламентской комиссіи подъ присягой,—солгалъ. Онъ объясняетъ это нежеланіемъ войти въ противорѣчіе съ показаніемъ генералъ-прокурора!

Какъ мы теперь знаемъ, прокуроръ Фабръ далъ тоже ложное показаніе: «протоколъ», въ которомъ,—вѣрно, или невѣрно,—передавались переговоры его съ Монисомъ по вопросу объ отсрочкѣ процесса Рошета, былъ имъ составленъ въ началѣ апрѣля 1911 года, а въ 1912 г., когда предсѣдателемъ Совѣта былъ Пуанкарэ, а министромъ юстиціи—Бріанъ, прокуроромъ Фабромъ по усиленному настоянію, вѣрнѣе по настойчивому требованію Бріана, была снята копія съ него и передана министру юстиціи. Генеральный прокуроръ въ настоящее время заявляетъ, что копію эту, которую онъ всегда считалъ служебнымъ, хотя и оффиціальнымъ документомъ, онъ подалъ не лично Бріану, а министру юстиціи, своему непосредственному начальнику. Что же сдѣлалъ съ нею министръ юстиціи, почти насильно вырвавшій ее у прокурора? Прежде всего онъ не зарегистрировалъ ее, не образовалъ досьэ, т. е. «дѣло», не доложилъ ни совѣту министровъ, ни президенту республики, вообще не далъ ей оффиціальнаго движенія. Бріанъ объясняетъ теперь, что онъ не считалъ удобнымъ возбуждать обвиненія противъ членовъ предшествовавшаго кабинета. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ требовалъ отъ Фабра представленія этого документа, или, получивъ его и найдя недостаточнымъ для начатія дѣла, почему не возвратилъ его Фабру? Объясненіе надо искать по всей вѣроятности въ области партійныхъ соображеній: документъ компрометтировалъ двухъ радикальныхъ вождей и двухъ политическихъ противниковъ Бріана, и послѣднему было выгодно имѣть его на всякій случай подъ рукой. Случая пустить его въ ходъ Бріану не представилось, такъ какъ и Монисъ, и Кайо были не у власти; поэтому, сдавая министерство своему политическому единомышленнику, Барту, онъ передалъ ему и «документъ», хранившійся въ особомъ конвертѣ въ несгораемомъ шкафу министра юстиціи. Въ это время до Мониса дошли слухи о существованіи «протокола». Онъ запросилъ Бріана и получилъ отрицательно-уклончивый отвѣтъ, изъ котораго заключилъ, что если документъ и существуетъ, то Бріанъ о немъ не знаетъ. Вступивъ во владѣніе доку-

ментомъ, Барту положилъ его въ собственный карманъ. Онъ объяснилъ съ парламентской трибуны свой поступокъ нежеланіемъ, чтобы одностороннее обвиненіе оставалось въ министерствѣ и переходило изъ рукъ одного министра юстиціи въ руки другого. Но онъ и не уничтожилъ его, а приберегъ и, выбравъ самый трудный моментъ ожесточеннѣйшей борьбы за подоходный налогъ, наканунѣ избирательной кампаніи, снялъ съ него нѣсколько копій и сообщилъ ихъ нѣкоторымъ редакціямъ, враждебнымъ радикаламъ, и нѣсколькимъ депутатамъ правой. Изъ редакцій документомъ рѣшила воспользоваться только редакція Figaro, изъ депутатовъ—только роялистъ Делягэй. Любопытно, что именно въ это время Кайо два раза запрашивалъ Фабра,—существуетъ ли этотъ пресловутый «протоколъ»? Фабръ отвѣтилъ: «это все выдумки газеты Temps». Президентъ совѣта министровъ запросилъ о существованіи документа министра юстиціи. Послѣ тщательныхъ поисковъ въ министерствѣ, министръ юстиціи доложилъ президенту, что въ министерствѣ его нѣтъ.—«Спросите у Фабра!» Спросили у Фабра, и генеральный прокуроръ вновь отвѣтилъ своему начальнику такъ же, какъ отвѣтилъ Кайо, т. е. вновь солгалъ, неизвѣстно который разъ. Между тѣмъ «протоколъ» гулялъ уже по Парижу, пущенный рукой Барту, и въ правой печати появилось изложеніе его содержанія. Черезъ день или два онъ долженъ былъ появиться въ Figaro,—но тутъ послѣдовало кровавое вмѣшательство m-me Кайо, взвинтившее всѣ нервы, поднявшее страсти до исключительной высоты, ускорившее событія, а вмѣстѣ съ ними и часъ генеральной атаки на радикаловъ. Роялистъ Делягэй внесъ интерпелляцію, въ которой опирался на «протоколъ» Фабра, и требовалъ разъясненія. Барту огласилъ документъ. Онъ носилъ его два года въ карманѣ и, сочтя моментъ подходящимъ, вынулъ и прочиталъ передъ потрясенной палатой. Единогласно палата вотировала парламентское слѣдствіе,—съ этой цѣлью она возстановила комиссію, уже разслѣдовавшую два года тому назадъ дѣло Рошета, снабдивъ ее исключительными полномочіями.

Вотъ, что парламентской комиссіи удалось пока выяснить,—я пишу «пока», такъ какъ занятія комиссіи еще не кончены, и заключенія ея еще нѣтъ. Возможно, что въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ будетъ пролитъ свѣтъ на пункты, остающіеся темными, а также и на отвѣтственность и мотивы дѣйствій отдѣльныхъ лицъ,—но и того, что установлено до сихъ поръ, болѣе чѣмъ достаточно для характеристики политическихъ, партійныхъ и судебныхъ нравовъ Франціи.

Установлено, во-первыхъ, что правительственное давленіе на судѣ имѣло мѣсто. И Кайо, и Монисъ признали передъ комиссіей,

что съ Фабромъ разговоръ объ отсрочкѣ дѣла Рошета былъ. Остается, однако, невыясненнымъ характеръ этого разговора. Монисъ утверждаетъ, что, передавъ Фабру желаніе Кайо видѣть разбирательство отсроченнымъ, онъ запросилъ о его мнѣніи. Фабръ отвѣтилъ—будто бы, что препятствій судебнаго характера, нѣтъ, но что общественное мнѣніе встрѣтитъ отсрочку дурно. Тогда Монисъ, подчеркивая, что онъ ни въ какой мѣрѣ не желаетъ нарушать нормальный ходъ правосудія, поручилъ Фабру переговорить съ предсѣдателемъ суда и сообразоваться съ его рѣшеніемъ.

Въ L'Homme Libre (№ отъ 22 марта) Клемансо, обсуждая показаніе Мониса и, очевидно, давая ему вѣру, не видитъ въ такомъ вмѣшательствѣ ничего особенно криминальнаго. Согласимся съ этимъ, и примемъ версію Мониса: онъ не приказывалъ, онъ изложилъ прокурору желаніе правительства, предупредивъ, что желаніе это не должно нарушать хода правосудія. Но онъ все-таки изложилъ желаніе правительства,—а для гибкой, послушной, привыкшей склоняться передъ волей правительства магистратуры желаніе правительства—законъ.

Въ «L'Humanité» (отъ того же 22 марта) Жоресъ пишетъ: «До окончанія слѣдствія, которымъ я, какъ президентъ комиссіи, призванъ руководить, и которое я веду съ единственнымъ желаніемъ вскрыть истину, я воздерживаюсь отъ комментаріевъ къ ежедневно возникающимъ инцидентамъ, къ взаимно противорѣчащимъ или совпадающимъ показаніямъ свидѣтелей, къ частичнымъ, предварительнымъ и окончательнымъ результатамъ, уже полученнымъ. Я могу, однако, не совершая нескромности, выразить чувства, испытанныя мною при опросѣ чиновъ магистратуры. У всѣхъ этихъ интеллигентныхъ, образованныхъ, краснорѣчивыхъ людей я нашелъ одно общее желаніе защитить магистратуру, протестовать противъ правительственнаго насилія, жертвой котораго они являлись, и добиться права на независимость, резюмируемую исключительно требованіями закона. И я говорилъ себѣ: тѣмъ лучше, если настоящій кризисъ приведетъ къ возрожденію общественныхъ нравовъ. Но я также говорилъ себѣ, что если бы среди всѣхъ этихъ людей нашелся три года тому назадъ хоть одинъ, который рѣшился бы сказать въ кабинетѣ ли прокурора, или въ судѣ: «нѣтъ!»—то дѣло, такъ глубоко смущающее въ настоящее время общественное мнѣніе, приняло бы совершенно другое теченіе. Но для этихъ господъ, привыкшихъ къ длиннѣйшимъ рѣчамъ, къ пространнымъ обвиненіямъ, къ многословнымъ заключеніямъ и резолюціямъ, даже къ секретнымъ протоколамъ, всегда было всего труднѣе произнести это маленькое и короткое слово: «нѣтъ». Научатся ли они хотя теперь произносить его? Не въ цѣляхъ вызова демократіи и ея законамъ, а въ цѣляхъ сопротивленія произволу и соблазну?»

Эта податливость суда внушеніямъ сверху, отсутствіе моральной независимости, отсутствіе смѣлости, способность уклоняться отъ истины изъ-за соображеній всевозможнаго и, главнымъ образомъ, житейскаго характера,—обнаружены съ поражающею ясностью показаніями членовъ магистратуры передъ парламентской комиссіей. Генеральный прокуроръ Фабръ съ большимъ краснорѣчіемъ объяснилъ ей, какъ тяжела его служба: онъ пережилъ семнадцать министровъ юстиціи, этихъ «враждующихъ между собою братьевъ»;—они вѣдь принадлежатъ къ разнымъ партіямъ,—и къ каждому изъ нихъ надо было приспособляться и между всѣми умѣть лавировать! Очевидно, онъ, генеральный прокуроръ республики, утерялъ отъ долгаго лавированія способность говорить: «нѣтъ». У него потребовали отсрочить процессъ Рошета,—онъ «умолялъ не дѣлать этого»,—такъ по крайней мѣрѣ показываетъ онъ самъ,—но онъ получилъ «распоряженіе» и склонился. Монисъ будто-бы сказалъ ему: „какой вы прокуроръ, если вы не можете добиться отъ суда того, что вамъ нужно?“ И эту фразу онъ повторяетъ, какъ бы не замѣчая всего ея оскорбительнаго для суда смысла!—Отчего же вы не отказались пойти все-таки навстрѣчу г. Мониса?—„Если бы я отказался, меня раздавили бы; не по этому поводу, но придравшись къ какому-либо другому случаю“. И это говоритъ генеральный прокуроръ, пережившій семнадцать министровъ, смѣнявшихся чуть не каждые полгода въ то время, какъ онъ безсмѣнно «блюлъ силу и святость закона!»—Почему вы не доложили о требованіи, вамъ предъявленномъ, министру юстиціи, вашему непосредственному начальнику, и не потребовали формальнаго предписанія, которое васъ покрыло бы?—«Письменныя предписанія не въ обычаѣ. Къ министру юстиціи я не обратился, потому что мнѣ приказалъ глава правительства, самъ обошедшій своего министра юстиціи».

Тѣмъ не менѣе Фабръ, какъ онъ увѣряетъ, долго колебался и перенесъ «жесточайшій кризисъ»; и, быть можетъ, онъ устоялъ бы противъ давленія, если бы вдругъ кто-то не позвонилъ къ нему въ телефонъ. Кто?—онъ не знаетъ; голоса онъ не узналъ, но звонившій передалъ ему просьбу явиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ, къ Монису! И немедленно Фабръ потребовалъ къ себѣ Бидо-де-Лиля, предсѣдателя суда,—и оказалъ на него давленіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ онъ самъ! Онъ разсказалъ предсѣдателю суда объ ужасномъ положеніи, въ какомъ находился, объ унизительномъ требованіи, ему поставленномъ, и Бидо-де-Лиль, изъ сочувствія къ нему, рѣшилъ его выручить, и отсрочить процессъ. Но самъ Бидо-де-Лиль разсказываетъ объ этомъ иначе. Онъ утверждаетъ, что бесѣда съ Фабромъ носила самый обыкновенный характеръ и что Фабръ взволнованъ не былъ. Онъ передалъ ему, что правительство было бы до-

вольно, если бы разборъ дѣла былъ отложенъ, и такъ какъ одновременно о томъ же ходатайствовалъ защитникъ, а интересы правосудія затронуты не были,—онъ согласился. Получается одно изъ многихъ противорѣчій, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ трудно добиться правды даже въ судѣ. Другіе члены прокуратуры и суда поддерживаютъ версію Фабра,—но съ его словъ и на основаніи того соображенія, что безъ особенно сильнаго воздѣйствія со стороны, Фабръ не измѣнилъ бы своего отношенія къ дѣлу Рошета, которое онъ усиленно гналъ все время. Какого же рода было это внѣшнее воздѣйствіе?

Мы уже знаемъ, что, по словамъ Фабра, это былъ приказъ Мониса, вызванный обращенной просьбой Кайо. Монисъ, какъ мы видѣли, отрицаетъ приказъ; но онъ не отрицаетъ просьбы Кайо. Онъ говоритъ: Кайо передалъ мнѣ, что адвокатъ Рошета, Бернаръ, желаетъ отсрочки дѣла, и что онъ самъ боится, не окажетъ ли защитительная рѣчь Бернара угнетающаго дѣйствія на биржу. Бернаръ подвергнетъ анализу рядъ мошенническихъ операцій по выпуску акцій за послѣдніе годы, гдѣ преслѣдованій не послѣдовало. Такая рѣчь можетъ вызвать пониженіе цѣнностей на биржѣ, и безъ того угнетенной. Кайо въ общемъ подтвердилъ это показаніе. Но съ нимъ абсолютно разошлось показаніе Бернара,—разошлось и усложнило дѣло до крайности. Бернаръ удивляется, что Монисъ во исполненіе просьбы адвоката, котораго онъ не знаетъ, который его ни о чемъ лично не просилъ, пустилъ въ ходъ весь громоздкій административный механизмъ. Бернаръ заявляетъ, что онъ никогда не грозилъ Фабру своими правительственными связями, для того, чтобы добиться отсрочки. Вообще показаніе Фабра его возмущаетъ. Затѣмъ, оговорившись, что профессіональная этика мѣшаетъ ему быть вполнѣ откровеннымъ, онъ показываетъ слѣдующее: «Дѣло было назначено къ слушанію въ апрѣлѣ. Въ мартѣ ко мнѣ явилось одно лицо, имени котораго я назвать не могу; скажу, что оно не принадлежитъ ни къ политическому, ни къ литературному міру. Лицо это сказало мнѣ: «Вы можете просить генеральнаго прокурора объ отсрочкѣ дѣла: она обезпечена». Я не повѣрилъ этому. Я зналъ, что генеральный прокуроръ сильно торопился съ дѣломъ. Я пошелъ повидаться съ г. Фабромъ. Г. Фабръ пишетъ въ своемъ протоколѣ: «Г. Бернаръ явился ко мнѣ, уступая настояніямъ своего друга, министра финансовъ, и объявилъ мнѣ, что подаетъ заявленіе о болѣзни». Это совершенно невѣрно. Я читалъ въ газетахъ, что одинъ изъ свидѣтелей (прокуроръ сенской палаты, Лекувэ) показалъ, будто я говорилъ, что, ходатайствуя объ отсрочкѣ, я исполняю порученіе, данное мнѣ г. Монисомъ и министромъ финансовъ. Это совершенная ложь. Утверждаю честнымъ словомъ, что никогда и ни въ какой формѣ, ни прямо, ни

косвенно, г. Кайо не просилъ меня ходатайствовать объ отсрочкѣ дѣла Рошета. Далѣе г. Фабръ пишетъ, что я хотѣлъ подать заявленіе о болѣзни. Это не точно. Когда мнѣ сообщили, что отсрочка дѣла Рошета возможна, я нашелъ, что она удобна и для меня... Я явился поэтому къ прокурору, и сказалъ: «Возможно, что мнѣ нельзя будетъ выступить 27 апрѣля. Не согласитесь ли вы поддержать предъ предсѣдателями суда мое ходатайство объ отсрочкѣ?» Мнѣ показалось, что вопросъ мой его стѣснилъ. Въ концѣ разговора онъ предложилъ мнѣ обратиться къ г. Бидо-де-Лилю. Я написалъ тому письмо съ просьбой назначить дѣло, если возможно, послѣ слушанья дѣла Дюэза. Г. Бидо отвѣтилъ мнѣ очень любезнымъ отказомъ. Мнѣ это было непріятно. Меня заставили прогуляться впустую. Я зашелъ къ товарищу генеральнаго прокурора. Г. Фабръ пишетъ, что я разразился угрозами. Это невѣрно. Я просто былъ недоволенъ безполезнымъ шагомъ, который меня побудили сдѣлать. 30-го марта я нашелъ у себя телеграмму г. Блокъ-Лароша, товарища генеральнаго прокурора, приглашающую зайти назавтра послѣ часа дня. На другой день г. Блокъ-Ларошъ сказалъ мнѣ: «сходите попросите Бидо-де-Лиля объ отсрочкѣ; она обезпечена». Я отвѣтилъ: «послѣ вчерашняго, я не пойду». Г. Блокъ началъ меня завѣрять, что теперь согласіе будетъ дано. Я продолжалъ отказываться. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ: «сдѣлайте это въ видѣ одолженія мнѣ лично. Окажите мнѣ эту услугу,—и показывая рукою на кабинетъ прокурора, онъ добавилъ:—вы его поставите въ очень тяжелое положеніе». Итакъ, на протяженіи двухъ дней, 29—31 марта, одни и тѣ же выраженія были произнесены г. генеральнымъ прокуроромъ по адресу предсѣдателя суда, чтобы заставить его согласиться на отсрочку, и г. товарищемъ генеральнаго прокурора, по моему адресу, чтобы заставить меня ходатайствовать о ней».

Таково въ существенной части показаніе Мориса Бернара, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ адвокатовъ Франціи. На вопросы Жореса, онъ еще разъ повторилъ, что ему совершенно невозможно назвать имя лица, явившагося къ нему въ его кабинетъ и сообщившаго, что отсрочка обезпечена, но подтвердилъ, что особа эта не принадлежитъ ни къ числу политическихъ дѣятелей, ни къ журнальнымъ, ни къ правительственнымъ кругамъ. Въ этомъ перечнѣ «круговъ» не упомянутъ—кругъ магистратуры. Правда, онъ прямо и не указанъ. Бернаръ не указалъ ни на кого. Но встревоженная мысль ищетъ виноватаго повсюду. Морисъ Барресъ, членъ парламентской комиссіи, ищетъ его въ финансовыхъ кругахъ. «Вы,—сказалъ онъ Бернару,—приписываете этому неизвѣстному чудовищную власть. Общественное мнѣніе принуждено будетъ узнать въ этомъ X... вашего кліента, Рошета. Подумайте, какія подозрѣнія вы вызываете!»

Подозрѣніе въ подкупности,—чьей подкупности? Прокуратуры? Магистратуры? Правительственныхъ лицъ? Это, дѣйствительно, чудовищно. Можно ли, однако, дать какую-либо вѣру подобному обвиненію? Едва-ли. Монисъ—человѣкъ безупречной жизни и очень небогатый. Никогда не занимался спекуляціями, жилъ скромно, состояніе имѣлъ очень небольшое и не увеличилъ его. Кайо чрезвычайно богатъ и женатъ на очень богатой женщинѣ. Въ тѣ годы, когда онъ не былъ министромъ, зарабатывалъ въ качествѣ директора банковъ до милліона въ годъ. *Купить* такого человѣка Рошету не подъ силу. Можетъ быть, вѣрнѣе говорить не о подкупѣ, а о томъ разлагающемъ вліяніи, которое оказываетъ міръ дѣльцовъ на всю окружающую и входящую въ соприкосновеніе съ нимъ среду, на тысячи разнообразныхъ вліяній, которыми онъ располагаетъ. Мы видѣли уже, что само «дѣло Рошета» возникло благодаря давленію «высокихъ финансовыхъ круговъ» — la haute finance, — почему не могло оно и развиваться подъ тѣмъ же знакомъ?

Не извѣстно, удастся ли комиссіи разгадать секретъ и рѣшить уравненіе, относительно котораго нельзя даже сказать, является ли оно уравненіемъ съ однимъ лишь, или со многими неизвѣстными. Но и то, что раскрылось, положило совершенно опредѣленную тѣнь на двухъ бывшихъ президентовъ совѣта министровъ, играющихъ руководящую роль въ радикальной партіи, на двухъ другихъ бывшихъ президентовъ совѣта министровъ, играющихъ руководящую роль въ «Федераціи» консервативныхъ республиканцевъ, на правительственные нравы, на магистратуру, включая сюда судъ и прокуратуру. Оно же указало еще разъ и съ громадной силой общественному вниманію на міръ дѣльцовъ и аферистовъ, на капиталъ, какъ на великаго соблазнителя и развратителя, подтачивающаго дѣйствіе республиканскихъ учрежденій. Дорого обойдутся судные дни дѣятелямъ буржуазной республики, и трудно поправимый ударъ нанесенъ буржуазнымъ партіямъ, чередовавшимся у власти и пользовавшимся ею то неправильно, то своекорыстно, то преступно. Но если политически и морально пострадаютъ они, то кто же выиграетъ,—такъ какъ всегда имѣется выигрывающій при чьемъ-либо проигрышѣ. Выиграетъ прежде всего Франція и республика,—потому что вскрытое зло есть зло, наполовину устраненное. Выиграетъ, во-вторыхъ, та трудовая и трудящаяся Франція, на чьей спинѣ г.г. финансисты и ассервированные ими политическіе дѣльцы отплясывали свою сарабанду.

Бѣлорусовъ.

Парижъ.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

Рабочее движеніе, профессіональныя организаціи, стачки, тарифные договоры, общее положеніе трудящихся требуютъ точной статистической регистраціи, когда рабочій вопросъ въ цѣломъ выдвинутъ жизнью, когда государство стоитъ на пути улучшенія рабочаго законодательства. Бюро статистики труда, какъ самостоятельный отдѣлъ государственныхъ статистическихъ органовъ, составляетъ необходимый институтъ современнаго европейскаго государства.

Рабочее движеніе въ Россіи уже насчитываетъ нѣсколько десятилѣтій, наше рабочее законодательство имѣетъ тоже свою исторію, а между тѣмъ не только спеціальной статистики труда, но и вообще точныхъ оффиціальныхъ данныхъ о положеніи рабочаго класса въ Россіи мы почти не имѣемъ. Наша статистика по рабочему вопросу составляется крайне безсистемно, случайно, зачастую лишь попутно при общемъ обслѣдованіи фабрикъ и заводовъ. Мы имѣемъ нѣсколько книгъ по исторіи нашего рабочаго движенія и не знаемъ точнаго числа наемныхъ рабочихъ въ Россіи; у насъ вводится государственное страхованіе, и мы приблизительно, на глазомѣръ, опредѣляемъ размѣръ заработной платы; мы имѣемъ статистику стачекъ и можемъ лишь гадать о томъ, какъ измѣнились въ Россіи условія труда подъ вліяніемъ стачечнаго движенія. Если на аренѣ россійской общественности рабочій давно уже сталъ достаточно реальной фигурой, то для статистики, въ особенности для нашей оффиціальной статистики, онъ все еще до нѣкоторой степени остается «таинственнымъ незнакомцемъ». Неудивительно, поэтому, что частные, неоффиціальные матеріалы по статистикѣ труда пріобрѣтаютъ у насъ чрезвычайно большое значеніе; напомнимъ хотя бы извѣстную работу Е. М. Дементьева, труды д-ра Погожева, небольшую работу П. М. Шестакова о фабрикѣ Цинделя, изслѣдованія отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ (печатниковъ, металлистовъ), немногихъ предпринимательскихъ организацій (въ особенности бакинскихъ нефтепромышленниковъ), нѣкоторыхъ земствъ. Каждая изъ этихъ работъ,—какъ ни узокъ былъ кругъ ея обслѣдованія,—давала крайне интересныя данныя, вносила новыя черты къ характеристикѣ рабочаго класса, приводила порою къ неожиданнымъ выводамъ.

Видное мѣсто среди трудовъ этого рода должны занять опубликованныя за послѣдніе два-три года изслѣдованія фабричнаго

инспектора И. М. Козьминыхъ - Ланина о положеніи рабочихъ Московской губеніи. Изданныя до сего времени работы его охватываютъ вопросы о связи рабочихъ съ деревней, о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, заработной планѣ, рабочемъ днѣ, возрастномъ составѣ, грамотности, врачебной помощи рабочимъ. Въ дальнѣйшемъ можно ждать обѣщанныхъ авторомъ работъ объ артельномъ харчеваніи, договорѣ найма, сверхурочныхъ работахъ и другихъ вопросахъ. Подобное изслѣдованіе, предпринятое и въ значительной своей части осуществленное частнымъ лицомъ и по частной иниціативѣ, представляетъ—по своему объему и кругу обслѣдованія — нѣчто совершенно исключительное даже въ Западно-Европейской статистической литературѣ по рабочему вопросу. При этомъ г. Козьминыхъ-Ланинъ избѣгъ обычнаго недостатка частныхъ изслѣдованій, ограниченныхъ по необходимости небольшимъ кругомъ наблюденія: имъ собранъ и разработанъ громадный матеріалъ. Съ одной стороны г. Козьминыхъ - Ланинъ использовалъ данныя фабричной инспекціи, подвергая ихъ самостоятельной обработкѣ, а съ другой—производилъ анкеты и опросы по собственной программѣ. Въ первомъ случаѣ въ кругъ изслѣдованія попали всѣ фабрично-заводскіе рабочіе Московской губерніи, а во второмъ—десятки и даже сотни тысячъ. Оффиціальное положеніе автора служило ему хорошимъ подспорьемъ, открывая передъ нимъ двери, которыя обычно для постороннихъ закрыты.

Изслѣдованія автора значительно шире, при этомъ, тѣхъ узкихъ рамокъ, которыми ограничена наша оффиціальная статистика. Какъ видно изъ перечисленныхъ выше темъ, затронутыхъ г. Козьминыхъ-Ланинымъ, ему удалось дать такой циклъ изслѣдованій, который крайне широко и многообразно охватываетъ жизнь рабочаго центральнаго промышленнаго района. При выработкѣ плана и формулировкѣ вопросовъ своихъ анкетъ авторъ руководствовался существовавшими ранѣе работами, въ особенности же книгой г. Дементьева: «Фабрика, что она беретъ у населенія и что она ему даетъ».

Къ сожалѣнію, статистическая обработка матеріала не напоминаетъ сжатой и изящной работы Дементьева. Г. Козьминыхъ-Ланинъ даетъ сырой, почти необработанный матеріалъ, во всевозможныхъ комбинаціяхъ строитъ свои громоздкія таблицы, не всегда, можетъ быть, давая себѣ отчетъ въ томъ, выясненію какихъ именно вопросовъ эти таблицы должны служить. Авторъ считаетъ нужнымъ дать читателю представленіе о всей черновой работѣ, продѣланной имъ, загромождаетъ, поэтому, свое изслѣдованіе излишними деталями и, конечно, затрудняетъ тѣмъ

чтеніе своихъ таблицъ. Съ другой стороны, въ этихъ таблицахъ отсутствуютъ иногда важныя группировки и детали, дать которыя, судя по матеріалу, авторъ былъ бы въ состояніи. Пояснительный къ таблицамъ текстъ бѣденъ по содержанію; г. Козьминыхъ-Ланинъ уклоняется отъ изученія выводовъ, вытекающихъ изъ его таблицъ, и не даетъ почти никакихъ поясненій относительно способа собиранія публикуемыхъ данныхъ. Если произведенныя имъ лично анкеты не возбуждаютъ сомнѣнія въ смыслѣ точности матеріаловъ, то данныя фабричной инспекціи безусловно нуждаются въ рядѣ оговорокъ, которыя были бы особенно интересны въ устахъ компетентнаго автора.

Возможно, впрочемъ, что въ обѣщанной сводкѣ, основательно переработавъ уже опубликованныя данныя, г. Козьминыхъ-Ланинъ дастъ компактное резюмэ своего громаднаго матеріала; но отмѣченные недостатки все же остаются и будутъ служить препятствіемъ для широкаго распространенія весьма цѣнныхъ статистическихъ данныхъ. Книгу г. Дементьева считалъ своимъ долгомъ и могъ прочесть каждый, интересующійся рабочимъ вопросомъ; работы г. Козьминыхъ-Ланина, дающія по тѣмъ же вопросамъ еще болѣе богатый матеріалъ, благодаря указаннымъ недостаткамъ, будутъ штудировать не многіе спеціалисты.

II.

Изслѣдованія г. Козьминыхъ-Ланина касаются рабочихъ Московской грберніи. Что же представляетъ изъ себя фабрично-заводская промышленность Московской губерніи? Какія отрасли производства въ ней преобладаютъ? Какой типъ предпріятія — крупный или мелкій — играетъ главную роль? Въ какой степени находитъ себѣ примѣненіе трудъ женщины, дѣтей и подростковъ? Отвѣты на эти вопросы можно отчасти найти въ сводкахъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Болѣе точныя и детальныя свѣдѣнія даетъ одна изъ работъ г. Козьминыхъ-Ланина,—наиболѣе внушительная по объему и наиболѣе тяжеловѣсная по сводкѣ, — «Девятилѣтній періодъ (съ 1901 г. по 1909 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губерніи». Сюда вошли тѣ же оффиціальныя данныя,— такъ называемыя вѣдомости о штрафномъ капиталѣ—подвергнутыя лишь болѣе тщательной обработкѣ.

Въ 1901 году общее число рабочихъ въ предпріятіяхъ Московской губерніи составляло 263.357 человѣкъ; черезъ девять лѣтъ это число возросло на 17% и составило 307.990 человѣкъ. Это — тотъ же темпъ роста рабочихъ, который наблюдался за то время въ Россіи: по даннымъ В. Е. Варзара съ 1900 г. по 1908-й числен-

ность рабочихъ (въ предпріятіяхъ, необложенныхъ акцизомъ) возросла на 16,6%. Характерно при этомъ, что въ Московской губерніи число женщинъ росло не только быстрѣе числа мужчинъ, но росло иногда такъ же въ тѣ годы, когда количество занятыхъ мужчинъ уменьшалось. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго ряда цифръ, въ которомъ число рабочихъ въ 1901 году приравнено къ ста:

	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.	1907.	1908.	1909.
Мужчины	100	103,7	106,4	100,2	101,7	100,8	105,8	108,0	107,7
Женщины	100	106,2	111,6	108,4	114,8	118,5	131,2	135,8	136,0
Рабочіе об. пола вмѣстѣ	100	104,5	108,1	102,9	106,0	106,6	114,0	116,9	117,0

Число мужчинъ растетъ медленно и въ 1904, 1906 и 1909 г. даетъ уменьшеніе по сравненію съ предыдущими годами; число женщинъ, за исключеніемъ 1904 года, растетъ изъ года въ годъ и значительно быстрѣе числа мужчинъ; особенно рѣзкій подъемъ наблюдается съ 1906-го на 1907-й годъ. Очевидно предприниматели старались компенсировать уступки, сдѣланныя въ предыдущіе два года рабочимъ, болѣе интенсивнымъ использованіемъ дешеваго женскаго труда.

Что касается распредѣленія рабочихъ по отдѣльнымъ отраслямъ производства, то работы г. Козьминыхъ-Ланина впервые даютъ по этому поводу точныя цифры за цѣлый періодъ. Въ интересахъ краткости мы воспользуемся его данными только за послѣдній 1909-й годъ.

Преобладающая роль въ промышленности Московской губерніи принадлежитъ предпріятіямъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ: въ нихъ было занято въ 1909 году около $^2/_3$ всего числа рабочихъ. Въ частности на хлопчатобумажныя фабрики приходилось 43,52% всего числа, на шерстяныя 14,57%, шелковыя—6,63%. Значительную группу (12,11%) составляли рабочіе металлургическихъ заводовъ; далѣе слѣдуютъ рабочіе по обработкѣ пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ (5,14%), минеральныхъ веществъ, въ томъ числѣ цементные и кирпичные заводы (4,64%), бумажныя фабрики и типо-литографіи (4,19%) и другія группы. Просматривая тѣ же группы за предшествующія девять лѣтъ, мы замѣчаемъ, что особенно сильно увеличилось съ 1901-го по 1909 годъ число рабочихъ по обработкѣ животныхъ продуктовъ (на 58%), на шерстяныхъ фабрикахъ (31%), на химическихъ заводахъ (29%); хлопчатобумажныя фабрики увеличили число занятыхъ рабочихъ тоже нѣсколько больше, чѣмъ средній приростъ, а именно на 21%. Сократилось число рабочихъ въ предпріятіяхъ по механической обработкѣ дерева, на шелковыхъ, на льняныхъ и пеньковыхъ фабрикахъ.

Г. Козьминыхъ-Ланинъ, не ограничиваясь суммарными данными о числѣ рабочихъ, занятыхъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, даетъ отдѣльно цифры для мужчинъ и для женщинъ. Пользуясь его таблицами, можно прослѣдить, какъ женскій трудъ распространялся въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, укрѣпляясь въ то же время въ тѣхъ профессіяхъ, которыя почти не были заняты женщинами въ 1901 году. Главная отрасль производства въ губерніи—обработка волокнистыхъ веществъ на половину занята женщинами: по отношенію ко всему числу рабочихъ онѣ составляли въ 1909 году 48,4%. Особенно много женщинъ на шелковыхъ фабрикахъ (62,3%); сравнительно ничтоженъ процентъ работницъ на металлургическихъ заводахъ, но здѣсь какъ разъ этотъ процентъ за 9 лѣтъ увеличился вдвое: съ 3,5% въ 1901 г. до 6,7% въ 1909 г.

Что касается дѣтскаго труда—или, по оффиціальной терминологіи, труда малолѣтнихъ (до 15 лѣтъ) и подростковъ (15—17 лѣтъ),—то роль ихъ въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ Московской губерніи сравнительно невелика, и за девять лѣтъ съ 1901 по 1909 годъ число ихъ уменьшилось. А именно, въ 1901 году подростковъ числилось 22.925 человѣкъ, т. е. 8,7% всего числа рабочихъ, и малолѣтнихъ 3.812, т. е. 1,45%; въ 1909 г. первыхъ было 21.815 (7,08%), а вторыхъ 3.316 (1,08%). Особенно сильно сократилось при этомъ число малолѣтнихъ и подростковъ мужского пола; число дѣвочекъ, наоборотъ, абсолютно возрасло.

Это сокращеніе въ примѣненіи дѣтскаго труда подтверждается также цифрами другой работы г. Козьминыхъ-Ланина («Грамотность и заработки фабр.-зав. раб. Моск. губ.»). Пользуясь комбинаціонной таблицей, составленной авторомъ предисловія къ этой работѣ, П. А. Вихляевымъ, мы можемъ привести данныя о возрастѣ поступленія на фабрику послѣдовательныхъ поколѣній рабочихъ:

Возрастъ первоначальнаго поступленія на заработки.

Продолжит. пребыванія въ промышл. заведеніи	6—10 л.	10—15 л.	15—20 л.	20—30 л.	30 и б. л.	Итого
			м у ж ч и н ъ			
до 10 лѣтъ . .	0,04	18,47	62,83	14,82	3,86	100
10—20 „ . .	0,56	33,86	48,85	11,36	5,38	100
20—30 „ . .	5,79	51,88	27,63	9,37	5,33	100
30—40 „ . .	16,67	58,19	19,33	5,70	—	100
40 и б.	32,67	53,28	14,05	—	—	100
			ж е н щ и н ъ			
до 10 лѣтъ . .	—	19,16	61,73	14,89	4,22	100
10—20 „ . .	0,45	27,57	50,0	14,52	7,46	100
20—30 „ . .	4,97	48,70	29,44	10,98	5,20	100
30—40 „ .	15,03	55,06	23,60	6,31	—	100
40 и б.	33,44	48,31	18,24	—	—	100

Изъ этой таблицы видно, какъ съ каждымъ десятилѣтіемъ возрастъ поступленія на фабрику,—одинаковъ для рабочихъ обоего пола,—повышается; такъ среди стариковъ, работающихъ на фабрикѣ болѣе 40 лѣтъ, около трети поступило на работу въ возрастѣ до 10 лѣтъ и больше половины, имѣя менѣе 15 лѣтъ отъ роду. Наоборотъ, современное поколѣніе, работающее на фабрикѣ менѣе 10 лѣтъ, въ большинствѣ случаетъ поступаютъ на заработки въ 15—20 лѣтъ, довольно рѣдко до 15 лѣтъ и въ совершенно исключительныхъ случаяхъ въ возрастѣ до 10 лѣтъ. Любопытно отмѣтить, что замѣтное повышеніе возраста поступающихъ на фабрику падаетъ на рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ 10—20 лѣтъ: какъ разъ эта группа должна была испытать на себѣ результаты примѣненія закона 1882 года, ограничившаго примѣненіе дѣтскаго труда.

Впрочемъ, мы не должны забывать, что передъ нами только предпріятія, подчиненныя фабричной инспекціи. Мелкія ремесленныя заведенія, въ которыхъ до сихъ поръ существуетъ широкое примѣненіе дѣтскаго труда, остались внѣ круга изслѣдованія: работы г. Козьминыхъ-Ланина имѣютъ дѣло съ рабочими крупныхъ фабрикъ и заводовъ, которые и являются наиболѣе характерными для промышленности Московской губерніи. Въ этомъ мы убѣдимся, обратившись къ даннымъ о размѣрѣ предпріятій.

Концентрація предпріятій въ Московской губерніи достигла сравнительно очень высокой степени: въ 1901 году на 1 заведеніе приходилось въ среднемъ 167,42 рабочихъ, въ 1909 году—220,94,—т. е. значительно больше, чѣмъ въ среднемъ по Россіи; по даннымъ В. Е. Варзера въ 1900 г. соотвѣтствующая цифра составляла 106 человѣкъ, а въ 1908 году—118. Болѣе наглядно степень концентраціи характеризуется такими цифрами:

Изъ 100 рабочихъ приходилось на предпріятія съ числомъ рабочихъ:

	Свыше 1.000 ч.	501—1.000	101—500	51—100	21—50	20 и мен.
1901 годъ	40,32	15,41	27,56	9,05	5,94	1,72
1909 „	48,62	15,89	22,83	7,19	4,37	1,11

Такимъ образомъ, самыя крупныя предпріятія выросли насчетъ всѣхъ остальныхъ. Переходя къ отдѣльнымъ отраслямъ производства, мы должны констатировать, что степень концентраціи въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка,—этой главной отрасли производства въ губерніи—значительно выше приведенныхъ среднихъ; на фабрикахъ съ числомъ 1.000 и болѣе человѣкъ занято болѣе $^3/_4$ (77,97) рабочихъ этой профессіи; на шелковыхъ, шерстяныхъ фабрикахъ, на металлургическихъ заводахъ наиболѣе крупныя предпріятія переполнены тоже довольно сильно. Мелкія мастерскія рас-

пространены главнымъ образомъ среди предпріятій по обработкѣ дерева, льна, пеньки и джута.

И такъ, резюмируя приведенныя цифры, мы можемъ установить, что изслѣдованія г. Козьминыхъ-Ланина касаются рабочихъ, которые въ главной своей массѣ заняты въ производствѣ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, и отчасти на металлурическихъ заводахъ, работаютъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, превосходящихъ своимъ размѣромъ средній типъ предпріятія въ Россіи и быстро прогрессирующихъ въ степени концентраціи, при чемъ наравнѣ съ мужчинами занято значительное и все растущее число женщинъ и постепенно сокращающіеся кадры дѣтей.

III.

Е. М. Дементьевъ, изучая въ восьмидесятыхъ годахъ рабочихъ Московской губерніи, пришелъ къ выводамъ, которые опровергали распространенный въ то время взглядъ, что фабричный рабочій—тотъ же крестьянинъ, лишь временно работающій въ промышленности. Резюмируя свои цифры, онъ писалъ: «Передъ нами, слѣдовательно, уже сформировавшійся классъ рабочихъ, не имѣющихъ фактически никакой собственности—классъ ничѣмъ не связанный и живущій изо дня въ день. И онъ образовался не со вчерашняго дня. Онъ имѣетъ уже свою фабричную генеалогію и для не малой своей части насчитываетъ уже третье поколѣніе» [1]).

Въ настоящее время проблема стоитъ, конечно, иначе: не вопросъ о томъ, существуетъ или нѣтъ рабочій классъ въ Россіи, а вопросъ о признаніи этого класса какъ таковаго, о степени связи его съ деревней, съ землей. Нѣкоторыя,—правда, отрывочныя,—данныя на этотъ счетъ мы имѣемъ въ нашей литературѣ. Такъ, мы знаемъ, что среди такихъ квалицифированныхъ рабочихъ, какъ печатники, по даннымъ Московской анкеты 1907 г., 46% вели въ деревнѣ хозяйство, 16,7% имѣли домъ, но хозяйства не вели, а 37% никакихъ связей съ деревней не имѣли [2]). За восемь лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1899 г., изъ 1.213 рабочихъ фабрики Циндель въ Москвѣ не имѣющихъ никакой связи съ деревней было лишь 10,8% [3]). И даже въ

---

[1]) Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Москва, 1897 г., стр. 46.

[2]) См. Славицкій и Шеръ. Очеркъ положенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. СПБ. 1909 г.

[3]) П. М. Шестаковъ. Рабочіе на мануфактурѣ Эмиль Циндель въ Москвѣ. Москва. 1900 г.

1909 году среди высшихъ слоевъ петербургскихъ рабочихъ, охваченныхъ бюджетной анкетой, около 1/5 (21,4%) вело собственное деревенское хозяйство [1]). Далѣе мы знаемъ, что семья рабочаго въ большинствѣ случаевъ живетъ въ деревнѣ, что въ деревню онъ отсылаетъ значительную часть своего заработка. Словомъ, мы имѣемъ полное основаніе заключать, что значительная часть рабочаго класса еще довольно тѣсными узами связана съ деревней. Насколько крѣпка эта связь, насколько заинтересованы связанные съ деревней рабочіе въ укрѣпленіи своего крестьянскаго хозяйства, является ли послѣднее для нихъ поддержкой или обузой—эти вопросы должны, за недостаткомъ матерьяла, остаться открытыми. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что связь съ деревней кладетъ опредѣленный слѣдъ на психологію рабочаго, объясняетъ нѣкоторыя стороны рабочаго движенія, опредѣляетъ собою нѣкоторыя особенности рабочей организаціи.

Матеріалы г. Козьминыхъ-Ланина, посвященные вопросу о связи съ деревней [2]), являются интереснымъ дополненіемъ существующей литературы, тѣмъ болѣе интереснымъ, что планъ изслѣдованія автора совпадаетъ съ планомъ г. Дементьева, выполненнымъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ, и потому даетъ возможность любопытнаго сопоставленія. Ослабла ли связь съ деревней за 25 лѣтъ, протекшихъ между этими двумя изслѣдованіями? Вопросъ, отвѣтъ на который, казалось бы, не возбуждаетъ сомнѣнія: развитіе капитализма предполагаетъ прогрессирующее оформленіе пролетаріата, какъ класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабленіе связи рабочихъ съ деревней. Къ сожалѣнію, полнаго отвѣта данныя г. Козьминыхъ-Ланина не даютъ, такъ какъ онъ подходитъ къ вопросу лишь въ двухъ пунктахъ: онъ изучалъ генеологію рабочаго, т.-е. спрашивалъ о томъ, работалъ ли отецъ даннаго рабочаго на фабрикѣ, и интересовался вопросомъ о томъ, участвуетъ ли рабочій личнымъ трудомъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, т.-е. уходитъ ли онъ на полевыя лѣтнія работы. Болѣе любопытнымъ является, конечно, первый пунктъ.

Результатъ сопоставленія данныхъ г. Дементьева и г. Козьминыхъ-Ланина довольно неожиданный: если въ 1884 году рабо-

---

[1]) С. Н. Прокоповичъ. Бюджеты петербургскихъ рабочихъ. СПБ. 1909 г.

[2]) „Уходы на полевыя работы фаб.-зав. рабочихъ Моск. губ.“ Москва, 1912 г. Путемъ самостоятельной анкеты авторъ обслѣдовалъ 69.368 рабочихъ (22,5% всѣхъ рабочихъ губерніи) въ наиболѣе крупныхъ предпріятіяхъ (въ среднемъ 1.476 человѣкъ на заведеніе) въ производствахъ по обработкѣ хлопка, шелка и металла. По сравненію съ данными г. Дементьева здѣсь взяты рабочіе болѣе крупныхъ предпріятій, ближе расположенныхъ къ Москвѣ (у Дементьева только Бронницкій, Серпуховскій и Коломенскій уѣзды).

чихъ-мужчинъ, отцы которыхъ работали на фабрикѣ,—наслѣдственныхъ пролетаріевъ, какъ мы ихъ будемъ называть краткости ради,—было 55,9% среди всего числа рабочихъ (18.576 чел.), то въ 1908 году таковыхъ было 44,4% среди мужчинъ и 39,7% среди женщинъ. Получается выводъ, что за 25 лѣтъ рабочій классъ Московской губерніи потерялъ въ своей оформленности, сталъ болѣе «деревенскимъ», чѣмъ былъ ранѣе. Возможенъ ли, однако, такой выводъ? Н. Н. Гиммеръ, въ статьѣ, посвященной, между прочимъ, и работѣ г. Козьминыхъ-Ланина [1]), полагаетъ, что «процессъ кристаллизаціи класса фабрично-заводскихъ рабочихъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію» и что «примѣненіе труда пролетарскихъ сыновей ни въ какомъ случаѣ не могло сократиться»; на основаніи этого соображенія онъ отвергаетъ цифры Е. М. Дементьева, предполагая ихъ по данному вопросу неточными. Мы не склонны къ подобнымъ предположеніямъ; никакихъ основаній къ тому не приводитъ и Н. Н. Гиммеръ. Попробуемъ остановиться на этихъ странныхъ цифрахъ нѣсколько подробнѣе; быть-можетъ, неожиданный выводъ получитъ свое объясненіе.

Наиболѣе рѣзко отличилось раствореніе рабочихъ пришлыми изъ деревни въ производствѣ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ: если въ 1884 году процентъ наслѣдственныхъ пролетаріевъ былъ равенъ 70,5%, то въ 1908 въ этой группѣ онъ равнялся 43,2%; съ другой стороны, если мы расположимъ цифры по возрастнымъ группамъ рабочихъ, то окажется, что наиболѣе растворились тѣ группы рабочихъ, которымъ 30—50 лѣтъ отъ роду, т. е. которые вступили въ производство приблизительно въ концѣ восемидесятыхъ—началѣ девяностыхъ годовъ. Объ этомъ можно судить по нижеслѣдующей таблицѣ:

Возрастныя группы.	1884 годъ. Общее число рабочихъ.	1884 годъ. Проц. наслѣд. прол.	1908 годъ. Общее число рабочихъ.	1908 годъ. Процентъ насл. прол.
до 20 лѣтъ.	5.436	61,7	6.003	60,0
20—30 „ ..	5.692	57,7	11.659	48,3
30—40 „ ..	3.992	54,1	9.195	40,0
40—50 „ ..	2.009	46,2	5.311	34,1
50 и б.	1.446	34,3	2.617	26,2
Итого	18.576	55,0	34.785	44,4

Какъ 1908 году, такъ и за 24 года передъ тѣмъ, молодежь по своей генеалогіи гораздо болѣе городская и фабричная, чѣмъ старики; но въ то время какъ въ наиболѣе молодыхъ группахъ процентъ наслѣдствен-

[1]) См. Н. Гиммеръ. Къ характеристикѣ россійскаго пролетаріата. Современникъ. 1913 г. Кн. 4.

ныхъ пролетаріевъ почти одинаковъ, въ третьей и четвертой группѣ (30—40 и 40—50 лѣт.) онъ достигаетъ наиболѣе значительной разницы. Припомнимъ исторію нашей промышленности за эти четверть вѣка. Годы 1882—1886-ой отмѣчены тяжелымъ кризисомъ. «Многія фабрики стали, другія сократили производство... Фабричное производство почти что пріостановилось, весь фабричный народъ жилъ дома безъ заработка,» такъ характеризовалъ статистическій ежегодникъ Московскаго Земства конецъ этого періода, 1886-ой годъ [1]). Вполнѣ естественно, что тѣ рабочіе, которые сохранили наиболѣе тѣсную связь въ землею, покинули фабрику, и г. Дементьевъ въ 1884 году зафиксировалъ составъ рабочихъ во время кризиса. Съ 1887 г. начинается періодъ грандіознаго подъема русской промышленности. Число фабричныхъ рабочихъ за шесть лѣтъ, съ 1887 г. по 1893, возросло, по даннымъ г. Тугана-Барановскаго почти на 30 %, т. е. на 5% въ годъ [2]). Естественно, что въ это время и въ ближайшіе послѣдующіе годы притокъ изъ деревни на фабрику долженъ былъ быть очень значительнымъ: развивающійся капитализмъ не могъ быть насыщенъ естественнымъ приростомъ фабричнаго населенія, даже если бы оно увеличивалось тѣмъ же темпомъ, какъ все населеніе Россіи (около 1,35% въ годъ). Вышеприведенная таблица и указываетъ, что наиболѣе интенсивенъ былъ приливъ изъ деревни среди рабочихъ, поступившихъ около этого времени на фабрику. Наконецъ, что касается 1908 года, онъ отнюдь не былъ плохимъ годомъ для нашей промышленности; въ частности, данныя г. Козьминыхъ-Ланина констатируютъ, что въ этомъ году число рабочихъ мужчинъ достигло максимальной цифры за весь 9-тилѣтній періодъ 1901—1909 года. Такимъ образомъ, колебанія въ составѣ рабочихъ должны быть чрезвычайно велики въ зависимости отъ состоянія конъюнктуры; въ періодъ кризиса мы имѣемъ, слѣдовательно, гораздо болѣе пролетарскую по составу массу, болѣе культурную и сознательную.

Итакъ, болѣе городской составъ московскихъ рабочихъ въ 1884 году по сравненію съ 1908 годомъ вызванъ, главнымъ образомъ, различнымъ состояніемъ промышленности. Возможно, конечно, что это не единственный факторъ. Возможно также, что фабричный рабочій, оторванный уже отъ деревни, не въ состояніи благодаря низкой заработной платѣ содержать семью, воспитать наслѣдственныхъ пролетаріевъ. Бюджетная анкета 1909 г., обработанная С. Н. Прокоповичемъ, и другія изслѣдованія даютъ нѣкоторыя основанія къ такому предположенію. Но если такъ, то мы имѣемъ пе-

[1]) См. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика. СПБ. 1898 г., стр. 325.
[2]) Тамъ же стр. 344.

редъ собою процессъ вымиранія рабочихъ, порвавшихъ съ деревней, и постоянную замѣну ихъ свѣжими силами изъ деревни. Для исчерпывающаго отвѣта на этотъ вопросъ должны дать матеріалъ дальнѣйшія статистическія изслѣдованія.

Чтобы покончить съ анализомъ отношенія фабричныхъ рабочихъ къ деревнѣ, намъ остается еще вкратцѣ коснуться личнаго участія рабочихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, ухода ихъ на лѣтнія полевыя работы. Еще г. Дементьевымъ было выяснено, что лѣтній уходъ находится въ тѣсной зависимости отъ состоянія машинной техники: чѣмъ совершеннѣе оборудована фабрика, тѣмъ сильнѣе привязанъ рабочій къ машинѣ, которая не можетъ стоять праздно, тѣмъ рѣже онъ уходитъ съ фабрики лѣтомъ. Въ крупныхъ предпріятіяхъ уходъ на полевыя работы былъ ничтоженъ и въ 1884 году: на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ по разнымъ отдѣленіямъ уходило лѣтомъ 4,6—4,8% рабочихъ, среди «мастеровыхъ» 3,0%. Такимъ же приблизительно остался лѣтній уходъ и въ 1908 году: въ хлопчатобумажномъ производствѣ 5,7%, среди рабочихъ по металлу 2,6% [1]).

Любопытно, какъ отражается возрастъ на этомъ уходѣ на полевыя работы. Среди женщинъ уходятъ, главнымъ образомъ, молодыя: возрастная группа до 20 лѣтъ даетъ 4,8% уходящихъ, группа въ 50 и болѣе лѣтъ—0,9% уходящихъ, при среднемъ 3,5%. Очевидно, женская молодежь изъ крестьянскихъ семей является подсобной силой деревенскаго хозяйства. Среди мужчинъ—наоборотъ: младшая группа даетъ 3,8% уходящихъ, старшая—7,6%; беря отдѣльныя профессіи, получаемъ разницу еще болѣе рѣзкую: такъ среди металлистовъ, которые въ возрастѣ до 30 лѣтъ уходятъ въ деревню крайне рѣдко (1,3%), старики (50 лѣтъ и болѣе) даютъ довольно значительный процентъ—12,4%. Очевидно, уходъ на полевыя работы является не столько личнымъ трудовымъ участіемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, сколько попыткой дряхлѣющаго, изношеннаго фабрикой рабочаго пристроиться въ деревнѣ на время инвалидности и старости.

IV.

Рабочій, не связанный съ деревней, получаетъ болѣе высокую заработную плату, чѣмъ его собратъ, не порвавшій связи съ землею, занимаетъ болѣе квалифицированныя профессіи, болѣе культуренъ,

[1]) Н. Н. Гиммеръ дѣлаетъ ошибку, сопоставляя итоговыя данныя Дементьева и Козьм.-Ланина. У перваго включены въ изслѣдованіе и мелкія полукустарныя мастерскія, у второго—только крупныя фабрики (въ среднемъ 1.476 чел. на зав.). При такомъ сопоставленіи, конечно, получается выводъ, что процентъ ухода сильно понизился. См. цит. статью, стр. 327.

болѣе грамотенъ. Таковы факты, установленные статистическими изслѣдованіями послѣднихъ годовъ [1]). Это подтверждается и данными г. Козьминыхъ-Ланина. А именно, беря грамотность рабочихъ,—пунктъ, достаточно выясненный авторомъ въ связи съ вопросомъ о близости къ деревнѣ,—мы получаемъ такую показательную таблицу:

	Процентъ неграмотныхъ среди			
	мужчинъ наслѣдств. пролетар.	мужчинъ не наслѣд. пролетар.	женщинъ наслѣдств. пролетар.	женщинъ не наслѣд. пролетар.
Хлопокъ	19,5	33,5	65,5	79,8
Шелкъ	16,8	36,8	75,5	72,5
Металлъ	7,1	19,3	—	—
Итого	16,4	29,6	66,4	78,2

Итакъ, городской и пришедшій изъ деревни рабочій рѣзко отличаются другъ отъ друга въ отношеніи грамотности; среди работницъ разница эта въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка менѣе значительна, а на шелковыхъ фабрикахъ мы наблюдаемъ обратное соотношеніе. Почему это? Очевидно, женщины-работницы, среди которыхъ три четверти (74%) неграмотныхъ, находятся въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ мужчины. И дѣйствительно, если мы возьмемъ отношеніе грамотности къ заработной платѣ, то получимъ иное соотношеніе у мужчинъ и у женщинъ. Грамотный рабочій зарабатываетъ больше, чѣмъ неграмотный, въ среднемъ на 13%; на механическихъ заводахъ разница эта больше (15%), на бумаго-прядильно-ткацкихъ фабрикахъ значительно меньше (1%). Особенно велика эта разница въ заработкѣ грамотныхъ и неграмотныхъ, если брать среднія (30—40 лѣтъ) и старшія (40—50 лѣтъ) возврастныя группы рабочихъ; въ такомъ случаѣ превосходство грамотныхъ доходитъ до 30—40% въ заработкѣ. Соединеніе опытности и культурности (грамотности) даетъ рабочему возможность занимать болѣе выгодныя должности, чѣмъ это доступно неграмотнымъ. У женщинъ мы не замѣчаемъ такой зависимости: беря среднія цифры, мы имѣемъ, что неграмотныя получаютъ болѣе низкій, на 7%, заработокъ, чѣмъ грамотныя. При сопоставленіи однородныхъ возрастныхъ группъ эта разница нѣсколько сглаживается, но все же остается внѣ всякаго сомнѣнія, что культурность (грамотныхъ) работницы оказываетъ благопріятнаго вліянія на ея заработокъ. Во всякомъ случаѣ, это не случайный фактъ, ибо онъ успѣлъ уже отразиться на притягательной силѣ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ: населеніе учло, что мужская и женская грамотность расцѣниваются на фабрикѣ по разному.

[1]) См. цит. работы Шестакова, Прокоповича, Славицкаго и Шера.

Если неграмотныхъ среди женщинъ около $^3/_4$ (74%), то и среди мужчинъ этотъ процентъ некультурности достаточно внушителенъ: въ среднемъ онъ достигаетъ 23,8%; но съ каждымъ пятилѣтіемъ онъ быстро таетъ, и молодежь гораздо грамотнѣе стариковъ. Въ возрастѣ старше пятидесяти лѣтъ неграмотныхъ среди рабочихъ болѣе половины; въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ—менѣе 10%. Еще болѣе рѣзкая разница между старухами и молодыми работницами: женщины свыше 35-лѣтняго возраста даютъ 90% неграмотныхъ; молодежь отъ 15 до 20 лѣтъ—56,7%, а дѣвочки 12—15 лѣтъ—26,5%. Любопытно отмѣтить, какъ много рабочіе сами тратятъ усилій для изученія грамоты: процентъ внѣшкольной грамотности—въ среднемъ составляющій (по отнош. ко всѣмъ грамотнымъ) 11,6%, достигаетъ въ старшихъ возрастныхъ группахъ, пришедшихъ на фабрику не умѣя ни читать, ни писать, 28% и 33,4%. Около трети старыхъ рабочихъ учились, такимъ образомъ, грамотѣ въ зрѣломъ возрастѣ и по собственной иниціативѣ.

V.

Вопросъ о высотѣ заработной платы,—наиболѣе важный пунктъ для характеристики жизни рабочаго,—затронутъ г. Козьминыхъ-Ланинымъ въ нѣсколькихъ изслѣдованіяхъ [1]) и разработанъ довольно детально.

Беря данныя за 1908 годъ (годъ изслѣдованія), мы можемъ констатировать, что «въ среднемъ» рабочій Московской губерніи получалъ 231 р. 14 к. въ годъ или, болѣе точно — 22 р. 96 к. въ мѣсяцъ мужчина и 13 р. 84 к. въ мѣсяцъ женщина. Само собою понятно, что эта «средняя» далеко не можетъ характеризовать дѣйствительности, и мы вынуждены остановиться на этомъ пунктѣ нѣсколько детальнѣе. Приведемъ таблицу.

Группы зар. платы.	Изъ 100 чел. получ. зар. плату. Мужчины.	Женщины.
до 10 рублей въ мѣсяцъ	4,4	17,8
отъ 10—15 руб. въ мѣс.	18,2	45,0
„ 15—20 „ „	26,7	25,4
„ 20—25 „ „	18,6	8,8
„ 25—30 „ „	12,1	2,9
„ 30—40 „ „	10,9	
до 40 рублей и болѣе	8,6	

1) Заработки фабр.-заводск. раб. Моск. губ. Москва, 1911 г. (свѣдѣнія, касающіяся 77% рабочихъ губерній и собранныя за ноябрь мѣс. 1908 г.).—Грамотность и заработки фабр.-зав. раб. Моск. губ. Москва 1912 г. (свѣдѣнія о 22,5% рабочихъ; имѣется группировка по возрастамъ).—9-ти лѣтній періодъ фабричн.-зав. пром. Моск. губерніи. Москва 1911 г. (Свѣдѣнія фабричной инспекціи, разработанныя по производствамъ и касающіяся всѣхъ рабочихъ).

Итакъ, около двухъ третей мужчинъ (63,5%) получаютъ менѣе; 25 рублей въ мѣсяцъ; приблизительно тотъ же процентъ среди женщинъ (68,8) имѣетъ заработокъ не свыше 15 рублей. Надо ли удивляться, если бы выяснилось, что при такомъ заработкѣ рабочій не въ состояніи воспитывать семью и поставлять «наслѣдственныхъ» пролетаріевъ.

Въ приведенной таблицѣ нами взяты рабочіе всѣхъ возрастовъ. Если, пользуясь данными другой работы г. Козьминыхъ-Ланина, мы произведемъ группировку по возрастамъ, то получимъ такія цифры:

	Мѣсячный заработокъ. Въ рубл.	Въ % отнош.	Соотношеніе въ % въ 1884 г. (Дементьевъ).
Мужчины (от. 20 лѣт.)	24,61	100	100
Женщины	15,87	60,42	73,09
Подростки (15—20 лѣт.)	13,15	53,43	51,34
Малолѣтн. (до 15 л.)	8,15	33,11	35,88

Въ таблицѣ для сравненія приведены данныя г. Дементьева. Хотя ихъ группировка не вполнѣ совпадаетъ съ группировкой г. Козьминыхъ-Ланина, и точное сопоставленіе невозможно, но все же можно приблизительно установить, что соотношеніе платы взрослыхъ, подростковъ и дѣтей за четверть вѣка измѣнилось мало [1]). Подростки получаютъ половину, малолѣтніе одну треть платы взрослаго; что касается женщинъ, то онѣ относительно проиграли: 24 года назадъ онѣ получали 3/4, теперь менѣе 2/3 мужской платы. Быстрое распространеніе женскаго труда, низкая культурность,—какъ условіе болѣе высокой платы, и пониженіе заработка по сравненію съ платой мужчинъ—таковы три звена одного и того же порядка.

Малолѣтніе и подростки зарабатываютъ много меньше взрослыхъ рабочихъ; но заработная плата, какъ извѣстно, далеко не представляетъ прямой линіи, которая идетъ вверхъ параллельно возрасту рабочаго: сравнительно очень рано наступаетъ переломъ, и линія заработка представляетъ изъ себя кривую, крайнія точки которой,—въ началѣ и концѣ рабочей карьеры,—стоятъ почти на одномъ уровнѣ. Это обстоятельство констатируетъ и г. Козьминыхъ-Ланинъ. До 40—45 лѣтъ заработная плата рабочихъ постепенно повышается: въ этомъ возрастѣ рабочій получаетъ максимумъ—на 18% выше средняго уровня; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ возрастъ является предѣльнымъ, и начиная съ 40—45 лѣтъ изношенный организмъ рабочаго не можетъ быть компенсированъ даже пріобрѣтенною за долгое время опытностью: старики въ 55 и болѣе лѣтъ

[1]) У Дементьева группировка нѣсколько иная: мужчины отъ 18 лѣтъ, подростки 15—17 лѣт.

получаютъ въ большинствѣ случаевъ уже ниже средняго уровня, а въ 60 лѣтъ должны довольствоваться тѣмъ, что получали неопытными двадцатилѣтними рабочими. Такъ обстоитъ дѣло у мужчинъ; еще болѣе рѣзко сказывается это пониженіе въ заработкѣ женщинъ: максимальная плата выпадаетъ на долю женщинъ въ 25—30 лѣтъ; съ этого возраста начинается истощеніе организма и паденіе заработка: начиная съ пятидесятилѣтняго возраста, женщина зарабатываетъ ниже средняго заработка, а 60 лѣтнія старухи получаютъ меньше, чѣмъ 15 лѣтнія дѣвочки. Изношенный къ 30 годамъ организмъ—такова дальнѣйшая черта къ характеристикѣ положенія нашей фабричной работницы, матери и воспитательницы молодого поколѣнія наслѣдственныхъ пролетаріевъ.

Вернемся къ вопросу о заработкѣ рабочихъ. Выше мы приводили данныя для всѣхъ профессій, вмѣстѣ взятыхъ. Само собою понятно, что по отдѣльнымъ отраслямъ производства заработки колеблются очень значительно. На первомъ мѣстѣ стоятъ рабочіе по металлу (31 р. 58 к. въ мѣсяцъ), а также полиграфическаго производства и бумажныхъ фабрикъ (29 р. 38 к.); далѣе слѣдуютъ смѣшанное производство по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, обработка дерева, минераловъ, животныхъ продуктовъ, химической промышленности, пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ (22 р. 10 к.—26 р. 37 к.); послѣднія мѣста занимаютъ предпріятія по обработкѣ хлопка, шерсти и шелка (19 р. 13 к.—20 р. 51 к.) и въ самомъ концѣ—предпріятія по обработкѣ льна, пеньки и джута (12 р. 99 к.). Женская заработная плата колеблется по тѣмъ же производствамъ отъ 8 р. 44 к. въ мѣсяцъ до 19 р. 46 к. и составляетъ отъ 42,1% до 84,6% мужской платы. Всѣ эти колебанія приняли бы еще болѣе рѣзкій характеръ, если бы мы привели детальныя данныя, которыя тщательно учтены г. Козьминыхъ-Ланинымъ для 269 мужскихъ профессій и 109 женскихъ. Здѣсь достаточно отмѣтить, что среди рабочихъ есть профессіи съ среднимъ заработкомъ въ 9 рублей, а равно и въ 100 съ лишнемъ рублей, а среди женщинъ съ заработкомъ въ 5 р. 82 к. и въ 28 р. 01 к. [1]).

Таковы данныя о заработной платѣ, относящіяся къ 1908 году. Посмотримъ теперь, какъ измѣнялась плата за предшествующую четверть вѣка, обратимся къ ея динамикѣ. Сопоставимъ опять 1884-й годъ съ 1908 г., помня о томъ, что въ первомъ слу-

[1]) Это колебаніе не представляетъ чего-либо исключительнаго; въ Баку, напр., оно больше: квалифицированные рабочіе получаютъ тамъ больше, а чернорабочіе меньше, чѣмъ въ Московской губерніи. См. Заработная плата служащихъ и рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района, въ обработкѣ В. М. Фролова. Баку, 1912 г., стр. 25.

чаѣ годъ кризиса, во второмъ—годъ высокой конъюнктуры, и, что во второмъ случаѣ опрошены болѣе крупныя предпріятія—словомъ, что ростъ заработной платы будетъ преувеличенъ. Результаты сопоставленія таковы [1]):

	Сред. зар. 1884 г.	вмѣс. 1908 г.	Увелич. въ %.
Предпріятія по обраб. хлопка мужчин.	13,27	19,27	+45,2%
„ „ „ женщин.	10,81	14,05	+30,0%
„ „ шелка мужчин.	13,88	20,54	+47,7%
„ „ „ женщин.	7,39	13,44	+81,8%
„ „ металла мужчин.	21,93	31,58	+44,0%

Беря въ среднемъ, мы можемъ установить, такимъ образомъ, что мужской заработокъ повысился самое большее на 45%, женскій на одну треть, а для рабочихъ обоего пола вмѣстѣ—на 37%. Насколько скромна эта, несомнѣнно, преувеличенная цифра, видно изъ того, что, по подсчетамъ Варзара, средній заработокъ по Россіи поднялся съ 1900 по 1908 годъ на 39,9% [2]). Правда, Московская губернія отставала отъ общаго движенія, и данныя г. Козьминыхъ-Ланина свидѣтельствуютъ, что съ 1901 г. по 1909 годъ заработокъ поднялся лишь на 17,9%, но все это повышеніе почти цѣликомъ падаетъ (17,7%) на 1905—1907 годы. Итакъ, за два года революціи московскіе рабочіе подняли свой заработокъ въ большей степени, чѣмъ за всѣ остальные 22 года истекшей четверти вѣка.

Посмотримъ теперь, какъ это повышеніе распредѣлялось между отдѣльными категоріями рабочихъ. Если мы обратимся къ различнымъ профессіямъ, то увидимъ, что повышеніе заработка,—мы беремъ всѣ девять лѣтъ съ 1901 г. по 1909 г., — было далеко не однороднымъ: на электрическихъ станціяхъ онъ возросъ почти вдвое (на 99,77%), въ хлѣбопекарномъ производствѣ на 28%, въ металлургіи на 16%, обработкѣ шерсти и шелка на 12—13%; деревообдѣлочная промышленность — почти стаціонарна, а въ предпріятіяхъ изъ обработки минераловъ заработокъ упалъ на 15%. Итакъ, картина движенія заработной платы получается довольно пестрая. Это обстоятельство выступаетъ еще рѣзче, когда мы обратимъ вниманіе на измѣненіе заработка въ зависимости отъ размѣра предпріятія: внутри каждой отрасли производства наиболѣе удачную борьбу вели рабочіе крупныхъ предпріятій и, такимъ образомъ, разница въ оплатѣ труда на крупныхъ и мелкихъ предпріятіяхъ увеличилась. Больше того: въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства,

---

[1]) Изъ данныхъ г. Дементьева взяты только фабричные рабочіе.

[2]) Отчеты фабричныхъ инспекторовъ констатируютъ менѣе значительное повышеніе (1000—1909 г.), а именно на 23%.

одновременно съ повышеніемъ средняго заработка, плата рабочихъ мелкихъ предпріятій уменьшилась не только относительно, но и абсолютно. Г. Козьминыхъ-Ланинъ приводитъ такія цифры:

	Измѣненіе зар. пл. въ процен. (1901—1909 г.		
	Всѣ предпріятія.	Предп. 21—50 р.	Предп. 20 и мен. руб.
Произв. по обр. хлопка	+28,30%	— 0,24	— 5,71
„ „ „ шерсти	+12,57%	+ 1,38	— 0,23
„ „ „ дерева	+ 2,67%	— 9,93	—19,96
„ „ „ минераловъ	—14,43%	—12,25	—30,29

Если движеніе номинальной заработной платы не было благопріятнымъ для многихъ категорій рабочихъ, то вздорожаніе цѣнъ на продукты необходимости должно было еще болѣе обострять положеніе рабочихъ, заработокъ которыхъ понизился, и свело на нѣтъ завоеванія болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи группъ. Намъ достаточно привести въ видѣ иллюстраціи нѣсколько цифръ. Принимая среднюю цѣну за десятилѣтіе 1890—1900 г. за сто, и Сводъ товарныхъ цѣнъ констатируетъ, что въ 1909 г. цѣны всѣхъ товаровъ поднялись на 27,8%, въ томъ числѣ хлѣбные продукты на 35%, животные на 53%. Статистическій ежегодникъ г. Москвы устанавливаетъ для даннаго города съ 1900 по 1908 годъ повышеніе цѣнъ въ такихъ размѣрахъ: ржаного хлѣба на 53%, гречневой крупы на 26%, говядины на 30%, солонины на 20%, сельдей на 97%. Наконецъ, по даннымъ неопубликованной еще работы г. Козьминыхъ-Ланина, стоимость 14 продуктовъ, составляющихъ главный элементъ харчеванія рабочихъ, повысилась съ 1901 по 1909 годъ на 37%. «Такимъ образомъ,—резюмируетъ эти данныя А. А. Мануиловъ,—завоеванія 1905—1906 г. г. въ отношеніи заработной платы оказались уже въ 1909 году цѣликомъ съѣденными вздорожаніемъ жизни»[1]). Такъ какъ, добавимъ мы, картина движенія заработной платы была очень пестрой, такъ какъ нѣкоторыя группы испытали пониженіе даже номинальной платы, то реальный заработокъ многихъ слоевъ рабочихъ долженъ былъ понизиться и въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень чувствительно. Повышеніе же реальной платы, если только оно имѣло мѣсто, выпало на долю очень небольшихъ группъ московскихъ рабочихъ.

VI.

Итакъ, большинство рабочихъ мужчинъ (2/3) получаетъ менѣе 25 руб. въ мѣсяцъ, большинство женщинъ (2/3) менѣе 15 рублей.

---

[1]) А. А. Мануиловъ. О заработкѣ русскихъ рабочихъ. „Русскія Вѣдомости“, новогодній номеръ за 1912 г.

Какъ великъ рабочій день, который они вынуждены при этомъ проводить на фабрикѣ? Данныя г. Козьминыхъ-Ланина [1]) даютъ нижеслѣдующій отвѣтъ. Около половины рабочихъ (57,4%) работаютъ въ одну смѣну, т. е. только днемъ; продолжительность ихъ труда измѣряется въ среднемъ 9,89, т. е. почти десятью часами; немного меньше половины (41,8%) работаетъ въ двѣ смѣны—и днемъ и ночью —и въ среднемъ имѣютъ девять часовъ труда (8,97 г.); въ три смѣны работа ведется крайне рѣдко (0,87) и продолжительность труда составляетъ 7,63 часа.

По сравненію съ тѣмъ, что было 24 года тому назадъ, рабочій день сократился довольно значительно: по даннымъ Дементьева, онъ составлялъ 12,65, часа, т. е. сокращеніе достигло приблизительно $2^3/_4$ часа; въ то время какъ въ 1884 году 90% всѣхъ предпріятій работали болѣе 12 часовъ, въ 1908 году болѣе $^9/_{10}$ всѣхъ рабочихъ имѣли рабочій день короче, чѣмъ въ 11 часовъ. Впрочемъ, эти цифры нѣсколько преувеличиваютъ сокращеніе рабочаго дня, такъ какъ размѣръ предпріятій въ обоихъ изслѣдованіяхъ былъ различный. При этомъ, одновременно съ сокращеніемъ рабочаго дня, шло удлинненіе рабочаго года, т. е. уменьшеніе числа праздниковъ: въ 1885 году только 8% всего числа фабрикъ работали болѣе 280 дней въ году, а въ 1908 году—45% предпріятій.

Если мы возьмемъ различныя отрасли производства, то продолжительность рабочаго дня въ 1908 году была не одинакова. Большинство рабочихъ, занятыхъ въ 1 смѣну, работаютъ отъ 9 до 10 часовъ. Болѣе короткій день—до 9 часовъ распространенъ въ производствѣ по обработкѣ, бумаги и полиграфическомъ и деревообдѣлочныхъ мастерскихъ; болѣе продолжительный день на шелковыхъ и льняныхъ фабрикахъ (10—11 ч.), и особой продолжительностью отличается рабочій день на кирпичныхъ заводахъ. Любопытно было бы сопоставить длину рабочаго дня и заработную плату и прослѣдить ихъ взаимоотношеніе; но, не имѣя такихъ данныхъ, мы ограничимся сравненіемъ дня средняго заработка и средней продолжительности рабочаго различныхъ производствъ.

	Зар. пл. въ годъ.	Раб. день.
I. Электрич. станціи, производство по обработкѣ металла, издѣлія изъ бумаги и полиграф. производство.	325 р. и выше	9,40 ч. и ниже

[1]) „Продолжительность рабочаго дня и рабочаго года на фабр. и заводахъ Московской губерніи“, Москва, 1912 г. Данныя собраны въ 1908 г. и касаются 71% рабочихъ всей губерніи. Вопросъ о сверхурочныхъ работахъ авторомъ не затронутъ.

	Зар. пл. въ годъ.	Раб. день.
II. Химич. заводы, обработка дерева, животныхъ продуктовъ, пищевыхъ и вкусовыхъ вещест. смѣшанное производство по обр. волокн. веществъ	225—325 р.	9,46—9,95 ч.
III. Обработка хлопка, шерсти, шелка и минераловъ.	200—225 р.	9,99—10,31 ч.
IV. Обработка льна	ниже 200 р.	10,48 час.

Получается правильная послѣдовательность, но въ обратномъ порядкѣ: въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ короче рабочій день, заработная плата выше—и наоборотъ. Высокій заработокъ и короткій рабочій день идутъ, повидимому, и у насъ въ Россіи рука объ руку.

Излагая матерьялы г. Козьминыхъ-Ланина, мы были вынуждены, въ интересахъ краткости, касаться лишь основныхъ, наиболѣе важныхъ положеній автора. Многія интересныя детали были нами оставлены въ сторонѣ; вопросы о врачебной помощи рабочимъ, о возрастномъ составѣ, входящіе въ кругъ темъ, уже разработанныхъ неутомимымъ изслѣдователемъ, не затронуты нами совсѣмъ; нѣкоторыя проблемы, вытекающія изъ данныхъ автора, трактовались нами лишь вскользь. Тѣмъ не менѣе картина жизни и условій труда московскаго фабрично-заводскаго рабочаго, выясняющаяся изъ объективныхъ цифръ г. Козьминыхъ-Ланина, получается достаточно яркая и полная.

Истекшія четверть вѣка принесли немного въ смыслѣ улучшенія положенія рабочаго класса; болѣе короткій рабочій день, растущая грамотность, сокращеніе возраста поступающихъ на фабрику, уменьшеніе эксплоатаціи дѣтей. За то многое и ухудшилось. Ухудшилось положеніе женщины работницы, которая такъ быстро проникла за это время на фабрику; ухудшились также заработки мужчинъ: ростъ цѣнъ на предметы необходимости, на квартиры долженъ былъ свести на нѣтъ нѣкоторыя завоеванія рабочихъ въ этой области. Анализируя связи рабочихъ съ деревней, мы должны были прямо поставить вопросъ: не имѣемъ ли мы передъ собой процессъ физическаго вырожденія рабочаго класса?

Этотъ вопросъ—въ менѣе опредѣленной формѣ—стоялъ также и передъ Е. М. Дементьевымъ. Онъ готовъ былъ при этомъ предсказывать не только физическое, но и моральное вырожденіе рабочаго класса. Заканчивая свое изслѣдованіе и подводя итоги, онъ

между прочимъ писалъ: «Всматриваясь во всѣ подробности фабричной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, мы искали, искали всѣми силами хотя бы одну какую-нибудь черту, которая дала бы возможность сказать: да, это шагъ впередъ противъ некультурности нашей деревни—и не нашли ничего». Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, и какимъ анахронизмомъ звучатъ онѣ теперь. Рабочее движеніе, профессіональная и политическая организація, рабочее представительство въ Думѣ, рабочая печать—вотъ что имѣется теперь. Въ развитіи этого движенія и этихъ организацій залогъ того, что черезъ слѣдующія 25 лѣтъ картина жизни рабочихъ будетъ нарисована менѣе мрачными красками. И намъ остается только пожелать, чтобы цѣнные матерьялы г. Козьминыхъ-Ланина были въ надлежащей степени изучены и использованы у насъ.

В. Шеръ.

«НЕПРЕЛОЖНЫЕ ЗАКОНЫ» ГРАФА С. Ю. ВИТТЕ.

(Графъ С. Ю. Витте. По поводу непреложности законовъ государственной жизни. Спб., 1914).

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ «обнаружилось разномысліе» между двумя министрами—всемогущимъ тогда министромъ финансовъ С. Ю. Витте и сравнительно скромнымъ, но неподатливымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинымъ. Министръ финансовъ, какъ передавали тогда шопотомъ въ русскомъ обществѣ, «свалилъ» своего коллегу при помощи часто практиковавшагося при старомъ режимѣ пріема—обвиненія противника въ косвенномъ или даже безсознательномъ поощреніи конституціонныхъ идей, враждебныхъ самодержавію. Поводомъ къ этому шахматному ходу послужилъ выработанный подъ руководствомъ И. Л. Горемыкина проектъ введенія земскихъ учрежденій въ Западномъ краѣ. Министръ финансовъ неожиданно возбудилъ принципіальный вопросъ о совмѣстимости земства съ самодержавіемъ и изложилъ въ обширной запискѣ свои доводы противъ мѣстнаго самоуправленія, которое со временемъ должно было бы неизбѣжно привести къ коституціи. И. Л. Горемыкинъ вынужденъ былъ доказывать безобидность земства вообще и своего проекта въ частности съ точки зрѣнія интересовъ высшей политической охраны, но самая необходимость такой защиты ставила министра внутреннихъ дѣлъ въ крайне щекотливое положеніе. Глава государственной охраны, заподо-

зрѣнный въ поддержкѣ крамольныхъ началъ, не могъ сохранить свой постъ, и Западный край еще на десять лѣтъ остался безъ земства.

Прошло нѣкоторое время, и обличитель И. Л. Горемыкина въ свою очередь навлекъ на себя обвиненіе въ колебаніи основъ, какъ организаторъ совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности съ его многочисленными мѣстными комитетами, большею частью оппозиціонными по составу и тенденціямъ. Совѣщаніе было закрыто, и взамѣнъ было основано новое, болѣе невинное и безплодное, съ И. Л. Горемыкинымъ во главѣ. Позднѣе на долю С. Ю. Витте выпала роль не только подозрѣваемаго приверженца, но и явнаго устроителя россійской конституціи.

Когда конституціонное движеніе взяло верхъ надъ старымъ режимомъ, бывшій министръ финансовъ рѣшительно выступилъ въ пользу отвергнутыхъ имъ еще недавно идей и положилъ начало новой эпохѣ обновленнаго государственнаго строя. Вскорѣ, однако, положеніе измѣнилось, и на сценѣ вновь появился И. Л. Горемыкинъ, уже въ качествѣ благонамѣреннаго укротителя конституціонныхъ стремленій, поддержанныхъ его бывшимъ противникомъ. Пока происходили противорѣчивыя попытки практическаго истолкованія манифеста 17 октября, С. Ю. Витте не имѣлъ, конечно, основанія напоминать о своей «запискѣ» 1898 года, и она оставалась по прежнему предметомъ канцелярской тайны, хотя и напечатана была нелегально два раза, въ 1901 и 1908 годахъ, безъ вѣдома и участія автора, по неполному или недостовѣрному тексту. Но по мѣрѣ того какъ вновь возрождались надежды на обратный поворотъ исторіи къ старымъ «народнымъ завѣтамъ и историческимъ устоямъ», усиливалось значеніе забытой секретной полемики конца девяностыхъ годовъ, и С. Ю. Витте призналъ теперь своевременнымъ выпустить въ свѣтъ свою «записку» въ полномъ видѣ, съ необходимыми добавленіями и поясненіями. Появленіе этой книги именно въ настоящее время, когда премьеромъ опять состоитъ И. Л. Горемыкинъ, представляетъ любопытный симптомъ, характеризующій безпочвенную неопредѣленность настоящаго момента. Очевидно, идеи стараго режима имѣютъ еще шансы «нравиться» въ наиболѣе вліятельной части общества, и прежніе сторонники ихъ заинтересованны въ томъ, чтобы возобновить въ памяти извѣстныхъ сферъ свои прошлыя заслуги.

Книга гр. Витте переноситъ насъ въ ту своеобразную закулисную лабораторію, въ которой по секрету отъ народа и всей страны рѣшались государственныя судьбы Россіи. Въ предисловіи авторъ поясняетъ, что возникшее у него разномысліе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ касалось «оцѣнки историческаго значенія мѣстнаго обще-

ственнаго самоуправленія въ общемъ государственномъ строѣ» [1]). Такая историческая оцѣнка не входила, конечно, въ кругъ обычныхъ обязанностей и компетенціи практическихъ государственныхъ дѣятелей; министры должны были въ данномъ случаѣ рѣшить лишь вопросъ о томъ, нужны ли земскія учрежденія населенію западныхъ губерній, соотвѣтствуютъ ли они желаніямъ и интересамъ мѣстныхъ жителей и могутъ ли они способствовать улучшенію мѣстнаго хозяйства и условіямъ мѣстной жизни,—но въ дѣйствительности объ этой практической сущности спорнаго проекта почти ничего не говорится ни въ запискѣ С. Ю. Витте, ни въ отвѣтѣ И. Л. Горемыкина. Обѣ стороны занялись научно-теоретическими разсужденіями на отвлеченную тему о роли мѣстнаго управленія при абсолютной монархіи. Министръ финансовъ, обремененный огромнымъ количествомъ текущихъ обязательныхъ дѣлъ, написалъ—или проредактировалъ написанный по его порученію другими — объемистый трактатъ, со всѣми признаками книжной учености, со многими цитатами, литературными ссылками и библіографическими указаніями,—только для того, чтобы подвергнуть сомнѣнію политическую благонадежность министра внутреннихъ дѣлъ, выяснивъ «несоотвѣтствіе и ненормальность» защищаемаго имъ принципа земскаго самоуправленія «съ принципомъ неограниченнаго самодержавія». Этотъ трудъ не былъ предназначенъ ни для ученыхъ спеціалистовъ, ни для любознательныхъ образованныхъ читателей вообще; самъ авторъ называетъ свою работу «совершенно конфиденціальной запиской, сообщенною только министру внутреннихъ дѣлъ и весьма немногимъ лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ административной іерархіи». Не предполагалось, слѣдовательно, дѣлать вкладъ въ науку и выводить «непреложные законы» исторической жизни, а имѣлось въ виду только произвести надлежащее впечатлѣніе на умы весьма ограниченнаго круга правящихъ лицъ.

Стараясь доказать этимъ правящимъ лицамъ, что «самоуправленіе въ той формѣ, въ какой оно выражается въ нашемъ земствѣ, т.-е. не въ формѣ узкосословной или корпоративной, а въ видѣ всесословнаго народнаго представительства въ сферѣ мѣстнаго государственнаго управленія, не соотвѣтствуетъ самодержавному строю государства», гр. Витте, однако, оговаривается, что онъ не предлагаетъ «упраздненія существующихъ у насъ земскихъ учрежденій, которыя стали уже совершившимся фактомъ русской государственной жизни и при настоящемъ положеніи дѣла не представляютъ еще серьезной опасности для цѣлости нашего государственнаго строя». Министръ вну-

[1]) Въ предисловіи сказано, что этотъ споръ двухъ министровъ происходилъ „въ концѣ 80-хъ годовъ“; вѣроятно, это опечатка или описка, такъ какъ И. Л. Горемыкинъ былъ министромъ только съ 1895 г., а С. Ю. Витте—съ 1892 года.

треннихъ дѣлъ въ своемъ отвѣтѣ не могъ допустить подобнаго компромисса, разъ затронутъ принципъ абсолютизма. Если, — говоритъ онъ, — призваніе мѣстныхъ жителей къ самостоятельному завѣдыванію своимъ общественнымъ хозяйствомъ «влечетъ за собою возникновеніе воззрѣній, привычекъ и укрѣпленіе началъ, способныхъ, хотя бы въ отдаленномъ ихъ развитіи, колебать и ослаблять нравственныя основы самодержавія, то мѣстное самоуправленіе во всѣхъ его видахъ не можетъ быть терпимо ни одной минуты: оно должно быть, чего бы то ни стоило, немедленно и повсемѣстно упразднено, съ замѣною строжайшею іерархическою централизаціею всѣхъ отраслей управленія». Соображенія о пользѣ и благѣ населенія откровенно и прямо отбрасываются въ сторону, когда дѣло идетъ объ интересахъ власти. Въ дѣйствительности, по мнѣнію Горемыкина, существованіе и развитіе земскихъ учрежденій не представляетъ никакой опасности для самодержавнаго государственнаго строя; земство, какъ понимали его славянофилы, выросло на самобытной почвѣ русской исторической жизни и не имѣло ничего общаго съ «конституціонными мечтаніями». Не трудно было замѣтить, что эта оправдательная славянофильская теорія находится въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ тою политикою, какой всегда держалось министерство внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земствамъ,—на что̀ и не преминулъ указать гр. Витте въ своей отвѣтной запискѣ.

Защищая земство, И. Л. Горемыкинъ неожиданно высказывалъ мысли, равносильныя полному осужденію всей правительственной системы стараго режима: онъ полагалъ, что «основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма», есть развитая, «окрѣпшая къ самодѣятельности личность», что самоуправленіе развиваетъ въ народѣ самодѣятельность, даетъ ему «навыкъ и инстинктъ организаціи, который является единственно лишь слѣдствіемъ долгой привычки къ самоустройству и самоопредѣленію», что подавленіе въ обществѣ самодѣятельности и упраздненіе всѣхъ видовъ самоуправленія обратятъ народъ въ «обезличенныя и безсвязныя толпы населенія», въ «людскую пыль». Эти хорошіе принципы признаетъ и его оппонентъ, но онъ, сверхъ ожиданія, вѣритъ исключительно въ благотворную силу бюрократіи и правительственной опеки. Онъ создаетъ удивительную, нигдѣ не виданную идиллію разумной, строго закономѣрной и въ то же время ничѣмъ не ограниченной и не стѣсненной власти. Для осуществленія этого благополучія требуются только два условія. Прежде всего, «*безъ серьезныхъ къ тому поводовъ* государство не должно вооружать себя ни правомъ произвольныхъ арестовъ, ни учрежденіемъ исключительныхъ судовъ, ни стѣсненіями свободы передвиженія, а также свободы труда, совѣсти и мысли»;—но судить о

томъ, существуютъ ли эти «серьезные поводы», будетъ само правительство, прибѣгающее къ подобнымъ стѣснительнымъ и произвольнымъ мѣрамъ. Затѣмъ, «государству надо имѣть твердую опору и вполнѣ надежное орудіе въ своей администраціи», при чемъ во всѣхъ инстанціяхъ центральнаго и мѣстнаго управленія должно быть проведено одно и то же начало, соотвѣтствующее основному характеру государственнаго строя. «Только при этомъ условіи—разсуждаетъ гр. Витте—государство (т.-е. правительство ?) является дѣйствительнымъ хозяиномъ въ дѣлахъ управленія, только при этомъ условіи мѣстные органы могутъ быть надежными исполнителями предначертаній властей центральныхъ и въ свою очередь являются для этихъ послѣднихъ своими, а не чужими. Разъ правительство увѣрено во всѣхъ частяхъ своей администраціи, разъ эта послѣдняя составляетъ надежную для него опору, исключительныя мѣры являются излишними, онѣ становятся удѣломъ развѣ исключительныхъ случаевъ (!). Правительство, установивъ твердыя, опредѣленныя рамки закона, можетъ спокойно относиться къ проявленіямъ личной и общественной самодѣятельности, къ свободѣ слова и мысли, наблюдая лишь за тѣмъ, чтобы никто, до администраціи включительно, не выступалъ изъ рамокъ этого закона, и требуя отъ всѣхъ неуклоннаго его исполненія и безпрекословнаго ему повиновенія» (стр. 197).

Другими словами, твердыя рамки закона, устанавливаемыя даннымъ составомъ правительства и безпрепятственно измѣняемыя имъ же, могутъ сдѣлать это правительство добродѣтельнымъ, справедливымъ и великодушнымъ, побудить его отречься отъ практики исключительныхъ полномочій и даже предоставить обществу нѣкоторую степень самодѣятельности, свободы слова и мысли. Извѣстенъ даже образецъ такого добродѣтельнаго администратора, въ лицѣ меланхолическаго генералъ-губернатора изъ второй части «Мертвыхъ душъ», но это, кажется, единственный безжизненный типъ среди множества созданныхъ Гоголемъ яркихъ человѣческихъ фигуръ. С. Ю. Витте допускалъ, впрочемъ, и участіе мѣстныхъ жителей въ правительственныхъ установленіяхъ; но это участіе—говоритъ онъ—«должно быть построено не на томъ конституціонномъ принципѣ, который осуществленъ въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ, т.-е. не на самостоятельной дѣятельности общества, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, подъ надзоромъ правительства, а на преобладаніи правительственной власти надъ общественными элементами, при совмѣстной дѣятельности органовъ правительства съ привлекаемыми имъ самимъ людьми мѣстности. Правильно организованная, съ участіемъ мѣстныхъ людей, правительственная администрація будетъ вполнѣ удовлетворять своему назначенію и ни въ какой мѣрѣ не станетъ стѣснять развитія

самодѣятельности общества» (стр. 209). Неизвѣстно только, какимъ образомъ устраненіе самостоятельной дѣятельности общества, съ подчиненіемъ общественныхъ элементовъ правительству, можетъ имѣть своимъ результатомъ развитіе свободной самодѣятельности того же общества. Больше всего авторъ опасался, что всесословное представительство въ дѣлахъ мѣстнаго управленія «приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и управленіи верховномъ»,—ибо онъ раздѣлялъ убѣжденіе К. П. Побѣдоносцева [1]), что конституція вообще есть «великая ложь нашего времени» и что безраздѣльное господство небольшого круга властныхъ фаворитовъ лучше и выше всякаго выборнаго парламента. Съ этой точки зрѣнія онъ находилъ, что «никакого дальнѣйшаго расширенія дѣятельности земству давать нельзя», что «надо провести для него ясную демаркаціонную линію, не позволять ни подъ какимъ видомъ переступать эту линію, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соотвѣтствующею организаціею правительственной администраціи, твердо памятуя, что кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи» (стр. 212). Такъ категорически высказывался гр. Витте въ 1899 году, а шесть лѣтъ спустя онъ столь же категорически заявилъ, что «Россія переросла форму существующаго строя»—переросла, конечно, не въ этотъ короткій шестилѣтній срокъ.

Въ одномъ мѣстѣ своего труда (стр. 14) авторъ скромно замѣчаетъ, что онъ «далекъ отъ мысли притязать на оригинальность и творчество въ построеніяхъ изъ области государственнаго права или науки объ обществѣ», и что «настоящая записка имѣетъ цѣлью выясненіе и разрѣшеніе практическаго вопроса, а не научное изслѣдованіе». Но, какъ видно изъ предисловія, онъ въ дѣйствительности склоненъ придавать серьезное теоретическое значеніе своимъ выводамъ и даже основываетъ на нихъ нѣкоторые «непреложные законы» государственной жизни человѣчества. Самое заглавіе книги указываетъ на

---

[1]) Въ книгѣ приведена даже цитата изъ „Московскаго сборника“ К. П. Побѣдоносцева, съ фальшиво-пророческими словами: „Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ всероссійскаго парламента! Да не будетъ!“ А пятнадцатью годами раньше, въ первые дни послѣ событія 1 марта, тотъ же Побѣдоносцевъ въ письмахъ къ Ек. Ѳ. Тютчевой слѣдующимъ образомъ отозвался о нашемъ правящемъ классѣ, свободномъ отъ конституціи: „Душа болитъ, когда видишь эту толпу сановниковъ и чиновниковъ, безчувственную, пошлую,—страшно сказать, подлую“. О „великой лжи нашего времени“, по поводу „Московскаго сборника“, см. нашу статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1896, октябрь, и отдѣльную брошюру подъ тѣмъ же заглавіемъ (Спб., 1908).

важныя историческія обобщенія, найденныя и формулированныя авторомъ. Гр. Витте разсказываетъ, между прочимъ, что какъ-то разъ онъ бесѣдовалъ съ «большимъ своимъ пріятелемъ, знаменитымъ ученымъ И. И. Мечниковымъ», о значеніи наукъ вообще, и они «не вполнѣ сходились въ оцѣнкѣ наукъ, изучающихъ физическую природу вселенной, и наукъ, касающихся государственно-общественной жизни человѣчества». Признавая законы природы, какъ представляющіе истины постоянныя, И. И. Мечниковъ «весьма сомнительно относился къ построеніямъ наукъ общественныхъ, какъ истинамъ шаткимъ и мѣняющимся». Графъ Витте съ этимъ несогласенъ. «Я съ своей стороны думаю,—говоритъ онъ—что на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣчнаго... Законы государственнаго и общественнаго устройства, конечно,—несравненно болѣе измѣняющіеся, нежели законы устройства вселенной, но тѣмъ не менѣе они существуютъ, и человѣчество въ данное время имъ подчиняется. Такимъ образомъ является не столько разность въ существѣ значенія тѣхъ или другихъ законовъ, сколько громадное различіе въ ихъ долговѣчности». Въ примѣръ приводится одинъ такой «законъ», хотя и менѣе долговѣчный, чѣмъ законъ обращенія земли около своей оси и вокругъ солнца, но все-таки столь же безспорный, а именно: «Существуетъ несомнѣнный законъ государственной жизни человѣчества, въ силу котораго постепенное развитіе мѣстнаго самоуправленія неизбѣжно ведетъ къ государственному центральному самоуправленію. Въ силу тѣхъ же причинъ, которыя обусловливаютъ существованіе такого закона, если центральное самоуправленіе устанавливается ранѣе окончательнаго развитія мѣстнаго, то оно старается въ возможно полномъ размѣрѣ развить послѣднее. Это мы нынѣ наблюдаемъ, напримѣръ, у насъ; спѣшное стремленіе ко введенію земскихъ и городскихъ самоуправленій тамъ, гдѣ ихъ не было, борьба Государственной Думы съ Государственнымъ Совѣтомъ за введеніе волостного земства». На этомъ «законѣ государственнаго бытія» и основывались доводы автора противъ земства.

Можно, разумѣется, оставить въ сторонѣ неудачную ссылку на мнимые новѣйшіе успѣхи идеи мѣстнаго самоуправленія и на безплодную борьбу во имя этой идеи съ Государственнымъ Совѣтомъ, роль котораго, какъ властной задерживающей силы, въ сущности несовмѣстима съ основами обновленнаго строя и противорѣчитъ приведенному «закону» графа Витте; но самый этотъ законъ, несомнѣнно, отличается отъ законовъ мірозданія тѣмъ, что осуществленіе его всецѣло зависитъ отъ опредѣленнаго круга лицъ, «занимающихъ высокое положеніе въ административной іерархіи». Не только мѣстное, но и центральное самоуправленіе могло бы существовать у насъ давнымъ-давно, если бы не дѣйствовалъ другой непреложный законъ, не установленный авто-

ромъ, но хорошо извѣстный ему по личному опыту: участники и представители верховной власти всегда и вездѣ возставали противъ расширенія общественныхъ и политическихъ правъ народа подъ предлогомъ защиты устоевъ и завѣтовъ абсолютизма, ибо неограниченный просторъ послѣдняго служитъ единственнымъ источникомъ и надежной опорой прежде всего ихъ собственнаго безконтрольнаго владычества и благополучія. Добросовѣстные защитники народныхъ интересовъ, сторонники необходимыхъ общеполезныхъ реформъ, просвѣщенные и безкорыстные патріоты въ лучшемъ смыслѣ этого слова никогда не могли держаться долго при старомъ режимѣ и неизбѣжно уступали мѣсто безпринципнымъ карьеристамъ. Гюрго и Неккеръ должны были удалиться въ отставку, подъ давленіемъ пустыхъ великосвѣтскихъ честолюбцевъ и интригановъ; такъ же точно и у насъ Сперанскіе подвергались опалѣ, а выдвигались Аракчеевы и подобные ему царедворцы, бездушно-жестокіе по отношенію къ подвластному народу; дѣятели великихъ преобразованій шестидесятыхъ годовъ вытѣснялись лицемѣрными охранителями полицейскаго типа. Этотъ повсемѣстно повторяющійся фактъ несовмѣстимости абсолютизма съ правильною и послѣдовательною системою государственнаго управленія могъ бы скорѣе считаться «закономъ», чѣмъ то принципіальное противорѣчіе между земствомъ и самодержавіемъ, которое такъ безпокоило С. Ю. Витте.

Собственно говоря мысль объ обязательномъ будто бы единствѣ принциповъ власти на всѣхъ ступеняхъ государственной жизни представляется совершенно произвольною и ничѣмъ не мотивированною; государства развиваются исторически, путемъ частичныхъ перемѣнъ и наслоеній, а не по цѣльному, заранѣе составленному плану; учрежденія и обычаи разныхъ эпохъ уживаются рядомъ, безъ ущерба для общихъ національныхъ интересовъ. Самоуправленіе повсюду, и логически и исторически, предшествуетъ абсолютизму, которымъ оно постепенно ограничивается и подавляется; поэтому правильнѣе было бы сказать, что не земство угрожало самодержавію, а напротивъ, послѣднее постепенно упраздняло земскія права и традиціи. Выборное земское начало лежало въ основѣ того «государственнаго строительства», которое создало современную Россію; земскій соборъ, въ качествѣ законнаго представительства Русской земли, формально санкціонировалъ избраніе династіи, и, слѣдовательно, нельзя открещиваться отъ земства и выборнаго начала съ точки зрѣнія односторонняго абсолютизма. Антагонизмъ между правительствомъ и земствомъ былъ исключительно дѣломъ тѣхъ усердныхъ слугъ самодержавія, которые сознательно возбуждали политическія подозрѣнія и поддерживали неосновательные страхи для оправданія своихъ систематическихъ захватовъ и произвола въ области такъ называемой внутренней политики. Если бы наши смѣнявшіеся

министры и сановники неизмѣнно сохраняли первоначальное доброжелательное и добросовѣстное отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ, какъ оно выразилось въ самой реформѣ 1864 года, то всего менѣе пострадалъ бы отъ этого авторитетъ государственной власти. Предположимъ даже, что свободное развитіе и процвѣтаніе земскаго самоуправленія подготовило бы почву для идеи центральнаго земскаго представительства и что естественный мирный переходъ къ новымъ усовершенствованнымъ формамъ государственной жизни не встрѣчалъ бы противодѣйствія со стороны такихъ дальновидныхъ государственныхъ людей, какъ гр. Витте;—развѣ это было бы такъ плохо? Неужели еще кто-нибудь можетъ сомнѣваться, что этотъ путь былъ бы несравненно лучше и разумнѣе того, который пройденъ нами позднѣе среди ужасовъ и бѣдствій всякаго рода? Благодаря настойчивымъ стараніямъ правящаго класса, земство было обречено на безсиліе и въ теченіе сорока лѣтъ своего существованія не только не приблизилось къ осуществленію «непреложнаго закона», но само, значительно испорченное, перестало быть живымъ органомъ мѣстнаго самоуправленія и превратилось чуть не въ пассивный придатокъ къ мѣстной администраціи.

Гр. Витте справедливо замѣтилъ по поводу научныхъ законовъ, что «на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣчнаго»; между тѣмъ о традиціонномъ абсолютизмѣ онъ постоянно разсуждаетъ въ такомъ тонѣ, какъ будто этотъ принципъ долженъ существовать и соблюдаться вѣчно, безъ всякихъ перемѣнъ. Оттого и вся его аргументація противъ земства оказывается какою-то искусственною, фантастическою, отрѣшенной отъ реальной жизни. Неограниченность власти ставится какъ самодовлѣющая цѣль, независимая отъ пользы и интересовъ государства. Пусть погибнетъ страна, лишь бы сохранился абсолютизмъ во всей его неприкосновенности; такова точка зрѣнія обѣихъ спорящихъ сторонъ. Во имя этого принципа властные блюстители государственности съ легкимъ сердцемъ готовы были душить земство и всѣ живыя силы русскаго общества, не допуская никакихъ самостоятельныхъ проявленій политической жизни въ великомъ народѣ міровой имперіи. Нечего и говорить, что такая постановка вопроса была наиболѣе опасна для самой идеи, защищаемой охранителями, ибо если въ самомъ дѣлѣ извѣстное начало государственнаго строя несовмѣстимо съ жизненными интересами и потребностями населенія и задерживаетъ естественный ростъ великого народа, то оно неизбѣжно рухнетъ рано или поздно, въ силу стихійнаго хода исторіи,—или же погибнетъ самая держава, какъ это было съ восточными деспотіями. Авторъ какъ будто не признаетъ этого общаго историческаго явленія, повторяющагося и тамъ, гдѣ не было никакого земства; но достаточно было спросить себя: существуетъ ли во всемъ культурномъ мірѣ хотя бы одно крупное госу-

дарство, претендующее на историческую роль, которое управлялось бы по системѣ абсолютизма, безъ участія выборнаго народнаго представительства въ той или другой формѣ? Если Россія составляла въ этомъ отношеніи исключеніе, то было ли это преимуществомъ съ точки зрѣнія интересовъ пользы и блага страны? Выиграло ли государство отъ упорно поддерживавшагося разлада между властью и народомъ и отъ отсутствія публичнаго контроля въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики? Политическая реформа, безпорно, чрезвычайно запоздала у насъ; но и раньше было бы великимъ благомъ для Россіи сохраненіе центральнаго земскаго представительства въ какой бы то ни было формѣ: никто, вѣроятно, не станетъ доказывать пользу и цѣлесообразность абсолютизма при Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, или при Петрѣ III и Павлѣ I.

По мнѣнію С. Ю. Витте, переходъ отъ абсолютизма къ народовластью можетъ совершиться только путемъ внѣшней катастрофы, и въ этомъ онъ опять-таки видитъ особый «законъ государственнаго устроительства». «Несчастныя войны—говоритъ онъ—ускоряютъ въ государствѣ расширеніе объема самоуправленія, т. е. власти большинства и даже толпы. Въ подтвержденіе этого закона можно привести много примѣровъ. Севастопольская война и введеніе земскаго и городского самоуправленія въ Россіи. Франко-прусская война и переходъ французской монархіи къ республикѣ съ громаднымъ расширеніемъ началъ самоуправленія. Русско-японская война и манифестъ 17 октября 1905 года». Если бы не эта война—замѣчаетъ авторъ,—«то переходъ отъ неограниченнаго самодержавія къ принципамъ, провозглашеннымъ 17 октября, былъ бы тогда невозможенъ. Если бы это въ будущемъ и случилось, то для сего потребовались бы десятки лѣтъ». Понимая неизбѣжность этого перехода, С. Ю. Витте тѣмъ не менѣе употреблялъ свой выдающійся умъ и авторитетъ не на мирное осуществленіе неизбѣжной и спасительной реформы, а на дальнѣйшее обостреніе систематической борьбы противъ общества во имя устарѣлыхъ началъ. «Его законъ» относительно «несчастныхъ войнъ» нуждается также въ существенныхъ оговоркахъ; высказанный-же въ столь общей и категорической формы «законъ» этотъ несоотвѣтствуетъ фактамъ исторіи.

Методъ разсужденія, котораго придерживается гр. Витте въ своей книгѣ-запискѣ,—независимо отъ ошибочности основной идеи,—грѣшитъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, авторъ вообще не отличаетъ государства отъ правительства, верховной власти отъ власти правительственной или министерской, неограниченнаго самодержавія отъ неограниченныхъ полномочій администраціи. Защищая повидимому неограниченность верховной власти, онъ въ дѣйствительности имѣетъ въ виду сохране-

ніе соотвѣтственной полноты власти за министрами. Такъ, противопоставляя мѣстное самоуправленіе «правительству или верховной власти», онъ въ доказательство стѣсненія «единой и нераздѣльной воли монарха» по отношенію къ органамъ мѣстнаго самоуправленія, приводитъ слѣдующіе аргументы въ назиданіе своему оппоненту: «никто лучше министра внутреннихъ дѣлъ не знаетъ и не можетъ знать, что назначеніе, а тѣмъ болѣе увольненіе напр. губернаторовъ, далеко не тождественно съ утвержденіемъ и смѣщеніемъ городскихъ головъ,— что проще отмѣнить распоряженіе любой губернской власти, чѣмъ постановленіе земскаго собранія, и что съ ходатайствами, даже неосновательными, земскихъ собраній приходится совершенно иначе считаться, чѣмъ съ губернаторскими предположеніями» (стр. 27). Значитъ, абсолютизмъ верховной власти нуженъ министрамъ и всей администраціи, какъ удобное орудіе управленія. Это откровенное признаніе выражаетъ подлинную мысль всѣхъ нашихъ высокопоставленныхъ охранителей. Впрочемъ, фактическія указанія автора въ приведенной цитатѣ нѣсколько устарѣли: со времени провозглашенія конституціи обстоятельства измѣнились, и теперь правительству гораздо труднѣе справиться съ иными автономными губернаторами, чѣмъ съ постановленіями земскихъ собраній.

Во-вторыхъ, обсуждая глубоко практическій вопросъ, касающійся нуждъ и интересовъ русскаго народа, авторъ почти совершенно игнорируетъ реальныя условія и требованія русской жизни, какъ и обычныя свойства и способы дѣйствія нашей администраціи, и наполняетъ свою книгу отвлеченными разсужденіями иностранныхъ и русскихъ ученыхъ, выписками изъ разныхъ книгъ и статей, историческими справками, а также отзывами иностранцевъ о русскихъ дѣлахъ. Иногда серьезно замѣчается въ словахъ автора какое-то основное недоразумѣніе относительно причины недовольства существующими у насъ административными порядками со стороны благонамѣренныхъ людей, уважающихъ верховную власть. «Казалось бы,— говорится напр. въ одномъ мѣстѣ,—что тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти,—намъ нельзя противопоставлять администрацію народу или обществу; тамъ, напротивъ, она есть одно изъ необходимыхъ условій общественной и государственной жизни, служащее вмѣстѣ съ другими общему благу, постепенному общественному и гражданскому воспитанію народа. Общество наше, включая сюда и часть чиновничества, дѣйствительно смотритъ на администрацію, какъ на своего прирожденнаго врага, отъ котораго нельзя ждать ничего лучшаго, кромѣ посягательства на права и законную свободу. Но,—недоумѣваетъ авторъ, который, очевидно, никогда не слыхалъ о беззаконіяхъ и зло-

употребленіяхъ администраціи,—въ какой мѣрѣ правиленъ этотъ взглядъ, нѣтъ ли въ немъ коренной ошибки?» Для провѣрки этого отрицательнаго взгляда и для выясненія актива нашей бюрократіи авторъ отсылаетъ читателя къ иностранцамъ. «Въ этомъ отношеніи—замѣчаетъ онъ—не худо спросить прежде всего иностранцевъ: имъ со стороны виднѣе» (стр. 205). Затѣмъ излагаются отзывы Мэкензи-Уоллеса, относящіеся къ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, и поверхностныя сужденія итальянца Карлетти. Такимъ образомъ опровергается господствующее мнѣніе русскаго общества, которое—если позволенно такъ выразиться, — на собственной шкурѣ испытало всѣ прелести и достоинства отечественной администраціи. Ссылки на иностранную науку и литературу встрѣчались часто въ докладахъ и рѣчахъ другихъ представителей стараго режима, и притомъ по самымъ неподходящимъ поводамъ,—напр. у покойнаго П. А. Столыпина, для оправданія умышленнаго трехдневнаго роспуска палаты съ цѣлью внѣзаконнаго проведенія закона о западномъ земствѣ, или у И. Г. Щегловитова, въ видахъ выясненія великихъ заслугъ и качествъ руководимаго имъ правосудія. Но было бы гораздо лучше, если бы наружное уваженіе къ иностранной наукѣ соединялось съ нѣкоторою долею вниманія къ голосу русскаго общественнаго мнѣнія.

Намъ кажется, что напечатаніемъ своей старой записки противъ земства гр. Витте не способствовалъ уясненію и оправданію высказанныхъ имъ нѣкогда взглядовъ, въ корнѣ невѣрныхъ и противорѣчащихъ жизненнымъ интересамъ нашей страны.

Л. Слонимскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Народное пьянство.—Циркулярная борьба съ нимъ.—„Святой долгъ“ губернаторовъ, земскихъ начальниковъ, исправниковъ и урядниковъ.—Новый и старый долгъ.—Безсильная роль духовенства.—Жалкая дѣятельность комитетовъ трезвости.—Освобожденная иниціатива населенія.—Ходатайства о закрытіи винныхъ лавокъ и преслѣдованіе шинкарства.—Первопричины народнаго пьянаго недуга.

Затронутъ одинъ изъ громаднѣйшихъ и самыхъ больныхъ вопросовъ русской жизни: народное пьянство. Явленіе не случайное, не поверхностное, не пустяковое. Какъ запущенная государственная болѣзнь, это печальное и ужасное явленіе тяготѣетъ надъ страной вѣками, и проникая ядовитыми корнями въ ткань народной жизни все глубже, одур-

маниваетъ страну, истощаетъ хозяйство и здоровье націи, доводитъ психику значительной части населенія до судорогъ безумія.

Ошеломительные размѣры этой болѣзни выяснились теперь главнымъ образомъ потому, что изъ народнаго порока было сдѣлано подспорье казны. И когда доходы винной монополіи доросли почти до милліарда рублей, жуткое впечатлѣніе распространилось отъ народныхъ низовъ до самыхъ отдаленныхъ политическихъ верховъ. Грѣховное, постыдное происхожденіе этой милліардной горы золота стало слишкомъ явно. Этотъ милліардъ сыгралъ невольно роль статистики, сконцентрировавъ въ золотомъ итогѣ тлетворный порокъ страны. Яркій и громадный фактъ милліарднаго дохода отъ пьянства заставилъ до нѣкоторой степени сознать, что творится нѣчто государственно-неладное, а отъ этого сознанія шевельнулось нѣчто въ родѣ укора государственной совѣсти.

Къ тому же не нужно имѣть особенной проницательности, чтобы сообразить, что если одинъ изъ главнѣйшихъ столбовъ бюджета покоится на зыбкой трясинѣ пьянаго истощенія страны, то прочность и долговѣчность государственнаго благополучія при такихъ условіяхъ не внушаютъ большой увѣренности.

Сверхъ того, какъ ни ошеломительна милліардная цифра водочнаго побора, ею далеко не исчерпывается вся затрата страны на вкоренившійся порокъ. Если, во-первыхъ, считать на деньги, то надо вспомнить, что большое потребленіе водки идетъ въ деревняхъ, селахъ и городахъ черезъ тайные и явные шинки, черезъ трактиры, постоялые дворы, всяческіе притоны и разныя пьяно-увесилительныя учрежденія. И вотъ, уже водочный милліардъ значительно увеличивается тѣмъ громаднымъ процентомъ, который обогащаетъ многотысячную банду спаивателей народа.

Еще больше разбухаетъ зловѣщій милліардъ отъ простого соображенія: если эта золотая гора выдавлена изъ истощеннаго народнаго хозяйства, то страна не только лишилась того значительнаго прироста капитала, который даетъ правильное хозяйство но, сверхъ того, истощенное отъ подобнаго чудовищнаго кровопусканія хозяйство неизбѣжно должно еще больше захирѣть, мѣстами совершенно погибнуть, т. е. увеличить народные убытки до чрезвычайныхъ размѣровъ.

А если вспомнить эти жалостныя, возмутительныя и всѣмъ извѣстныя бытовыя картинки, какъ опустившійся крестьянинъ въ деревнѣ или ремесленникъ въ городѣ разрушаетъ свое хозяйство, продаетъ въ торопливомъ безуміи за гроши утварь, соху, коровенку, самоваръ, одеженку, инструменты, чтобы, купивъ въ казенкѣ свѣтлой жидкости, выбить дрожащей рукой пробку и, запрокинувъ воспаленное лицо, тутъ же на улицѣ влить въ себя жгучій ядъ, — то становится

очевиднымъ, какія большія суммы нужно прибавить къ милліарду, чтобы приблизиться къ общимъ итогамъ пьянаго убытка страны.

И все это пока еще только матеріальная сторона, громадная по размѣрамъ, но, можетъ быть, все-таки не главная въ этомъ печальномъ вопросѣ. Есть еще убытки здоровья и убытки духа, убытки неисчислимые, тяжкіе, безмѣрные и вѣтвистые по своимъ слѣдствіямъ и послѣдствіямъ. Развалъ семьи, драки, побои, самоубійства и смерто-убійства, душевныя болѣзни, физическое и духовное вырожденіе, чахлыя дѣти и внуки, несущіе, какъ проклятіе, пьяные грѣхи отцовъ и дѣдовъ— всего этого не исчислить, но картина намѣчается необъятной мрачности.

У громаднаго и сложнаго явленія, конечно, и причины должны быть сложныя. Отчего Россія впала въ такое мрачное пьянство? Точный и твердый отвѣтъ на этотъ вопросъ получить не легко. Однако выдвигается одна причина, довольно явственная.

Вересаевъ въ своихъ «Запискахъ Врача» вспоминаетъ характерный психологическій фактъ: когда ему пришлось голодать, въ качествѣ врача безъ практики, его сильно тянуло къ водкѣ. Ни раньше, ни послѣ этого голоднаго періода онъ никакого влеченія къ водкѣ не чувствовалъ.

Видимо, истощенный организмъ и затосковавшій духъ невольно и неодолимо влекутся къ какимъ либо-возбудителямъ.

И, кажется, несомнѣнно, что главнѣйшая часть населенія Россіи одурманивается водкой именно по этой причинѣ: слишкомъ тяжко жить. И если наша русско-христіанская исторія началась съ легкомысленной фразы: «Веселіе Руси есть пити», то теперь, видимо, съ очень большимъ основаніемъ этой фразѣ можно придать трагическій оборотъ: «Отчаяніе Руси есть пити».

Истощенная страна тянется къ спиртному возбудителю. И создается мрачный замкнутый кругъ: населеніе пьетъ отъ истощенія, винная отрава вызываетъ усиленное истощеніе силъ, а послѣднее требуетъ все большей и большей дозы возбудительнаго средства....

При такомъ положеніи дѣла, когда страна безпомощно увязла въ безпомощности и грѣхѣ, начинается теперь государственная борьба съ народнымъ пьянствомъ. Министры пишутъ циркуляры губернаторамъ, губернаторы — низшимъ административнымъ агентамъ. Надежда возлагается теперь на земскихъ начальниковъ, урядниковъ, исправниковъ, волостныхъ старшинъ, на всю ту громадную армію государственныхъ служителей, которые вчера еще глядѣли съ беззаботной усмѣшкой на народное пьянство, принимая въ немъ то или иное, безкорыстное или корыстное участіе, а сегодня всѣ сразу должны про-

никнуться благородной миссіей борьбы съ пьянымъ дракономъ, пожирающимъ Россію.

И циркулярное воодушевленіе сказалось уже довольно замѣтно. Саратовскій губернаторъ, напримѣръ, разослалъ по губерніи,—какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, патетическій циркуляръ, въ которомъ имѣются слѣдующія горячія строки: «Призываю всѣхъ гг. земскихъ начальниковъ и чиновъ полиціи объединиться въ великомъ дѣлѣ отрезвленія народа и удѣлить ему сугубое вниманіе. Законъ, возлагая на васъ опредѣленныя обязанности по борьбѣ съ тайной продажей вина, даетъ вамъ извѣстное оружіе, и это оружіе должно быть использовано вами въ полной мѣрѣ. Но помимо осуществленія предоставленныхъ вамъ по закону правъ, вы можете оказать дѣлу великую пользу: поставленные близко къ населенію, вы не лишены возможности, совмѣстно съ сельскимъ духовенствомъ, неустаннымъ своимъ вліяніемъ перерождать взглядъ крестьянина на необходимость сопровождать почти каждый его шагъ потребленіемъ вина; тамъ, гдѣ мѣстныя условія позволятъ, вы можете путемъ сношеній съ земствомъ, сельскохозяйственными обществами, учрежденіями мелкаго кредита оказать содѣйствіе въ насажденіи кустарныхъ промысловъ и этимъ въ будущемъ заполнить трудовой годъ земледѣльца; наконецъ, привычка къ накопленію денежныхъ сбереженій должна быть привита и къ русскому человѣку; въ этомъ кроется одинъ изъ залоговъ правильнаго теченія государственной жизни. Я знаю, что борьба съ возрастающимъ пьянствомъ встрѣчаетъ большія затрудненія. Но зло слишкомъ велико. Надъ мощнымъ русскимъ народомъ витаетъ призракъ болѣзни. Державный его Вождь обезпокоенъ. Здѣсь не можетъ быть мѣста колебаніямъ, разсужденіямъ или сомнѣніямъ: каждый шагъ, направленный къ борьбѣ съ пьянствомъ, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ, дастъ несомнѣнно благіе плоды, и на нивѣ народной добрыя сѣмена не погибнутъ».

Самарскій губернаторъ, по сообщенію «Волжскаго Слова», разослалъ предводителямъ дворянства, губернскому правленію, губернскому присутствію, губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію, земскимъ и городскимъ управамъ, уѣзднымъ съѣздамъ, земскимъ начальникамъ, самарскому полицеймейстеру и уѣзднымъ исправникамъ самарской губерніи слѣдующій циркуляръ: «Государю Императору въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 30 января с. г. на имя управляющаго министерствомъ финансовъ, благоугодно было указать, что благосостояніе казны должно быть поставлено въ зависимость не отъ разоренія духовныхъ и хозяйственныхъ силъ населенія, а отъ подъема его матеріальнаго положенія и отъ народнаго производительнаго труда, не подрываемаго нетрезвой жизнью. Для содѣйствія къ успѣшному

выполненію правительствомъ объясненной въ означенномъ рескриптѣ Высочайшей воли, полиція должна принять всяческія мѣры къ сокращенію злоупотребленій спиртными напитками въ народѣ и неустанно и дѣятельно въ закономъ указанныхъ предѣлахъ помогать подлежащимъ должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ ихъ борьбѣ съ пьянствомъ... Выражаю твердую увѣренность, что всѣ чины и учрежденія, проникнутые сознаніемъ своего служебнаго долга и громадной важностью этого дѣла, удостоившагося такого милостиваго вниманія Царскаго, будутъ съ неослабнымъ рвеніемъ способствовать примѣненію на мѣстахъ тѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя имѣютъ послѣдовать согласно вышеуказаннымъ предначертаніямъ верховной власти. Увѣренъ также, что всѣ чины и учрежденія не допустятъ въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшихъ вѣдомственныхъ треній. Единеніе всѣхъ слугъ Царскихъ для достиженія этой святой цѣли быстро обезпечитъ ея успѣхъ».

Конечно, и всѣ другіе россійскіе губернаторы обратились къ земскимъ начальникамъ, исправникамъ и урядникамъ съ такой же циркулярной проповѣдью о святой цѣли борьбы съ пьянствомъ и съ призывомъ «сѣять добрыя сѣмена на ниву народную». Циркулярный шумъ получился уже большой, всероссійскій. Однако, позволительно усомниться, чтобы вся армія низшихъ полицейскихъ чиновъ внезапно переродилась въ своихъ привычкахъ и загорѣлась проповѣднической дѣятельностью, родительски уговаривая неразумныхъ пьяныхъ отречься отъ пагубнаго порока. Болѣе свойственна полицейскимъ чинамъ другая сторона вопроса, простая и понятная для нихъ: преслѣдованіе тайныхъ шинковъ. Но на однѣ репрессіи, какъ всегда, особыхъ надеждъ возлагать нельзя. Притомъ успѣшность преслѣдованія шинковъ остается сомнительной по многимъ бытовымъ причинамъ. Сотрудникъ самарскаго «Волжскаго края» рисуетъ, напримѣръ, слѣдующую бытовую картину. «Въ рѣдкой изъ казенныхъ винныхъ лавокъ,— пишетъ онъ,—не наблюдается передъ праздничными днями обильнаго наплыва «оптовыхъ» покупательницъ казеннаго издѣлія. Корзины, мѣшки, сумки и т. п. буквально нагружаются «сотками», «сороковками», «бутылками». По два ведра заразъ беру, — хвалилась одна шинкарка. Продавщицы отлично знаютъ своихъ «оптовыхъ» покупательницъ. Знаютъ не день, не два, а нѣсколько лѣтъ — и ни слова акцизному надзору, дважды, а то и трижды въ мѣсяцъ посѣщающему винную лавку. Невыгодно; ибо чѣмъ больше «оптовой продажи», тѣмъ легче достигнуть требуемаго оборота, чтобы получить лучшее мѣсто. Нѣкоторыя продавщицы очень внимательны къ требованіямъ «оптовыхъ» покупательницъ и готовы удовлетворить все, что имъ нужно. Нерѣдко можно наблюдать такія сценки. Пришелъ рабочій за шкаликомъ.—Шкаликовъ нѣтъ!—заявляетъ продавщица. Только успѣлъ уйти

рабочій, въ казенку является «оптовая покупательница»—и ей отпускается вино во всѣхъ «размѣрахъ посуды» тутъ и шкалики, конечно. Есть шинки, у которыхъ по праздничнымъ днямъ наблюдается «приливъ» трезвыхъ и «отливъ» пьяныхъ съ утра до поздней ночи. У всѣхъ на виду! Только вывѣски нѣтъ. Да ея и не нужно: старый и малый знаютъ, гдѣ «винцомъ торгуютъ». Не знаютъ, повидимому только тѣ, кому знать это надлежитъ».

Такимъ образомъ даже и простая борьба съ шинками осложняется, такъ какъ шинки, видимо, выгодны самымъ неожиданнымъ лицамъ. Возможно, что и у многихъ урядниковъ или стражниковъ святой долгъ поколеблется передъ соблазномъ личной выгоды. А сверхъ того по деревнямъ и селамъ услѣдить за дѣятельностью тайныхъ шинковъ почти невозможно. Репрессіи лишь загоняютъ вглубь жизни тайную продажу вина, разжигаютъ въ потребителяхъ усиленное стремленіе къ водкѣ, а шинкарямъ даютъ возможность продавать водку разбавленную водой и приправленную дурманомъ.

Препятствіемъ новому святому долгу служитъ еще не отмѣненный старый долгъ сельской полиціи. Ярославскій «Голосъ» отмѣчаетъ, напримѣръ, такой заурядный и привычный въ деревенской жизни фактъ. «За однимъ изъ крестьянъ нашей деревни, М. Ефимовымъ,—пишетъ корреспондентъ газеты изъ дер. Климовское, Рыбинскаго уѣзда, — накопились недоимки волостному правленію въ суммѣ нѣсколькихъ рублей съ копѣйками. Надняхъ къ Ефимову явились сельскія власти и поставили ему категорическое предложеніе объ уплатѣ недоимокъ. У Ефимова нужной суммы не оказалось. Тогда власти приступили къ описи домашняго скарба. Помимо самовара, были описаны ухваты, кочерга и вьюшки изъ печи. Теперь семья Ефимова сидитъ не только полуголодная, а даже въ нетопленной избѣ. Вьюшекъ нѣтъ, и печь топить нельзя. Купить же опасно, — грозили опять описать». Удивительно ли, если крестьянинъ изъ такой раззоренной избы пойдетъ въ шинокъ, чтобы согрѣться, затушить водкой обиду и горе, да кстати и пропить послѣдній скарбъ своей избы? И едва ли можно сомнѣваться, которая изъ политическихъ функцій окажетъ большее вліяніе на деревню—выполненіе новаго «святого долга» или продолженіе стараго грѣшнаго долга.

Больше, казалось бы, въ борьбѣ съ пьянствомъ могли бы помочь духовенство и общества трезвости. И нѣкоторое оживленіе въ этой сферѣ, послѣ выпавшаго циркулярнаго дождя, замѣчается. «Русскому Слову» телеграфируютъ изъ Екатеринбурга: «Состоялось собраніе руководителей городскихъ обществъ трезвости, посвященное вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ. Въ собраніи приняли участіе мѣстный епископъ, законоучители нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, а также пред-

ставители верхъ-исетскаго сельскаго общества трезвости. Собраніе постановило для разумнаго времяпрепровожденія публики устраивать возможно чаще чтенія съ туманными картинами, лекціи по различнымъ отраслямъ знанія и демонстрировать въ кинематографѣ картины нравоучительнаго содержанія. Принято также предложеніе вывѣсить въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, въ буфетахъ и пивныхъ противоалкогольные плакаты». Той-же газетѣ телеграфируютъ изъ Курска: «Съ разрѣшенія департамента духовныхъ дѣлъ и губернатора Н. П. Муратова, пастырскій совѣтъ постановилъ устроить на 4-й день Пасхи праздникъ трезвости. Въ этотъ день въ Знаменскомъ монастырѣ будетъ отслужена литургія, послѣ которой будетъ совершенъ крестный ходъ по всему городу до Московскихъ воротъ, съ остановкой для молебствія у всѣхъ церквей, лежащихъ по пути. Во время молебствія будутъ читаться особыя молитвы объ избавленіи отъ пьянства. Вечеромъ въ церквахъ будутъ устроены чтенія о вредѣ пьянства».

Шевельнулось духовенство и въ другихъ губерніяхъ,—главнымъ образомъ, разумѣется, отъ циркулярнаго требованія сверху. И духовное вліяніе священника на деревню могло бы быть значительнымъ. «Святой долгъ» могъ бы найти здѣсь себѣ примѣненіе, не вызывая той невольной ироніи, которая является отъ соединенія «святого долга» съ полицейской кокардой. Однако, и здѣсь возникаютъ сомнѣнія. Не говоря уже о томъ, что по внезапному циркулярному приказу трудно даже и духовенству загорѣться искренней и горячей энергіей къ проповѣдничеству трезвости,—бѣда еще въ томъ, что немалая часть сельскаго духовенства, какъ уже давно извѣстно, страдаетъ въ тяжелой формѣ тѣмъ же порокомъ, отъ котораго сейчасъ требуется лѣчить деревню.

Вызываютъ сомнѣнія и факты въ родѣ слѣдующаго. Изъ Рязани сообщаютъ «Русскому Слову»: «Въ с. Городнѣ, Зарайскаго уѣзда, нѣсколько времени назадъ появились трезвенники, послѣдователи «братца» Ивана Чурикова. Крестьяне чутко прислушивались къ ихъ проповѣди. Мѣстное духовенство всѣми способами старалось предостеречь крестьянъ отъ ученія трезвенниковъ. Когда это не помогло, духовенство обратилось къ зарайскому епископу съ просьбой запретить собранія трезвенниковъ. Собранія запрещены. У нѣкоторыхъ трезвенниковъ произведены обыски. Появленіе трезвенниковъ въ деревнѣ вызвало сильное движеніе».

Видимо, для духовенства трезвость сама по себѣ не такъ ужъ желанна, если на трезвенниковъ воздвигается гоненіе, и именно по почину духовенства. Можно опасаться, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣятельность духовенства сведется къ формальному выполненію циркуляровъ о борьбѣ съ пьянствомъ и ограничится мо-

лебнами, нѣсколькими проповѣдями да раздачей душеспасительной лубочной литературы.

Общества трезвости, со своими читальнями, плакатами и нравоучительными чтеніями, доказали уже скромность результатовъ своей дѣятельности за протекшіе годы, и нынѣшнее циркулярное оживленіе едва ли высоко подниметъ ихъ работу. О степени вліянія обществъ трезвости на мѣстную жизнь можно судить по слѣдующей характерной корреспонденціи «Саратовскаго Вѣстника» изъ гор. Сердобска. «Года черезъ 2—3 послѣ открытія читальни комитета трезвости,—иронически повѣствуетъ корреспондентъ,—сердобскіе трезвенники уже замѣчали нѣкоторые положительные результаты по борьбѣ съ пьянствомъ. Пьяныхъ по улицамъ валялось гораздо меньше, чѣмъ прежде; да и городъ, какъ имъ показалось, сталъ благообразнѣй. Трезвенники съ гордостью говорили:—У насъ на семью пьющую непьющая семья,—чего, конечно, не было ни въ какомъ другомъ уѣздѣ саратовской губерніи. Далѣе дѣятельность комитета постепенно расширялась и прогрессировала. Въ читальнѣ была усилена выписка религіозно-нравственныхъ изданій и брошюръ о вредѣ алкоголя. Полученіе же газетъ въ родѣ «Русскихъ Вѣдомостей», «Бирж. Вѣдомости» и др., какъ «вредно отражающихся на пьянствѣ», постепенно сокращалось. Вмѣсто нихъ пріобрѣтались «пьяныя» таблицы (разрушеніе алкоголемъ человѣческаго организма), лубочныя картинки забубенныхъ пьяницъ въ семьѣ и др. антиалкогольныя «наглядныя пособія»... Дошло дѣло до того, что въ городѣ упразднили даже одну винную лавку: говорятъ, за ненадобностью. Оставалось лишь 4 монопольки. А когда одна изъ нихъ сгорѣла, то думали и тремя обойтись. Хотя не обошлись,—очевидно, слишкомъ рано... Но по всему замѣтно было, что пьянству наступалъ конецъ. Прочитали однажды трезвенники, что въ итальянскомъ городѣ Туринѣ открывается антиалкогольная выставка и что туда принимаются экспонаты всѣхъ обществъ, посвятившихъ себя благому дѣлу—борьбѣ съ пьянствомъ. Списался нашъ комитетъ съ Туриномъ и получилъ разрѣшеніе участвовать на выставкѣ. Въ качествѣ экспонатовъ комитетчики повезли въ Туринъ различныя фотографіи (снимки книжныхъ шкаповъ, фасада читальни...), цифровыя данныя о посѣтителяхъ читальни, кое-какія брошюры и пр.—Италія не могла надивоваться прыткости сердобскихъ трезвенниковъ,—разсказывали возвратившіеся съ выставки. И Туринъ присудилъ нашимъ трезвенникамъ большую золотую медаль и свидѣтельство... Трезвенники въ восторгѣ... Но недавно ихъ постигло горькое разочарованіе. Оффиціальнымъ отчетомъ акцизнаго вѣдомства за 1913 годъ установлено, что годовое потребленіе вина за послѣднія 10 лѣтъ возросло почти въ 3 раза. Десять лѣтъ назадъ (время возникновенія комитета трезвости) Сердобскъ выпивалъ въ годъ

около 9 тыс. вед. вина. Теперь же эта цифра поднялась до 23900 ведеръ. Нѣкоторые, впрочемъ, объяснили эту ослѣпительную «батарею» увеличеніемъ населенія г. Сердобска. Но офиціальныя цифры такъ же показываютъ, что 15 лѣтъ назадъ жителей въ Сердобскѣ было 13 тыс., а теперь 13700 душъ обоего пола... Если къ этому «прогрессу» прибавить еще 4000 бочекъ пива, истребляемаго въ годъ, да припомнить, что даже въ ходъ пущенъ денатурированный спиртъ, то увидимъ, что пьянство возросло невѣроятно... Два слова о денатурированномъ спиртѣ. Сердобская бѣднота и окрестные крестьяне нашли способъ приготовлять изъ «денатурата» водку. Напитокъ получается хоть и противный, но «крѣпкій». Къ такой мѣрѣ, впрочемъ, прибѣгаютъ только во время свадебъ и рекрутскихъ наборовъ, когда винныя лавки не въ силахъ удовлетворить пьянаго голода настоящей водкой».

То, что неожиданно показали цифры для сердобскаго комитета трезвости, водочный милліардъ въ бюджетѣ показалъ для всей Россіи: дѣятельность обществъ и комитетовъ трезвости оказалась жалкой и безпомощной рядомъ со стихійнымъ ростомъ пьянства.

Тѣхъ же безпомощныхъ и ничтожныхъ результатовъ, вѣроятно, надо было бы ожидать и отъ нынѣшней циркулярной борьбы съ пьянствомъ, если бы не внушало надежду одно значительное обстоятельство: циркуляры сверху развязываютъ иниціативу населенія.

Къ счастью для Россіи, въ ней еще много непьющаго или малопьющаго населенія, которое давно уже возмущается развитіемъ пьянства и которое пробовало бороться съ нимъ рѣшительными средствами. Однако, до самыхъ послѣднихъ дней (до циркуляровъ сверху) всякія мѣры для борьбы съ алкоголизмомъ, въ родѣ ходатайствъ о закрытіи винныхъ лавокъ, губернаторами и прочимъ начальствомъ сурово отклонялись. Начальство выполняло другой долгъ: поддержаніе государственнаго бюджета. И еще совсѣмъ недавно провинціальныя газеты сообщали факты слѣдующаго рода: «Все населеніе нашего села,—пишетъ корреспондентъ «Волжскаго Края» изъ с. Малые Толкачи, бугурусланскаго уѣзда,—состоитъ изъ коренной мордвы. Главное зло села, какъ и вездѣ, кабакъ. Подъ вліяніемъ очень незначительной благомыслящей части крестьянъ въ свое время возбуждалось ходатайство о закрытіи винной лавки. Но, къ сожалѣнію, получился чрезъ губернатора отвѣтъ о томъ, что управляющій акцизными сборами самарской губерніи не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайство крестьянъ, въ виду того, что село большое и въ немъ имѣется базаръ. Вмѣстѣ съ этимъ отказомъ, какъ на горе, волостной старшина, Долговъ, открылъ въ селѣ «ресторанъ». Жители валомъ повалили туда. Когда одинъ изъ очень уважаемыхъ мѣстныхъ дѣятелей указалъ Долгову, что въ то время, какъ другіе хлопочутъ о сокращеніи пьянства, онъ развиваетъ

его, тотъ отвѣтилъ, что «ресторанъ» открытъ на основаніи закона, а что закономъ разрѣшено, то правильно».

Такъ почти вездѣ и было: выведенное изъ терпѣнія населеніе возбуждало ходатайства о закрытіи казенныхъ разсадниковъ алкоголизма, а начальство отвѣчало отказомъ. Въ виду явной безнадежности и ходатайства подобнаго рода стали появляться довольно рѣдко.

И вотъ теперь, по мановенію волшебной циркулярной палочки, иниціатива населенія почувствовала, что путы на ней нѣсколько ослабли, и просьбы, постановленія о закрытіи винныхъ лавокъ дождемъ посыпались со всѣхъ сторонъ. Въ «Русскомъ Словѣ» ежедневно печатаются телеграммы изъ десятковъ мѣстъ со всѣхъ концовъ Россіи о желаніи населенія поскорѣе избавиться отъ винныхъ лавокъ, шинковъ, пивныхъ лавокъ и прочихъ пособниковъ государственнаго бюджета. И губернаторы спѣшатъ многія изъ этихъ ходатайствъ утвердить.

Нѣкоторыя изъ сообщеній о поднявшемся движеніи противъ пьянства интересны по своимъ деталямъ. Изъ Иркутска телеграфируютъ «Русскому Слову»: «крестьяне Бѣльской волости, Балаганскаго уѣзда, на волостномъ сходѣ выдвинули вопросъ о вліяніи пьянства на пониженіе благосостоянія и на увеличеніе преступности. Рядъ ораторовъ-крестьянъ цифровыми данными и взятыми изъ жизни ясными фактами доказывалъ вредъ пьянства. Сходъ единогласно вынесъ постановленіе о закрытіи казенной винной лавки. Крестьяне села Братскаго, Нижнеудинскаго уѣзда, на сельскомъ сходѣ рѣшили обратиться къ управляющему акцизными сборами съ любопытнымъ ходатайствомъ. Крестьяне просятъ обложить каждую бутылку продаваемаго изъ казенной лавки вина тремя копейками. Образовавшійся изъ этого налога капиталъ крестьяне предполагаютъ употребить на заготовку строевого лѣса для постройки въ Братскомъ высшаго начальнаго училища».

Изъ Омска телеграфируютъ: «Соединенное засѣданіе представителей города, областного и уѣзднаго комитетовъ попечительства о народной трезвости постановило приступить къ постройкѣ народнаго дома на 1,500 мѣстъ. Стоимость постройки по смѣтѣ опредѣляется въ 120,000 рублей».

Изъ Кіева: «Характерное постановленіе въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ вынесло крестьянское ссудо-сберегательное товарищество въ селѣ Житницкомъ, Таращанскаго уѣзда. Товарищество рѣшило отказывать въ выдачѣ ссудъ крестьянамъ, уличеннымъ въ занятіи шинкарствомъ и въ злоупотребленіи водкой. Волостной сходъ въ этомъ селѣ избралъ особыхъ наблюдателей для искорененія шинкарства».

Изъ Вятки: «Городская дума, вслѣдствіе разъясненія Сената, не

признавшаго за думой права воспрещать торговлю пивомъ въ воскресные и праздничные дни, постановила разрѣшить торговлю въ пивныхъ лавкахъ по праздникамъ лишь въ теченіе 15-ти минутъ. Дума постановила также просить министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ о полномъ воспрещеніи торговли пивомъ въ воскресные и праздничные дни».

Изъ Екатеринослава: «Сходъ лоцмановъ с. Лоцманской Каменки постановилъ ходатайствовать о закрытіи существующей въ селеніи казенной винной лавки и объ открытіи, вмѣсто нея, библіотеки и читальни. Желѣзнянское кредитное товарищество постановило отчислить, послѣ закрытія казенной винной лавки, изъ своихъ прибылей 2,000 руб. на учрежденіе народнаго дома съ театромъ».

Изъ Одессы телеграфируютъ «Рѣчи»: «Въ связи съ циркуляромъ министра финансовъ Барка, акцизное управленіе выяснило, что предстоитъ удовлетвореніе ходатайствъ пяти селеній одесскаго градоначальства о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ, благодаря чему во всѣхъ селеніяхъ градоначальства, за исключеніемъ одного, прекратится винная торговля».

Въ Ставрополѣ мѣщанское общество налагаетъ на себя добровольную опеку. «Мѣщанская управа,—говоритъ мѣстная газета,—возбуждаетъ ходатайство предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ ограниченіи продажи водки въ предѣлахъ города Ставрополя. Ограниченіе намѣчается такимъ образомъ. Шинкарей строго карать, усиливши существующія мѣры наказанія для такихъ лицъ. Отпускъ водки для потребностей въ семейномъ обиходѣ для свадебъ, крестинъ, именинъ и т. п.—производить по чекамъ, которые должны выдаваться нуждающимся особыми попечителями, избираемыми обществомъ на каждую улицу по нѣсколько человѣкъ. Попечители несутъ свои обязанности безвозмездно. Проектируется, чтобы владѣльцы гостиницъ, ресторановъ и т. п. отпускали водку въ ограниченномъ количествѣ, при чемъ подросткамъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, совершенно не должно отпускать спиртные напитки».

Во многихъ мѣстахъ жестокое гоненіе воздвигается на шинкарей. «Волжское Слово» сообщаетъ: «9 марта чекалинское сельское общество, самарскаго уѣзда, составило приговоръ о закрытіи имѣющейся въ селѣ Чекалинѣ винной лавки и о мѣрахъ борьбы съ шинкарствомъ. Въ приговорѣ указывается на развившееся въ селѣ пьянство и, въ связи съ нимъ, перешедшее границы терпимаго хулиганство со стороны деревенской молодежи. Приговоромъ постановлено выбрать особую комиссію для «уловленія» шинкарей. На каждаго уличеннаго въ шинкарствѣ члена сельскаго общества предположено налагать штрафъ, въ первый разъ въ суммѣ 25 р., второй—35 р. и

третій—50 р. Половина штрафа будетъ выдаваться обнаружившему шинокъ, другая половина обращается въ пользу общества. Приговоръ представленъ на соотвѣтствующее утвержденіе. Комиссія уже успѣла одинъ шинокъ обнаружить и составить объ этомъ полицейскій протоколъ».

Въ ст. Славянской станичный сходъ, озлобясь на шинкарей, составилъ ихъ списокъ и обратился къ начальству,—по словамъ «Кубанскаго Края»,—съ просьбой выслать всѣхъ этихъ лицъ изъ станицы.

Конечно, пока иниціатива населенія будетъ выявляться главнымъ образомъ въ ходатайствахъ о закрытіи винныхъ лавокъ да въ преслѣдованіи шинкарства, плодотворность борьбы съ пьянствомъ будетъ довольно сомнительной. Закрытіе винныхъ лавокъ, какъ извѣстно, ведетъ къ усиленному развитію шинкарства, а за шинкарствомъ, сколько его ни преслѣдуй, не угоняешься по темнымъ извивамъ подпольной жизни.

Пока живучъ порокъ пьянства, будутъ и увеселительные притоны—явные или тайные. Пока есть спросъ, будетъ рождаться и предложеніе, какъ его ни шельмуй.

Бороться необходимо съ первопричинами народнаго пьянства. Если иниціативѣ населенія будетъ дана дѣйствительная и значительная свобода въ этомъ направленіи, причины, надо надѣяться, будутъ постепенно выяснены и осознаны. Кое-что и дѣлается, судя по извѣщеніямъ объ открытіи библіотекъ, о созданіи народныхъ домовъ для борьбы съ пьянствомъ и т. д. Это путь болѣе вѣрный, чѣмъ путь репрессій, хотя-бы населеніе и болѣе мѣтко било въ цѣль, чѣмъ администрація.

Основная причина народнаго пьянаго недуга все же, надо думать—въ мрачной тяготѣ русской жизни, въ духовной и матеріальной нищетѣ существованія милліоновъ населенія, въ связанности и придавленности быта. Побольше бы смысла, самодѣятельности, свободы въ личныхъ и общественныхъ достиженіяхъ, побольше тепла и радости жизни,—и пьяный кошмаръ, вѣроятно, если бы не совсѣмъ сползъ съ лица страны, то, по крайней мѣрѣ, значительно сократилъ бы свои пугающіе размѣры.

И. Жилкинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ КІЕВА.

Съ легкой руки покойнаго Столыпина русскій націонализмъ свилъ въ Кіевѣ небольшое, но, повидимому, прочное гнѣздо.

Съ идейной точки зрѣнія русскій націонализмъ въ Кіевѣ явленіе очень неопредѣленное. Открыть политическую программу кіевскихъ націоналистовъ, подмѣтить ихъ положительныя стремленія задача довольно трудная, если не вполнѣ невозможная.

Но кіевскій націонализмъ нельзя смѣшивать съ націонализмомъ общерусскимъ. Онъ исключительно націонализмъ мѣстный, провинціальнаго происхожденія, съ своеобразными особенностями провинціальной жизни и того небольшого болота, въ которомъ онъ живетъ и культивируется. Шумъ, доносъ, сплетня—вотъ характерныя особенности его. Если вы спросите, какую положительную, творческую работу несетъ націонализмъ въ нашемъ краѣ, отвѣтъ долженъ быть отрицательный: никакой. Но зато разрушительную націонализмъ несетъ огромную. Длинный мартирологъ учрежденій, въ которыхъ производилась полезная общественная работа, рядъ лицъ, принужденныхъ прекратить свою работу въ краѣ—все это такъ или иначе связано съ дѣятельностью мѣстныхъ націоналистовъ.

Откуда же такая сила у націоналистовъ? Націонализмъ былъ лозунгъ, оффиціально данный для края Столыпинымъ. Власть мѣстная стала на сторону этого лозунга. Въ краѣ это хорошо чувствуютъ и сознаютъ. Не даромъ же на предвыборномъ собраніи, наканунѣ избранія губернскаго предводителя дворянства г. Безака въ члены Государственнаго Совѣта отъ кіевскаго земства, такъ настойчиво и усиленно раздавались голоса о необходимости упраздненія кіевскаго генералъ-губернаторства. Голоса эти шли отъ гласныхъ праваго лагеря.

Въ настоящее время между кіевскими націоналистами произошелъ расколъ. Почвой для него послужилъ процессъ Бейлиса и та позиція, которую заняли газета «Кіевлянинъ» и нѣкоторые изъ націоналистовъ по отношенію къ этому процессу. На-ряду съ клубомъ націоналистовъ въ Кіевѣ образовался новый «Кіевскій отдѣлъ всероссійскаго національнаго союза». Органомъ его является небольшой газетный ежедневный листокъ «Кіевъ». По своему характеру, отдѣлъ національнаго союза приближается къ правой организаціи молодежи «Двуглавый Орелъ», во главѣ которой стоитъ г. Голубевъ, сынъ профессора Кіевской Духовной Академіи. Молодежь проявляетъ свою

дѣятельность болѣе, конечно, экспансивно, чѣмъ старики, сущность ихъ дѣятельности, между тѣмъ, одна и та же. Всѣ три организаціи представляютъ собой гаммы одного и того же оффиціознаго направленія. Мы говоримъ—оффиціознаго—въ виду несомнѣннаго вліянія этихъ направленій на мѣстную власть. Не разъ писали уже о роли, которую игралъ г. Голубевъ и организація «Двуглавый Орелъ» въ дѣлѣ Бейлиса. Насколько эти организаціи чувствуютъ себя господами положенія, можно судить по послѣднимъ событіямъ, связаннымъ съ столѣтіемъ рожденія Т. Г. Шевченка. Послана была лживая телеграмма о демонстраціи предъ австрійскимъ консульствомъ. Произведено было послѣ этого разслѣдованіе. Кіевскій губернаторъ оффиціально опровергъ телеграмму. Казалось, чего бы нужно для организацій, заботящихся о твердости власти и довѣріи къ ней? Но нѣтъ. Началась у правыхъ кіевскихъ націоналистовъ и у «двуглавовцевъ» агитація съ цѣлью скомпрометтировать опроверженіе губернатора. Въ «Двуглавомъ Орлѣ» появилась статья за подписью Голубева съ обвиненіями и рѣзкими выступленіями противъ кіевскаго губернатора г. Суковкина. Такая статья, при условіяхъ кіевской печати, могла появиться только въ органѣ и изъ-подъ пера человѣка, который убѣжденъ въ полной своей безотвѣтственности. Правда, «Двуглавый Орелъ» былъ въ концѣ концовъ конфискованъ послѣ того, какъ почти весь разошелся, на редактора наложенъ штрафъ въ 300 руб. и онъ, говорятъ, привлеченъ по 1034 ст. Улож. Но, конечно, никто изъ кіевлянъ не вѣритъ въ серьезность всего этого.

Такова безнаказанность, таково оффиціозное значеніе націоналистическихъ и правыхъ организацій въ Кіевѣ. Въ газеты проникъ слухъ, будто по поводу демонстрацій, связанныхъ съ юбилеемъ Шевченка, поручено спеціальное разслѣдованіе одному изъ жандармскихъ ротмистровъ. Если это правда, то какую же лучшую иллюстрацію можно найти для обрисовки дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Кіевѣ? Въ Петербургѣ не вѣрятъ губернатору, но вѣрятъ націоналистическимъ и правымъ кіевскимъ организаціямъ. Мѣстная администрація терроризуется этой вѣрой и больше заботится о своемъ самосохраненіи, чѣмъ о какой-нибудь системѣ въ управленіи краемъ. Въ результатѣ создается тяжелое положеніе, напоминающее, пожалуй, времена «Слова и дѣла». Достаточно поднять націоналистамъ шумиху противъ какого-нибудь лица, учрежденія и пр., можно быть увѣреннымъ, что мѣстная власть сейчасъ сдастся.

Кіевскій націонализмъ, какъ уже сказано, въ настоящемъ своемъ видѣ созданъ Столыпинымъ въ связи съ реформой земства въ юго-западномъ краѣ; но почва для него существовала уже давно.

Во время преній въ Государственной Думѣ депутатъ отъ Кіевской губерніи крестьянинъ Мерщій выразился такъ: «Я не знаю, есть ли на Украинѣ мазепинцы-утописты. Но я знаю, что тамъ есть патріоты-монополисты. Въ этомъ все зло. Эти господа, тоже малороссы, всѣми способами стараются создать на Украинѣ мазепинцевъ, чтобы имѣть возможность изощряться въ патріотизмѣ». Слова эти совершенно справедливы не только для настоящаго, но и для прошедшаго времени. Патріотизмъ въ Юго-западномъ краѣ всегда покоился не на активной дѣятельности въ смыслѣ поднятія экономическаго и культурнаго уровня края, а на раздуваніи опасности отъ такъ называемыхъ національныхъ вопросовъ польскаго, еврейскаго, наконецъ, украинскаго. Историкъ края можетъ отмѣтить нѣсколько періодовъ, когда, смотря по времени и обстоятельствамъ, выдвигалась патріотами мѣстнаго происхожденія та или другая опасность, требовались скорпіоны и проводились въ жизнь. О цѣлесообразности этихъ мѣръ, о ихъ моральности и законности никто изъ патріотовъ не думалъ и не думаетъ. Доносъ—вотъ главное средство, умышленное извращеніе фактовъ — вотъ опора въ дѣятельности мѣстныхъ юго-западныхъ патріотовъ. Эти мѣры очень стары. Ихъ преподалъ еще при Петрѣ кіевскій губернаторъ Голицынъ. Опасаясь, что гетманъ послѣ измѣны Мазепы можетъ пріобрѣсть снова сильную власть, Голицынъ писалъ: «когда народъ узнаетъ, что гетманъ такой власти не будетъ имѣть, какъ Мазепа, то, надѣюсь, будутъ приходить съ доносами. При этомъ доносчикамъ не надобно показывать суровости: если двое придутъ съ ложью, а суровости имъ не будетъ показано, то третій и съ правдою придетъ» (Соловьевъ, IV, 32). Этотъ принципъ доносительства живетъ на Украинѣ и до сихъ поръ.

Кіевскія національныя организаціи заключаютъ въ себѣ людей самаго разнообразнаго положенія. Тутъ есть столбовые дворяне, лица духовныя, профессора, чиновники, разночинцы и т. д. О допустимости или недопустимости тѣхъ или другихъ средствъ политической борьбы здѣсь, повидимому, никогда не думали и не будутъ думать. Всѣ средства хороши.

Празднованіе двухсотлѣтія полтавской побѣды пробудило, естественно, воспоминаніе объ измѣнѣ гетмана Мазепы. Этими воспоминаніями воспользовались нѣкоторые реакціонные элементы

для проявленія того своего патріотизма, о которомъ говорилъ депутатъ Мерщій. Публицистъ изъ «Кіевлянина» г. Савенко, поддержанный нововременскимъ Меньшиковымъ, объявилъ все украинское движеніе направленнымъ къ измѣнѣ и обозвалъ мазепинствомъ, не считаясь съ правдой и не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, являлся ли и могъ ли явиться Мазепа когда-нибудь символомъ для національнаго движенія на Украинѣ, движенія строго демократическаго, тогда какъ Мазепа былъ представителемъ старшинской партіи, враждебной народу?

Факты не нужны были. Они говорили противъ публицистической шумихи и могли бы повредить ей. Почва для сплетни была, между тѣмъ, благопріятная. Бюрократическіе и, въ особенности, военные круги были подъ впечатлѣніемъ историческихъ воспоминаній о Полтавѣ, ея прошломъ, о недавнихъ полтавскихъ торжествахъ. При такой обстановкѣ патріотическая шумиха съ большимъ успѣхомъ дѣлала свое недоброе дѣло. Люди мало вдумчивые чрезвычайно легко воспринимали его, и тяжелыя воспоминанія объ измѣнѣ Мазепы, ожившія и раздуваемыя послѣ 200 лѣтъ, объединяли этихъ людей въ одно общее чувство, враждебное по отношенію къ Украинѣ, какъ странѣ и украинской интеллигенціи, стремящейся работать на пользу своего народа и создать благопріятную почву для правильнаго и нормальнаго развитія его духовной мощи и его духовныхъ сокровищъ.

Такъ создалась легенда о мазепинствѣ. Въ укрѣпленіи и распространеніи ея приняло дѣятельное участіе мѣстное военно-историческое общество. Нѣкоторые изъ членовъ его выдвинули идею памятника Кочубею и Искрѣ, которые, какъ извѣстно, ничѣмъ въ исторіи не замѣчательны, кромѣ доноса, посланнаго Петру I на Мазепу. Интересно отмѣтить, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Въ 1890 годахъ бывшій тогда намѣстникомъ Лавры извѣстный Сергій Ланинъ задумалъ постройку существующей и теперь трапезной церкви. Онъ не постѣснялся при этомъ нарушить могилы Кочубея и Искры. За неприкосновенность ихъ могилъ вступилась «Кіевская Старина», журналъ, который считается теперь чуть ли не подготовителемъ современнаго мазепинства. Благодаря «Кіевской Старинѣ», и сохранились останки Кочубея и Искры, а не затерялись въ грудѣ другихъ костей. Теперь имена Кочубея и Искры выставлены какъ символъ борьбы противъ мазепинцевъ; имъ воздвигается памятникъ. Памятникъ этотъ является своего рода политической демонстраціей, и къ идеѣ постановки причастна администрація края. Участвуя въ этой демонстраціи, она, естественно, сосредоточиваетъ общественное

вниманіе на опредѣленной идеѣ, будитъ въ широкихъ кругахъ общества интересъ къ ней и возводитъ созданную при случаѣ легенду на степень серьезной политической проблемы. Дальнѣйшее только подтверждаетъ эту мысль. Вопросу о памятникѣ Т. Г. Шевченку мѣстная администрація придала политическій характеръ. «Кіевлянинъ» былъ правъ, когда, высказываясь за чествованіе памяти Шевченка, писалъ, что у мѣстной администраціи достаточно средствъ для того, чтобы въ случаѣ, если чествованіе начнетъ принимать политическій характеръ, прекратить его въ самомъ началѣ. Но откуда же администрація заключила, что съ чествованіемъ памяти Шевченка связывается политическая демонстрація?

Усиленная агитація кіевскихъ націоналистовъ противъ чествованія столѣтія дня рожденія Т. Г. Шевченка началась изъ Кіева въ концѣ декабря 1913 года, съ возвращеніемъ сюда на рождественскія каникулы кіевскихъ націоналистовъ, членовъ Государственной Думы. Съ первыхъ же шаговъ агитаціи ясно было, что юбилея не будетъ. Нѣкоторые изъ націоналистовъ не скрывали, что ихъ агитація находитъ опору и поддержку въ Петербургѣ и что она нужна для административныхъ сферъ. Нужна шумиха, нужны «заявленія съ мѣстъ», какъ выраженіе настроенія общества противъ юбилея. Декорація эта нужна была для оправданія запрещенія чествовать Шевченка. Мармарошскій процессъ давалъ хорошій поводъ подойти къ вопросу издалека, коснуться украинскаго движенія вообще и представить его, какъ движеніе опасное для единства государственнаго. Савенко постарался персонифицировать движеніе въ личности проф. М. С. Грушевскаго. Онъ, дескать, альфа и омега современнаго украинскаго движенія. «Съ громадной энергіей, пишетъ г. Савенко въ № 357 «Кіевлянина» за 1913 годъ, проф. Грушевскій много лѣтъ борется за полное, не только національно-культурное, но и политическое, раздѣленіе русскаго народа и за отторженіе отъ Россіи всей Малороссіи, т.-е. борется за ниспроверженіе единства и цѣлости Россійскаго государства. Дѣлаетъ онъ это не только весьма энергично, но и совершенно открыто, является главой и «батькой» цѣлой партіи, цѣлаго движенія, направленнаго къ созданію «самостійной Украины», т.-е. движенія антигосударственнаго (съ русско-политической точки зрѣнія) и очень опаснаго. И что же? Благодушная и безпечная русская государственная власть еще ни разу ничѣмъ не смутила покоя М. Грушевскаго: агитаціонная и организаціонная работа его, всецѣло направленная къ ниспроверженію единства и цѣлости Россійской Имперіи, не встрѣчала и не встрѣчаетъ со стороны русской

государственной власти рѣшительно никакихъ помѣхъ. Уставъ отъ чтенія лекцій и агитаціи во Львовѣ, онъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ, ведетъ широкую агитацію здѣсь, ѣздитъ для той же цѣли въ Петербургъ и т. д.».

Эта тирада лучше всего рисуетъ предъ нами пріемы борьбы кіевскихъ націоналистовъ. Полагаясь на довѣрчивость читателей, г. Савенко ни одной строчки не приводитъ изъ сочиненій проф. Грушевскаго въ подтвержденіе своихъ словъ. Да, онъ и привести не можетъ. Проф. Грушевскій никогда не скрывалъ своихъ мыслей и идей, высказывалъ ихъ не разъ въ печати. Нигдѣ онъ ни однимъ словомъ не говорилъ про «самостійну Украіну». Г. Савенка очень безпокоитъ, что проф. Грушевскаго до сихъ поръ не обыскали, не сослали, не выслали. Въ этомъ г. Савенко видитъ исключительно только благодушіе русской власти.

Не слѣдуетъ думать, что г. Савенко одинокъ въ этихъ пріемахъ борьбы. Въ такомъ же духѣ были посланы клубомъ націоналистовъ телеграммы къ предсѣдателю совѣта мнинистровъ и министрамъ иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Тогда же 10 января въ клубѣ націоналистовъ была выработана резолюція, касающаяся празднованія юбилея Шевченка. Резолюція клуба легла затѣмъ въ основу всѣхъ мѣропріятій противъ юбилея. Въ этомъ и заключается ея интересъ. «Изъ шевченковскихъ торжествъ, говорилось въ ней, будетъ сдѣлана попытка демонстрировать ростъ идей украинскаго сепаратизма и показать, что все населеніе Малороссіи уже проникнуто стремленіемъ къ осуществленію идеала Шевченка, т.-е. къ отторженію отъ Россійской Имперіи всей Малороссіи, которая, по плану мазепинцевъ, должна имѣть «самостійное» существованіе». На этомъ же засѣданіи г. Савенко много распространялся объ антирелигіозности и противоправительственномъ направленіи сочиненій Шевченка.

Достаточно было кіевскимъ націоналистамъ зашумѣть, какъ сейчасъ же это отозвалось на мѣстной администраціи. Прежде всего, конечно, заволновались попечитель округа г. Деревицкій и кіевскій губернаторъ. Не ожидая оффиціальныхъ извѣщеній о чествованіи, они постарались предупредить ихъ и дѣйствовали, на основаніи газетныхъ свѣдѣній, при чемъ попечитель округа издалъ циркуляръ, въ которомъ довольно-таки неловко формулировалъ свое запрещеніе учащимся принимать участіе въ чествованіи Шевченка. Въ циркулярѣ говорилось, что «областное нарѣчіе русскаго языка, на которомъ писалъ Шевченко, не служитъ ни орудіемъ, ни предметомъ преподаванія въ русской школѣ, а его жизнь, личность и творчество не содержатъ въ себѣ матеріала, который бы отвѣчалъ ея задачамъ

и могъ бы быть съ пользою введенъ въ курсъ школьнаго изученія». Губернаторъ выразилъ тревогу, что на юбилей Шевченка въ Кіевъ могутъ пріѣхать депутаты изъ другихъ мѣстъ, между прочимъ, и изъ Галиціи.

Такимъ образомъ мѣстная администрація пошла за націоналистами. А свѣжая здоровая жизнь дѣлала свое дѣло. Ничто ее не могло остановить. Никогда еще имя Шевченка не пріобрѣтало такой популярности, такой красоты, какъ въ дни столѣтняго молчаливаго юбилея великаго пѣвца Украины... Сознаніе несправедливости запрета объединяло всѣхъ, вызывало невольное сочувствіе къ украинскому народу. Украинство, какъ идея, несомнѣнно, въ дни молчаливаго юбилея пріобрѣло широкую популярность въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ.

Націоналисты играли все время на идеѣ «самостійной Украины», которую будто бы украинцы исповѣдуютъ и знамя которой собираются выкинуть во время шевченковскихъ празднествъ. Дѣйствительность еще разъ опровергла выдумку націоналистовъ.

25 февраля въ Кіевѣ стоялъ чудный, солнечный, весенній день. На улицахъ была масса народу. Молодежь нѣсколько часовъ подрядъ, въ разныхъ мѣстахъ города, дѣлала попытки къ демонстраціямъ. Демонстраціи сводились преимущественно къ пѣнію вѣчной памяти Шевченку. По улицамъ разъѣзжали патрули, врѣзывались въ толпу казаки. Создавалось повышенное, нервное настроеніе, какое обыкновенно бываетъ во время демонстрацій. При такихъ условіяхъ возможны были всякіе эксцессы. Ихъ, однако, не было. Старшее поколѣніе украинцевъ относилось отрицательно къ демонстраціи. Оно опасалось провокаціи. Провокація была возможна при повышенномъ настроеніи публики и толкахъ о самостійной Украинѣ, которыми усиленно въ послѣднее время занимались кіевскія газеты. Провокаціи не случилось. Но что она была возможна и не имѣла мѣста, быть-можетъ, только случайно, показываютъ дальнѣйшія событія. Ее старались осуществить post factum. Въ «Новое Время» была послана телеграмма, въ которой сообщались ложные слухи о бывшей будто бы демонстраціи у австрійскаго консульства, о крикахъ, сочувственныхъ Австріи и пр. Выдумали даже еврея, который будто бы разъѣзжалъ по городу и руководилъ демонстраціей. Выше было сказано, что, несмотря на категорическое опроверженіе кіевскаго губернатора, который самъ многое видѣлъ и слышалъ, въ Петербургѣ опроверженію, повидимому, не вѣрятъ... Мы, кіевляне, пережившіе дѣло Бейлиса, съ тревогой слѣдившіе и слѣдящіе за фастовскимъ дѣломъ, вѣримъ во всякія возможности. Если кому-нибудь для чего-нибудь нужно, чтобы были крики у

австрійскаго посольства, ихъ услышатъ. Создадутъ и еврея на лошади, если кіевскимъ націоналистамъ этого захочется. Найдутъ и какого-нибудь еврея, чего добраго, и посадятъ его. Все у насъ въ Кіевѣ возможно. А вотъ усидитъ ли губернаторъ на мѣстѣ, разъ онъ рѣшился итти наперекоръ націоналистамъ и правымъ, выступить на защиту «мазепинцевъ» и доказывать, что они не кричали ничего противъ Россіи,—это вопросъ.

Юбилейные дни Шевченка кончились. Націоналисты не могли не учесть ихъ серьезнаго значенія. Снова начинается напоръ на администрацію противъ украинства. 9 марта совѣтъ кіевскаго отдѣла національнаго союза послалъ министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму, въ которой заявляетъ, что онъ «видитъ въ такъ называемомъ мазепинскомъ движеніи чисто политическія стремленія, съ помощью которыхъ должны осуществиться планы нашихъ западныхъ сосѣдей—отторгнуть отъ Россіи наиболѣе богатую ея область. Правительственныя власти и національно-русскія общественныя силы обязаны неусыпно бороться съ повсемѣстнымъ развитіемъ мазепинскихъ политическихъ организацій, въ видѣ клубовъ, газетъ, журналовъ, обществъ содѣйствія начальному образованію, кооперативовъ, музыкальныхъ кружковъ и т. д., которыя подъ предлогомъ этнографическо-культурныхъ задачъ на самомъ дѣлѣ работаютъ надъ уничтоженіемъ въ широкихъ народныхъ слояхъ русскаго національнаго чувства и постепенно пріучаютъ народныя массы къ мысли о необходимости отдѣленія Южной Россіи отъ Имперіи. «Кіевскій отдѣлъ съ прискорбіемъ долженъ признать, что столь большая государственная опасность мало сознается. По мнѣнію русскихъ кіевлянъ, необходимо немедленно принять цѣлый рядъ мѣръ къ ослабленію и совершенному прекращенію вредной дѣятельности упомянутыхъ организацій».

Мы уже указывали, какую страшную, разрушительную работу несетъ кіевскій націонализмъ въ краѣ и среди народа. Въ приведенной телеграммѣ намѣчена цѣлая программа дальнѣйшихъ разрушеній и опустошеній. Для многихъ все это, быть-можетъ, покажется шуткой; для украинцевъ же, многое уже пережившихъ и испытавшихъ, натискъ на власть націоналистовъ далеко не шутка. Мы, кіевляне, живемъ въ мірѣ всевозможныхъ случайностей...

Говоря о кіевскихъ націоналистахъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько примирительную позицію по отношенію къ украинству, которую занялъ въ послѣднее время «Кіевлянинъ». Мы разумѣемъ три редакціонныя статьи въ газетѣ въ началѣ марта (№№ 60, 61 и 63). Много въ нихъ тенденціозно-сумбурнаго, свидѣтельствующаго о ма-

ломъ знакомствѣ автора съ предметомъ, но зато есть и слѣды болѣе спокойнаго и вдумчиваго отношенія къ украинству, чѣмъ это было въ «Кіевлянинѣ» до сихъ поръ. Газета не требуетъ спеціальныхъ и суровыхъ каръ противъ украинства, рекомендуетъ для администраціи спокойствіе и большую разборчивость въ мѣрахъ. Нужно думать, серьезная постановка вопроса объ украинскомъ движеніи П. Н. Милюковымъ не прошла безслѣдно и заставила нѣкоторыхъ публицистовъ и праваго лагеря глубже взглянуть на вопросъ. Быть-можетъ, впрочемъ, въ «Кіевлянинѣ» сыграли роль и причины личнаго характера. В. В. Шульгину самому, вѣдь, пришлось на практикѣ испытать результаты той политики, въ которой онъ и самъ немало повиненъ...

Изъ другихъ явленій кіевской жизни отмѣчу прежде всего розыскъ, который производится учебнымъ начальствомъ среди учителей, бывшихъ на учительскомъ съѣздѣ. Розыскъ ведется по опредѣленнымъ опроснымъ пунктамъ, которые должны выяснить степень активнаго участія учителей въ съѣздѣ. Среди послѣднихъ господствуетъ вполнѣ понятная тревога за свою судьбу. При нынѣшней политикѣ вполнѣ возможно, что учителя за одно только участіе въ съѣздѣ будутъ уволены. Удастся ли городу защитить ихъ?

Учебный округъ въ послѣднее время начинаетъ занимать по отношенію къ городу боевую позицію. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить исторія съ училищемъ имени Грушевскаго, отца извѣстнаго проф. и общественнаго дѣятеля М. С. Грушевскаго. Старикъ Грушевскій былъ директоромъ народныхъ училищъ во Владикавказѣ. Онъ составилъ учебную книгу славянскаго языка, одобренную Св. Синодомъ и до сихъ поръ употребляемую въ школахъ. Изъ суммъ, вырученныхъ отъ изданія этой книги, покойный Грушевскій завѣщалъ 100 т. рублей на устройство школы его имени. При содѣйствіи кіевскаго городскаго управленія, школа эта была открыта въ собственномъ домѣ въ Кіевѣ. Это было при попечителѣ округа г. Зиловѣ, который даже интересовался скорѣйшимъ устройствомъ этой школы. Ушелъ г. Зиловъ. При его преемникѣ, г. Деревицкомъ, директоръ народныхъ училищъ, извѣстный педагогъ Лубенецъ былъ замѣненъ неизвѣстнымъ націоналистомъ Плесскимъ. Въ округѣ перепутали. Думали, что школа носитъ имя проф. Грушевскаго. Приказано было снять вывѣску. Такъ какъ при этомъ нарушалось завѣщаніе, и наслѣдники могли потребовать возврата денегъ, то городское управленіе должно было вступиться за свои права. Недоразумѣніе открылось. Теперь ищутъ выхода изъ этого положенія.

Новое столкновеніе г. Деревицкаго съ городомъ происходитъ

на почвѣ назначенія учителей. Городъ до сихъ поръ пользовался правомъ рекомендовать учителей на мѣста. Округъ не считается систематически съ этимъ правомъ, присваивая его исключительно себѣ. Чѣмъ кончится этотъ интересный въ принципіальномъ отношеніи конфликтъ, трудно предугадать. Но городъ рѣшилъ отстаивать свои права. Конфликты города съ округомъ, бывшіе до послѣдняго времени явленіемъ сравнительно рѣдкимъ, теперь, повидимому, становятся явленіемъ обычнымъ. Недавно обнаружено неправильное полученіе жалованья однимъ изъ завѣдующихъ городскимъ училищемъ. Желая подробно выяснить этотъ фактъ, городская училищная комиссія постановила обревизовать дѣлопроизводство и хозяйственную часть высшаго городскаго училища № 6. Попечитель округа воспротивился, ссылаясь на то, что въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ не содержится указаній на право исполнительныхъ городскихъ комиссій производить ревизію дѣлъ начальныхъ училищъ высшаго типа. Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса по существу, мы отмѣтимъ эти факты, какъ показатель усиливающейся борьбы городского самоуправленія противъ попытокъ уничтожить его вліяніе на дѣло народнаго образованія въ Кіевѣ. Вопросъ, такимъ образомъ, получаетъ очень важное значеніе въ мѣстной кіевской жизни.

Въ февралѣ происходилъ въ Кіевѣ съѣздъ, созванный кіевскимъ отдѣленіемъ экспортной палаты, по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Съѣздъ прошелъ вяло, блѣдно и не внесъ оживленія въ мѣстную жизнь. Въ этомъ отчасти вина организаторовъ, которые не достаточно, какъ кажется, сознавали важность такого съѣзда въ Кіевѣ именно *для края*. Планъ и цѣль съѣзда были достаточно туманными, чтобы они могли привлечь къ себѣ серьезное вниманіе мѣстныхъ силъ. Доклады, поэтому, носили мало систематическій, а иногда и просто случайный характеръ. Вниманія торговому договору, какъ таковому, было удѣлено мало. Это, впрочемъ, и понятно. Говорить о немъ, не касаясь вовсе русской финансовой политики въ прошломъ и настоящемъ, было трудно. А между тѣмъ были приняты всѣ мѣры, чтобы этого не было. Какъ лягушки, просящія царя, организаторы даже въ предсѣдатели съѣзда выписали изъ Петербурга члена Государственнаго Совѣта Денисова и очень боялись, что онъ не пріѣдетъ. Пріѣхалъ г. Денисовъ и воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы изъ съѣзда сдѣлать то, что ему казалось нужнымъ. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно, прекращалъ пренія, ставилъ на баллотировку вопросы, какъ ему хотѣлось. Въ концѣ концовъ интересъ къ съѣзду охладѣлъ, количество членовъ уменьшилось до нѣсколькихъ десятковъ. Теперь разрабатываются матеріалы съѣзда и формулируются его резолюціи.

Въ концѣ февраля кіевское прогрессивнее общество понесло тяжелую и крупную утрату. 27 февраля на 42 году жизни умеръ Иванъ Николаевичъ Полторацкій. Умеръ онъ неожиданно отъ язвы желудка. Въ Кіевѣ Полторацкій поселился недавно, лѣтъ 7—8 тому назадъ; но сразу же занялъ видное положеніе въ мѣстной общественной жизни. Многія изъ прогрессивныхъ общественныхъ учрежденій имѣли Ивана Николаевича въ своихъ рядахъ. Это былъ выдающійся общественный и политическій дѣятель, серьезно относившійся къ своей роли, много учившійся и работавшій надъ собою. Онъ принадлежалъ къ кадетской партіи и стоялъ въ рядахъ украинцевъ. Его предполагали выставить кандидатомъ въ четвертую Государственную Думу отъ Кіева. Тяжелая болѣзнь заставила Полторацкаго снять свою кандидатуру. Но онъ не отказался отъ общественной дѣятельности и до послѣднихъ дней своей жизни отдавался ей съ большой энергіей и настойчивостью. Такіе люди не часто встрѣчаются въ нашей кіевской жизни.

Обыватель.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Воинственные толки въ Европѣ и ихъ значеніе.—Газетные патріоты о внѣшней политикѣ.—Заявленія о боевой готовности.—Ирландскій билль и военный кризисъ въ Англіи.—Французскія дѣла.

Въ прошломъ мѣсяцѣ внезапно возникли въ Европѣ воинственныя опасенія, которыя вскорѣ улеглись и исчезли. Откуда и почему явился этотъ страшный призракъ великой европейской войны—никто въ точности объяснить не можетъ. Извѣстно только, что первыя тревожныя извѣстія появились въ одномъ изъ органовъ германской оффиціозной печати—въ «Кельнской Газетѣ». Петербургскій корреспондентъ этой газеты забилъ тревогу по поводу мнимыхъ военныхъ приготовленій Россіи; другія нѣмецкія газеты, не исключая и либеральныхъ, заговорили объ угрожающей міру «русской опасности» и стали серьезно обсуждать шансы будущаго кроваваго конфликта. Авторитетные представители германской дипломатіи загадочно молчали; свѣдущія лица, участники «освѣдомительныхъ бюро» и оффиціозныхъ телеграфныхъ агентствъ довольствовались двусмысленными комментаріями, изъ которыхъ трудно было сдѣлать какіе-либо опредѣленные успокоительные выводы.

Наши газетные патріоты не отставали отъ заграничныхъ по части сенсаціонныхъ сообщеній; какіе-то таинственные отечественные сановники излагали свои замѣчательные проекты раздѣла чужихъ территорій, о чемъ велись будто бы секретныя бесѣды съ самимъ императоромъ Вильгельмомъ II; рѣчь шла о союзѣ между Россіею и Германіею для совмѣстнаго нападенія на Австро-Венгрію, съ цѣлью полюбовнаго распредѣленія ея земель между обѣими сосѣдними имперіями. Соглашеніе съ Франціею устроилось бы при помощи соотвѣтственныхъ уступокъ, и новый тройственный союзъ, къ которому, конечно, примкнула бы и Италія, обезпечилъ бы миръ на долгое время. Впрочемъ, изобрѣтатель этого остроумнаго плана не настаивалъ на его осуществленіи, и Австро-Венгрія избавилась на этотъ разъ отъ печальной судьбы Польши. Какъ бы въ отместку за коварные замыслы нашего «выдающагося сановника», вѣнскій кабинетъ, заодно съ берлинскимъ, поощрялъ газетную кампанію противъ Россіи и дѣлалъ видъ, что вѣритъ въ ея военныя приготовленія. Австрійскіе и германскіе стратеги въ свою очередь дѣлили русскія земли, предсказывая неизбѣжное торжество своихъ армій при современныхъ условіяхъ военной техники; съ теченіемъ времени обстоятельства могутъ измѣниться въ пользу Россіи, благодаря стихійному росту ея населенія и культуры, и потому ускореніе войны вызывается будто бы необходимостью предупредить благопріятныя для насъ перемѣны въ будущемъ.

Это обоюдное бряцаніе оружіемъ сопровождалось, конечно, колоссальными биржевыми спекуляціями; повсюду чувствовалось угнетенное состояніе денежнаго рынка, которое позволяло ловкимъ людямъ вести крупную игру на пониженіе. Когда спекулянты достигли своей цѣли, воинственные толки сразу прекратились. Орудіемъ для надлежащаго воздѣйствія на общественное мнѣніе Европы была почему-то избрана газета «Биржевыя Вѣдомости». Въ вечернемъ выпускѣ этой газеты отъ 27 февраля было напечатано сообщеніе «изъ безупречнаго (?) источника» подъ громкимъ заглавіемъ: «Россія хочетъ мира, но готова къ войнѣ». Въ статьѣ перечислены тѣ военныя мѣропріятія, которыя дѣлаютъ русскую армію «не только громадною, но и хорошо обученною, хорошо вооруженною, снабженною всѣмъ, что дала новая техника военнаго дѣла». По распространенному въ публикѣ мнѣнію «безупречный источникъ» газеты находился въ канцеляріи военнаго вѣдомства, заявленія котораго всегда заслуживаютъ вниманія по вопросамъ войны и мира.

«Съ гордостью мы можемъ сказать,—говорится въ указанномъ сообщеніи—что для Россіи прошли времена угрозъ извнѣ. Россіи не страшны никакіе окрики. Русское общественное мнѣніе, съ бла-

горазумнымъ спокойствіемъ отнесшееся къ поднятому за послѣдніе дни за границей воинственному шуму, было право: у насъ нѣтъ причинъ волноваться. Россія готова!» Разумѣется само собою, что даже при сознаніи полной боевой готовности русское общество имѣло бы достаточно причинъ волноваться, если бы намъ дѣйствительно предстояла война. Перспектива массовыхъ взаимныхъ избіеній при помощи усовершенствованныхъ орудій новѣйшей военной техники, перспектива гибели десятковъ тысячъ здоровыхъ человѣческихъ существъ,—не говоря о матеріальномъ разореніи цѣлыхъ областей, своихъ и чужихъ,—скорѣе усиливается и подчеркивается, чѣмъ ослабляется возгласомъ: «Россія готова». Боевая готовность должна служить средствомъ къ сохраненію мира, а не оправданіемъ «благоразумнаго спокойствія» на случай опасности войны. Самая успѣшная и побѣдоносная война является величайшимъ и ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ для народа, и никто не можетъ ожидать или встрѣчать ее спокойно, подъ вліяніемъ увѣренности въ побѣдѣ.

«Русская армія, бывшая всегда побѣдоносной, воевавшая обыкновенно на непріятельской территоріи, — продолжаетъ авторъ статьи — совершенно забудетъ понятіе «оборона», которое такъ упорно прививали ей въ теченіе предпослѣдняго (?) періода нашей государственной жизни». Подъ страннымъ названіемъ «предпослѣдняго періода» слѣдуетъ вѣроятно разумѣть эпоху, завершившуюся Мукденомъ и Цусимой; но тогда примѣнялась у насъ не просто идея обороны, а самая худшая ея форма—оборона, заранѣе разсчитанная на возможный разгромъ арміи по частямъ и на неизбѣжное затѣмъ отступленіе. Такое понятіе обороны должно быть, несомнѣнно, отвергнуто и забыто спеціалистами военнаго дѣла; но кромѣ этой плохой обороны, приводящей къ страшнымъ пораженіямъ, бываетъ и оборона разумная, приспособленная къ достиженію окончательнаго успѣха. Съ этой точки зрѣнія должны успокоительно дѣйствовать заключительныя фразы сообщенія: «Русская армія, уже въ мирное время выросшая на одну треть, состоящая изъ полковъ однороднаго состава, съ улучшеннымъ корпусомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, является первою въ мірѣ и по количественному отношенію состава кавалеріи, и съ пополненною матеріальною частью. Русскому общественному мнѣнію важно сознаніе, что наша родина готова ко всякимъ случайностямъ, но готова исключительно во имя желанія мира».

Надо думать, что все это вѣрно, что командный составъ нашей арміи превосходенъ, что прежніе грѣхи не повторятся больше;—но почему эти важныя заявленія сообщаются Россіи и Европѣ черезъ посредство вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»? Неужели нѣтъ у

насъ другого, болѣе подходящаго способа для передачи авторитетныхъ мнѣній нашихъ правящихъ сферъ? Если рѣшено было твердо сказать предъ всѣмъ міромъ, что Россія никого и ничего не боится, опираясь на своихъ союзниковъ и друзей, —то, казалось бы, проще всего было сдѣлать это оффиціальному руководителю нашей иностранной политики въ засѣданіи Государственной Думы. Много лѣтъ тому назадъ князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ громко заявить, что Германія не нуждается въ снисходительной дружбѣ Россіи и не придаетъ значенія скрытымъ угрозамъ петербургскаго двора; тогда онъ произнесъ въ германскомъ парламентѣ свою знаменитую фразу, не особенно глубокомысленную и, быть можетъ, даже банальную, но произведшую сильное впечатлѣніе на умы нѣмецкихъ патріотовъ: «Мы, нѣмцы, никого не боимся, кромѣ Бога». Наша дипломатія, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ, могла бы послѣдовать этому примѣру «желѣзнаго канцлера» и открыто выступить съ своимъ заявленіемъ въ имѣющемся у насъ парламентѣ, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ посредничеству частной биржевой газеты. Но ни министръ иностранныхъ дѣлъ, ни военный министръ не сообщали своихъ мыслей Государственной Думѣ и не пользовались ея существованіемъ для авторитетныхъ публичныхъ заявленій по адресу нашихъ иностранныхъ друзей и недруговъ. Систематическое игнорированіе Государственной Думы со стороны руководителей нашей внѣшней политики составляетъ элементъ слабости для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ сравнительно съ кабинетами другихъ великихъ державъ. Тогда какъ въ Западной Европѣ министры широко пользуются парламентской трибуной для оглашенія и разъясненія своихъ политическихъ взглядовъ и намѣреній, у насъ все еще предпочитаютъ прибѣгать для этого къ услугамъ случайныхъ посредниковъ, газетныхъ сотрудниковъ и «интервьюеровъ». Тѣмъ не менѣе эти сомнительные суррогаты министерскихъ заявленій принимаются публикою за чистую монету и служатъ предметомъ всевозможныхъ толковъ въ заграничной печати.

Въ данномъ случаѣ цѣль была какъ будто достигнута: указанное заявленіе показало всю безплодность дальнѣйшей полемики и косвенно положило ей конецъ. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ грозить войною, когда противникъ не боится ея? Если всѣ готовы къ войнѣ и никто ея въ сущности не желаетъ, то пугать ею нѣтъ смысла. Но воинственная кампанія, затѣянная нѣкоторыми нѣмецкими газетами, обнаружила крайнюю легкость возбужденія дѣйствительной опасности войны въ современной Европѣ. Высшій военный классъ вездѣ расположенъ считать миръ только временнымъ переходнымъ состояніемъ между двумя войнами; талантливые офи-

церы и генералы могутъ выдвинуться только на войнѣ; только война создаетъ полководцевъ, и вполнѣ естественно, что въ составѣ генеральныхъ штабовъ главныхъ европейскихъ армій имѣется всегда достаточное количество готовыхъ кандидатовъ въ Наполеоны и Мольтке. Наиболѣе подвержены внушеніямъ этого военнаго честолюбія люди, призванные командовать въ силу своего оффиціальнаго ранга или высокаго личнаго положенія; еще недавно, напр., германскій кронпринцъ высказалъ въ служебномъ приказѣ, что счастливѣйшимъ днемъ его жизни будетъ тотъ день, когда онъ выступитъ въ походъ во главѣ своего гусарскаго полка. Мечта о военныхъ подвигахъ и военной славѣ вдохновляетъ лучшихъ представителей офицерства; этотъ вліятельный элементъ культурнаго общества съ большою готовностью воспринимаетъ мысль о войнѣ, и если бы высшія военныя сферы не воздерживались отъ прямого выраженія своихъ чувствъ, то носителямъ правительственной власти было бы трудно устоять на позиціи хранителей мира. Катастрофа могла бы сдѣлаться неизбѣжною въ каждый данный моментъ: стоило бы только центральнымъ силамъ поколебаться на минуту въ рѣшеніи миролюбія и увлечься доводами военныхъ спеціалистовъ,—и разыгрались бы событія, послѣдствій которыхъ нельзя было бы предвидѣть. Реальныхъ поводовъ для этого не требовалось бы; поводы возникли бы сами собою, или ихъ придумали бы въ случаѣ надобности, а первый толчекъ остался бы на совѣсти какого-нибудь ретиваго газетнаго публициста, сумѣвшаго возбудить тревогу и придать ей общій національный характеръ. И такое положеніе вещей, связанное съ непрерывными грандіозными вооруженіями, держится десятки лѣтъ и считается какъ будто нормальнымъ для международныхъ отношеній передовыхъ культурныхъ народовъ!

Въ Англіи ирландскій вопросъ осложняется и запутывается по мѣрѣ того какъ приближается моментъ его формальнаго разрѣшенія [1]). Нынѣшняя парламентская сессія, открывшаяся 10 февраля (нов. стиля), должна покончить съ вѣковой проблемой: билль объ ирландской автономіи, разсмотрѣнный въ послѣдній разъ палатою общинъ, сдѣлается закономъ уже безъ согласія и одобренія палаты лордовъ.

Консервативная оппозиція употребляла всѣ свои усилія для того, чтобы заставить правительство выдѣлить протестантскую провинцію Ольстеръ изъ общей схемы ирландскаго самоуправленія; въ то же

---

[1]) См. выше корреспонденцію изъ Лондона.

время принимались энергическія мѣры для организаціи мѣстной народной обороны или даже прямого возстанія на случай попытки принудительнаго осуществленія билля въ Ольстерѣ. Настойчивое требованіе новыхъ парламентскихъ выборовъ для рѣшенія спорнаго вопроса упорно отвергалось кабинетомъ и не имѣло шансовъ успѣха въ виду общаго настроенія либеральной партіи; весь споръ сосредоточился на гарантіяхъ для ольстерскаго населенія, которое ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какой степени не желало подчиняться господству католическаго большинства ирландскаго парламента. Съ другой стороны, и правительство не могло отказаться отъ давно задуманной и тщательно подготовлявшейся реформы, нетерпѣливо ожидаемой массою ирландскаго народа. Оппозиція прибѣгала къ угрозамъ насильственнаго сопротивленія, но этимъ она только затрудняла возможность мирнаго компромисса. Въ Ольстерѣ устраивалась вооруженная милиція, численность которой въ настоящее время доходитъ будто бы до полутораста тысячъ человѣкъ; страхъ междоусобной войны все сильнѣе овладѣвалъ умами, и кризисъ все болѣе обострялся съ каждымъ днемъ. Высшіе классы англійскаго общества почти единодушно высказываются противъ билля; подробные отчеты о публичныхъ митингахъ и рѣчахъ въ защиту Ольстера наполняли ежедневно многіе столбцы газетъ. Организаторъ и вождь ольстерскаго революціоннаго движенія, выдающійся адвокатъ и членъ парламента, сэръ Эдуардъ Кэрсонъ, сталъ популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи. Правительство относилось снисходительно къ военнымъ приготовленіямъ Ольстера и не привлекало ихъ устроителей къ отвѣтственности по суду, хотя имѣло къ тому законное основаніе и возможность. Министры надѣялись наглядно показать своимъ противникамъ, что угрозы не приведутъ ни къ чему, что онѣ никого не пугаютъ и никѣмъ не принимаются въ серьезъ, и что онѣ способны только помѣшать желательному мирному соглашенію. Въ этомъ заключалась, быть-можетъ, ошибка правительства. Уніонисты, вступивъ на путь активнаго сопротивленія и возбудивъ національныя страсти въ Ольстерѣ, не могли уже остановиться и должны были поневолѣ итти дальше по наклонной плоскости; а правительство упустило удобный моментъ для успѣшнаго вмѣшательства. Политическіе дѣятели обѣихъ партій заговорили объ уступкахъ, на которыя могло бы согласиться министерство, и вопросъ о сущности и мѣрѣ этихъ уступокъ сдѣлался главнѣйшимъ предметомъ разсужденій и полемики въ печати. Въ засѣданіи палаты общинъ, 9 марта, премьеръ впервые точно формулировалъ свои новыя предложенія съ цѣлью предотвратить гражданскую войну въ Ольстерѣ. Мѣстныя графства, тотчасъ послѣ утвержденія и обнародованія билля, могутъ

путемъ всеобщаго голосованія выразить простымъ большинствомъ голосовъ свое желаніе быть исключенными изъ предѣловъ дѣйствія гомруля; но шесть лѣтъ спустя послѣ перваго созыва ирландскаго парламента ольстерскія графства автоматически войдутъ въ общую схему подчиненія мѣстному парламентскому строю. Эта шестилѣтняя предварительная льгота должна способствовать устраненію разногласій и выяснить условія соблюденія нужныхъ гарантій для религіозныхъ и политическихъ правъ протестантовъ; затѣмъ будетъ возстановлено единство управленія въ Ирландіи. Однако, проектъ Асквита не встрѣтилъ сочувствія въ рядахъ оппозиціи. Если уступка заключается только въ отсрочкѣ на шесть лѣтъ, то она не имѣетъ никакого значенія и никого удовлетворить не можетъ, по мнѣнію предводителя и главнаго оратора уніонистовъ, Бонара Лоу. «Намъ объявляютъ смертный приговоръ съ отсрочкой исполненія на шесть лѣтъ», заявилъ сэръ Кэрсонъ. «Пусть правительство откажется отъ этого ограничительнаго срока, и проектъ исключенія Ольстера изъ общей схемы могъ бы быть принятъ населеніемъ». Премьеръ далъ понять, что дальнѣйшихъ уступокъ онъ предложить не можетъ. Морской министръ Черчилль и канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джорджъ находили, что уступчивость должна имѣть свои предѣлы и что она недопустима по отношенію къ противникамъ, которые открыто готовятся къ возстанію. Въ засѣданіи 19 (6) марта оппозиція внесла резолюцію объ обязанности правительства точно формулировать надлежащія поправки къ биллю, пока не окончено третье чтеніе его. Бонаръ Лоу предлагалъ обращеніе къ странѣ въ формѣ референдума, обѣщая согласіе оппозиціи даже на принудительное введеніе закона въ Ольстерѣ, если билль будетъ одобренъ большинствомъ британскихъ избирателей; Асквитъ объяснилъ, что это предложеніе хуже и гораздо менѣе выгодно для протестантовъ, чѣмъ правительственное, и что онъ не видитъ основанія измѣнять въ чемъ-либо свои дополненія къ проекту. Страстную, вызывающую рѣчь произнесъ сэръ Кэрсонъ; ему «больше нечего дѣлать здѣсь», и съ театральнымъ жестомъ онъ покинулъ палату, чтобы отправиться въ Ольстеръ. Оппозиціонная резолюція была затѣмъ отвергнута большинствомъ 93 голосовъ.

Кризисъ неожиданно измѣнилъ тогда свой характеръ, захвативъ армію. Въ отвѣтъ на распоряженія командующаго войсками въ Ирландіи, сэра Педжета, о переводѣ нѣкоторыхъ полковъ въ Ольстеръ, стали получаться заявленія высшихъ офицеровъ о невозможности для нихъ дѣйствовать силою противъ населенія, несогласнаго подчиниться гомрулю; командиръ кавалерійской бригады, генералъ Гофъ, отъ себя и отъ имени своихъ подчиненныхъ выразилъ готовность выйти въ

отставку, чтобы не быть поставленными въ необходимость выбора между долгомъ службы и внушеніями совѣсти. Заявленіе генерала Гофа послужило сигналомъ для офицеровъ другихъ частей, находящихся въ Ирландіи, и поставило въ большое затрудненіе военнаго министра и высшихъ начальниковъ арміи. Военный совѣтъ пытался объяснить происшедшій инцидентъ простымъ «недоразумѣніемъ» и подтвердилъ обязанность всѣхъ военнослужащихъ безпрекословно повиноваться законнымъ распоряженіямъ своего начальства; но военный министръ Сили, генералы сэръ Джонъ Френчъ и сэръ Эвартъ присоединили къ своему разъясненію оговорку, что правительство не имѣетъ намѣренія воспользоваться военной силою для подавленія политическаго противодѣйствія политикѣ или принципамъ билля о гомрулѣ. Получивъ такое успокоительное обѣщаніе, генералъ Гофъ и подчиненные ему офицеры согласились остаться на службѣ; но вскорѣ оказалось, что конфиденціальная оговорка насчетъ Ольстера была включена въ оффиціальный текстъ разъясненія безъ вѣдома премьера, который съ своей стороны рѣшительно протестовалъ противъ притязанія офицеровъ ставить какія-либо условія правительству. Непосредственный виновникъ этого недоразумѣнія, военный министръ, полковникъ Сили, предложилъ премьеру свою отставку; вслѣдъ затѣмъ заявили то же самое генералы Френчъ и Эвартъ.

Передъ британской арміей былъ прямо поставленъ вопросъ, который раньше никогда не возбуждался въ такой острой формѣ. Всѣ признаютъ, что дисциплина безусловно обязательна для офицеровъ и солдатъ; но фактически военное вѣдомство считало нужнымъ конфиденціально сообщить возражавшимъ, что своими передвиженіями войскъ оно имѣло въ виду только усилить нѣкоторые гарнизоны для охраны военныхъ складовъ, а вовсе не для какихъ-либо насильственныхъ мѣръ по требованію гражданской власти. Это сообщеніе, по своему внутреннему смыслу, въ сущности совпадало съ тою оговоркою, которую формулировалъ въ своемъ оффиціальномъ отвѣтѣ военный министръ; есть только разница въ оттѣнкѣ: въ одномъ случаѣ дается лишь простое указаніе факта, а въ другомъ замѣчается уже какъ будто обязательство относительно будущаго. Вопросъ объ арміи, объ условіяхъ и границахъ ея повиновенія правительству и законамъ, оттѣснилъ на задній планъ всѣ споры о гомрулѣ. Сами уніонисты были смущены результатами своей пропаганды идеи военнаго сопротивленія въ Ольстерѣ. Представители арміи были невольно вовлечены въ политическую борьбу; они должны были вновь передумать и подвергнуть критической оцѣнкѣ традиціонныя понятія о военномъ долгѣ, о служебной дисциплинѣ, объ обязанностяхъ гражданъ и о долгѣ совѣсти. Въ Англіи эти во-

просы имѣютъ другое значеніе, чѣмъ на материкѣ; англичане пока еще свободны отъ обязательной воинской повинности и имѣютъ возможность свободно разсуждать объ основахъ военной службы, допуская право сознательнаго выбора при столкновеніи служебнаго долга съ долгомъ человѣческой или гражданской совѣсти. Чтобы распутать спорные и щекотливые вопросы, касающіеся арміи, премьеръ Асквитъ принялъ героическое рѣшеніе: онъ самъ сдѣлался на время военнымъ министромъ. На очередь, такимъ образомъ, выдвигаются существенныя преобразованія въ организаціи британской арміи, и эти трудныя задачи страннымъ образомъ переплетаются теперь съ осуществленіемъ ирландской автономіи.

Во Франціи иногда трудно отличить мелкія и незначительныя событія отъ крупныхъ и важныхъ: факты, которые во всякой другой странѣ прошли бы, быть-можетъ, незамѣченными, обсуждаются тамъ въ парламентѣ и въ печати съ такимъ необычайнымъ возбужденіемъ, точно всему государству угрожаетъ отъ нихъ гибель.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль повторялись въ газетахъ намеки на незаконныя дѣйствія двухъ министровъ, Кайо и Мониса, которые три года тому назадъ способствовали отсрочкѣ разбирательства дѣла банкира Рошета въ парижскомъ судѣ. Рошетъ обвинялся въ мошенническихъ спекуляціяхъ на многіе десятки милліоновъ франковъ, былъ арестованъ, затѣмъ выпущенъ на свободу, продолжалъ свои спекуляціи благодаря добытой для него отсрочки и, наконецъ, бѣжалъ за границу. Говорили, что генеральный прокуроръ Фабръ, исполнившій тогда желаніе министровъ, засвидѣтельствовалъ это обстоятельство въ особомъ протоколѣ, для оправданія себя на случай возможныхъ въ будущемъ обвиненій; копія этого протокола находилась будто бы въ рукахъ директора газеты „Figaro", Гастона Кальметта, который грозилъ его напечатать. Другіе, и въ томъ числѣ заинтересованные министры, категорически отрицали существованіе подобнаго документа и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывали, что и самого факта, удостовѣреннаго протоколомъ, вовсе не было въ дѣйствительности. Одинъ изъ руководителей этой политической кампаніи противъ кабинета Думерга и особенно противъ министра финансовъ Кайо, бывшій премьеръ и министръ юстиціи Барту поразилъ палату депутатовъ неожиданнымъ заявленіемъ, что протоколъ находится у него въ карманѣ. Прочитавъ въ палатѣ документъ, онъ объяснилъ, что получилъ его отъ своего предмѣстника по министерству, Бріана, который передалъ ему эту бумагу, какъ не имѣющую

оффиціальнаго характера. Бріанъ, въ качествѣ министра юстиціи, рѣзко упрекалъ Фабра за произвольную отсрочку дѣла Рошета, и по этому поводу Фабръ вручилъ ему свой протоколъ съ указаніемъ на вмѣшательство прежняго главы кабинета Мониса; Бріанъ изъ деликатности по отношенію къ бывшимъ министрамъ сохранилъ у себя компрометтирующій ихъ документъ и никому не сообщалъ его содержанія [1]).

Разоблаченіе Барту произвело сильнѣйшую сенсацію какъ въ парламентскихъ сферахъ, такъ и въ обществѣ; палата потребовала спеціальнаго разслѣдованія, поручивъ его существовавшей уже комиссіи по дѣлу Рошета и расширивъ ея полномочія нѣкоторыми судебными функціями. Предсѣдатель комиссіи, Жоресъ, съ энергіей приступилъ къ своей задачѣ и съ замѣчательнымъ искусствомъ и терпѣніемъ исполнялъ свои новыя обязанности; онъ вызывалъ бывшихъ и настоящихъ министровъ, сенаторовъ и депутатовъ, допрашивалъ ихъ подъ присягою, давалъ имъ очныя ставки, старался выяснить всѣ подробности и предоставлялъ такую же свободу дѣйствій другимъ членамъ комиссіи. Подробныя и неоднократныя показанія Кайо и Мониса были мало удовлетворительны или мало правдоподобны; Кайо будто бы просилъ объ отсрочкѣ только для того, чтобы сдѣлать пріятное или оказать услугу адвокату Рошета Морису Бернару, который незадолго передъ тѣмъ удачно провелъ его дѣло о разводѣ, а Монисъ исполнилъ это желаніе и устроилъ отсрочку, призвавъ къ себѣ Фабра, помимо министра юстиціи, въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ. Позднѣе Кайо припомнилъ, что онъ ссылался и на политическіе аргументы, а именно на опасность непріятныхъ разоблаченій относительно дутыхъ биржевыхъ цѣнностей, допущенныхъ къ котировкѣ различными республиканскими министерствами. Выяснилось, однако, что ни Кайо, ни Монисъ не имѣли никакихъ отношеній къ Рошету, не знали его лично и не располагали точными свѣдѣніями о характерѣ его дѣятельности; они считали его скорѣе жертвою несправедливой травли, чѣмъ обманщикомъ или мошенникомъ. Они не предвидѣли ни продолжительности отсрочки, ни ея законныхъ и фактическихъ послѣдствій; доставивъ удовлетвореніе Бернару, они уже не интересовались Рошетомъ и не слѣдили за ходомъ его дѣла. Выслушавъ множество лицъ и разобравъ данныя ими объясненія, комиссія Жореса нашла, что никакихъ корыстныхъ мотивовъ не было у Кайо и Мониса при вмѣшательствѣ ихъ по дѣлу Рошета, но что это

---

[1]) Подробности о дѣлѣ Рошета см. выше, въ корреспонденціи изъ Парижа.

вмѣшательство въ ходъ судебнаго процесса должно быть признано неправильнымъ и весьма прискорбнымъ, что Барту не имѣлъ права произвольно, для партійныхъ цѣлей, располагать документомъ, доставшимся ему по должности министра юстиціи, и что Бріанъ поступилъ неправильно, скрывъ существованіе этого документа отъ парламентской комиссіи по дѣлу Рошета. Эти выводы изъ слѣдственнаго матеріала даютъ комиссіи поводъ высказать нѣсколько грустныхъ замѣчаній объ упадкѣ политическихъ нравовъ и судейской независимости въ современной французской республикѣ. Значительная часть печати идетъ гораздо дальше въ своемъ пессимизмѣ, пускаясь въ общую оцѣнку тѣхъ формъ парламентскаго режима, которыя зависятъ не отъ учрежденій, а отъ обычаевъ, понятій, стремленій и интересовъ господствующихъ классовъ французскаго общества.

Съ точки зрѣнія постороннихъ наблюдателей обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя любопытныя и характерныя детали всего этого парламентскаго разслѣдованія. Для генеральнаго прокурора Фабра вмѣшательство министровъ въ ходъ судебнаго дѣла было столь необычно, что, по его разсказу, онъ волновался нѣсколько дней и подчинился только послѣ долгихъ колебаній; затѣмъ онъ для очистки совѣсти составилъ объ этомъ протоколъ. Не очевидно ли, что случаи правительственнаго вмѣшательства въ судебныя дѣла составляли исключительное явленіе и рѣдко повторялись въ практикѣ Фабра, если инцидентъ съ Рошетомъ могъ произвести на него такое сильное впечатлѣніе? Кайо и Монисъ дѣйствовали какъ-то легкомысленно и безусловно неправильно, вмѣшиваясь въ обычный ходъ процесса, хотя и безъ всякой попытки вліять на разбирательство дѣла по существу. Но какъ это, во всякомъ случаѣ, не похоже на тѣ порядки, когда уголовное правосудіе, особенно по политическимъ и національно-религіозныхъ дѣламъ, прямо направляется министрами въ ту или другую сторону, при чемъ судебные дѣятели обязаны подчиняться всѣмъ указаніямъ начальства подъ страхомъ увольненія или перевода на низшую должность. Что бы сказали во Франціи, если бы тамъ судебные слѣдователи и судьи превратились въ простыхъ исполнителей намѣреній и взглядовъ министерства юстиціи? Отдѣльныя попытки, и даже самыя слабыя, воздѣйствія на внѣшній ходъ судебныхъ дѣлъ кажутся французамъ уже грозными симптомами разложенія и упадка магистратуры.

Въ связи съ газетной кампаніею противъ Кайо произошло сенсаціонное убійство, получившее во Франціи значеніе крупнаго общественнаго событія: супруга министра, г-жа Кайо, застрѣлила главнаго врага и обвинителя своего мужа, директора газеты «Figaro»,

Кальметта. Подробности этого дѣла извѣстны изъ газетъ, и мы о немъ говорить не будемъ, такъ какъ оно въ сущности имѣетъ чисто-личный характеръ и только косвенно связано съ политикою. Единственнымъ политическимъ послѣдствіемъ его является временное удаленіе со сцены одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и характерныхъ представителей современнаго «дѣлового» промышленно-буржуазнаго парламентаризма во Франціи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Софоклъ. Драмы. Т. I. Переводъ, съ введеніемъ и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. Москва, 1914. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 3 рубля.

Широко задуманная работа профессора Зѣлинскаго—капитальное пріобрѣтеніе для нашей литературы. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что выше ея не можетъ быть поставленъ ни одинъ аналогичный трудъ въ Западной Европѣ. Превосходному переводу каждаго изъ великихъ произведеній Софокла предпослано введеніе, дающее полный къ нему комментарій, выясняющее отношеніе его къ преданію, послужившему для него первоосновой, къ предшествующимъ обработкамъ той же темы, къ идеѣ, вдохновлявшей автора. Эта послѣдняя сторона выступаетъ на видъ особенно рельефно и служитъ источникомъ глубокаго интереса. Разсматривая «Аянта» какъ «трагедію чести», «Филоктета»—какъ «трагедію правды», «Электру»—какъ «трагедію возмездія», Ѳ. Ф. Зѣлинскій рисуетъ въ рядѣ яркихъ картинъ различныя ступени древняго міросозерцанія, иногда уходя далеко впередъ, иллюстрируя сѣдую старину параллелями съ настоящимъ или недавнимъ прошлымъ. Для Аянта гомеровской эпохи, какъ и для другихъ героевъ троянской войны, честь отождествляется съ ея внѣшними признаками. Первые проблески иного взгляда являются въ Малой Иліадѣ (въ VII в. до Р. Х.); самоубійство Аянта приписывается здѣсь не только обидѣ, которую ему нанесъ судъ, присудившій другому доспѣхи Ахилла, но и позору, которымъ онъ самъ покрылъ себя въ изступленіи ярости. Эсхилъ возвращается къ первоначальному объясненію, хотя ему и не чуждо новое, болѣе возвышенное понятіе о чести. Всецѣло господствуетъ это понятіе у Софокла. «Прекрасно жить», говоритъ у него

Аянтъ, «иль умереть прекрасно—вотъ благородства путь». Прекрасно жить онъ, обезчестившій самъ себя, не можетъ; остается только смерть, и поколебать его рѣшимость безсильны мольбы Текмессы, безсильна любовь къ сыну. Въ введеніи къ «Электрѣ» эволюція идеи возмездія также изображена въ образахъ, идущихъ отъ Иліады, черезъ лириковъ, къ Эсхилу и Софоклу; освѣщена глубокая связь ея съ религіей Аполлона, съ представленіями объ Эриніяхъ, съ исторіей аѳинскаго государства. Въ введеніи къ «Филоктету» мы видимъ развитіе антитезы между правдивостью и хитростью, намѣченной еще въ Иліадѣ. Судьба героя даетъ автору поводъ къ чрезвычайно любопытному сопоставленію древнихъ сказаній съ средневѣковой легендой о св. Граалѣ. Въ общей вступительной статьѣ: «Софоклъ и героическая трагедія» съ большою убѣдительностью проведена мысль о значеніи миѳа, какъ особенно благодарной почвы для порыва вверхъ и въ даль. Героическая трагедія, по выраженію Ѳ. Ф. Зѣлинскаго—это *предвареніе;* «поэтъ, при видѣ окружающаго его общества, предваряетъ въ своей душѣ его будущее усовершенствованіе». То, что кипитъ въ душѣ поэта, какъ чаяніе будущаго, онъ воплощаетъ въ образахъ предполагаемаго прошлаго—въ образахъ миѳа. Такова идейная сторона героической трагедіи; неменѣе важна для ея пониманія реальная ея обстановка. Съ удивительнымъ искусствомъ авторъ переноситъ насъ въ Аѳины временъ Кимона и Перикла, въ атмосферу радостныхъ праздничныхъ дней передъ началомъ и во время ежегодно повторяющихся театральныхъ представленій. Для насъ становится яснымъ настроеніе толпы, создаваемое ожиданіемъ и созерцаніемъ трагедіи и въ свою очередь отражающееся на творчествѣ великихъ трагиковъ V-го вѣка. Какъ ученый изслѣдователь, Ѳ. Ф. Зѣлинскій знакомитъ насъ съ различными фазисами развитія аттической трагедіи; какъ художникъ, онъ раскрываетъ передъ нами взаимодѣйствіе трагедіи и жизни. На этомъ фонѣ вырисовывается отчетливо и ясно величавая фигура Софокла.

За первымъ томомъ, содержащимъ съ себѣ три трагедіи Троянскаго цикла, послѣдуютъ два другіе: въ составъ второго войдутъ три трагедіи Ѳиванскаго цикла («Царь Эдипъ», «Эдипъ въ Колонѣ» и «Антигона»), въ составъ третьяго—«Трахинянки», сатирическая драма «Слѣдопыты» и отрывки изъ другихъ произведеній Софокла. Пожелать можно только одного: чтобы авторъ, излагая исторію сюжета, всегда включалъ въ нее не только предшественниковъ Софокла, но и младшаго современника его, Еврипида. Это сдѣлано имъ въ введеніи къ «Филоктету», но, къ сожалѣнію, въ введеніи къ «Электрѣ» ничего не сказано объ одноименной трагедіи Еврипида.

К. А.

— Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Слово. Сборникъ второй. Къ десятилѣтію А. П. Чехова. Подъ ред. М. П. Чеховой. М. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Живой, все возрастающій интересъ, окружающій память Чехова, вполнѣ соотвѣтствуетъ его исключительной писательской личности и тому особенному порубежному положенію, которое онъ занялъ между старой и новой литературой. У насъ нѣтъ писателя болѣе простого и въ то же время болѣе загадочнаго—значительнаго и волнующаго, теперь даже больше, чѣмъ онъ волновалъ, когда жилъ. Онъ какъ бы продолжаетъ жить среди насъ еще болѣе интенсивно, чѣмъ прежде. Не «вспоминать» его приходится по поводу приближающагося десятилѣтія со дня смерти, а больше въ него углубляться, открывать въ его сложномъ внутреннемъ обликѣ новыя черты. И какъ отрадно отмѣчать, что всѣ цѣнные документы, способствующіе этому постепенному раскрытію писательской физіономіи Чехова, находятся въ надежныхъ рукахъ—его сестры и писателей, близкихъ ему по духу! Издательство писателей уже выпустило четыре тома писемъ Чехова, а теперь посвятило весь свой очередной сборникъ «Слово» чеховскимъ документамъ.

Документы, конечно, интересны; однако, нѣсколько разочаровываютъ,—особенно та часть ихъ, отъ которой больше всего ждешь: записная книжка и пакетъ съ случайными замѣтками, найденный въ его архивѣ. Непосредственно эти документы даютъ гораздо меньше, чѣмъ письма. Правда, ихъ, въ сущности, нельзя и сравнивать съ письмами: тамъ—уже литература, иногда не менѣе законченная, чѣмъ въ разсказахъ, а здѣсь—сырой матеріалъ. Но и сырой матеріалъ можетъ быть различнымъ. Тутъ онъ слишкомъ пестръ и случаенъ. Дѣлать по нему выводы о ходѣ творческой работы художника нужно съ большою осторожностью. «Лабораторія» носитъ слишкомъ «походный» характеръ и наводитъ на мысль, что гдѣ-то есть другая—осѣдлая. Хранилище первоначальныхъ чеховскихъ замысловъ несравненно ниже тѣхъ результатовъ, которые изъ нихъ выросли. По комочкамъ суховатыхъ корешковъ невозможно себѣ представить будущаго роскошнаго сада чеховскаго творчества.

Но и эта «лабораторія» все же наталкиваетъ на важный *косвенный* выводъ, совсѣмъ еретическую мысль о творчествѣ Чехова, мысль, противорѣчащую сложившемуся о немъ представленію. Чехова считаютъ ярко-выраженнымъ реалистомъ, для котораго «натура» имѣла преобладающее значеніе, связывала и обусловливала творчество. Между тѣмъ, въ напечатанныхъ отрывкахъ и набросках, во всѣхъ этихъ творческихъ завязяхъ и звеньяхъ «натура» очерчена просто блѣднымъ штрихомъ. Между такимъ сырымъ наброскомъ и послѣдующимъ слож-

нымъ творческимъ процессомъ огромная разница, огромное разстояніе. Изъ сѣмянъ, которыя Чеховъ усердно, какъ истинный труженикъ литературы, подбиралъ, не всегда что-нибудь выростало, а то, что выростало, оказывалось иногда неожиданнымъ и непохожимъ на сѣмена. Рѣшающее значеніе, очевидно, имѣло не само сѣмя, а его культура, тѣ условія, въ которыхъ оно развивалось. Душа произведенія, тотъ особенный чеховскій аккомпаниментъ, который составляетъ его прелесть, рождались уже тогда, когда онъ писалъ, гораздо позже «сюжетовъ» и безъ всякой зависимости отъ «натуры».

И сами сѣмена, подобранныя Чеховымъ,—формы и характеръ его записей, всѣ эти проекты и сюжеты будущихъ произведеній, особенно юмористическихъ, также краснорѣчиво говорятъ о природѣ чеховскаго реализма. «Двѣ жены: одна въ Петербургѣ, другая въ Керчи. Постоянные скандалы, угрозы, телеграммы. Едва не довели до самоубійства. Въ концѣ концовъ нашелъ средство: поселилъ обѣихъ женъ вмѣстѣ. Онѣ въ недоумѣніи, точно окаменѣли; и молчали, стали тихи»... «Чиновникъ деретъ сына за то, что онъ по всѣмъ предметамъ получилъ 5. Это кажется мало. Потомъ, когда ему разъяснили, что онъ неправъ, что 5—это лучшая отмѣтка, онъ все-таки высѣкъ сына—съ досады на себя»... «Мужъ приглашаетъ пріятелей въ Крымъ къ себѣ на дачу, а жена потомъ, тайно отъ мужа, подаетъ имъ счета и получаетъ за квартиру и столъ»... «Радикалка, крестящаяся ночью, втайнѣ набитая предразсудками, втайнѣ суевѣрная, слышитъ, что для того, чтобы быть счастливой, надо сварить чернаго кота. Крадетъ кота и ночью пытается сварить»... Свѣжій и легкій искрящійся юморъ Чехова нерѣдко отдаетъ шаржемъ и каррикатурой. Онъ пересыпанъ гиперболами, заключаетъ въ себѣ большую долю хлестаковщины. Всѣ эти безчисленныя смѣхотворныя исторіи легли въ основу чеховскихъ юмористическихъ разсказовъ—тѣхъ, что были написаны, и тѣхъ, что предполагались, имѣютъ много общаго съ невѣроятными «происшествіями» Гоголя. Въ отношеніи «реализма», совершенно особеннаго—*символическаго*, Гоголя смѣло можно назвать предшественникомъ Чехова.

Склонность къ утрировкѣ, къ исключительнымъ положеніямъ, сказывается и въ трагическихъ сюжетахъ чеховской записной книжки. «Страшная бѣдность. Положеніе безвыходное. Мать вдова, дочь дѣвушка, очень некрасивая. Мать наконецъ собралась съ духомъ и совѣтуетъ дочери идти на бульваръ. Она когда-то въ молодости тайкомъ отъ мужа ходила, чтобы заработать на нарядъ; у нея есть нѣкоторый опытъ. Она учитъ дочь. Та идетъ, ходитъ до утра, но ни одинъ мужчина не беретъ ее: безобразна. Дня черезъ два шли по бульвару три какихъ-то безобразника и взяли ее. Она принесла домой бумажку,

которая оказалась лотерейнымъ билетомъ, уже никуда негоднымъ...» «Х. всю жизнь говорилъ объ испорченности прислуги и о способахъ, какъ исправить и обуздать ее, и умеръ, покинутый всѣми, кромѣ своего лакея и кухарки»... Эта гоголевская черта ярко проявлялась въ раннихъ разсказахъ и шуткахъ Чехонте. Но по мѣрѣ писательскаго роста, характеръ творчества у Чехова постепенно мѣняется. Гоголевская страсть къ шаржу уступаетъ мѣсто другой, противуположной, художнической склонности: пушкинскому спокойствію и объективизму; замѣтно стремленіе къ ясности, точности и простотѣ. У зрѣлаго Чехова склонность къ гиперболизму проскальзываетъ очень рѣдко.

Хотя замѣтки изъ «Записной книжки» и помѣчены поздней датой: 1892—1904 г.г., надъ ними рѣетъ смѣшливый, легкомысленный духъ Чехонте. Тонкій и требовательный, серьезный литераторъ, сказывающійся даже въ довольно раннихъ письмахъ, здѣсь какъ будто отсутствуетъ, по крайней мѣрѣ, въ высказываемыхъ сужденіяхъ и вкусахъ; (даетъ о себѣ знать развѣ только въ той жадности, съ которой онъ подбираетъ всякій литературный матеріалъ). На замѣткахъ есть налетъ обывательщины. Въ Чеховѣ-человѣкѣ обыватель, можетъ быть, жилъ до конца дней, но въ Чеховѣ-писателѣ онъ изумительно преобразился и претворился—сдѣлался лишь источникомъ неувядающей свѣжести чеховскаго творчества; своего голоса онъ не подавалъ. А въ черновыхъ замѣткахъ «Записной книжки» обыватель, напротивъ, очень активенъ; онъ задаетъ ей тонъ. Неподдѣльное, изящное остроуміе тутъ часто чередуется съ банальнѣйшими афоризмами на счетъ любви, женщинъ и т. п. Этотъ привкусъ обывательщины былъ весьма замѣтенъ въ юныхъ разсказахъ Чехова. Идейные литераторы объясняли его вліяніемъ «школы» «Нов. Врем.» и выражали опасеніе за талантъ Чехова, убѣждая его обратиться къ серьезнымъ задачамъ литературы. Письма этихъ писателей помѣщены въ настоящемъ сборникѣ. Изъ нихъ особенно интересны два письма Михайловскаго, въ которыхъ характерно вырисовываются двѣ различныхъ точки зрѣнія, двѣ разныя плоскости, на которыхъ стояли корреспонденты.

Въ первомъ отдѣлѣ сборника напечатано нѣсколько вновь найденныхъ драматическихъ сценъ Чехова и одноактная пьеса: «На большой дорогѣ», написанная въ духѣ его водевилей. Кромѣ того, есть интересный отрывокъ разсказа, повидимому продолженіе «Мужиковъ». Что сюжетъ этотъ занималъ Чехова, можно видѣть и изъ «Записной книжки.» Тамъ намѣченъ одинъ изъ относящихся къ нему эпизодовъ. «И она стала заниматься проституціей и уже спала на кровати, а обнищавшая тетя уже ложилась на коврикѣ около ея постели и вскакивала, когда звонились гости; и когда они уходили, она говорила жеманно, съ кокетливой гримасой:—оставьте что-нибудь горничной.

И ей иногда оставляли 15 коп.» Эпизодъ этотъ стоитъ въ тѣсной связи съ грустной исторіей, намѣченной въ напечатанномъ отрывкѣ разсказа.

— Юрій Слезкинъ. То, чего мы не узнаемъ. Соч. т. I.
Онъ же. Помѣщикъ Галдинъ, повѣсть, соч. т. II. Спб. 1914 г. По 1 р. 25 к.

Повѣсть г. Слезкина гораздо значительнѣе его разсказовъ. Это съ его стороны большой шагъ впередъ. Блѣдные, набросанные неувѣренной рукой разсказы, помѣщенные въ первомъ сборникѣ, кажутся дѣтскимъ лепетомъ по сравненію съ этой стройной, красивой вещью. Ея живой, безыскусственный языкъ и благородное изящество спокойнаго тона сразу располагаютъ въ пользу автора. Въ повѣсти чувствуется ароматъ хорошей литературы — чего-то знакомаго и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжаго, новаго—какъ будто *тургеневскаго*, приближеннаго къ намъ, болѣе непосредственнаго и живого... Авторъ далеко еще не достигъ художественной зрѣлости, поэтому у него нѣтъ характеровъ, нѣтъ глубины и содержательности творчества; у него—одни летучія впечатлѣнія отъ жизни—отъ природы и отъ людей. Но передаетъ онъ эти впечатлѣнія съ захватывающей непосредственностью, безъ лишнихъ словъ и риторики. Простота у него сочетается съ картинностью. Ясно, что достигъ онъ этого желаннаго для новой литературы синтеза не искусственно и даже неумышленно, помимо теоріи, какъ-то стихійно. Со временъ Тургенева въ нашей изящной литературѣ произошелъ довольно большой, безповоротный сдвигъ въ сторону приближенія литературы къ жизни, и у наиболѣе талантливыхъ изъ новыхъ писателей это сказывается само собой.

Человѣческая психологія въ повѣсти «Помѣщикъ Галдинъ» намѣчается такъ полно и правдиво, что даже маленькій отрывокъ и эпизодъ можетъ дать понятіе о цѣлой сложной картинѣ сложившихся отношеній. Напр. въ настроеніи помѣщика Галдина и его возлюбленной, Анастасіи Юрьевны, послѣ первой размолвки, очень ясно сквозитъ ощущеніе непрочности ихъ союза, самого по себѣ дисгармоничнаго (*онъ*—молодой, жадный къ жизни, здоровякъ, а *она* старѣющаяся,—усталая и больная). И создается это впечатлѣніе не какими-нибудь голословными увѣреніями автора, а естественно, той картиной, которую онъ рисуетъ. Вотъ отрывокъ изъ этой характерной ссоры въ вагонѣ.

«Онъ вышелъ въ коридоръ и прислонился лицомъ къ стеклу окна. Золотые шмели веселой стаей неслись за поѣздомъ. Колеса скрипѣли, взвизгивали, выстукивали свою непрерывную дробь; черныя деревья проплывали мимо съ поникшими вѣтвями, грустныя на темной дали неба.

Отодвинувшись, Галдинъ увидѣлъ въ стеклѣ свое лицо, невѣрное подъ мигающимъ свѣтомъ вагонной свѣчи. Тогда, взглянувъ себѣ въ глаза, онъ почувствовалъ, что былъ несправедливъ къ изнервничавшейся больной женщинѣ, что онъ напрасно придалъ ея словамъ такое большое значеніе, напрасно разсердился. Онъ повернулъ къ двери купэ и хотѣлъ уже войти въ нее, какъ ему навстрѣчу вышла Анастасія Юрьевна. Они остановились другъ передъ другомъ молчаливые, но уже примиренные. На ея глазахъ еще не высохли слезы, но эти слезы были послѣдними—она робко смотрѣла на него. Что она думала? почему въ ея глазахъ онъ прочелъ столько тоски, столько безнадежности? Она пробовала улыбнуться, но улыбка ея была такая, какая является на губахъ умирающаго, чувствующаго, что смерть уже близко, улыбка для успокоенія остающихся жить. Почему и у него захватило дыханіе,—онъ, такой жизнерадостный, одно мгновеніе подумалъ, что заплачетъ»...

Эта первая большая повѣсть г. Слезкина говоритъ о несомнѣнномъ талантѣ, свѣжемъ и привлекательномъ. Единственно, чего можно для него пожелать, это—большаго интеллектуальнаго багажа, болѣе прочной и непосредственной связи съ общественнымъ содержаніемъ жизни... ибо съ летучими впечатлѣніями далеко не уѣдешь, какъ бы ни были они ярки. Сама усложнившаяся жизнь требуетъ отъ художника углубленія и дифференцированія.

Е. Колтоновская.

— Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914. Стр. 463. Ц. 1 р. 50 к.

Задача автора «доказать, что Лермонтовъ оказалъ на Толстого сильное и длительное вліяніе, что Лермонтовъ и Толстой,—идетъ ли рѣчь объ ихъ личности или ихъ созданіяхъ,—имѣютъ глубокое внутреннее сродство. О вліяніи Лермонтова на Толстого въ нашей критической литературѣ говорилось всегда мелькомъ, между прочимъ; этому вопросу не посвящено ни одно, хотя бы и небольшое изслѣдованіе, и онъ стоитъ предъ нами во всей своей необъятности и заманчивости». Г. Семеновъ и стремится восполнить этотъ «пробѣлъ» и составилъ цѣлую огромную книгу. Необыкновенно кропотливо имъ собраны и сдѣланы безчисленныя сближенія между Лермонтовымъ и Толстымъ, но большая часть ихъ производитъ впечатлѣніе чего-то ненужнаго: прямо удручаетъ безполезное обиліе цитатъ и чрезмѣрная добросовѣстность научнаго аппарата. Начавъ съ «фатальнаго» совпаденія біографическихъ фактовъ (ранняя

смерть матерей, разсѣянная жизнь въ молодые годы, служба на Кавказѣ), авторъ излагаетъ «сходства» между Лермонтовымъ и Толстымъ по разнообразнымъ рубрикамъ: «Дѣтство», «Первая страсть», «Ангелъ», «Богоборчество», «Осужденіе ханжества», «Благотворное воздѣйствіе природы на мятежную душу человѣка» и т. д. и вездѣ находитъ совпаденія въ мысляхъ и образахъ. Какъ и что иногда сближаетъ г. Семеновъ, вотъ примѣръ: на стр. 12 у Лермонтова: «Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы шумятъ подъ робкими шагами». И Николенька Иртеньевъ *тоже* разсказываетъ: «большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими листьями, и разговаривать». Такого рода сближенія даны въ изобиліи и заслоняютъ совершенно то, что́ дѣйствительно заслуживало бы освѣщенія. Особенно много такихъ совпаденій г. Семеновъ нашелъ въ «Валерикѣ» и въ «Набѣгѣ», описывающихъ одно и то же рядовое явленіе войны съ горцами: «здѣсь видно и вліяніе Лермонтова на разсказъ Толстого, и тяготѣніе обоихъ геніевъ къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ». Для доказательства этого авторъ тонетъ сначала въ мелочахъ: у Лермонтова сторожевые огни и у Толстого тоже, у Лермонтова значки горцевъ, и у Толстого тоже, у Лермонтова «генералъ со свитой» и у Толстого тоже, и т. д. Выбравшись кое-какъ изъ этихъ мелочей, «мелочей»—по признанію самого автора, и переходя къ болѣе важному,—къ общему построенію разсказовъ и анализу основного ихъ настроенія, г. Семеновъ снова зарывается въ безчисленныя сближенія на этотъ разъ—неизвѣстно для какихъ причинъ—не только съ Толстымъ, но и съ «Краснымъ смѣхомъ» Л. Андреева, съ «Сумасшедшимъ» Полонскаго, со стихотвореніями П. Я., и. т. д., и т. д. То простое и здравое, что́ можно было сказать автору, все время заслонено этою ненужною и донельзя скучною декораціею якобы научныхъ разговоровъ о постороннемъ и мелочномъ, разговоровъ съ безконечными цитатами и ссылками. А между тѣмъ тема сама по себѣ, конечно, интересна. Автору хотѣлось «внести свѣжую струю въ дѣло изученія творчества Лермонтова», но она совершенно завалена хламомъ педантизма. Все мало-мальски цѣнное въ книгѣ свободно уложилось бы въ печатный листъ.

— Пѣсни Беранже. Редакція и критико-біографическій очеркъ П. Когана. Кн-ство «Просвѣщеніе». Спб., 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Имя и пѣсни Беранже получили у насъ весьма широкую популярность съ конца пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда многія

пѣсни были превосходно переданы В. Курочкинымъ. Переводы послѣдняго горячо привѣтствовалъ Добролюбовъ, отмѣтившій, однако, въ извѣстной рецензіи, какъ часто переводчикъ смягчалъ вольнолюбиваго поэта и передѣлывалъ его, иногда придавая пѣснямъ бытовой русскій оттѣнокъ и отпечатокъ несвойственной Беранже грубости. Въ тѣ же годы, что Курочкинъ, усердно переводили Беранже также Мей, М. Л. Михайловъ и др., позднѣе г. Тхоржевскій. Можно было бы подумать и о полномъ собраніи пѣсенъ французскаго поэта. Но для этого необходимы внимательный пересмотръ наличнаго переведеннаго матеріала и новые переводы пѣсенъ, имѣющихся въ переводахъ неудовлетворительныхъ или вовсе не переведенныхъ. Изданіе «Просвѣщенія» этимъ не задавалось, что́ однако не оговорено въ книгѣ. Въ нее не вошли даже нѣкоторыя пѣсни, переводы которыхъ уже имѣются налицо (и переводы приличные), притомъ пѣсни болѣе или менѣе характерныя для поэта. Такъ, въ сборникѣ г. Когана отсутствуютъ: Скоморохъ (Paillace), стихотвореніе 1816 г., съ намеками на смѣну Бурбоновъ Наполеономъ и реставрацію Бурбоновъ, переводъ Мея; La Vivandière, 1817, переводъ его же; «Маркитантка»; «Вѣнецъ» (La couronne), переводъ Тхоржевскаго; «Старое знамя», 1820, его же; «Прощаніе со славой» того же года, переводъ Розенгейма; «Сборъ винограда» (Les vendanges), перев. Тхоржевскаго; «Тѣнь Анакреона» (откликъ на греческое возстаніе), перев. Михайлова; «Портной и фея», перев. Башилова, съ характерными автобіографическими воспоминаніями поэта; «Два гренадера», одинъ изъ откликовъ наполеоновской легенды, увлекавшей Беранже, пер. Тхоржевскаго. Перечисленные здѣсь переводы даны въ собраніи пѣсенъ, изданныхъ подъ редакціей П. В. Быкова (втор. изд. 1906 г.). Нѣтъ у г. Когана и такихъ вещей, которыя имѣются въ переводѣ Михайлова, какъ «Птицы» и «Апостолъ» (Куда ты, Павелъ). Иногда также нельзя согласиться съ редакторомъ въ выборѣ перевода. Повидимому, онъ находился подъ обаяніемъ имени Курочкина и помѣщалъ изъ него многое, что́ напр. въ собраніи подъ редакціей г. Быкова удачно замѣнено другими переводами; кое-что по плохому переводу помѣщать не слѣдодовало, напр. переводъ Курочкина стихотворенія «Счастье» (Avis) съ совершенно невѣроятнымъ четверостишіемъ, въ которомъ поэтъ оказывается «сыномъ» «умной тетки». Очеркъ, предпосланный собранію пѣсенъ, даетъ удачную характеристику личности и творчества Беранже, свободнаго «той свободой, которая возможна только въ мірѣ «несобственническихъ» отношеній, соціалиста по инстинкту, а не въ силу сознанія», мечтателя о золотомъ вѣкѣ свободы и свободнаго труда, пѣвца бѣдняковъ. Умѣстно было бы дать, если не полный переводъ, то болѣе обширныя извлеченія изъ авторіографіи поэта и

изъ его предисловій къ изданіямъ его сочиненій; эти предисловія особенно важны, какъ опредѣленіе самимъ поэтомъ особенностей его міровоззрѣнія и поэзіи.

— А. В. Амфитеатровъ. 1812 годъ. Очерки изъ исторіи русскаго патріотизма. Кн-во «Просвѣщеніе». Ц. 1 р. 50 коп.

Очерки, собранные г. Амфитеатровымъ въ этой книгѣ, появились въ разныхъ изданіяхъ въ годъ юбилея «Отечественной войны». Общая цѣль ихъ—дать болѣе близкую къ дѣйствительности картину общественныхъ настроеній того времени, нежели общепринятое оффиціально-патріотическое ихъ воспроизведеніе. «Всенародный патріотическій подъемъ дружнымъ возстаніемъ спасъ русское государство отъ гибели, отъ политическаго порабощенія... Вышло, что, спасая Россію и Европу отъ завоевателей—галловъ, онъ (русскій мужикъ) для себя самого спасъ только ненавистное крѣпостное право, что подвигами своими онъ только закабалилъ себя еще на пятьдесятъ лѣтъ впередъ». Въ первомъ очеркѣ книги, подъ заглавіемъ «Наполеонъ-Пугачевъ», авторъ и говоритъ о настроеніяхъ крѣпостного крестьянства и владѣльческаго класса, который весьма серьезно опасался, и не безъ основаній, увидѣть въ Наполеонѣ освободителя крестьянъ, Пугачева.—Слѣдующіе очерки «Левъ Толстой и Александрово воинство» и «Офицерство» касаются «Войны и мира» Толстого и дѣйствительнаго ежедневнаго быта русской арміи, какъ онъ обрисовывается не по роману, а по даннымъ многочисленныхъ мемуаровъ и писемъ той эпохи. По мнѣнію автора, выказывающаго большую начитанность въ литературѣ времени, «Толстой умышленно закрылъ глаза на бытовую сторону тогдашней солдатчины, замолчалъ ея темнѣйшія и грознѣйшія части и такимъ образомъ весьма мало стеръ съ русской военной исторіи 1805—1815 годовъ патріотическія румяна» (86)... Въ отношеніи офицерства, представленнаго въ романѣ рядовымъ человѣкомъ времени, Николаемъ Ростовымъ, Толстой сказалъ «всю правду, которую наблюдалъ и зналъ, но тѣмъ не менѣе пропустилъ мимо себя его (Ростова) почвенную фигуру съ почтительнымъ поклономъ, не позволивъ себѣ ни пушкинской улыбки, ни грибоѣдовскаго сарказма, ни гоголева смѣхъ, ни федотовской карикатуры. Напротивъ, Толстой сдѣлалъ какъ разъ все, отъ него зависящее, чтобы многолѣтнія улыбки, сарказмы, смѣхъ и карикатуры отошли на задній планъ, чтобы нашла себѣ пониманіе, а, слѣдовательно, и извиненіе та узкая александровская армейщина, изъ которой выросла и зажала Россію въ кулакъ служилая нико-

лаевская дворянщина, 70.000 полицейместеровъ»... Толстой «сумѣлъ художественнымъ обманомъ придать очарованіе реакціонному классу, ранѣе преданному литературою и обществомъ презрѣнію и посмѣшищу» (218). Очеркъ «Рыцари войны» разбираетъ подлинную житейскую физіономію нѣкоторыхъ ея героевъ. Непривлекательна! Наконецъ, въ заключительной статьѣ «Послѣ войны» авторъ сближаетъ Сергѣя Волконскаго съ Андреемъ Болконскимъ «Войны и міра».

Какъ все, что пишетъ г. Амфитеатровъ, и «1812 годъ» читается легко и не безъ интереса, но въ глаза бросается фельетонная поспѣшность обобщеній и недостатокъ критики въ подборѣ доказательствъ. Въ очеркѣ «Наполеонъ-Пугачевъ» напр., повторено невѣрное сообщеніе о старообрядцахъ, будто бы перешедшихъ въ Москвѣ на сторону Наполеона. Эти свѣдѣнія, какъ выдумку, появившуюся въ 50—60 годахъ, рѣшительно опровергаетъ новая (въ январской книгѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ) статья А. Панкратова. На стр. 295 г. Амфитеатровъ пишетъ: «Даже о самой кн. М. Н. Волконской мы знаемъ теперь, что «она не чувству своему послѣдовала, поѣхавъ къ мужу, а вліянію Волконскихъ бабъ, которыя похвалами ея геройству увѣрили ее, что она героиня,—и она поѣхала, какъ дурочка» («Былое» 1906, XI, 183)». По справкѣ съ этою цитатою оказывается, что здѣсь авторъ является жертвою страсти во что бы ни стало разоблачать «насъ возвышающіе обманы». Слова, имъ цитированныя въ кавычкахъ, принадлежатъ отцу княгини Волконской, упорно настаивавшему, чтобъ она не ѣхала въ Сибирь; слѣдовательно, говорить на основаніи этихъ строкъ, будто «мы знаемъ», что кн. Волконская «поѣхала, какъ дурочка»—по меньшей мѣрѣ опрометчиво.

Ч. В-скій.

— Мих. Осоргинъ. Очерки современной Италіи. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Книга г. Осоргина составилась, главнымъ образомъ, изъ статей,—конечно, переработанныхъ,—напечатанныхъ въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ органахъ повременной печати. Книга эта, по словамъ самого автора, не изслѣдованіе, не плодъ книжнаго изученія Италіи, а результатъ любви къ странѣ «одного изъ загостившихся ея поклонниковъ». На русскомъ языкѣ имѣется прекрасная книга объ Италіи былой, о ея поэтическихъ и художественныхъ памятникахъ,—это извѣстные нашимъ читателямъ «Образы Италіи» П. Муратова. Книга г. Осоргина является какъ бы продолженіемъ работы г. Муратова, непосредственно

примыкаетъ къ ней. Но г. Осоргинъ лишь изрѣдка, лишь по требованію темы или изложенія, говоритъ объ Италіи прошлой; его задачи—разсказать о «зодчихъ и садовникахъ» современной Италіи, разсказать о томъ, какъ изъ «страны солнца, рабства и лѣни» Италія въ полвѣка превратилась «въ страну солнца, свободы и труда, бодраго и неутомимаго».

Книга г. Осоргина распадается на три части. Въ первой изъ нихъ авторъ въ живыхъ картинахъ, въ яркомъ, красочномъ изложеніи, такъ близко подходящемъ къ «беллетристическому», даетъ структуру общественности, политическаго и соціальнаго положенія современной Италіи. «Италія не укладывается въ переплетъ сухой книги. Молодая страна, создавшаяся на величавыхъ обломкахъ сѣдой старины, она слишкомъ жива и жизненна, чтобы быть достояніемъ архивовъ и статистическихъ кабинетовъ. Лишь живя среди ея народа, можно изучить ее». И во второй части своей книги авторъ вводитъ читателя въ общеніе съ народомъ, съ толпой; ведетъ его на площадь, въ синематографъ, въ рабочію среду, въ семью мелкаго чиновника; посвящаетъ его во всѣ контрасты современной итальянской обывательщины; даетъ ея исторію, этапы развитія гражданина изъ обывателя, новыя гражданственныя, политическія и соціальныя напластованія.—Третья часть книги содержитъ въ себѣ рядъ небольшихъ замѣтокъ объ итальянской литературѣ, о прошломъ и современномъ итальянскомъ искусствѣ.

Тотъ, кто хочетъ знать Италію,—а интересъ къ ней интенсивно растетъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества, что видно хотя бы изъ опубликованнныхъ отчетовъ Московскаго общества совмѣстныхъ заграничныхъ экскурсій,—не можетъ миновать книги г. Осоргина. «Италію мало видѣть, ее нужно знать»,—говоритъ г. Осоргинъ; а узнать страну можно лишь по такимъ книгамъ, какъ книга г. Осоргина. Онъ пишетъ объ Италіи съ «чувствомъ влюбленности» въ нее, и эта влюбленность передается читателю; но эта влюбленность далека отъ слѣпого обожанія. Недостатки Италіи и ея жителей живо чувствуются авторомъ и не скрыты отъ читателей. Италія «показная» такъ же извѣстна автору, какъ и Италія «подлинная», но—«любимой все прощается»,—говоритъ авторъ, и вмѣстѣ съ нимъ хочется сказать то-же и читателю.

М. Сл.

— Г. Штильманъ. Печать и уголовный законъ. Спб., 1914. Ц. 1 руб.

Въ критическую минуту, переживаемую теперь русскою печатью, особенную цѣнность имѣетъ каждая серьезная работа, посвященная этой жгучей темѣ. Сборникъ статей г. Штильмана, основанныхъ

на всестороннемъ изученіи предмета, дающихъ, гдѣ нужно, полный обзоръ иностранной литературы, вышелъ въ свѣтъ весьма кстати. Особенно выдается, при всей своей сжатости, статья: «Законопроектъ о печати», рѣзко и справедливо характеризующая общій смыслъ новаго по формѣ, но весьма въ сущности стараго направленія. Труды по составленію проекта,—говоритъ авторъ,—«протекали въ атмосферѣ ожесточеннѣйшей борьбы съ тѣми силами, которыя вызвали къ жизни новый русскій государственный строй; вотъ почему и послѣ всѣхъ передѣлокъ въ результатѣ остался по-прежнему не законопроектъ о печати, а законопроектъ противъ печати». Какъ нельзя лучше доказана г. Штильманомъ необходимость особаго, короткаго давностнаго срока по дѣламъ о преступленіяхъ печати. Обстоятельно и всесторонне разсмотрѣно право опубликованія парламентскихъ отчетовъ. Далеко не безспоренъ, съ нашей точки зрѣнія, взглядъ г. Штильмана на отвѣтственнаго редактора. Мы думаемъ, какъ и онъ, что отвѣтственнымъ за преступленіе или проступокъ печати должно быть только одно лицо, что на дѣла печати не должны быть распространяемы общія правила о соучастіи въ преступленіи; но на кого именно должна падать отвѣтственность—этотъ вопросъ допускаетъ различныя рѣшенія. Изложеніе ихъ потребовало бы слишкомъ много мѣста; ограничимся замѣчаніемъ, что мнѣніе, проводимое г. Штильманомъ, аргументировано имъ съ большою тщательностью и полнотою въ трехъ статьяхъ: «Отвѣтственность за преступленія печати», «Отвѣтственный редакторъ» и «Карательный аппаратъ законопроекта о печати».

К. А.

— Л. С. Таль. Трудовой договоръ—Цивилистическое изслѣдованіе. Ч. I. Общія ученія. Ярославль. 1913 г. Стр. 422.

Въ диссертаціи Л. С. Таля разсмотрѣны: 1) договоръ о трудѣ, какъ самостоятельная категорія, 2) основные типы договора о трудѣ, 3) историческія основанія трудового договора и 4) положеніе трудового договора въ современномъ правѣ. Самая интересная сторона вопроса—ученіе о заключеніи, предметѣ, содержаніи и прекращеніи трудового договора—найдутъ себѣ мѣсто во второй части, которую авторъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ.

Освѣщая задачи науки гражданскаго права въ области найма труда, Таль говоритъ: «Мы переживаемъ въ настоящее время, одновременно съ нѣкоторыми государствами запада, эпоху пересмотра и реформы гражданскихъ законовъ. Такая эпоха ставитъ наукѣ гражданскаго права особыя задачи. Создаваемое уложеніе только тогда

удовлетворитъ своему назначенію, если оно воплотитъ въ себѣ итоги развитія правовой культуры въ прошломъ и зародыши его дальнѣйшаго роста. А это невозможно безъ тщательнаго и всесторонняго освѣщенія измѣненій, произошедшихъ въ правовой жизни, въ связи съ измѣнившимися соціальными и экономическими условіями и подъ напоромъ новыхъ идей и воззрѣній, уже сознанныхъ и оформленныхъ или еще смутно бродящихъ въ народномъ сознаніи»... «Жизнь ждетъ отъ науки руководящихъ указаній для опредѣленія юридической структуры трудовыхъ отношеній, не укладывающихся въ романистическій трафаретъ возмезднаго обѣщанія дѣятельности. Исходное положеніе этой работы дано намъ исторіей. Какъ ни далеко современное хозяйственное предпріятіе отъ средневѣкового господскаго союза, какъ ни измѣнились предѣлы подчиненій и характеръ власти, самая идея авторитарнаго союза, мысль о власти надъ подчиненными рабочими силами, неразрывно связанной съ обязанностями по отношенію къ нимъ, сохранилась до нашихъ дней. Правовыя формы ея проявленія и осуществленія должны быть приноровлены къ условіямъ и культурному уровню современной жизни»... «Грядущее обновленіе нашихъ гражданскихъ законовъ напоминаетъ намъ о лежащемъ на цивилистической наукѣ вѣковомъ обязательствѣ передъ трудящимся населеніемъ. Исполненія этого обязательства не только требуетъ достоинство науки. Оно—нашъ гражданскій долгъ». Приведенная выдержка сжато намѣчаетъ тѣ идеи, которыя руководили г. Талемъ въ его сложной и содержательной работѣ. Какъ всякое исканіе новыхъ путей и новыхъ горизонтовъ, этотъ трудъ долженъ заслужить полнаго одобренія. Книга эта должна обратить на себя вниманіе всѣхъ, кто интересуется правовымъ положеніемъ рабочаго въ современномъ обществѣ. Дѣйствующее право въ области договоровъ о трудѣ до сихъ поръ руководствуется, главнымъ образомъ, принципами, понятіями и воззрѣніями, полученными отъ античныхъ вѣковъ и средневѣковья, утверждаетъ авторъ. Элементъ личнаго подчиненія, заключающійся въ значительной части договоровъ о трудѣ, игнорируется, какъ господствующимъ теченіемъ науки, такъ и гражданскими законами. Корни настоящаго положенія нужно искать въ условіяхъ римскаго рабскаго хозяйства и въ томъ, что на человѣка смотрѣли, какъ на вещь. Связь между пользованіемъ трудомъ и имуществомъ должна быть разорвана, а договорамъ о трудѣ въ системѣ права должно быть отведено самостоятельное мѣсто. Формулировка понятія трудового договора еще не выработана, но законодатели всѣхъ культурныхъ государствъ сознаютъ въ этомъ настоятельную необходимость. Заканчивая свой трудъ, авторъ указываетъ, что ежегодно заключаются милліоны трудовыхъ сдѣлокъ, въ которыхъ оставляется значительный просторъ для подчиненія рабо-

чей силы. Однако, трудовой договоръ силою вещей превратился въ самостоятельный правовой институтъ, который не можетъ быть втиснутъ въ рамки личнаго найма или обойденъ гражданскими законами.

Обращаясь къ работѣ Л. С. Таля въ цѣломъ, приходится отмѣтить нѣкоторую несоразмѣрность исторической части и нѣсколько другихъ второстепенныхъ дефектовъ, которые вполнѣ искупаются положительными сторонами книги.

Тр.

— Среди книгъ. Томъ II. Н. А. Рубакинъ. Москва, 1914 г. Цѣна 4 р.

Цѣлью автора было не только облегчить читателю полученіе знанія, но и помочь выработать міросозерцаніе и разобраться въ мучащихъ читателя вопросахъ. «Среди книгъ» является продолженіемъ «Писемъ къ читателю о самообразованіи», въ которыхъ давались общія указанія о пользованіи книгами. Авторъ стремился ободрить читателя и указать ему руководящую нить въ его стремленіи къ самообразованію. Но мы думаемъ, что читатель сумѣетъ и безъ слишкомъ растянутаго 1-го тома непосредственно взяться за 2-ой, который заключаютъ въ себѣ огромный указатель книжной литературы въ 18.459 названій. Онъ распадается на два главныхъ отдѣла: въ первомъ разсматривается исторія человѣчества, при чемъ въ началѣ даются общіе обзоры, а потомъ исторія дѣлится по эпохамъ и исторію отдѣльныхъ народностей. Во второй части мы находимъ указатель различныхъ сторонъ соціальной жизни человѣчества. Здѣсь помѣщены обзоры религіозныхъ системъ, политическаго, юридическаго и экономическаго строя и т. д. Слишкомъ большой отдѣлъ посвященъ народному образованію, что объясняется исключительнымъ интересомъ къ нему самого составителя указателя. Каждому отдѣлу предшествуетъ небольшое вступленіе, въ которомъ данъ общій обзоръ эпохи или вопроса, служащій введеніемъ въ слѣдующій за нимъ указатель. Въ указателѣ мы находимъ нѣкоторые пробѣлы, такъ, напримѣръ, въ общемъ обзорѣ по русской исторіи отсутствуютъ названія книгъ по исторіи русскаго города, и они отнесены къ отдѣлу—земство и городъ въ Россіи; но крестьянскій вопросъ также выдѣленъ въ отдѣльную рубрику, что не помѣшало, однако, указать главнѣйшую литературу по крестьянскому вопросу въ общемъ обзорѣ русской исторіи. Въ составленіи обзора «Среди книгъ» принимало участіе много спеціалистовъ, назовемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: проф. Карѣевъ, Плехановъ и Семевскій, которые просмотрѣли рядъ отдѣловъ; кромѣ того составители пользовались указаніями и замѣчаніями: В. П. Воронцова, А. Я. Ефименко, М. И. Туганъ-Барановскаго, А. Форель, В. И. Чернолусскаго

и другихъ. «Среди книгъ» выходитъ вторымъ, въ большой мѣрѣ дополненнымъ изданіемъ. Въ третьемъ томѣ своихъ работъ г. Рубакинъ обѣщаетъ дать списокъ рецензій объ указанныхъ во II томѣ книгахъ, помѣщенныхъ въ наиболѣе солидныхъ періодическихъ изданіяхъ, но мы думаемъ, что проще было бы при указаніи книгъ помѣщать небольшой отзывъ о каждой изъ нихъ. Это облегчило бы работу читателя.

А. Т.

— Юбилейный Земскій Сборникъ 1864—1914 г.г., подъ редакціей Б. Б. Веселовскаго и З. Г. Френкеля. Спб. 1914 г.

Эта книга, изданная по случаю пятидесятилѣтія нашего земства, не задается цѣлью изложенія исторіи и современнаго положенія различныхъ отраслей земскаго хозяйства, и главнѣйшія изъ этихъ отраслей—народное здравіе и народное образованіе—очерчены въ ней настолько не полно, что относительно земской медицины мы узнаемъ изъ нея (изъ статьи г. Френкеля) лишь о степени обезпеченія населенія врачебными участками, а по народному образованію намъ остается неизвѣстнымъ даже число земскихъ училищъ. О дорожномъ и страховомъ дѣлѣ не приводится въ Сборникѣ никакихъ свѣдѣній. Гораздо полнѣе зато описаны въ немъ такія явленія, которыя составляютъ либо новый, либо недостаточно выяснившійся и развившійся предметъ земской дѣятельности. Мы находимъ здѣсь, напр., отдѣльную статью (В. Н. Черноглускаго) о различныхъ видахъ внѣшкольнаго образованія (библіотеки, курсы, чтенія, книжные склады и изданія и т. п.), для котораго, какъ извѣстно, земствомъ сдѣлано еще очень мало; особую статью (В. В. Хижнякова) о предметѣ, еще болѣе новомъ и еще менѣе выяснившемся—отношеніе земства къ кооперативамъ; статью (В. Е. Брунста) о земской агрономіи, зачатки которой, правда, положены давно, но развитіе которой относится къ новѣйшему времени, при чемъ формы, пути и средства вліянія котораго на крестьянское хозяйство далеко еще не установлены и не разработаны. Статья гр. Павла Толстого трактуетъ о предметѣ, входившемъ издавна въ область земской компетенціи, но предметъ этотъ, продовольственное дѣло, вступаетъ въ послѣднее время въ новую фазу развитія, и, изъятое въ 1900 г. изъ рукъ земства, дѣло прокормленія голодающаго населенія находится, повидимому, на пути возвращенія въ старыя и наиболѣе пригодныя для того руки.

Такое распредѣленіе вниманія Сборника между болѣе и менѣе значительными (фактически) и развитыми отраслями земскаго хо-

зяйства не только зависитъ отъ сравнительной трудности или легкости описанія той или другой отрасли послѣдняго, но и находится въ соотвѣтствіи съ задачей самого изданія, не претендующаго на полноту подведенія итоговъ земской дѣятельности, хотя и поставившаго себѣ цѣль «очертить рядъ очередныхъ крупныхъ земскихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, и дать посильное ихъ освѣщеніе». Разъ поставивъ себѣ такую задачу, естественно останавливаться преимущественно на предметахъ, еще находящихся въ стадіи практическаго выясненія и требующихъ, поэтому, особеннаго вниманія и заботъ со стороны общественной мысли.

Кромѣ указанныхъ выше статей, въ разсматриваемомъ нами изданіи находятся еще статьи: Е. А. Звягинцева о взаимоотношеніи въ различные моменты земства и правительства по предмету руководительства школьнымъ дѣломъ; статья В. Б. Веселовскаго «Децентрализація управленія и задача земства», посвященная борьбѣ земства за свою самостоятельность; статья В. Н. Твердохлѣбова по острому вопросу о выдѣленіи городовъ въ самостоятельныя земства; статья А. А. Кауфмана о земской статистикѣ, не только знакомящая съ главнѣйшими моментами развитія и различными сторонами этой отрасли научнаго знанія, но и заключающая нѣкоторый матеріалъ для соображеній о роли такъ назыв. третьяго элемента въ земской жизни. Спеціально третьему элементу, этой чуть не стотысячной арміи земскихъ служащихъ, посвящена и довольно односторонняя статья Л. Д. Брюхатова. Съ фактической стороны наиболѣе законченной, въ границахъ отведеннаго ей объема, слѣдуетъ признать статью В. Ѳ. Караваева о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ, рисующую развитіе земскаго бюджета въ теченіе истекшаго пятидесятилѣтіе по крупнымъ подраздѣленіямъ доходовъ и расходовъ. Дальнѣйшее углубленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ темы г. Караваева мы находимъ въ статьѣ А. И. Шингарева, спеціально посвященной вопросу объ улучшеніи земскихъ финансовъ и разсматривающей земскія о томъ ходатайства и новѣйшія предположенія и законопроекты. Какъ бы введеніемъ къ главному предмету Сборника является нѣсколько статей, посвященныхъ вопросамъ законодательства о земствѣ. Статья П. П. Гронскаго излагаетъ эволюцію взглядовъ русскихъ ученыхъ «на самое существо понятія» «самоуправленія». П. П. Авиновъ разсматриваетъ исторію законодательства о земствѣ, а Н. И. Лазаревскій оцѣниваетъ дѣйствующее въ земскихъ учрежденіяхъ избирательное право съ точки зрѣнія «научно-провѣренныхъ принципіальныхъ требованій». Статья К. Рощина о земскихъ учрежденіяхъ и Сенатѣ трактуетъ гораздо болѣе о недостаткахъ учрежденія Сената, нежели о его

отношеніяхъ къ земству. Статьи кн. Дм. Шаховскаго и В. Богучарскаго посвящены исторіи политическихъ теченій въ земствѣ, а въ качествѣ документа для этой исторіи перепечатана изъ заграничнаго изданія старая статья И. И. Петрункевича.

В. В.

— П. Пирлингъ. Историческія статьи и замѣтки. СПБ. 1914 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Статьи Пирлинга печатались раньше въ «Русской Старинѣ» и въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ». Онѣ распадаются на двѣ части. Въ первой изъ нихъ дается рядъ характеристикъ представителей католической церкви, пріѣзжавшихъ въ далекую Московію съ различными цѣлями. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ яркихъ образовъ, людей разныхъ національностей, стремленій и характеровъ. Авторъ излагаетъ просто, безъ блестящихъ фразъ, но подборъ фактовъ очень интересенъ и характеристики получаются яркія. Весьма выпукло выступаетъ та русская дѣйствительность, съ которою приходилось сталкиваться представителямъ болѣе культурнаго католическаго міра. Въ ней читатель можетъ почерпнуть много штриховъ, которые оттѣнятъ бытовую сторону жизни въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. Другая часть статей посвящена отдѣльнымъ вопросамъ по исторіи смуты. Автора сильно интересуютъ личности Марины Мнишекъ и Лжедмитрія. Основываясь на новыхъ, недавно открытыхъ, источникахъ, онъ подробно описываетъ судьбу Марины, послѣ паденія Лжедмитрія I, старается возстановить исторію ея ссылки въ Ярославль, жизнь въ Тушинѣ, побѣгъ въ Астрахань и передаетъ всѣ версіи о гибели Марины. Личность Марины неясная, и едва вырисовывающаяся послѣ тщательнаго анализа всѣхъ дошедшихъ до насъ скудныхъ извѣстій о ней, привлекаетъ къ себѣ автора. Онъ считаетъ ее женщиной незаурядной. «Молодая царица была честолюбива». Это не подлежитъ сомнѣнію, но ея честолюбіе не было мелочнымъ и ничтожнымъ чувствомъ; въ немъ преобладаетъ страсть величія. Что всего болѣе подкупаетъ въ пользу Марины, это странная смѣсь отваги и простоты: въ письмахъ къ отцу она дѣтски беззаботна; въ Москвѣ, Тушинѣ, Калугѣ, Астрахани она боевая, безстрашная, богатырь-женщина. Авторъ такъ интересовался Мариной, Дмитріемъ и Юріемъ Мнишекъ, что по ихъ слѣдамъ его потянуло въ Самборъ, и, побывавъ тамъ, собравъ и осмотрѣвъ все, что было возможно, онъ въ небольшой замѣткѣ дѣлится своими впечатлѣніями съ читателемъ, прибавляя нѣсколько новыхъ штриховъ

къ ихъ исторіи и оживляя поблекшія краски прошлаго. Г. Пирлингъ пытается разгадать вопросъ о происхожденіи Лжедмитрія, въ которомъ уже современники не могли разобраться. И у самого него мнѣніе сложилось не сразу. Въ 1877 году онъ предполагалъ, что Дмитрій былъ истинный царевичъ, а въ 1901 году онъ отождествляетъ его съ Отрепьевымъ. Перемѣна эта совершилась послѣ того, какъ въ научный оборотъ поступилъ цѣлый рядъ недавно найденныхъ документовъ. При этомъ онъ полемизируетъ съ Валишевскимъ, который считаетъ самозванца сыномъ Грознаго, но насколько неубѣдительны доводы послѣдняго, настолько серьезны доказательства Пирлинга. Книга интересна не только для спеціалиста, но и для средняго читателя.

А. Т.

— Gustav Steffen. Die Grudnglage der Soziologie (Основа соціологіи). Ein Programm zu der Methode der Gesellschaftswissenschaft und Naturforschung. Jena 1912.

Въ этой брошюрѣ, незначительной по объему, богатой содержаніемъ, авторъ стремится установить опредѣленное методическое основаніе для соціологіи, необходимое для того, чтобы эта сравнительно новая наука могла занять достойное мѣсто въ циклѣ современныхъ наукъ. Какъ относятся подчасъ представители старыхъ общепризнанныхъ дисциплинъ къ этой молодой наукѣ, основанной три четверти вѣка тому назадъ Огюстомъ Контомъ, показываетъ ѣдкое слово о ней Іеллинека, назвавшаго соціологію «полу-свѣтомъ» научнаго міра.

Стремясь поставить соціологію на должную высоту, нашъ авторъ считаетъ необходимымъ прежде всего освободить ее отъ вліянія матеріализма. «Все матеріальное, говоритъ онъ, все матеріально зависимое и матеріально закономѣрное въ общественной жизни составляетъ именно то, что одинаково относится и къ обществу, и къ неодушевленному міру, но не характеризуетъ общественной жизни, какъ таковую». Послѣдняя характеризуется ея психическимъ содержаніемъ; поэтому главнѣйшимъ элементомъ соціологіи должна быть *психологія*, а въ психологіи, по мнѣнію автора, «механика» совершенно неумѣстна.—«Говорить о механикѣ человѣческой души» то же самое, что говорить о «морали химическихъ элементовъ».—Въ психологіи главную роль играетъ, съ точки зрѣнія автора, *интуиція*, поэтому и соціологія имѣетъ свою главную опору въ послѣдней.—«Интуиція, говоритъ онъ, даетъ намъ самое существенное для соціологическаго познанія, именно—наглядное или конкретное пониманіе человѣка, какъ субъекта, подобнаго намъ самимъ, одинаково съ нами мыслящаго, чувствующаго и дѣйствующаго».

Въ то же время авторъ предостерегаетъ противъ увлеченія чистой *дедукціей*. «Дедукція, говоритъ онъ, имѣетъ, какъ методъ познанія, лишь второстепенное значеніе. Дедукція не можетъ дать больше для познанія дѣйствительности, чѣмъ то, что доставила индукція».— Главное—это факты и наблюденія, въ соціологіи точно такъ же, какъ во всѣхъ другихъ наукахъ. Но въ соціологіи эти факты и наблюденія имѣютъ, или должны имѣть, по мнѣнію автора, преимущественно психологическій характеръ.—«Мы должны открыть, говоритъ онъ, тѣ душевныя и субъективныя измѣненія, которыя скрываются за объективно установленными соціальными измѣненіями. Объективныя соціальныя ступени развитія должны быть замѣнены субъективными соціально-психологическими ступенями развитія. Лишь тогда, когда это намъ удастся, мы будемъ имѣть въ нашихъ рукахъ настоящую формулу исключительныхъ особенностей соціальной эволюціи».

Эти взгляды очень расходятся со взглядами провозвѣстника соціальной науки, Огюста Конта, но они тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія какъ знаменательный этапъ въ исторіи соціологической мысли.

— Robert Saitschik. Der Mensch und sein Ziel (Человѣкъ и его цѣль). Eine Lebensphilosophie ohne Umwege. München 1914.

Авторъ этой интересной книги—выходецъ изъ Россіи, занимающій въ настоящее время каѳедру философіи въ Цюрихскомъ политехническомъ институтѣ. Въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ хочетъ дать «философію жизни безъ околичностей», въ убѣжденіи, что истина вовсе на такъ сложна, какъ утверждаетъ традиціонная школьная мудрость. Поученіямъ онъ вообще придаетъ мало значенія, полагая, что «тамъ, гдѣ господствуетъ моральная сила, поученія въ сущности излишни».— Погоня за мудростью слишкомъ часто переходитъ въ безплодное мудрствованіе; тѣмъ болѣе, что самыя сокровенныя душевныя переживанія, по мнѣнію автора, совершенно не поддаются научному анализу.—«Напрасно стремленіе, говоритъ онъ, дать внутреннимъ переживаніямъ научную форму; эти переживанія могутъ быть поняты только внутренно. Разногласія относительно этого основного факта вызваны просто тѣмъ обстоятельствомъ, что одни имѣютъ внутреннія переживанія, а другіе ихъ не имѣютъ».—Это очень остроумно, хотя и не особенно оригинально: не въ первый разъ строгая научная мысль подвергается такого рода остракизму.

Въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ человѣческой души Зайчикъ ищетъ отвѣтовъ на высокія проблемы человѣчества. Каково бы ни было наше принципіальное отношеніе къ этимъ поискамъ, они во всякомъ случаѣ интересны и попутно (съ «околичностями»...) даютъ не мало и для «философіи жизни». Б.

—Е. Леффлеръ. Цифры и цифровыя системы культурныхъ народовъ. Библіотека элементарной математики. IV. Одесса, 1913. Ц. 50 к.

Во всѣхъ какъ популярныхъ, такъ спеціальныхъ изложеніяхъ исторіи культуры много вниманія удѣляется эволюціи и происхожденію письма и алфавитовъ. Одна же, и важная отрасль развитія человѣческой культуры — происхожденіе численныхъ знаковъ и цифровыхъ системъ — обычно упускается изъ вида. Этотъ пробѣлъ заполняетъ настоящая брошюра, написанная весьма общепонятно даже для мало знакомыхъ съ элементами математики. Цѣнность ея увеличивается тѣмъ, что, въ виду зависимости числовыхъ знаковъ отъ суммы математическихъ и астрономическихъ свѣдѣній каждой эпохи, спеціальному изложенію вездѣ предпосланы обзоры этихъ эпохъ. Въ особо важныхъ случаяхъ, при разсмотрѣніи первыхъ началъ цивилизаціи, излагается вкратцѣ исторія этихъ началъ и уровень культуры тѣхъ народовъ, которые впервые выработали ту или иную систему счисленія (древнихъ сумеровъ, египтянъ, вавилонянъ и др.). Вслѣдствіе зависимости происхожденія численныхъ знаковъ отъ алфавитовъ, даны общія свѣдѣнія о происхожденіи письменности и лежащихъ въ ея основѣ системъ (образной, слоговой или звуковой). Вообще вся эволюція цифръ изложена неотдѣлимо отъ исторіи цивилизаціи, и это придаетъ книжкѣ Леффлера особый интересъ. Кромѣ подробной исторіи происхожденія того или иного числового знака (особенно интересно изложена исторія *нуля*), разсмотрѣны основы числовыхъ системъ (шестидесятичной, двадцатичной, десятичной, китайскихъ системъ) и принциповъ, легшихъ въ ихъ основу. Словомъ, всякій, кто интересуется исторіей культуры, прочтетъ брошюру нѣмецкаго профессора съ большимъ интересомъ. Напрасно только русскій переводчикъ употребляетъ иногда не совсѣмъ удачныя выраженія, въ родѣ «абревіатуры», или снабжаетъ текстъ странными примѣчаніями, въ родѣ ссылки (стр. 66) не только на томъ, но и на страницу соч. Влад. Соловьева, на основаніи которой нужно считать правописаніе «Мухаммедъ» правильнѣе обычнаго «Магометъ». Объ этомъ можно узнать не только изъ Влад. Соловьева, но изъ любого сочиненія, посвященнаго исламу, или изъ какой-либо всеобщей исторіи (напр. Вебера).

— Камчатская экспедиція Ѳ. П. Рябушинскаго. Ботаническій отдѣлъ. Вып. I. В. Л. Комаровъ. Путешествіе по Камчаткѣ въ 1908—1909 г. 456 стр., 20 табл. 193 рис. Ц. 5 руб.

Превосходно изданный объемистый томъ, со множествомъ фототипій и отличными рисунками въ текстѣ, изъ серіи отдѣльныхъ опи-

саній извѣстной камчатской экспедиціи, устроенной на средства безвременно скончавшагося русскаго мецената, Ѳ. П. Рябушинскаго. Экспедиція состояла изъ ряда болѣе или менѣе самостоятельныхъ отдѣловъ (геологическаго, зоологическаго, ботаническаго и др.), путешествовавшихъ по самостоятельнымъ маршрутамъ. Лишь общая цѣль, — исключительно научное и по возможности всестороннее описаніе Камчатки,—связывала работы этихъ отдѣловъ въ одно цѣлое. Начальникъ ботаническаго отдѣла, В. Л. Комаровъ, даетъ въ настоящемъ томѣ обстоятельный разсказъ о путешествіи своего отдѣла по Камчаткѣ лѣтомъ 1908 и лѣтомъ 1909 г.г. Въ этомъ разсказѣ, какъ и заявляетъ въ предисловіи самъ авторъ ботаники содержится «сравнительно мало», и описаніе путешествія В. Л. Комарова, изложенное притомъ очень легкимъ языкомъ, является доступнымъ всякому, вообще интересующемуся нашей отдаленной окраиной. Не малый интересъ представляетъ также заключительная часть книги—общій очеркъ посѣщеннаго района: физическій и растительный міры Камчатки и ея населеніе. Въ виду того, что авторъ дважды посѣщалъ описываемый край, т. е. имѣлъ возможность болѣе или менѣе критически отнестись ко всему имъ видѣнному, выводы его о значеніи Камчатки для Россіи заслуживаютъ вниманія. По мнѣнію Комарова, Камчатка, площадью почти равная Италіи (264 и 286 тыс. кв. килом.), но имѣющая въ настоящее время лишь 8.000 обитателей (Италія—35 милл.), не можетъ явиться ни колонизаціоннымъ райономъ, ни горнымъ округомъ, гдѣ возможна была бы разработка минеральныхъ богатствъ, ни даже большимъ экспортнымъ рынкомъ по рыболовству. Жизнь нынѣшнихъ, малочисленныхъ обитателей проходитъ въ постоянной борьбѣ съ природой въ столь своеобразныхъ условіяхъ, что бытъ ихъ сильно отличается отъ нашего и, по мнѣнію автора, предѣльная цифра возможнаго на Камчаткѣ населенія, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, врядъ ли можетъ перейти цифру въ 25—30 тыс. чел. Единственная будущность, которая рисуется для этого обширнаго края, по Комарову, это то, что Камчатка останется страною «чудесъ природы, своего рода Іеллонстоунскимъ паркомъ. Красивая горная страна съ мягкимъ сравнительно климатомъ, она будетъ со временемъ дѣятельно посѣщаться туристами и учеными». Рисовать такую перспективу для Камчатки, по мнѣнію Комарова, лучше, «чѣмъ обманывать себя иллюзіей мнимаго благополучія и потомъ приходить въ отчаяніе отъ того, что она не оправдалась».

Изъ недостатковъ изданія можно указать на отсутствіе хорошей географической карты Камчатки, что особенно странно при наличности превосходныхъ и дорого стоившихъ фототипій.

А. Щ.

— І. Дроздовъ. Заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ въ Россіи въ связи съ аграрнымъ движеніемъ 1905-06 г.г. СПБ. 1914.

Многочисленная армія земледѣльческихъ рабочихъ въ Россіи забыта, можно сказать, и обществомъ, и правительствомъ; и каждая литературная работа объ этомъ слоѣ трудящагося населенія заслуживаетъ, поэтому, особой признательности. Авторъ книжки, указанной въ заголовкѣ этой замѣтки, оперируетъ съ данными о поденной платѣ сельско-хозяйственному рабочему (публикуемыми вѣдомствомъ земледѣлія) за годы 1902—10, которыя онъ сгруппировалъ по раіонамъ и сопоставилъ съ урожаями ржи. Разсмотрѣніе этихъ данныхъ привело его къ слѣдующимъ главнымъ заключеніямъ. Наибольшій подъемъ заработной платы въ революціонные годы имѣлъ мѣсто тамъ, гдѣ крестьяне боролись за лучшія условія труда, «а не за уравнительное землепользованіе и вообще за другія подобныя же мелко-буржуазныя утопическія требованія». Возвышеніе заработной платы въ теченіе послѣдняго десятилѣтія почти полностью покрывается вздорожаніемъ предметовъ потребленія, и движеніе дохода земледѣльческихъ рабочихъ находится такимъ образомъ въ противорѣчіи съ движеніемъ ренты землевладѣльцевъ, имѣющей «сильную тенденцію сильно рости». Высшая заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ наблюдается въ раіонахъ сельско-хозяйственнаго или промышленнаго капитализма и въ мѣстностяхъ, привлекающихъ рабочихъ со стороны; низшая въ раіонахъ до и полу-капиталистическихъ формъ хозяйства и въ раіонахъ перенаселенныхъ. Мы не въ состояніи разбирать здѣсь работу г. Дроздова, но не можемъ не отмѣтить тенденціознаго направленія его мысли, диктующей опредѣленныя заключеніи вопреки имъ же самимъ признаваемому свидѣтельству фактовъ. Выставлять въ качествѣ заключенія положеніе о высшей заработной платѣ въ крупномъ сел.-хоз. производствѣ, какъ à priori полагаемой тенденціи, въ трудѣ, посвященномъ не теоретической темѣ о вліяніи капитализма, а конкретному вопросу о вознагражденіи труда въ условіяхъ русской дѣйствительности, не имѣетъ смысла. Если же оставаться въ границахъ темы о заработной платѣ сел.-хоз. рабочихъ въ Россіи и ограничиться тремя раіонами, относимыми г. Дроздовымъ къ областямъ развитаго сел.-хоз. капитализма (юго-западнымъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ), и двумя раіонами отсталыхъ сел.-хоз. формъ (приволжскимъ и центральнымъ земледѣльческимъ), то придется сдѣлать заключеніе не о прямой, а объ обратной зависимости, въ условіяхъ русской дѣйствительности, высоты заработной платы отъ развитія сел.-хоз. капитализма. Самая низкая заработная плата стоитъ у насъ въ литовскомъ (61, 7 к. въ день), бѣлорусскомъ (61, 6 к.) и юго-западномъ

(51,4 к.). Въ двухъ другихъ раіонахъ сельско-хоз. рабочій вознаграждается значительно лучше юго-западнаго, но въ приволжскомъ раіонѣ онъ получаетъ копейкой меньше, а въ полуразоренномъ и истощенномъ центральномъ земледѣльческомъ—$1^1/_2$ коп. выше литовскаго и бѣлорусскаго. Г. Дроздовъ пытается отвести наиболѣе невыгодныя для него данныя о поденной платѣ въ юго-западномъ краѣ, ссылаясь на утвержденіе Н. Ѳ. Анненскаго, что хозяйство въ этой области ведется преимущественно постоянными рабочими. Но если бы авторъ заимствовалъ у того же Анненскаго и данныя о годовой платѣ сел.-хоз. рабочихъ, то они показали бы читателю, что и по отношенію къ этой, типичной для данной мѣстности, формы найма юго-западный раіонъ, вмѣстѣ съ литовскимъ и бѣлорусскимъ, занимаетъ самыя низкія мѣста. Въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ крупнымъ подъемомъ вознагражденія сел. хоз. рабочаго, замѣчается и тенденція къ нѣкоторой перестановкѣ, по этому признаку, раіоновъ. Тѣмъ желательнѣе, чтобы заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ сдѣлалась, наконецъ, предметомъ серьезнаго изслѣдованія.

— К. Конрадъ. Посредничество въ пріисканіи работы въ Германіи. Переводъ съ дополненіями А. Браудо и проф. В. Гагенъ. СПБ. 1913.

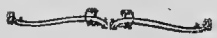
Эта книга Конрада (не профессора, а пастора), получившая премію Страсбургскаго университета, имѣетъ задачей критическое описаніе организаціи указанія работы въ Германіи и изложеніе того, что сдѣлано въ этой области крупными ея городами. Авторъ разсматриваетъ въ своемъ трудѣ организацію указанія работъ, основанную на началѣ участія въ ней одной изъ заинтересованныхъ сторонъ (предпринимателей или рабочихъ), каковыя организаціи имѣютъ боевой классовой характеръ; мало распространенныя организаціи, устраиваемыя совмѣстно предпринимателями и рабочими, а также общеполезными и благотворительными учрежденіями; частныя конторы указанія работы, имѣющія коммерческій характеръ, и дѣятельность въ данномъ отношеніи органовъ самоуправленія. Въ каждомъ случаѣ авторъ первоначально формулируетъ принципы, лежащіе въ основаніи организацій данной категоріи, или проблемы, которыя онѣ пытаются разрѣшить; затѣмъ описываетъ самую организацію дѣла указанія работы и заканчиваетъ эту главу критическою оцѣнкой съ точки зрѣнія, такъ сказать, идеальныхъ требованій, какимъ должны удовлетворять учрежденія, преслѣдующія цѣль доставленія работы. Въ заключеніе излагается организація и результаты дѣятельности въ данной области 23-хъ крупнѣйшихъ городовъ Германіи.

Книга Конрада издана въ половинѣ истекшаго десятилѣтія; между тѣмъ дѣло, имъ изслѣдуемое, находится въ стадіи развитія и не могло не испытать за послѣднія десять лѣтъ болѣе или менѣе существенныхъ измѣненій. Для пополненія происшедшаго отъ того недостатка, къ книгѣ Конрада, въ русскомъ ея изданіи, сдѣланы дополненіи о наиболѣе важныхъ фактахъ послѣдняго времени. Дополненія эти касаются преимущественно статистической части предмета, цифровыхъ итоговъ дѣятельности посредническихъ конторъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что многія данныя русскихъ дополненій слишкомъ стары (относятся къ 1904 г.), и что послѣднія не даютъ общихъ итоговъ дѣятельности посредническихъ конторъ по имперіи. Между тѣмъ даже въ болѣе раннихъ русскихъ изданіяхъ (Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и торговли, 1913 г., № 9) мы находимъ такіе итоги, которые, кстати, здѣсь и укажемъ. Въ 1911 г. всѣми зарегистрированными посредническими организаціями Германіи предоставлено было рабочимъ болѣе трехъ милліоновъ мѣстъ. Изъ нихъ 1,4 милліоновъ мѣстъ или 47% предоставлено коммунальными конторами и 1,1 мил. или 36% — предпринимательскими учрежденіями. На долю остальныхъ организацій (не считая частныхъ конторъ) остается 17% предоставленныхъ рабочимъ мѣстъ, при чемъ рабочіе союзы доставили въ 1911 г. ок. 300 тысячъ мѣстъ. Коммунальныя конторы (учреждаемыя на началѣ равнаго участія въ организаціи предпринимателей и рабочихъ) широко развили свою дѣятельность въ теченіе лишь послѣдняго десятилѣтія, и, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, рабочія организаціи пошли навстрѣчу стремленію городовъ къ устроенію внѣпартійнаго посредничества, и число доставленныхъ этими организаціями мѣстъ не превышаетъ пока 10% итога посреднической дѣятельности организаціи. Предприниматели отнеслись къ дѣлу иначе. Они не захотѣли выпускать изъ своихъ рукъ средство не простого снабженія ихъ рабочимъ персоналомъ, а средство «заставлять рабочихъ дѣлать то, что они считаютъ необходимымъ для интересовъ обѣихъ сторонъ» (с. 68)— какъ выражаются они сами, или средство «объявлять подъ бойкотомъ цѣлыя группы рабочихъ, направлять духовную жизнь рабочаго класса согласно воззрѣнію работодателей и диктовать условія работы» (с. 135) — какъ оцѣниваютъ тенденціи предпринимателей стороннія лица. И мы видимъ, что посредническая дѣятельность предпринимательныхъ конторъ мало уступаетъ дѣятельности конторъ коммунальныхъ.

Организованное посредничество по доставленію работы въ Россіи почти вовсе отсутствуетъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что

въ ближайшемъ будущемъ и мы приступимъ въ этому дѣлу, которое такъ широко развивается на Западѣ. А если такъ, то разсматриваемая нами книга, излагающая организацію и результаты посреднической дѣятельности въ странѣ, гдѣ эта дѣятельность достигла наибольшихъ размѣровъ, представляетъ для русскаго читателя живой интересъ. Издана книга (Попечительствомъ о трудовой помощи) хорошо и стоитъ сравнительно не дорого (2 р. за 500 страницъ).

В. В.



Памяти Петра Петровича Семенова.

Недавно скончавшійся Петръ Петровичъ Семеновъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ числу рѣдкихъ не въ одной Россіи тружениковъ, оставившихъ по себѣ глубокій слѣдъ, одновременно въ наукѣ и въ государственной дѣятельности. Такія счастливыя сочетанія рѣдки и тѣмъ болѣе заслуживаютъ быть отмѣченными. Петръ Петровичъ принадлежалъ къ числу многогранныхъ натуръ. Изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ онъ попадаетъ въ университетъ, оканчиваетъ курсъ, становится кандидатомъ естественныхъ наукъ и съ сорокъ девятаго года, со времени избранія его членомъ Императорскаго Географическаго Общества, выбираетъ своей спеціальностію физическую географію. Въ Россіи и за границей онъ въ теченіе десяти лѣтъ всецѣло отдается облюбованному имъ предмету. Кромѣ магистерской диссертаціи «О придонской флорѣ», въ эти годы выходятъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ его ученыя изслѣдованія, изъ которыхъ въ широкихъ кругахъ всего болѣе извѣстенъ его переводъ «Землевѣдѣнія Азіи» Карла Риттера съ дополненіями, равными по объему самому оригиналу. Петръ Петровичъ оканчиваетъ свое образованіе трехъ-годичнымъ пребываніемъ въ Берлинскомъ университетѣ и научными поѣздками по Италіи, Швейцаріи, Тиролю и т. д. По порученію Географическаго общества, онъ становится во главѣ экспедиціи для изслѣдованія горной системы Тянь-Шана; первый посѣщаетъ высочайшую горную группу Тянь-Шана Ханъ-Тенгри, такъ что ему вполнѣ заслужено и подобаетъ именоваться Семеновымъ Тянь-шанскимъ. Результаты его путешествія печатаются и въ «Петермановскихъ Извѣстіяхъ» на нѣмецкомъ языкѣ, и въ дополненіи ко 2-му тому Риттера по географіи Азіи. Съ 1858 г. начинается и государственная дѣятельность Петра Петровича, о которой онъ самъ сооб-

щилъ намъ не лишенныя интереса подробности въ двухъ-томномъ сочиненіи, отрывки изъ котораго печатались въ «Вѣстникѣ Европы». Давая отзывы объ этой книгѣ, я имѣлъ случай указать на ту роль посредника между правящими кругами и общественными дѣятелями,—Юріемъ Самаринымъ, Николаемъ Милютинымъ и др.,—какую П. П. Семенову пришлось сыграть въ періодъ работъ редакціонныхъ комиссій. Какъ завѣдующій дѣлами комиссій, онъ стоялъ близко къ Я. И. Ростовцеву и не рѣдко улаживалъ обострявшіяся подчасъ разногласія между нимъ и его наиболѣе выдающимися сотрудниками изъ среды общественныхъ дѣятелей. Петръ Петровичъ всецѣло отдаетъ себя производительной дѣятельности въ комиссіи и накопляетъ богатый матеріалъ для того двухтомнаго сочиненія, которымъ недавно завершилось его болѣе, чѣмъ 80-лѣтнее земное поприще. Родившись въ 1827 году, онъ скончался мѣсяцъ тому назадъ. По окончаніи крестьянской реформы, Семеновъ возвращается къ научнымъ занятіямъ. Въ 1864 г. онъ издаетъ въ сотрудничествѣ съ Меллеромъ геологическое изслѣдованіе о переходныхъ пластахъ между девонской и каменноугольной системами въ средней Россіи; въ томъ же году онъ назначенъ директоромъ центральнаго статистическаго комитета и остается имъ въ теченіе 16 лѣтъ. Важнѣйшими трудами его за этотъ періодъ являются «Статистика поземельной собственности въ Россіи». Но занятія статистикой не мѣшаютъ ему интересоваться въ то же время и такимъ далекимъ отъ нея дѣломъ, какъ собираніе богатѣйшей коллекціи картинъ фламандскихъ и голландскихъ художниковъ XVI и XVII в.в., или изданіе труда подъ заглавіемъ: «Этюды по исторіи нидерландской живописи». Въ 1875 г. Петръ Петровичъ становится предсѣдателемъ статистическаго совѣта и остается имъ до 1891 г. Еще въ 1873 году онъ избранъ почетнымъ членомъ академіи наукъ, а годъ спустя почетнымъ членомъ академіи художествъ. Въ томъ же 1873 г. онъ избранъ вице - предсѣдателемъ географическаго общества, а въ 1882 г. назначенъ сенаторомъ второго (крестьянскаго) департамента. Въ 1888 г. онъ снова возвращается къ географическимъ экскурсіямъ и предпринимаетъ поѣздку по Закаспійской области и Туркестану, гдѣ собираетъ обширныя энтомологическія коллекціи. Въ «Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества» появляется, затѣмъ, его статья: «Туркестанъ и Закаспійскій Край». Статьи по различнымъ вопросамъ географіи печатаются имъ и въ выходившей подъ его редакціей «Живописной Россіи», и въ Энциклопедическомъ Словарѣ. По случаю всемірной выставки въ Чикаго въ 1893 г. онъ участвуетъ въ составленіи сборника, изданнаго министерствомъ финансовъ подъ заглавіемъ: «Сибирь. Великая Сибирская желѣзная дорога». Въ 1894 и 1895 г.г. онъ выпускаетъ два обширныхъ тома

по описанію Забайкалья и участвуетъ своими статьями въ сборникѣ — «Описаніе Амурской области». Въ 1895 г., по случаю 50-лѣтняго юбилея Географическаго общества, онъ издаетъ въ трехъ томахъ исторію его полувѣковой дѣятельности. Въ 1896 г. Семеновъ организуетъ Сибирскій отдѣлъ Нижегородской всероссійской выставки, а въ 1900 г. окраинный отдѣлъ на выставкѣ въ Парижѣ. Первая всеобщая перепись Россіи 1897 г. подготовлена и выполнена подъ руководительствомъ Семенова, который въ «Извѣстіяхъ Географическаго Общества» помѣстилъ любопытную статью: «Характерные выводы изъ первой всероссійской переписи». Въ 1899 г. подъ его руководствомъ начинаетъ выходить обширный трудъ «Россія», редактируемый его сыномъ и имѣющій въ виду дать полное географическое описаніе отечества. Съ 1897 г. Петръ Петровичъ становится членомъ Государственнаго Совѣта. При моемъ вступленіи въ Совѣтъ въ 1906 г. въ числѣ людей, охотно протянувшихъ мнѣ руку, былъ и этотъ всѣми уважаемый дѣятель великой реформы. Онъ любилъ говорить о ней при всякомъ удобномъ случаѣ, и всѣ мы настолько были проникнуты мыслью о его тѣсной связи съ нею, что, когда насталъ моментъ праздновать пятидесятилѣтіе этого великаго событія, во всѣхъ группахъ Государственнаго Совѣта возникла мысль отправить депутацію съ поздравленіями къ единственному, оставшемуся въ живыхъ, дѣятелю 1861 г. Я имѣлъ честь быть членомъ этой депутаціи и до сихъ поръ сохранилъ впечатлѣніе о томъ приподнятомъ настроеніи, съ которымъ 80-лѣтній старикъ выслушивалъ наши привѣтствія и отвѣчалъ на нихъ благопожеланіями по адресу своего великаго отечества и его многочисленныхъ крестьянскихъ массъ. Мы проводили въ это время аграрный законъ. На квартирѣ предсѣдателя партіи центра, покойнаго князя Петра Николаевича Трубецкаго сходились представители разныхъ партій для обмѣна мыслями по вопросу объ отмѣнѣ правительствомъ общиннаго землевладѣнія и созданіи хуторскихъ участковъ. Въ числѣ экспертовъ, наряду съ юристами, какъ прокуроръ сената Тютрюмовъ и московскій цивилистъ Вормсъ, и экономистомъ Посниковымъ выступалъ и Петръ Петровичъ. Онъ сказалъ свое вѣсское слово защиты въ пользу сельской общины и объяснилъ намъ, какими соображеніями руководствовались дѣятели реформы 19-го февраля въ своемъ уважительномъ отношеніи къ ней. Вопреки совѣтамъ врачей Петръ Петровичъ, несмотря на старческій возрастъ, рѣшался выступать и на трибунѣ Государственнаго Совѣта. Однажды его рѣчь была прервана обморокомъ, напугавшимъ насъ всѣхъ. Когда по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, онъ вернулся въ наше собраніе, и мы привѣтствовали его, Петръ Петровичъ съ большой искренностью выразилъ ту мысль, что едва-ли бы ему

могъ представиться лучшій случай умереть при исполненіи своего долга передъ родиной. Смерть, повидимому, не страшила его. Онъ озабоченъ былъ только однимъ, чтобы съ пользою провести послѣдніе годы жизни и, прежде всего, закончить давно задуманный имъ трудъ о крестьянской реформѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ разослалъ намъ второй и заключительный томъ своего изслѣдованія. Для будущихъ историковъ оно представляетъ ту же цѣнность, какъ и изданный раньше трудъ его брата, Николая Петровича, также дѣятеля крестьянской реформы: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II» (1889—93 г.). Сочиненіе Петра Петровича цѣнно особенно потому, что основано на записяхъ, сдѣланныхъ имъ въ самый моментъ событія. Мы, такимъ образомъ, находимъ въ его книгѣ не обычные мемуары, передающіе то представленіе, какое ихъ авторъ имѣлъ не рѣдко на разстояніи 50 лѣтъ о происходившемъ въ его юности, а передачу тѣхъ самыхъ настроеній, какія переживались имъ и его близкими, по мѣрѣ того, какъ возникали и рушились или снова всплывали на поверхность отстаиваемыя ими задачи крестьянскаго устройства. Въ виду важности для всякаго юриста этого новаго вклада въ исторію величайшей изъ реформъ, обезсмертившихъ Александра Второго, совѣтъ С.-Петербургскаго юридическаго общества, по моему докладу, постановилъ предложить Петра Петровича Семенова въ почетные члены общества. Это избраніе обрадовало Петра Петровича больше, чѣмъ мы въ правѣ были ожидать. Въ послѣдній разъ, когда мнѣ пришлось видѣть его въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, посвященномъ обсужденію законопроекта о торговыхъ служащихъ, онъ подошелъ ко мнѣ не только для того, чтобы высказать сочувствіе по случаю только-что произнесенной мною рѣчи, но и изъ желанія снова и снова передать мнѣ то высокое удовлетвореніе, какое онъ получилъ отъ избранія его членомъ юридическаго общества. Его сынъ пишетъ мнѣ, что покойный Петръ Петровичъ не разъ возвращался къ этому отрадному для него факту въ послѣдніе дни своей жизни. Петръ Петровичъ скончался безъ всякихъ страданій, исполнивши всѣ важнѣйшія заданія своей жизни и оставляя въ памяти людей, имѣвшихъ общеніе съ нимъ, образъ благороднаго дѣятеля, одинаково преданнаго наукѣ и служенію лучшимъ завѣтамъ эпохи великихъ реформъ.

Максимъ Ковалевскій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Современность и крестьянскій вопросъ.—Съ чего началась и какъ завершилась эволюція вопроса о мелкой земской единицѣ?—Министерство народнаго просвѣщенія и низшая школа.—Чего «не хотятъ» донскіе казаки и кто «не хочетъ» земства на Дону?—Замѣна смертной казни тюрьмой.—Возрожденіе военно-полевого суда.—Дѣло витмеровцевъ.—Послѣднія засѣданія Государственной Думы.

Какъ ни старается современность «замять» первый по важности вопросъ русской жизни,—вопросъ крестьянскій,—ни правительству, однако, ни «объединенному» дворянству, не удается убѣдить ни себя, ни другихъ, что его не существуетъ. Нѣтъ-нѣтъ—и выплыветъ то фактъ, то распоряженіе, то требованіе, громко свидѣтельствующія, что крестьянскій вопросъ живъ, и живъ во всемъ своемъ колоссальномъ величіи, что онъ не разрѣшенъ и настоятельно требуетъ разрѣшенія.

Крестьянскій вопросъ, въ его юридической обрисовкѣ, продолжаетъ быть вопросомъ, несмотря на законъ 5 октября 1906 г., создавшій видимость правового уравненія крестьянъ съ другими сословіями. Въ его обрисовкѣ экономической, крестьянскій вопросъ остался все тѣмъ же вопросомъ о земельномъ голодѣ, о нищетѣ и о безсиліи деревни, несмотря на всѣ землеустроительные эксперименты. Какъ ни преуспѣваютъ эти эксперименты,—отрубные, хуторскіе и переселенческіе,—русскіе крестьяне въ массѣ не сдѣлались фермерами западнаго типа, проникшимися «чувствомъ собственности», или по-русски—кулаками, а и выдѣлившись на хутора и отруба, продолжаютъ болѣть прежней болѣзнью деревенскаго, всякаго вида и рода, «утѣсненія». Опытъ воочію показалъ, что какъ ни разселять, какъ ни переселять крестьянъ, а крестьянскій вопросъ есть нѣчто неизмѣримо большее, чѣмъ вопросъ агрикультурный—о формахъ пользованія землей и о пріемахъ ея обработки.

Составителямъ положенія 3 іюня, при содѣйствіи «руководства» выборами, удалось добиться, что подавляющее большинство крестьянъ-депутатовъ сидѣло въ Третьей Думѣ и сидитъ въ Четвертой на правой сторонѣ. Такимъ образомъ, получилась пріятная для реакціи фикція, что будто бы выразителями желаній и мыслей крестьянства являются тѣ «расторопные» волостные старшины и елейно кланяющіеся церковные старосты, которые прошли черезъ искусъ губернаторскаго и исправничьяго одобренія и которыхъ привели съ собою въ

Думу, если не сплошь Марковы, то Шубинскіе, вмѣстѣ съ націоналистами западнаго края и съ правыми священниками. Эти волостные старшины и церковные старосты усердно аплодируютъ министрамъ; они вѣрно голосовали за отдѣленіе Холмщины, за законъ о равноправіи русскихъ уроженцевъ въ Финляндіи, даже за законъ о землеустройствѣ; они слѣпо идутъ за своими вожаками-дворянами въ вопросахъ о Сенатѣ, о печати и т. д. Но чуть вопросъ коснется деревенскаго «утѣсненія», ихъ преданность Марковымъ и послушаніе начальству сейчасъ же начинаютъ колебаться. Партійныя различія крестьянъ-депутатовъ стираются, и справа въ Думѣ раздаются такъ же точно, какъ и слѣва, «мужицкія» слова о «мужицкомъ» горѣ и о «мужицкой» нуждѣ—о землѣ.

Чрезвычайно ярко это сказалось въ преніяхъ о балалайкахъ. Балалайка—инструментъ народный, деревенскій. И иниціаторы двадцатипятитысячной субсидіи балалаечному оркестру В. В. Андреева мотивировали свое предложеніе не тѣмъ, что люди во фракахъ услаждаютъ слухъ людей въ сюртукахъ, смокингахъ и бальныхъ туалетахъ съ блестящихъ, своихъ и иноземныхъ, концертныхъ эстрадъ,—а тѣмъ, что балалайка нужна для культурнаго подъема погрязшей въ хулиганствѣ деревни. Чувствовали ли, при этомъ, октябристы-земцы всю несостоятельность своей аргументаціи—дѣло ихъ совѣсти. Но деревня, въ лицѣ крестьянъ-депутатовъ, не выдержала. «Два года я ждалъ—говорилъ крестьянинъ Фирсовъ,—что въ Государственной Думѣ позаботятся о нашемъ мужикѣ-крестьянинѣ. Вмѣсто того, мы присутствуемъ при издѣвательствахъ надъ тѣмъ народомъ, для устройства быта котораго создана Дума; о деревнѣ говорятъ, что она хулиганская, развратная и пьяная. Я скажу, что деревня чиста, но она голодна. Мы участвуемъ здѣсь въ крупныхъ ассигновкахъ на оклады чиновникамъ, но ничего не даемъ на нужды крестьянъ. Я не знаю, что мы, крестьяне, скажемъ своимъ избирателямъ; развѣ то мы скажемъ голоднымъ, что дали 25.000 руб. въ годъ на балалайку. Это смѣшно»...

«Я все ждалъ улучшенія крестьянскаго положенія—говорилъ крестьянинъ Тарасовъ,—я думалъ, что Государственная Дума займется своимъ дѣломъ. У насъ вѣдь много крестьянскихъ нуждъ. Я думалъ, что улучшатъ сельское хозяйство, заведутъ травосѣяніе, увеличатъ земельное пользованіе. Я все опирался на манифестъ 6 августа 1905 г., когда съ высоты Престола была объявлена такая блестящая благодѣтельная милость намъ Государя-Батюшки о надѣленіи крестьянъ землею изъ казенныхъ участковъ. Мы все ждемъ этого законопроекта. Какъ мы покажемся въ деревню? Что, всѣмъ ли привезли по балалайкѣ—спросятъ насъ. Позаботьтесь же о крестьянскомъ населеніи; вѣдь мы не пенсіи просимъ крестьянамъ, не жалованья. Улуч-

шите сначала положеніе крестьянъ, тогда и просите денегъ на балалайку»...

Можно ли громче и ярче подвести нулевой итогъ работы третьеіюньской Думы! Можно ли сильнѣе подчеркнуть, что крестьянскій вопросъ остается тѣмъ самымъ роковымъ вопросомъ, какимъ былъ и семь, и десять, и двадцать, и тридцать лѣтъ тому назадъ! «*Вѣдь мы не пенсіи просимъ крестьянамъ, не жалованья*»... «*Я думалъ, что Государственная Дума займется своимъ дѣломъ*»... Справа эти слова встрѣчали смѣхомъ. Свою совѣсть заглушали смѣявшіеся, а не правду, которую имъ бросали въ лицо ими же приведенные крестьяне... Въ цитированныхъ словахъ все характерно. Крестьянинъ Тарасовъ въ основу своихъ рухнувшихъ надеждъ клалъ не манифестъ 17 октября, а манифестъ 6 августа. Законодательная ли Дума или законосовѣщательная—ему все равно. Онъ пошелъ за Замысловскими и Марковыми въ готовности забыть манифестъ 17 октября. Но «о надѣленіи крестьянъ землею», о деревенскомъ «утѣсненіи», о крестьянскомъ вопросѣ онъ помнитъ и никогда не забудетъ. Онъ ждалъ и ждетъ не «землеустроительства», а «*надѣленія*».

Тѣ же самыя ноты крестьянскаго обособленія прозвучали въ случайно возникшемъ вопросѣ о составѣ думской комиссіи, разсматривающей законопроектъ объ уничтоженіи сервитутовъ. Во всѣ комиссіи Дума производитъ выборы по фракціоннымъ спискамъ. Представитель крестьянъ кадетъ потребовалъ, чтобы сервитутская комиссія была пополнена десятью членами,—не потому, что въ ней мало лѣвыхъ, а потому, что въ ней подавляющее большинство—помѣщики и лишничтожное меньшинство—крестьяне. Дума на пополненіе состава комиссіи согласилась, но при выборахъ надъ крестьянскимъ вопросомъ большинство посмѣялось: изъ десяти новыхъ мѣстъ въ комиссіи «господа» оставили за собой семь.

Сложной системой союзническихъ чайныхъ, изъятія изъ деревни «агитаторовъ», уничтоженія народной литературы и замѣны ея черносотенными листками, губернаторскихъ циркуляровъ, нагаекъ стражниковъ, поощренія хуторянъ и отрубниковъ и т. д., и т. д., реакціи удалось добиться, что и внѣ Думы появились крестьяне-союзники. Для нихъ и изъ нихъ стали устраивать съѣзды. Но ни одинъ съѣздъ еще не оправдалъ надеждъ и ожиданій устроителей. То же самое было и на послѣднемъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Крестьяне-союзники принесли съ собой, какъ первѣйшее и главнѣйшее, жалобы на малоземелье. Организаторы предложили имъ «итти за землей въ Сибирь». Крестьяне на это отвѣтили: «пускай туда идутъ помѣщики». Не встрѣтила сочувствія крестьянъ-союзниковъ и мысль о розгахъ за хулиганство. Крестьяне, какъ сообщалось въ газетахъ, признали «березовую кашу» уни-

жающей человѣческое достоинство и настояли на отклоненіи резолюціи о возрожденіи тѣлесныхъ наказаній. По вопросу о взаимоотношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками рѣшено возбудить больно бьющее по помѣщикамъ ходатайство о возстановленіи сервитутовъ.

Суть крестьянскаго вопроса состоитъ въ длинной цѣпи экономическихъ и правовыхъ отличій крестьянъ отъ другихъ классовъ и въ противоположеніи крестьянства всѣмъ этимъ классамъ. И всякій разъ, когда такое противоположеніе обнаруживается, тѣмъ самымъ подтверждается, что вопросъ живъ и не разрѣшенъ. А обнаруживается оно отнюдь не только—и, надо сказать, не столько—въ заявленіяхъ, идущихъ отъ крестьянства.

Съ этой точки зрѣнія, пополненіе сервитутной комиссіи семью помѣщиками и смѣхъ въ Думѣ справа, въ отвѣтъ на напоминаніе о «надѣленіи» землей, не менѣе краснорѣчивы, чѣмъ слова крестьянина: «вѣдь мы не пенсіи просимъ, не жалованья», чѣмъ требованіе, чтобы къ разрѣшенію вопроса о сервитутахъ крестьяне были допущены на одинаковыхъ основаніяхъ съ «господами», или чѣмъ ироническое предложеніе крестьянъ помѣщикамъ переселяться въ Сибирь. Собиралось въ кабинетѣ предсѣдателя Думы совѣщаніе представителей фракцій и правительства по вопросу о внѣшней политикѣ и объ оборонѣ страны. На совѣщаніе не получили приглашенія ни трудовики и соціалъ-демократы, ни крестьяне вообще. Основнымъ мотивомъ воплей на мартовскомъ дворянскомъ съѣздѣ, поскольку съѣздъ отвлекалъ свое вниманіе отъ Финляндіи и отъ изысканія новыхъ мѣръ преслѣдованія евреевъ, была знакомая по реакціи восьмидесятыхъ годовъ фраза: «въ деревнѣ жить невозможно». И пояснялась эта невозможность тѣми же старыми примѣрами: крестьяне «не ломаютъ» шапокъ, деревенская молодежь грубитъ, телѣги не сворачиваютъ съ дороги передъ колясками. Дворянинъ Кушелевъ по послѣднему предмету ссылался на какой-то архаическій законъ о тройкахъ, парахъ и одиночкахъ.

Правда, даже «Гражданинъ» назвалъ этотъ съѣздъ «въ высшей степени неприличнымъ». Но въ отношеніи крестьянскаго вопроса не въ томъ суть, что съѣздъ явилъ собою актъ похоронъ «объединеннаго» дворянства, а въ томъ, что, вернувшись къ старому и столь знакомому, дворяне-помѣщики лишній разъ подчеркнули, что крестьянскій вопросъ не сдвинулся съ мѣста. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ раздавались крики о властной рукѣ, кричавшіе и въ мысляхъ не имѣли уничтожить или хотя бы ослабить обособленіе крестьянъ. Напротивъ, это обособленіе—особый правовой укладъ и неприкосновенность земельной общины—они возводили въ основной устой не только крестьянской жизни, но всего русскаго государственнаго и экономическаго строя. Они были откровенны; они откровенно смотрѣли на

крестьянъ, какъ на номинально лишь свободный объектъ правительственныхъ и дворянскихъ мѣропріятій и воздѣйствій. Зачѣмъ же была и зачѣмъ ведется землеустроительная ломка, если наиболѣе близкіе къ правительственнымъ воззрѣніямъ люди вернулись къ старымъ крѣпостническимъ перепѣвамъ? Какую цѣну имѣетъ якобы совершившееся правовое уравненіе крестьянъ, если снова возникли вопросы о шапкахъ и о сворачиваніи съ дороги? Чѣмъ дольше наростаетъ послѣконституціонная реакція, тѣмъ болѣе оказывается въ нашей дѣйствительности круговъ, такъ недавно разомкнутыхъ и затѣмъ опять сомкнувшихся. Черезъ требованія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ о снятіи съ крестьянъ опеки, черезъ манифесты 6 августа и 17 октября 1905 года, черезъ указы 5 октября и 9 ноября 1906 года, черезъ надежды Первой Думы и «послушаніе» Третьей, черезъ проектъ о волостномъ земствѣ—крестьянскій вопросъ пришелъ опять къ ломанію шапокъ и къ заявленію дворянъ: «въ деревнѣ жить невозможно». И фраза повторилась именно тогда, когда наступило полное «успокоеніе» и когда аграрные безпорядки отошли въ область если не далекихъ, то отдаленныхъ воспоминаній.

Съ чего началась и чѣмъ завершилась эволюція вопроса о мелкой земской единицѣ? Первымъ ея этапомъ послужили заявленія земскихъ собраній 1880 — 81 гг., затѣмъ выдвинутое кахановской комиссіей указаніе на несправедливость возложенія на крестьянскую волость, т. е. на крестьянскія земли и на крестьянскій карманъ, расходовъ по обслуживанію обще-полицейскихъ нуждъ территоріи волости. Изъ дальнѣйшихъ этаповъ отмѣтимъ одинъ: указъ 12 декабря 1904 года, въ коемъ для упроченія правильнаго хода государственной жизни признавалось неотложнымъ «образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ». Завершила эволюцію оповѣщенная освѣдомительнымъ бюро Высочайшая милость крестьянамъ: «Въ цѣляхъ облегченія тяготы крестьянскаго мірского обложенія и въ виду того, что содержаніе волостныхъ управленій, обслуживающихъ не однѣ только сословныя нужды крестьянъ, но и цѣлый рядъ потребностей общей администраціи и полиціи, исключительно ложится на платежныя силы одного только крестьянскаго населенія, Государь Императоръ соизволилъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно озаботиться разработкой и внесеніемъ въ законодательныя учрежденія законопроекта о принятіи части расходовъ по волостному управленію на средства государственнаго казначейства».

Комиссія Государственнаго Совѣта вырвала изъ законопроекта

о волостномъ земствѣ его душу: право на обложеніе находящейся въ волости недвижимости. И хотя комиссія послѣ этого не прекратила своихъ занятій, но отъ болѣе, чѣмъ скромнаго проекта, конечно, не осталось ничего. И мотивы рѣшенія комиссіи ни для кого не составляютъ тайны. Одинъ изъ ея членовъ говорилъ: «Мы не можемъ допустить, чтобы нами командовало мужицкое земство, въ которомъ неминуемо потонутъ культурные элементы». Вторая половина фразы составляетъ въ ней только, само собою разумѣется, украшеніе. Она, какъ тонкій тюль, наброшена на первую. «Мы не можемъ допустить, чтобы нами командовало мужицкое земство»—въ этомъ вопросъ о мелкой земской единицѣ нашелъ, до поры до времени, свою могилу. «Мы не можемъ допустить, чтобы крестьяне были съ нами равны»; для разрѣшенія крестьянскихъ нуждъ нѣтъ пути «права»,—въ этихъ лозунгахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается старинный взглядъ на «мужицкій вопросъ». Привитіе крестьянамъ чувства собственности нужно для «насъ», и въ этомъ, а не въ ихъ горѣ и бѣдѣ, смыслъ землеустроительства. «Мы»—господа. «Они»—мужики. «Они» должны «намъ» кланяться въ поясъ, слушать «насъ» и благоговѣйно твердить: «мы—ваши, вы—наши».... Крѣпостное право совсѣмъ не такъ далеко ушло въ прошлое, какъ говоритъ о томъ шестой десятокъ лѣтъ со дня манифеста 19 февраля...

Въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Мещерскій недавно писалъ о словахъ, кѣмъ-то сказанныхъ графу Д. А. Толстому, когда онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія: «вы—министръ средней и высшей школы, а вовсе не народнаго просвѣщенія; просвѣщеніе народа, народная школа, стоитъ внѣ вашего руководительства». Эти слова были весьма близки къ дѣйствительности и въ отношеніи перваго насадителя классицизма въ Россіи, и въ отношеніи всѣхъ его безчисленныхъ преемниковъ, вплоть до самыхъ послѣднихъ дней. Министры удѣляли низшей школѣ наименьшую сумму заботъ и вниманія. И, благодаря этому, Петербургъ и Москва создали блестящую постановку училищнаго дѣла, и всѣ земскія губерніи покрылись внушительной сѣтью школъ. Въ крайне схематически намѣченныхъ закономъ условіяхъ открытія и содержанія начальныхъ училищъ и завѣдыванія ими, само собой создалось положеніе, при которомъ казна вовсе не давала денегъ на земскія и городскія школы, а министерство если и бросало земству и городамъ палки въ колеса, то не особенно настойчиво и безъ ясно выраженной системы. Министерство довольствовалось своей дѣятельностью въ неземскихъ губерніяхъ, гдѣ дѣло начальнаго образованія преслѣдовало обрусительныя цѣли и впередъ не двигалось. Въ

земскихъ же губерніяхъ, если не попадался особенно ретивый губернаторъ и если предавались мирному сну училищные совѣты, вести школьное дѣло было, все-таки, возможно.

Октябристы Третьей Думы стали на путь щирокаго воспособленія земской школѣ изъ средствъ государственнаго казначейства и не учли всѣхъ вытекающихъ отсюда послѣдствій. Они не только обусловили выдачу субсидій тратой ихъ на дѣло народнаго образованія вообще, но установили въ законодательномъ порядкѣ, на что именно субсидіи должны расходоваться: на выдачу жалованья учителямъ и на постройку школьныхъ зданій. Они хотѣли сохранить за законодательными учрежденіями руководительство введеніемъ всеобщаго начальнаго образованія, но забыли, что между лишенными власти распоряженія и исполненія законодательными органами и органами мѣстнаго самоуправленія окажется министръ.

Пока г. Кассо былъ занятъ борьбой съ профессорами университетовъ, насажденіемъ въ высшей школѣ академизма, упраздненіемъ родительскихъ комитетовъ и изысканіемъ мѣръ недопущенія не только въ университеты, но и въ гимназіи, наиболѣе способныхъ и даровитыхъ евреевъ, а также пока университетами же и гимназіями былъ занятъ г. Пуришкевичъ, роковая ошибка Думы не давала себя чувствовать. Какъ только взоръ гг. Кассо и Пуришкевича опустился къ низшей школѣ, обнаружилось во всей ясности, какой цѣной земство получило возможность повести развитіе школьнаго дѣла ускореннымъ темпомъ. Судьбу низшей школы ускорилъ январьскій съѣздъ народныхъ учителей въ Петербургѣ. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» г. Кассо, 14-го января, касаясь низшей школы, говорилъ только о съѣздѣ. «Вообще,—заявлялъ онъ,—съѣздъ прошелъ довольно спокойно. Остается сожалѣть лишь объ одномъ: то, что на немъ говорилось, относилось нерѣдко къ области утопіи. Съ своей стороны, я желалъ бы поменьше утопіи, а побольше идеализма, безъ котораго были бы невыносимы тяжелыя условія дѣятельности народныхъ учителей, этихъ скромныхъ тружениковъ въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія. Для успѣха народнымъ учителямъ нужна искренняя вѣра въ русскую государственность и русскій народъ. И я хочу думать, что большинство изъ нихъ проникнуто сознаніемъ высоты ихъ роли».

Эти слова, сами по себѣ, еще не внушали особенно серьезныхъ опасеній. И печатью они были встрѣчены безъ тревоги. Но они получили иной смыслъ послѣ рѣчи, въ закрытомъ засѣданіи дворянскаго съѣзда, г. Пуришкевича, который не въ первый разъ выступалъ въ роли интерпретатора мыслей и намѣреній г. Кассо. Сыскъ, немедленно начавшійся по возвращеніи участниковъ учительскаго съѣзда изъ

Петербурга, очевидно, былъ слѣдствіемъ не случайнаго усердія мѣстныхъ учебныхъ властей. Желаніе г. Кассо, чтобы въ мысляхъ народныхъ учителей было «поменьше утопіи и побольше идеализма», очевидно, принадлежитъ къ тѣмъ желаніямъ, которыя не останавливаются ни передъ чѣмъ. И что это такъ, о томъ свидѣтельствуетъ уже рядъ появившихся циркуляровъ.

Въ отмѣну прежнихъ циркуляровъ и вопреки категорическимъ разъясненіямъ Сената, г. Кассо объявилъ, что «какъ пріисканіе кандидатовъ для замѣщенія учительскихъ должностей, такъ и допущеніе ихъ къ исполненію учительскихъ обязанностей законъ возлагаетъ только на инспекторовъ народныхъ училищъ». Такимъ образомъ, въ циркулярномъ порядкѣ земство отъ приглашенія учителей устранено. Другимъ циркуляромъ изъ вѣдѣнія земства изъяты и школьныя зданія. По свѣдѣніямъ членовъ Думы отъ Уфимской губерніи, мѣстный попечитель учебнаго округа, основываясь на распоряженіи министерства, разъяснилъ, что если на постройку зданій земскихъ школъ были получены хоть какія-либо пособія отъ казны, то эти зданія являются собственностью министерства народнаго просвѣщенія.

Въ засѣданіи 26 февраля, Государственный Совѣтъ, вслѣдъ за комиссіей законодательныхъ предположеній, большинствомъ 87 голосовъ противъ 51 отклонилъ безъ постатейнаго разсмотрѣнія законопроектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ области Войска Донского. При этомъ была принята слѣдующая формула перехода: «Признавая желательнымъ, чтобы правительство озаботилось скорѣйшимъ выясненіемъ тѣхъ основаній, на которыхъ должно быть преобразовано въ соотвѣтствіи съ особенностями казачьяго быта управленіе земскимъ хозяйствомъ области Войска Донского, и свои по этому предмету предположенія внесло на обсужденіе законодательныхъ учрежденій, Государственный Совѣтъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Такимъ образомъ, вопросъ вернулся въ то самое положеніе, въ которомъ онъ находится тридцать два года—съ самаго дня «пріостановленія» на Дону дѣйствія закона о земствѣ. А какой результатъ дало это «скорѣйшее выясненіе основаній», непрерывно длящееся болѣе трехъ десятковъ лѣтъ, исчерпывающе охарактеризовалъ докладчикъ комиссіи, А. С. Стишинскій. «Всѣ отрасли, — говорилъ онъ,— мѣстнаго благоустройства и хозяйства въ Донской области находятся въ крайне неудовлетворительномъ, въ полномъ смыслѣ слова нарушенномъ, состояніи. Дороги и мосты плохи, школъ мало, медицинская, санитарная и ветеринарная части не вышли еще изъ зачаточнаго состоянія». Что же касается земства, какъ испытаннаго средства увеличенія числа школъ и выхода медицинской, санитарной и ветеринар-

ной частей изъ «зачаточнаго состоянія», то требованіе его возстановленія А. С. Стишинскій приписалъ проискамъ «агитаторовъ, преимущественно изъ лѣвыхъ партій», которые уже давно стремятся разрушить казачество, а въ послѣднее время «не могутъ простить» ему заслуги подавленія «гидры революціи». Рядомъ съ «агитаторами» г. Стишинскій упомянулъ и о «военныхъ сферахъ, преимущественно изъ круга лицъ, украшенныхъ учеными аксельбантами», ибо имъ тоже, по его словамъ, не чужда «была» мысль о признаніи казачества «пережиткомъ старины». Въ заключеніе г. Стишинскій утверждалъ, что земство на Дону будетъ равносильно «кресту», который водрузится надъ донскимъ казачествомъ.

Военный министръ и наказной атаманъ Донского войска—оба военные генералы, «украшенные учеными аксельбантами»,—въ общихъ разсужденіяхъ отнюдь не шли такъ далеко, какъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Стишинскй. Ихъ аргументація была гораздо проще и сводилась, въ сущности, къ одному положенію: «казаки земства не хотятъ». И какъ ген. Сухомлиновъ, такъ равно ген. Покотило, повидимому, въ исключительной степени прониклись, въ данномъ случаѣ, столь мало у насъ привычной готовностью подчинять государственныя мѣропріятія желанію или нежеланію тѣхъ, кого они касаются. Военный министръ, въ виду того, что «казаки земства не хотятъ», назвалъ не только проектъ Государственной Думы, но и свой собственный, «совершенно непріемлемыми». Это ли не объективизмъ, граничащій съ геройствомъ! Генералъ Покотило рисовалъ ужасъ кровавой расправы съ нежелающими земства казаками. «Я,—говорилъ онъ, — какъ войсковой атаманъ, облеченъ большой, данной мнѣ верховной властью, силой; заставлю, введу. Но зачѣмъ? Для того, чтобы внести полное неудовольствіе въ войскѣ? Я введу, а какія мѣры для этого примѣню,—отвѣчу передъ Богомъ и Государемъ».

Соображенія г. Стишинскаго едва-ли заслуживаютъ серьезнаго разбора. Рѣшительно никто уничтожать казачества не собирается, и никто введенія земства въ Донской области съ водруженіемъ «креста» надъ казачествомъ не связываетъ. Но аргументъ генераловъ Сухомлинова и Покотило нельзя обойти молчаніемъ, хотя бы въ виду ихъ необычности. Можно ли «не хотѣть земства»? Можетъ ли «не хотѣть» земскаго самоуправленія населеніе? Могутъ ли его «не хотѣть» казаки?

Нежеланіе кого бы то ни было платить земскіе сборы естественно и понятно. Среди казаковъ оно понятно вдвойнѣ, ибо г. Стишинскій былъ правъ, когда говорилъ: «донской казакъ воспитанъ на томъ убѣжденіи, что ему ничего не надо платить за землю». Но нежеланіе платить деньги одно, а нежеланіе имѣть земство—другое. И

если въ глазахъ тѣхъ 45 станицъ, о которыхъ заявлялъ ген. Покотило, что онѣ при опросѣ «отказались отъ земства», земство отождествляется съ поземельнымъ обложеніемъ и кромѣ, какъ въ обложеніи, ни въ чемъ иномъ не имѣетъ смысла, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что не опрашиваемые, а опрашивавшіе не хотятъ земства. Въ 1876 г. казаки Хоперскаго округа «взбунтовались» — отказались выбирать гласныхъ, только потому, что введеніе земства нарушило ихъ историческую привилегію не платить налоговъ. Тогда же была пущена въ оборотъ нынѣ повторяемая легенда, любезная сердцу всякаго рода начальства, что казаки «не хотятъ земства», т. е. что казачество, имѣющее широко развитое станичное самоуправленіе и традиціонный «войсковой кругъ», не желаетъ само вѣдать пользы и нужды округовъ и области, а хочетъ, чтобы дорогами, больницами и школами, независимо отъ него, завѣдывало начальство. Ни отъ ея живучести, однако, ни отъ авторитетности тона войскового наказного атамана, легенда не сдѣлалась дѣйствительностью.

Нежеланіе населенія имѣть земство по положенію 1890 года, т. е. сословное земство, отданное въ руки дворянъ, также естественно и понятно. И такое нежеланіе, со стороны казаковъ, также точно понятно вдвойнѣ. Донскіе казаки никогда не знали крѣпостного права и дѣленія на «господъ» и «мужиковъ». Среди казаковъ есть дворяне, но всѣ сословныя различія у нихъ покрываются идеей единаго казачества. Казакъ-генералъ, казакъ-офицеръ, казакъ-урядникъ и казакъ-рядовой суть равноправные члены станичной общины. Всѣ они на одинаковыхъ началахъ пользуются земельнымъ надѣломъ и несутъ воинскую повинность. Всѣ участвуютъ въ платежѣ станичныхъ сборовъ. И ясно, что если къ донскому войску примѣнить безъ всякаго соображенія съ казачьимъ бытомъ земское положеніе 1890-го года, то получится нѣчто несуразное. Но развѣ земскій избирательный законъ 1890 г. представляетъ собою неустранимую и органическую принадлежность земства? Развѣ идея земскаго самоуправленія во что бы то ни стало предполагаетъ насажденіе отрубного и хуторского хозяйства, которое—по вѣрному замѣчанію г. Стишинскаго—«чуждо правосознанію» казаковъ?

Не земства, т. е. земскаго самоуправленія, «не хотятъ казаки», а дѣйствующаго положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, поскольку оно противорѣчитъ особенностямъ казачьяго быта и, главнымъ образомъ, нарушаетъ ихъ привилегію не нести поземельнаго обложенія. И это съ исчерпывающей ясностью сказала еще въ 1881 г. собранная въ Новочеркасскѣ комиссія 106-ти представителей войска. То же самое единогласно признало въ 1903-мъ году междувѣдомственное совѣщаніе, образованное въ Петербургѣ при военномъ министерствѣ. Даже тогда—во времена Плеве и съ его со-

гласія—совѣщаніе проектировало предоставить станичнымъ сходамъ, во-первыхъ, право выбирать гласныхъ, а не кандидатовъ въ гласные, подлежащихъ назначенію, и, во-вторыхъ, право выбирать казакамъ казаковъ, независимо отъ сословныхъ различій. Но всего болѣе совѣщаніе отдало вниманія вопросу о земскомъ обложеніи. Условія отправленія воинской повинности казаками, какъ въ отношеніи числа поставляемыхъ на службу казаковъ, такъ и въ отношеніи снаряженія поставляемыхъ, создаютъ несомнѣнное право донского казачества на безданное пользованіе надѣльными станичными землями. Съ другой стороны, въ донскомъ войскѣ имѣется особый войсковой капиталъ, главный источникъ пополненія котораго составляютъ ежегодныя перечисленія изъ средствъ государственнаго казначейства, въ возмѣщеніе отмѣненнаго, при введеніи акцизной системы, права казаковъ на свободную торговлю виномъ. Совѣщаніе остановилось на мысли, что земскіе сборы съ станичныхъ земель должны оплачиваться войсковымъ капиталомъ. И такая мѣра, конечно, сразу разрушила бы легенду, что казаки «не хотятъ земства». По существу это была бы мѣра совершенно справедливая, а съ юридической точки зрѣнія—столь же правильная. Она изъяла бы, правда, распоряженіе войсковымъ капиталомъ изъ рукъ областной администраціи, но за то она вернула бы его въ распоряженіе собственника, т. е. войска,—по выраженію г. Стишинскаго, «военнаго общества» или «стана рыцарей» въ лицѣ его выборныхъ представителей.

Эти предположенія, въ преніяхъ Государственнаго Совѣта, почему-то совсѣмъ не нашли отклика. Ген. Покотило не отдѣлялъ вопроса о земствѣ отъ вопроса объ обложеніи станичныхъ земель и говорилъ: «Донской казакъ боится обложеній. Онъ считаетъ, что всякое обложеніе равняетъ его съ податнымъ сословіемъ. Кромѣ того, обложеніе подорветъ его благосостояніе, и казакъ не въ состояніи будетъ выполнять своего любимаго военнаго дѣла». «Казакамъ—продолжалъ наказной атаманъ,—нужно помочь, но не земствомъ, котораго они не желаютъ и которое ударитъ ихъ по тощему карману». Какъ разсчитываютъ военное вѣдомство и Государственный Совѣтъ «помочь» казакамъ—это раскрываетъ цитированная формула перехода, особенно въ сопоставленіи съ тѣмъ, что говорилъ ген. Покотило въ совѣтской комиссіи. Тамъ онъ, какъ сообщалось въ газетахъ, заявлялъ, что военное вѣдомство изготовляетъ свой проектъ реорганизаціи мѣстныхъ учрежденій въ области Войска Донского. Согласно проекту, управленіе хозяйственной частью передается въ особыя правительственныя учрежденія, куда представители населенія будутъ приглашаться въ качествѣ свѣдущихъ лицъ.

Итакъ, на очереди повтореніе на Дону того самаго эксперимента

съ назначеннымъ «западнымъ земствомъ», который безповоротно осужденъ не «агитаторами изъ лѣвыхъ партій», а покойнымъ П. А. Столыпинымъ и націоналистами изъ западнаго края. Что «назначенное земство» есть логическій абсурдъ,—объ этомъ говорить не станемъ. Что оно органически не будетъ способно поднять экономическое положеніе края и явится попраніемъ правъ донскихъ казаковъ, какъ русскихъ гражданъ—тоже. Напомнимъ лишь слова Императора Александра II, сказанныя въ 1866-мъ году, которыя приводилъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта графъ А. П. Толстой: «Казачье населеніе, отбывая по прежнему воинскія свои обязанности, можетъ и должно въ то же время пользоваться общими для всѣхъ частей Имперіи благами гражданскаго благоустройства». Генералы Покотило и Сухомлиновъ, а вслѣдъ за ними и 87 членовъ Государственнаго Совѣта, разсудили, что казаки сами «не хотятъ» пользоваться благами гражданскаго благоустройства и что принудить ихъ къ пользованію благами самоуправленія и правомъ вѣдать свои дѣла можно лишь путемъ мѣръ, за которыя наказной атаманъ отвѣтитъ «передъ Богомъ и Государемъ»...

Попробуемъ на минуту стать на точку зрѣнія ген. Покотило и допустимъ, что земство неотдѣлимо отъ обложенія казачьихъ земель. Но на какія средства будутъ устраивать дороги, школы и больницы «особыя правительственныя учрежденія?» Про войсковой капиталъ ген. Покотило заявлялъ, что его «нѣтъ». Слѣдовательно, административное управленіе войскомъ отнюдь не предполагаетъ отдать капиталъ въ распоряженіе «особыхъ» учрежденій, гдѣ будутъ засѣдать свѣдущіе люди изъ казаковъ. Если же эти учрежденія источникомъ доходовъ будутъ имѣть спеціальныя ассигнованія изъ государственнаго казначейства, то почему для расходованія такихъ ассигнованій казаки могутъ призываться лишь въ качествѣ свѣдущихъ людей, а не въ качествѣ хозяевъ дѣла? Почему такъ широко нынѣ ассигнуемыя казенныя субсидіи на народное образованіе въ 43 губерніяхъ отдаются выборному земству, а въ Донской области будутъ поступать въ вѣдѣніе «особыхъ правительственныхъ учрежденій»? А если основой бюджета этихъ учрежденій будетъ обложеніе станичной земли,—при нежеланіи отдавать войсковой капиталъ,—такъ, конечно, и будетъ,—то почему для принужденія казаковъ къ платежу денегъ по требованію начальства не придется прибѣгать къ силѣ, тогда какъ для принужденія къ платежамъ по праву самообложенія примѣнить оружіе было бы неизбѣжно? По мысли большинства Государственнаго Совѣта, казакъ, очевидно, имѣетъ иную психику, чѣмъ всѣ люди: по требованію со стороны и на дѣло, изъятое изъ его распоряженія и контроля, онъ станетъ платить безропотно, а платить

тѣ же самыя деньги по требованію своихъ избранниковъ и на дѣло, имъ контролируемое,—къ этому его можно принудить только силой.

Не казаки «не хотятъ» земства, а дѣйствительные тайные совѣтники и генералы, съ аксельбантами и безъ аксельбантовъ...

Снова какъ-то чаще замелькали извѣстія о смертныхъ приговорахъ и казняхъ. 10 марта въ селищенскихъ казармахъ, близъ Новгорода, разстрѣляны два солдата, осужденные за убійство фельдфебеля. 20 марта въ Читѣ повѣшенъ экспропріаторъ. При конфирмаціи другого смертнаго приговора, состоявшагося тамъ же, повѣшеніе, назначенное за убійство жандармскаго унтеръ-офицера, замѣнено рабочему Корякину годичнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ («Бирж. Вѣд.», № 14064). 24 марта въ Кіевѣ приговоренъ къ разстрѣлянію рядовой, осужденный за нападеніе на караулъ и за покушеніе на убійство офицера.

Практика смертныхъ приговоровъ не въ первый разъ даетъ замѣну казни срочнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Были примѣры, приговоренные къ смерти получали въ порядкѣ конфирмаціоннаго внѣсудебнаго смягченія замѣну крѣпостью или тюрьмой съ полнымъ зачетомъ предварительнаго заключенія и въ день конфирмаціи выходили изъ тюрьмы свободными гражданами, даже не ограниченными въ правахъ. Извѣстіе о всѣхъ такихъ случаяхъ, конечно, вызывало вздохъ облегченія. Ужаснѣе судебной ошибки ничего нельзя себѣ представить. И не только ошибки непоправимой—казни невиннаго или расплатившагося жизнью за то, за что законъ не караетъ высшимъ наказаніемъ. Ужасно всякое наказаніе, назначенное безъ вины или свыше мѣры содѣяннаго. И случаи замѣны командующими войсками повѣшенія тюрьмой свидѣтельствуютъ, что право конфирмаціи смертныхъ приговоровъ, все-таки, есть хоть нѣкоторый коррективъ условій разсмотрѣнія дѣлъ о смертникахъ въ военныхъ судахъ. Но тѣмъ сильнѣе выдвигается случайный характеръ этого корректива—полная его зависимость отъ личныхъ свойствъ и темперамента даннаго главнаго начальника военнаго округа, отъ его умѣнья вникать во всѣ детали дѣла, отъ повода, который заставилъ въ нихъ вникнуть, отъ имѣвшагося для того свободнаго времени и т. д., и т. д. При лишеніи военнаго суда права собственной властью признавать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ и смягчать смертные приговоры и при правѣ командующихъ войсками отмѣнять кассаціонное обжалованіе, читая о замѣнѣ смертной казни тюрьмой, никогда нельзя выкинуть изъ сознанія, что если, при данномъ счастливомъ стеченіи внѣшнихъ условій, судебная ошибка была устранена, то, при другой, столь же

случайной комбинаціи, смертный приговоръ могъ быть приведенъ въ исполненіе или повѣшеніе могло быть замѣнено безсрочной каторгой.

Какія безчисленныя предположенія, какія, одна другой ужаснѣе, мысли возникаютъ изъ факта: смертная казнь за убійство жандарма замѣнена рабочему годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ! Что это было за «убійство», если командующій войсками,—лицо, стоящее внѣ самыхъ отдаленныхъ намековъ на подозрѣніе въ потакательствѣ убійцамъ, да еще къ тому же жандарма, — если онъ, вмѣсто висѣлицы, послалъ осужденнаго на годъ въ тюрьму? Какой силы и грубости кроется за этой замѣной ошибка суда, фактическая или юридическая? И какъ близка была ошибка къ тому, чтобы стать безповоротно непоправимой!.. Уголовный судъ дѣлаетъ жестокое дѣло: живыхъ людей отправляетъ въ тюрьму, въ каторгу и на висѣлицу. Приговоръ уголовнаго суда почитается непререкаемой истиной. Естественно, необходимы сложныя формы отправленія уголовнаго правосудія. И чѣмъ, въ отношеніи размѣра каръ, компетенція суда выше, тѣмъ бо́льшими гарантіями отправленіе правосудія должно быть обставлено. У насъ—наоборотъ. Военный судъ и въ обычныхъ условіяхъ его дѣятельности имѣетъ менѣе развитыя гарантіи, чѣмъ судъ общій. Въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ онъ постановляетъ смертные приговоры, гарантіи представляются еще меньшими, а возможность судебныхъ ошибокъ еще неизмѣримо большею.

Судомъ, принципіально отвергавшимъ общепризнанныя элементарныя гарантіи правильнаго отправленія правосудія, были суды военно-полевые. Для гражданъ ихъ уже нѣтъ семь лѣтъ. Но для воинскихъ чиновъ они по закону остались. И распоряженіе командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, генерала Ренненкампфа, напомнило, что они существуютъ.

Фактическое изложеніе обстоятельствъ дѣла, вызвавшаго къ жизни забытый quasi-судебный институтъ, заимствуемъ изъ «Рѣчи» (№ 69). 3 февраля, во дворѣ казармъ, подъ руководствомъ «дядьки-рядового», занималась ружейными пріемами группа новобранцевъ. Новобранецъ-еврей Раскинъ въ то время, какъ дядька отъ него отвернулся въ другую сторону, взялъ ружье въ руки, «какъ бы съ цѣлью» нанести ударъ, но былъ остановленъ другими новобранцами. Инциденту не придали особаго значенія, и занятія продолжались. Вечеромъ, послѣ занятій, между Раскинымъ и «дядькой» произошли недоразумѣнія, и тогда Раскинъ сказалъ, что если бы его не остановили, онъ бы его убилъ. Послѣ этихъ словъ учитель-рядовой доложилъ о бывшемъ инцидентѣ фельдфебелю, а послѣдній на другой день доложилъ ротному командиру.

Въ дальнѣйшемъ дѣло получило обычное теченіе, и предвари-

тельное изслѣдованіе производилось безъ всякой особой спѣшности. Повидимому, передъ преданіемъ суду возникъ юридическій вопросъ: можетъ ли быть «дядька» признаваемъ начальниковъ новобранцевъ, и потому, составляетъ ли дѣяніе Раскина покушеніе на убійство начальника. Когда вопросъ, пройдя нѣсколько инстанцій, поступилъ къ командующему войсками, генералъ Ренненкампфъ разрѣшилъ его въ утвердительномъ смыслѣ и, какъ пишетъ корреспондентъ «Рѣчи», «сдѣлалъ по телеграфу, въ свойственныхъ генералу выраженіяхъ, распоряженіе о преданіи Раскина военно-полевому суду». Военно-полевой судъ приговорилъ его къ лишенію воинскаго званія и къ 20 годамъ каторжныхъ работъ.

Этотъ приговоръ означаетъ, что судъ изъ строевыхъ офицеровъ, при обязательномъ устраненіи изъ его состава офицеровъ-юристовъ, и дѣйствующій безъ участія прокурора и защитника, во-первыхъ, призналъ наличность покушенія на убійство въ дѣяніи солдата, который взялъ ружье «какъ бы съ цѣлью» нанести ударъ и въ послѣдующей похвальбѣ обнаружилъ имѣвшееся у него намѣреніе; во-вторыхъ, военно-полевой судъ квалицифировалъ это дѣяніе, какъ покушеніе на предумышленное убійство начальника, и, въ-третьихъ, назначилъ виновному самое высшее изъ наказаній, какое только могло быть назначено. Правиленъ ли приговоръ въ его фактической части — на основаніи газетнаго сообщенія судить, конечно, трудно. Но что онъ явно неправиленъ въ части юридической—это стоитъ внѣ малѣйшихъ сомнѣній. Въ отношеніи обучаемыхъ ими новобранцевъ «дядьки» никакой дисциплинарной властью не пользуются. Слѣдовательно, они не суть начальники новобранцевъ. Такъ разъясненъ вопросъ въ многократныхъ рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда. И для военныхъ юристовъ это одинъ изъ избитыхъ азбучныхъ вопросовъ. А потому военно-окружный судъ, если бы и призналъ въ дѣяніи Раскина покушеніе на убійство,—что само по себѣ представляется еще весьма сомнительнымъ,— то ни въ какомъ случаѣ не примѣнилъ бы закона о покушеніи на убійство начальника и не назначилъ бы Раскину двадцатилѣтней каторги. Если бы военно-окружный судъ поступилъ иначе, приговоръ навѣрное былъ бы кассированъ. Приговоръ же суда военно-полевого кассаціи не подлежитъ, и судьба Раскина рѣшена безъ возможности исправленія судебной ошибки.

Въ законѣ о военно-полевомъ судѣ ясно выражена его цѣль: приблизить моментъ сужденія за дѣянія, не вызывающія сомнѣній ни въ отношеніи виновности лица, ни въ отношеніи состава преступленія, къ моменту ихъ учиненія. Дѣло Раскина вызвало тянувшуюся болѣе мѣсяца переписку. Одно это, казалось бы, исключало надобность въ телеграфномъ распоряженіи объ образованіи военно-полевого суда.

Но такое экстренное распоряженіе, послѣ тянувшейся мѣсяцъ переписки, говоритъ даже о большемъ, чѣмъ объ отступленіи отъ мысли, заложенной въ институтъ военно-полевой юстиціи. Въ перепискѣ, несомнѣнно, принималъ участіе военно-прокурорскій надзоръ. И если, пожалуй, гадательно, какое заключеніе далъ военный прокуроръ по существу обвиненія, то отнюдь не гадательно, что онъ сказалъ о возможности судить Раскина за покушеніе на убійство начальника. А потому, дѣлая, «въ свойственныхъ ему выраженіяхъ», телеграфное распоряженіе, ген. Ренненкампфъ не могъ не знать, какое юридическое разрѣшеніе получило бы дѣло при направленіи въ нормальномъ порядкѣ военной подсудности. Если же такъ, то значитъ, что преданіемъ Раскина военно-полевому суду преслѣдовалась особая цѣль: дать во что бы то ни стало торжество своему личному пониманію и толкованію закона и подвергнуть Раскина большему наказанію, чѣмъ то, которое ему, по авторитетному разъясненію военно-судебной практики, слѣдовало.

Безконечно тяжело было читать судебные отчеты о «дѣтскомъ процессѣ», разбиравшемся въ петербургской судебной палатѣ. И стало прямо больно на душѣ, когда сдѣлался извѣстенъ приговоръ. Судебная палата признала, что шестью юношами, въ возрастѣ отъ семнадцати лѣтъ, было образовано въ Петербургѣ грозное революціонное «сообщество», поставившее цѣлью своей дѣятельности «насильственное ниспроверженіе государственнаго строя». Четверо приговорены къ ссылкѣ на поселеніе, двое—къ заключенію въ крѣпости.

Наиболѣе характерная особенность «дѣтскаго процесса» или, по другому ходячему названію, «дѣла витмеровцевъ», заключается въ томъ, что подсудимымъ инкриминировалось не участіе въ какомъ-либо революціонномъ сообществѣ взрослыхъ людей, не ими созданномъ и не ими руководимомъ, а самостоятельное образованіе своего собственнаго преступнаго сообщества и самостоятельное принятіе цѣлью «своей» дѣятельности—«насильственнаго ниспроверженія государственнаго строя». Въ массовыхъ политическихъ процессахъ недавняго прошлаго на скамьѣ подсудимыхъ нерѣдко можно было видѣть юношей, чуть не дѣтей. Но тамъ они были, какъ вовлеченные или вовлекшіеся въ чужое дѣло. Въ дѣлѣ витмеровцевъ скамью подсудимыхъ занимали одни юноши—вѣрнѣе, полу-дѣти, ставшіе юношами за время предварительнаго заключенія. По конструкціи обвиненія выходило—а теперь выходитъ и по конструкціи приговора,—что власть усмотрѣла грозную, требующую суровой уголовной репрессіи опасность для бытія государства въ томъ, что шесть гимназистовъ

(седьмой оправданъ), безъ всякой связи съ другими революціонными организаціями, задумали насильственно ниспровергнуть государственный строй, и хотя никакихъ насильственныхъ дѣйствій не совершили, но «преступно» собирались, что-то обсуждали, что-то писали и другъ другу передавали. И на эти ихъ мысли—или мечты—о революціи—государство отвѣтило ссылкой въ сибирскую тайгу въ порядкѣ судебнаго приговора, съ лишеніемъ правъ состоянія. Неужели государство такъ слабо и настолько не располагаетъ иными мѣрами воздѣйствія на молодежь, что ему стоило ополчаться противъ шести осужденныхъ юношей арсеналомъ уголовныхъ каръ? Въ дѣлѣ витмеровцевъ принципъ экономіи карательныхъ мѣръ, несомнѣнно, нарушенъ.

Процессъ изобиловалъ штрихами и деталями, усиливавшими тяжесть ощущеній. Передъ палатой прошла цѣлая шеренга агентовъ охраннаго отдѣленія, которымъ было поручено, какъ они говорили, «работать надъ учениками». И они «работали»: ходили за учениками по пятамъ. Агенты охраны надавали имъ клички: одного назвали «желѣзнымъ», другого «оловяннымъ», третьяго «жестянымъ», четвертаго «фарфоровымъ» и т. д. Одинъ изъ агентовъ, на вопросъ защиты, пояснилъ, почему онъ далъ объекту своихъ наблюденій кличку «жестяного»:—«Ну, конечно, онъ знакомъ былъ съ желѣзнымъ,—ну самъ, значитъ, жестяной»... Послѣ этой фразы въ замѣткѣ газетнаго референта написано: «Смѣется публика. Весело улыбаются и сами желѣзные, жестяные и прочихъ сортовъ обвиняемые. Какая-то игра въ оловянные подсудимые!..» Да, на процессѣ было надъ чѣмъ смѣяться,—смѣяться и плакать...

Убитаго горемъ отца «главнаго» подсудимаго, Пруссака, палата спрашивала о политическихъ убѣжденіяхъ его семнадцатилѣтняго сына. Изумленный вопросомъ отецъ могъ только махнуть рукой... Еще во время предварительнаго слѣдствія возникалъ вопросъ о психической нормальности Пруссака. Для испытанія онъ былъ помѣщенъ въ больницу. Наблюдавшіе его врачи признали, что въ инкриминируемый ему періодъ «преступной» дѣятельности онъ былъ душевнобольнымъ. То же они повторили въ судебномъ засѣданіи. Ихъ мнѣніе раздѣлилъ проф. Бехтеревъ. Но палата съ категорическимъ и единогласнымъ заключеніемъ людей науки не согласилась... Знаменитый по процессу Бейлиса товарищъ прокурора, г. Випперъ, требовалъ не только признанія виновности подсудимыхъ, но и назначенія высшихъ каръ. Ссылка на поселеніе его не удовлетворяла: онъ хотѣлъ каторги. Вопреки всѣмъ криминалистамъ міра, требованіямъ закона и простому здравому смыслу, юношескій возрастъ подсудимыхъ г. Випперъ трактовалъ не какъ основаніе къ уменьшенію наказанія, а наоборотъ—

какъ основаніе для назначенія наказанія, наиболѣе суроваго. Его мотивы: революцію надо вырывать съ корнемъ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

По-истинѣ невѣроятныя вещи творятся въ послѣднее время на правой сторонѣ Государственной Думы. Не только отдѣльные ораторы позволяютъ себѣ категорически утверждать существованіе фактовъ, въ высокой степени невѣроятныхъ и не подтверждаемыхъ даже «началомъ доказательства», но въ томъ же духѣ составляется и ставится на голосованіе проектъ формулы перехода, встрѣчающій поддержку цѣлыхъ партійныхъ группъ. Уже въ засѣданіи 21-го марта деп. Марковъ 2-ой говорилъ, какъ о чемъ-то безспорномъ, объ отравленіи революціонными организаціями работницъ, отказывающихся отъ забастовки; еще раньше ту же мысль проводилъ, въ нѣсколько менѣе рѣшительной формѣ, деп. Новицкій. Оба оратора вызвали цѣлую бурю опроверженій. Въ засѣданіи 24-го марта деп. Замысловскій обставляетъ однородное обвиненіе оговорками: «мнѣ кажется» «вѣроятно», весьма мало, однако, прикрывающими его настоящее намѣреніе. Совершенно безцеремонно, по своему обыкновенію, выступаетъ деп. Пуришкевичъ, увѣряя, что ясны причины массовыхъ отравленій, ясны «лица, которыя этимъ дѣломъ занимаются». Черносотенныя фабрики,—восклицаетъ онъ—«нельзя было принудить къ забастовкѣ, и тогда друзья здѣсь сидящихъ (т. е. крайнихъ лѣвыхъ) прибѣгли къ такимъ мѣрамъ, за которыя слѣдуетъ судить военнымъ судомъ и присуждать къ смертной казни. Въ довершеніе всего, деп. Снѣжковымъ вносится формула, которая гласитъ, что заболѣванія появились почти одновременно на нѣсколькихъ фабрикахъ, и преимущественно тамъ, гдѣ работницы отказывались примкнуть къ «забастовкѣ, что химическія обструкціи получили широкое распространеніе среди студенческихъ и рабочихъ революціонныхъ организацій и что эти организаціи не стѣсняются примѣнять къ штрейкбрехерамъ насиліе, до убійствъ включительно». И находятся 64 депутата, подающихъ голосъ за эту формулу—за неслыханное осужденіе цѣлыхъ группъ, основанное на произвольныхъ догадкахъ и сомнительныхъ аналогіяхъ, предрѣшающее исходъ едва начатаго разслѣдованія! Что общаго между студенческими химическими обструкціями, никому не причинявшими серьезнаго вреда, и отравленіями, тяжело отзывающимися на здоровьѣ многихъ сотенъ работницъ? Что общаго между штрейкбрехерами, становящимися на работу вопреки принятой и провозглашенной на данной фабрикѣ стачкѣ, и работницами, спокойно продолжающими вовсе не преры-

вавшуюся работу? И такое вмѣшательство въ задачи слѣдственной и судебной власти предпринимается въ тревожную минуту государственной жизни, при страстномъ возбужденіи широкихъ круговъ общества! Впрочемъ, мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что на подъемъ политической температуры были прямо разсчитаны выступленія правыхъ. Имъ нужно было довести своихъ противниковъ до бѣлаго каленія, чтобы потомъ обвинить ихъ въ несдержанности, въ готовности къ эксцессамъ, и въ понятномъ ихъ гнѣвѣ найти подтвержденіе пущенныхъ въ оборотъ подозрѣній... Формула деп. Снѣжкова отвергнута большинствомъ 112 голосовъ, но она сдѣлала свое дѣло: она показала, что цѣлая треть голосовавшихъ—въ составъ которой вошли, очевидно, не только крайніе правые, но и часть націоналистовъ,—не знаетъ границъ для своего инквизиціоннаго усердія и готова поддержать всякую мѣру, направленную противъ волнующихся рабочихъ.

Негодованіе, возбудить которое было, повидимому, ясно сознанной задачей гг. Маркова 2-го, Пуришкевича и ихъ товарищей, вылилось въ словахъ, за которыя подверглись взысканіямъ два члена крайней лѣвой. Предлагая исключить деп. Чхенкели на два засѣданія, предсѣдатель Думы призналъ совершенно недопустимымъ «внѣдрившійся въ рѣчи ораторовъ» обычай называть другъ друга рѣзкими выраженіями. Безспорно, этотъ обычай одобренъ быть не можетъ; но отвѣтственность за его «внѣдреніе» не упадаетъ ли, главнымъ образомъ, на правыхъ депутатовъ и на президіумъ Думы? Кто ввелъ въ моду обращенія на ты, восклицанія въ родѣ «пошелъ вонъ», «уберите его» и другія аналогичныя любезности по адресу противниковъ? Безъ сомнѣнія—деп. Пуришкевичъ и его ближайшіе послѣдователи. Десятки, сотни разъ ихъ выходки проходили незамѣченными со стороны предсѣдателя и, въ концѣ концовъ, не могли не подѣйствовать заразительно на тѣхъ, противъ кого онѣ обычно были направлены. Справа шелъ и примѣръ шума, безпорядка, невниманія къ требованіямъ предсѣдательствующаго. Не дальше, какъ 18-го марта, деп. Замысловскій, четыре раза остановленный и призванный къ порядку, продолжалъ шумѣть, прерывать оратора, вступать въ пререканія съ предсѣдательствующимъ, пока не былъ исключенъ на два засѣданія. 21-го и 24-го марта не менѣе сильный шумъ раздавался на лѣвыхъ скамьяхъ. Интересно сравнить мотивы, изъ-за которыхъ въ обоихъ случаяхъ произошелъ безпорядокъ. Деп. Замысловскаго взволновала рѣзкая фраза, сказанная деп. Родичевымъ по адресу одного изъ министровъ. Лѣвыхъ депутатовъ возмутили обвиненія, задѣвавшія ихъ не только косвенно, какъ представителей рабочаго класса, но и прямо, какъ «друзей» обвиняемыхъ. Не ясно ли, что поводы къ нарушенію порядка были совершенно несоизмѣримы? Ничто не

призывало г. Замысловскаго къ столь пылкой защитѣ министра, достаточно огражденнаго отъ всякихъ невзгодъ, никѣмъ и ничѣмъ не угрожаемаго, ни въ чемъ, въ данную минуту, прямо и не обвинявшагося. Въ совершенно иномъ положеніи были члены крайней лѣвой: они реагировали противъ утвержденій, именно ихъ затрогивавшихъ за живое. Деп. Родичевъ, въ добавокъ, былъ уже призванъ къ порядку; настаивая, путемъ шума и крика, на болѣе строгой противъ него мѣрѣ, г. Замысловскій бралъ на себя вовсе не принадлежащую ему роль. Ораторы, противъ которыхъ возстали деп. Чхенкели, Чхеидзе, Скобелевъ, никѣмъ оффиціально остановлены не были, да, можетъ быть, и трудно было ихъ остановить: грубыя слова легче поддаются воздѣйствію предсѣдательской власти, чѣмъ обвиненія, глубоко возмутительныя по существу, но облеченныя въ приличную форму.

Намъ могутъ замѣтить, что основаніемъ для обвиненій, высказанныхъ въ формулѣ деп. Снѣжкова и въ рѣчахъ правыхъ ораторовъ, послужили слова, сказанныя въ засѣданіи 18-го марта представителемъ министерства торговли и промышленности. Съ этимъ едва-ли можно согласиться. Въ рѣчи г. Литвинова-Фалинскаго говорится о томъ, что причиной отравленій на резиновой фабрикѣ могъ быть бензинъ, но на табачныхъ фабрикахъ эта причина остается совершенно не выясненной. Но, вѣдь, невыясненное сегодня можетъ выясниться завтра; если въ печати—напр. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»—уже теперь пролито много свѣта на возможные источники явленій, съ перваго взгляда кажущихся загадочными, то позволительно ожидать еще бо́льшаго отъ экспертизы, работающей непосредственно надъ фактами, если ей дано будетъ спокойно и свободно довести до конца эту работу... О заболѣваніяхъ, по словамъ г. Литвинова-Фалинскаго, сообщено прокуратурѣ, на предметъ производства дознанія и предварительнаго слѣдствія. За эти слова, повидимому, и ухватились думскіе обвинители; но съ какихъ поръ возбужденіе дознанія или даже слѣдствія признается, само по себѣ, доказательствомъ наличности факта преступленія? Что должно стать предметомъ дознанія и слѣдствія—этого г. Литвиновъ-Фалинскій, притомъ, не объяснилъ; вѣдь если бы оказались какія-либо упущенія со стороны фабрикантовъ, то они также должны были бы подлежать разслѣдованію. Быть-можетъ, въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ лучше было бы вовсе не упоминать объ обращеніи къ прокуратурѣ; но во всякомъ случаѣ между объясненіями представителя министерства и выступленіями правыхъ депутатовъ лежитъ цѣлая пропасть, мостомъ черезъ которую могло послужить только партійное озлобленіе, не знающее ни предѣловъ, ни сдерживающихъ мотивовъ.

И, въ довершеніе бѣды, въ пренія по запросу о событіяхъ на

петербургскихъ фабрикахъ клиномъ врѣзались пренія по запросу о событіяхъ на ленскихъ пріискахъ. Къ многочисленнымъ и безъ того поводамъ раздраженія и недовѣрія присоединилась рѣчь г. Золотарева, напомнившая знаменитыя слова бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ: «такъ было, такъ будетъ!» Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, не стѣсняясь возбужденіемъ сенаторскою ревизіею противъ ротмистра Трещенкова обвиненія въ бездѣйствіи и превышеніи власти, предопредѣляетъ преступный характеръ ленской забастовки, предусматриваетъ заранѣе оправдательный приговоръ суда... Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, еще не потеряна надежда на такой отвѣтъ Думы, который сгладилъ бы тяжелое впечатлѣніе, оставленное засѣданіями 13 и 20 марта.

P. S. Наша замѣтка была уже въ печати, когда мы прочли отчетъ о засѣданіи русскаго техническаго общества, въ которомъ обсуждались причины загадочныхъ отравленій. Фабричный инспекторъ Схоль-Энгбертсъ удостовѣрился, что никакихъ слѣдовъ дѣйствія организацій отравителей, никакихъ даже намековъ на слѣды химической обструкціи въ его районѣ (въ составъ котораго входитъ наиболѣе пострадавшая фабрика) не обнаружено; все это, по его словамъ, плодъ фантазіи. Какъ назвать, въ виду этого, образъ дѣйствій правыхъ депутатовъ?

Въ засѣданіи Думы 26-го марта объясненія правительства по ленскому запросу признаны неудовлетворительными.

К. Арсеньевъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Наталія Крандіевская. Стихотворенія. Изд-во К. Ф. Некрасова. Москва, 1914 г. Ц. 75 к.

Музыкантъ тронетъ небрежно струну старинной итальянской скрипки и вздрогнетъ, насторожившись: пѣвучая глубина звука обнаружитъ благородство инструмента. Серьезность и строгость стиховъ г-жи Крандіевской, чистота, философская углубленность многихъ изъ нихъ переливаются въ ту естественную и таинственную музыку слова, которая звучитъ лишь въ душѣ подлиннаго поэта. Сборникъ небольшой. Струны тронуты какъ будто слегка. Но звукъ звенитъ пѣвучей струнной глубиной, и, насторожившись, чувствуешь вѣяніе поэзіи.

И. Ж-нъ.

А. М. Ѳедоровъ. Его глаза. Романъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Опытный и умный разсказчикъ, г. Ѳедоровъ любитъ выбирать сюжеты для своихъ повѣстей и романовъ чисто психологическаго характера, иногда криминальные. „Его глаза" — глаза художника, которые выжигаетъ сѣрной кислотой ревнивая женщина, смотрѣвшая на художника, какъ на свою собственность. Но центръ драмы не здѣсь, а въ душевныхъ переживаніяхъ молодой дѣвушки, виновницы злодѣйства, виновницы невольной. Она еще не знала, любитъ ли художника, или другого, когда безумная злоба ревнивой женщины связала ее съ жертвою безсмысленнаго покушенія; въ концѣ-концовъ, узнавъ, что она ошибалась, она уходитъ изъ жизни... Сложныя психологическія колебанія и душевная борьба переданы авторомъ, быть можетъ— нѣсколько растянуто и съ излишними подчеркиваніями логическихъ моментовъ развитія драмы. Въ замѣнъ настоящаго интуитивнаго психологическаго проникновенія, авторъ слишкомъ много говоритъ о томъ, что переживали въ тотъ или иной моментъ его герои. Но все же разсказъ живъ и интересенъ, и одна изъ житейскихъ обычныхъ драмъ, ошибки сердца и роковая власть жизни заставятъ задуматься не одного читателя произведенія г. Ѳедорова.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ X. Спб. 1914. Ц. 1 р 75 к.

Первое полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, предпринятое 12 лѣтъ назадъ, наконецъ, подвигается къ вожделѣнному концу: одиннадцатый томъ, который обѣщанъ къ концу 1914 года, долженъ закончить текстъ сочиненій (примѣчанія къ послѣднимъ томамъ должны составить, вѣроятно, еще томъ) Въ X томъ вошла, по указанію редактора, 41 статья, которыя печатаются либо въ дополненномъ видѣ, либо воспроизводятся въ первый разъ. Существенно важнаго эти добавленія къ прежнимъ собраніямъ, впрочемъ, въ этомъ томѣ даютъ мало.

Герценъ-публицистъ. Избранныя страницы со вступительной статьей и объясненіями Л. С. Козловскаго. Цѣна 90 к. Спб., 1914.

Въ серіи популярныхъ книжекъ, подъ заглавіемъ „Культурно-историческая библіотека", выпускаемой подъ редакціею Исторической комиссіи Уч. Отдѣла О—ва распростр. техн. знаній (подъ какими только сложными флагами не приходится у насъ ютиться культурно-просвѣтительнымъ начинаніямъ!), вышла хрестоматія публицистическихъ статей Герцена. Составлена она весьма тщательно и обнимаетъ обширныя выдержки изъ статей Герцена, какъ писанныхъ въ Россіи, такъ въ особенности

заграницей, отъ статей о „диллетантизмѣ въ наукѣ“ до „писемъ къ старому товарищу“. Цѣль—дать наиболѣе полное представленіе объ общественномъ міросозерцаніи Герцена, при чемъ избѣгались статьи, требующія обширныхъ комментаріевъ о злобахъ дняхъ, вызывавшихъ эти статьи. Въ предѣлахъ поставленной авторомъ задачи, эта цѣль достигнута, и для многихъ книжка можетъ служить введеніемъ къ Герцену-публицисту. Къ сожалѣнію, составитель пользовался текстомъ павленковскаго изданія, испорченнымъ, ради страха цензурнаго, иногда безо всякой надобности. Къ вступительнымъ статьямъ и объясненіямъ составителя слѣдовало бы добавить, однако, и еще кое-какія примѣчанія къ тексту. Мѣстами онъ изобилуетъ именами, которыя ничего не говорятъ мало подготовленному, предполагаемому читателю сборника.

Собраніе сочиненій В. С. Соловьева, подъ редакціей и съ примѣчаніями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Второе изданіе. Томы девятый и десятый, по 2 р. за томъ.

Вышедшими теперь девятымъ и десятымъ томами закончено второе изданіе собранія сочиненій Влад. Соловьева. Въ этихъ томахъ, кромѣ многихъ мелкихъ статей философскаго содержанія, даны очень извѣстныя критическія статьи Соловьева о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и нѣкоторыя другія, извѣстные „Три разговора“ съ ихъ апокалипсическими предвидѣніями, и пр. Жаль, что статьи Соловьева на литературныя темы разбросаны, какъ въ этихъ двухъ, такъ и въ другихъ томахъ изданія, а не собраны въ одномъ томѣ. У Соловьева была весьма законченная система эстетическихъ и литературно-критическихъ взглядовъ, которая, при такомъ соединеніи воедино однородныхъ статей, выступила бы въ цѣльномъ и живомъ видѣ. Также нельзя не пожелать включенія въ собраніе сочиненій: 1) стихотвореній Влад. Соловьева, комментирующихъ и въ образахъ дающихъ его міровоззрѣніе и 2) его переписки, необыкновенно живой, остроумной, съ многими сатирическими выпадами въ стихахъ и прозѣ.

Собраніе сочиненій С. В. Максимова. Съ портретомъ и вступительнымъ очеркомъ П. В. Быкова. Спб. Т. XIX и XX. Изд. „Просвѣщенія“.

XIX и XX томы закончили собраніе сочиненій извѣстнаго писателя-этнографа, разсѣянныхъ во множествѣ трудно разыскиваемыхъ старыхъ журналовъ и въ отдѣльныхъ книгахъ. Собраніе далеко не полное, по необычайной плодовитости С. В. Максимова, писавшаго помимо журналовъ „въ разныхъ газетахъ и газеткахъ, ихъ же заглавіе Ты, Господи, вѣси“. Но все существенное собрано, что касается этнографическихъ писаній его. Максимовъ писалъ легко и занимательно, и его наблюденія народной жизни, частью, не утратили интереса до сихъ поръ, частью, имѣютъ значеніе, какъ свидѣтельство историческаго уже характера объ исчезающемъ подъ давленіемъ новыхъ условій и своеобразномъ бытѣ разныхъ концовъ Россіи. Къ сожалѣнію, въ собраніе не вошли интересныя воспоминанія Максимова: о литературной экспедиціи, о Писемскомъ, Мѣ, Островскомъ и др. Къ заключительному тому приложенъ библіографическій указатель сочиненій Максимова, составленный А. Г. Фоминымъ.

В. Саводникъ. Краткій курсъ исторіи русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. Москва, 1914 г.

Второе изданіе этого руководства понадобилось выпустить черезъ полгода послѣ перваго. Успѣхъ этотъ надо признать заслуженнымъ. Обзоръ обширнаго матеріала русской словесности и литературы, отъ зачатковъ ихъ и до конца XVIII вѣка, сдѣланъ составителями и его помощникомъ, В. В. Каллашемъ (названнымъ лишь въ предисловіи книги) весьма умѣло, и курсъ, предназначенный собственно для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, можетъ имѣть и болѣе широкое значеніе введенія въ научную исторію русской литературы. Отъ преподавателей, компетентныхъ въ дидактической сторонѣ дѣла, намъ приходилось слышать весьма благопріятные отзывы объ этомъ руководствѣ. Съ чисто научной стороны оно стоитъ на значительной высотѣ: къ дѣлу привлечены послѣдніе выводы и наблюденія историко-литературныхъ изученій (народная словесность и др.). Изложеніе оживляютъ многочисленные рисунки, данные частью въ краскахъ. Цѣна очень дешева.

Европейскіе классики. Ж. Б. Мольеръ. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изд. „Окто“. М. Ц. 2 р. 50 к.
Тоже. Шекспиръ, т. III. Ц. 2 р. 50 к.

Серія европейскихъ классиковъ, предназначенная для широкихъ круговъ чита-

телей, выпускаемая издательствомъ „Окто“ въ довольно изящномъ видѣ и по доступной цѣнѣ, пополнилась новыми выпусками. Третій томъ сочиненій Шекспира открывается пьесами, въ которыхъ фигурируетъ Фальстафъ, а также даетъ двѣ комедіи Шекспира и трагедію „Зимняя сказка“. Въ трехъ томахъ этого изданія Шекспиръ представленъ теперь въ достаточно полномъ видѣ, въ хорошихъ переводахъ, съ полезными вводными статьями извѣстныхъ знатоковъ Шекспира.

По тому же плану даны—въ одномъ томѣ — избранныя сочиненія Мольера, всего—десять пьесъ, хорошо представляющихъ дѣятельность французскаго классика. Здѣсь имѣются между прочимъ новые переводы трехъ комедій: „Ученыхъ женщинъ“— Д. Васильева, и „Жеманницъ“ и „Жоржа Дандена“ — Е. Сорокиной. Сочиненіямъ Мольера предпослана статья извѣстнаго у насъ знатока Мольера А. Н. Веселовскаго.

Ч. В-ій.

Русская литература по всеобщей исторіи. Выпускъ первый. Библіографическій обзоръ подъ редакціей Д. Н. Егорова. Москва, 1914. Цѣна 60 к.

Большимъ вкладомъ въ библіографическую литературу явилась указанная брошюра, она даетъ возможность людямъ, интересующимся исторіей, выбрать изъ всей массы вновь выходящей научной литературы самое цѣнное и существенное. Предпринятый группой историковъ періодическій указатель интересенъ еще въ томъ отношеніи, что составленъ онъ людьми компетентными, чѣмъ увеличивается его цѣнность. Составителямъ пришлось преодолѣть большія трудности изъ-за неосвѣдомленности книжнаго рынка и изъ-за тенденціи локализировать книгу (Петербургское изданіе часто «не вхоже» въ Москву) и небольшого тиража нѣкоторыхъ изданій. Въ составъ указателя вошли не только книги, но и статьи (разсматриваются 53 періодическихъ русскихъ изданія), а русскій читатель знаетъ, что въ нашихъ журналахъ часто печатаются очень цѣнныя статьи, которыя только черезъ нѣсколько лѣтъ, да и то не всегда издаются самостоятельно. Въ Указателѣ приводятся труды русскихъ ученыхъ и переводы съ иностраннаго, появившіеся въ печати въ теченіе года. При этомъ дается не простой перечень новинокъ, а съ краткимъ освѣщеніемъ существеннаго и съ краткой же критической акцентуировкой. Было бы желательно, чтобъ изданіе библіографическихъ обзоровъ стало періодическимъ.

А. Т.

Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Переписка В. А. Гольцева, болѣе двадцати лѣтъ сряду бывшаго фактическимъ редакторомъ „Русской Мысли“, даетъ массу важныхъ матеріаловъ для исторіи русской журналистики. Объ этомъ можно было судить уже по тѣмъ письмамъ, которыя были напечатаны, года три тому назадъ, въ сборникѣ: „Памяти В. А. Гольцева“. Еще больше это подтверждается первымъ выпускомъ „Архива“, заключающимъ въ себѣ, между прочимъ, 68 писемъ Г. И. Успенскаго, 59 писемъ В. Г. Короленка, 23 письма Н. К. Михайловскаго, 22 письма В. В. Лесевича и 32 письма Н. В. Шелгунова. Въ яркомъ свѣтѣ выступаютъ здѣсь тѣ неимовѣрно тяжелыя условія, при которыхъ протекала, въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ жизнь прогрессивнаго русскаго журнала а, слѣдовательно— и его главныхъ сотрудниковъ. Не мало цѣннаго вносятъ письма, адресованныя В. А. Гольцеву, и въ характеристику самихъ корреспондентовъ. Больше всего обращаютъ на себя вниманіе и привлекаютъ сочувствіе письма В. Г. Короленко. Письмо № 25, напримѣръ, обрисовываетъ рельефно пріемы его творчества; письма №№ 7, 15, 28 знакомятъ съ его взглядами на журнальную работу („если мнѣ когда-нибудь“— читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ—потребуется запречься въ какія-нибудь оглобли, я скорѣе запрягусь въ оглобли банковскія, желѣзнодорожныя или иныя, но никогда въ литературныя“); письмо № 20 и многія другія свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ строгимъ судьей онъ умѣлъ быть, когда нужно, по отношенію близкимъ ему лицамъ; изъ письма № 57 мы узнаемъ, какъ было задумано авторомъ продолженіе повѣсти: „Прохоръ и студенты“, оставшейся незаконченною въ печати; въ томъ же письмѣ чрезвычайно интересны мысли автора о задачахъ искусства.

Рудольфъ Зомъ. Очеркъ исторіи церкви. Переводъ съ 18-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. В. Верховскаго. Варшава, 1914. Цѣна 1 р. 75 к.

По справедливому замѣчанію г. Верховскаго книга Зома, какъ „краткій, но содержательный обзоръ“ исторіи церкви, пополняетъ пробѣлъ нашей литературы, особенно замѣтный съ тѣхъ поръ, какъ надъ сочиненіями этого рода перестала тяготѣть духовная цензура. Правда, Зомъ не-

касается исторіи церкви на Востокѣ, исходя изъ той мысли, что она съ VII-го вѣка находится въ состояніи „оцѣпенѣнія“ или „окаменѣнія“. Правильнѣе было бы назвать его книгу очеркомъ исторіи церкви на Западѣ; но въ этихъ предѣлахъ она соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства, указываемыя авторомъ предисловія съ большимъ искусствомъ: богатое содержаніе включено въ узкія рамки. Конечно, въ заключительномъ отдѣлѣ книги чувствуется убѣжденный протестантъ; но это не помѣшало Зому набросать яркую картину теченій, существующихъ въ современномъ католицизмѣ, такъ и въ современномъ протестантизмѣ, въ современномъ обществѣ, и наукѣ. Какъ истинный протестантъ, онъ стоитъ за свободную церковь въ свободномъ государствѣ. Попытки уничтожить растущее демократическое движеніе онъ называетъ напрасными и безумными. Положеніе дѣлъ онъ считаетъ весьма серезнымъ и видитъ опасность не столько въ крѣпнущемъ напорѣ четвертаго сословія, сколько въ нравственномъ безсиліи правящихъ классовъ, христіанскихъ только по имени, а не на самомъ дѣлѣ. Возрожденія нравственности Зомъ ожидаетъ не отъ церкви, а отъ христіанства. Объ осуществимости его надеждъ можно быть различнаго мнѣнія, но нельзя отрицать возвышенность настроенія, проникающаго его книгу.

А. Н. Острогорскій. Н. И. Пироговъ и его педагогическіе завѣты. Спб., 1914. Ц. 1 р.

Въ наше время экспериментовъ надъ школой и безплодныхъ, но не безвредныхъ попытокъ обратить ее въ орудіе реакціи весьма полезно всякое напоминаніе о завѣтахъ, оставленныхъ истинно великими русскими педагогами. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними и по времени, и по значенію—занимаетъ Пироговъ, которому посвящена книга А. Н. Острогорскаго. Какъ поразителенъ контрастъ между нынѣшними способами усмиренія волненій въ учебныхъ заведеніяхъ и тѣми, которыми пользовался Пироговъ! Обостреніе польскаго вопроса, незадолго до возстанія 1863-го года, отразилось на учебныхъ заведеніяхъ кіевскаго округа, попечителемъ котораго былъ Пироговъ. Полиція провѣдала, что въ такой-то день назначена большая сходка студентовъ. Кіевскій губернаторъ Гессе поѣхалъ къ Пирогову; Пироговъ призвалъ къ себѣ двухъ студентовъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ—и сходка не состоялась. И это былъ не единичный случай. Высшее начальство нашло, однако, что Пироговъ „распускаетъ“ учащихся — и знаменитый ученый, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, долженъ былъ навсегда оставить педагогическое поприще. Не случайнымъ, по вѣрному замѣчанію А. Н. Острогорскаго, было удаленіе, около того же времени, Н. А. Вышнеградскаго — отъ завѣдыванія женскими гимназіями, К. Ушинскаго—отъ должности инспектора Смольнаго Института. По истинѣ неисчислимы потери, понесенныя, подъ вліяніемъ аналогичныхъ причинъ, русскимъ просвѣщеніемъ, русскою гражданственностью. И не предвидится еще время, когда прекратятся такія потери.

К. А.

Фридрихъ Фребель. Педагогическія сочиненія. Томъ I. Воспитаніе человѣка. Томъ II. Дѣтскій садъ. Педагогическая библіотека книгоиздательство К. И. Тихомирова, Москва, 1913 г.

Отмѣчая новое и при томъ очень хорошее изданіе сочиненій Фребеля, надо обратить особое вниманіе на его „дѣтскій садъ“, цѣнный не для однихъ педагоговъ, но и для родителей, для которыхъ вопросы дошкольнаго воспитанія дѣтей, выборъ подходящихъ игръ, оказывающихъ большое вліяніе на формирующуюся душу ребенка, полны глубокаго значенія и интереса.

„Дѣтскій садъ“ богато снабженъ пѣснями, нѣкоторыя изъ нихъ переложены на ноты. Стихотворный переводъ всѣхъ пѣсенъ сдѣланъ А. А. Коринфскимъ, а музыка редактирована А. Ѳ. Кенеманомъ.

В. Б-нъ.

Подъ роднымъ солнцемъ. Иванъ Абрамовъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Книга г. Абрамова является плодомъ впечатлѣній, полученныхъ авторомъ во время его путешествій по Россіи. Мы не найдемъ въ ней скучныхъ и подробныхъ описаній всѣхъ видѣнныхъ имъ мѣстностей; наоборотъ, изложеніе отрывочно и несистематично, такъ какъ авторъ записываетъ то, что видитъ, что его интересуетъ. А интересуетъ его жизнь народа во всѣхъ ея проявленіяхъ: одежда, обряды, жилище, а также народная старина, сохранившаяся въ преданіяхъ, пѣсняхъ, архитектурныхъ памятникахъ. Авторъ не даетъ исчерпывающаго описанія каждаго видѣннаго имъ уголка; иногда даже досадно, что онъ такъ мало говоритъ о своихъ экскурсіяхъ по

Крыму и Кавказу. Многаго существеннаго мы въ описаніяхъ не найдемъ, но то, что онъ примѣтилъ и описалъ, написано живо и проникнуто любовью къ родинѣ и интересомъ ко всему характерному въ жизни народной. Въ очеркахъ г. Абрамовъ даетъ описаніе своихъ экскурсій по самымъ различнымъ частямъ Россіи: по Украйнѣ, Волынскому Полѣсью, Верховью Волги, деревнямъ центральныхъ губ., Крыму, Кавказу и т. д. Книга вызываетъ въ читателѣ интересъ къ жизни народной и любовь къ родинѣ. Въ приложеніи даны указанія для лицъ, собирающихъ на мѣстѣ этнографическій матеріалъ. А. Т.

С. Г. Лозинскій. Исторія инквизиціи въ Испаніи. Спб., 1914. Ц. 5 р.

Обширный трудъ г. Лозинскаго составляетъ необходимое дополненіе къ двухтомной „Исторіи инквизиціи" американца Ли, вышедшей недавно въ русскомъ переводѣ въ роскошномъ изданіи Брокгауза и Ефрона. Сочиненіе Ли обнимаетъ дѣятельность инквизиціи въ средніе вѣка; дополнительный третій томъ, составленный С. Г. Лозинскимъ, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія по исторіи новаго времени, съ 1480 по 1830 годъ. Авторъ пользовался въ своей работѣ огромнымъ количествомъ непочатаго историческаго матеріала, хранящагося въ испанскихъ архивахъ. Содержаніе книги чрезвычайно интересно и поучительно; многія главы, какъ напр. объ изгнаніи евреевъ, о преслѣдованіи „марановъ", о маврахъ и морискахъ, читаются какъ романъ. То, что происходило нѣкогда въ Испаніи, повторялось въ болѣе слабой степени и въ другихъ странахъ; между прочимъ, еще въ концѣ четырнадцатаго вѣка въ Кастиліи устраивались погромы „по иниціативѣ особой организаціи, разсылавшей своихъ агентовъ по разнымъ городамъ; наиболѣе активнымъ элементомъ въ погромахъ были священники, ремесленники и чернь". Обычнымъ орудіемъ борьбы съ противниками было причисленіе ихъ къ евреямъ или еврействующимъ, и т. п. Но инквизиція, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, нигдѣ не проявила такой энергичной и многосторонней дѣятельности, какъ въ Испаніи, которой поэтому и въ исторіи инквизиціи отводится особое мѣсто.

Сергѣй Грамматчиковъ. Міровой строй труда. Москва, 1914. Стр. 221. Ц. 1 р. 40 к.

Избравъ эпиграфомъ для своей книги изреченіе, что „политическая экономія—это математика", авторъ хотѣлъ очевидно подчеркнуть отвлеченный, дедуктивный характеръ своихъ разсужденій. Въ книгѣ высказано много хорошихъ, болѣе или менѣе оригинальныхъ мыслей по вопросамъ о трудѣ и трудовомъ строѣ, объ автоматичности промышленной жизни, о роли капитала, предпринимателей и государства. Идеаломъ представляется автору выработка „мощной человѣческой личности". По отношенію къ этой идеальной цѣли, говоритъ онъ, „трудовой строй съ его институтами всегда будетъ играть служебную роль; съ нею легко мирится институтъ цѣны, денегъ, капитала; но съ нею плохо мирится институтъ найма рабочихъ; и съ нею совершенно не мирится обобществленіе труда въ той формѣ, которая составляетъ идеалъ, такъ называемаго, научнаго соціализма и которая въ сущности маскируетъ собою всетотъ же институтъ найма". Послѣднее неясно—и во всякомъ случаѣ нуждалось бы въ какомъ-нибудь доказательствѣ.

Л. С.

Земская торговля желѣзомъ и сельско-хозяйственными машинами и орудіями въ 1901—1912 г.г. Изд. Статистическаго Бюро Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ.

Документъ россійскаго прогресса... Въ 1912 г. сумма отпуска всѣми земствами Россійской имперіи сельско-хозяйственныхъ машинъ, орудій и разныхъ металлическихъ издѣлій вмѣстѣ съ кровельнымъ и сортовымъ желѣзомъ достигла, наконецъ, 18.851.300 р. Между тѣмъ, земства служатъ до сихъ поръ главными распространителями желѣзныхъ издѣлій въ русскомъ крестьянствѣ. При такомъ маломъ количествѣ желѣза въ нашемъ сельско-хозяйственномъ организмѣ—можно ли удивляться его крайнему худосочію!—И все же и это количество означаетъ—прогрессъ, потому что въ 1901 г. стоимость отпуска желѣза и всѣхъ упомянутыхъ желѣзныхъ и металлическихъ издѣлій русскихъ земствъ составляла всего только 6.510.300 р., т. е. почти въ три раза меньше, чѣмъ въ 1912 г.—Да, движется русская земля; но, Боже, какъ медленно!—Въ другихъ странахъ крестьянскія поля уже обрабатываются съ помощью электричества, а нашему крестьянину и желѣзный заступъ не всегда доступенъ...

Б.

А. Н. Иванцовъ. Объ устойчивости русскихъ урожаевъ. Москва. 1913.

Эта небольшая, но очень содержательная книжка посвящена вопросу, давно обратившему на себя вниманіе статистиковъ; но несмотря на то, что многіе писатели трактовали эту тему, работа г. Иванцова представляетъ большой интересъ, какъ по пріемамъ разработки вопроса, такъ и по заключеніямъ, вытекающимъ изъ нея. Общій выводъ автора состоитъ въ томъ, что колебаніе урожаевъ въ Россіи, рѣзко отличаясь (къ худшему) отъ того, что наблюдается въ Западной Европѣ, въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія „въ общемъ и цѣломъ движутся около одного и того же средняго пункта, т. е. въ сущности остаются въ одномъ и томъ-же положеніи“ и для наступленія болѣе нормальныхъ въ этомъ отношеніи порядковъ требуется „такая комбинація условій, которая немыслима при существующихъ въ Россіи соціально-экономическихъ отношеніяхъ“. Разсматриваемая работа составляетъ отрывокъ изъ болѣе обширнаго труда молодого экономиста, и можно только желать, чтобы опубликованіе всего труда не заставило себя долго ждать, и, кстати,—чтобы авторъ не былъ въ немъ очень скупъ на слова, и облегчилъ читателю процессъ разбора и комбинацію приводимыхъ имъ цифръ.

Библіотека „кооперативной жизни“. Первый сборникъ статей. Москва, 1914.

Въ этой книжкѣ, посвященной вопросу о возможномъ участіи коопераціи въ аграрной и агрикультурной жизни крестьянъ, помѣщены двѣ статьи, касающіяся Запада (А. В. Чаянова, о союзахъ скотоводовъ въ Бельгіи и З. С. Кацеленбаума—о законодательствѣ на западѣ относительно водныхъ меліоративныхъ товариществъ) и четыре, относящіяся къ Россіи. Н. П. Огановскій разъясняетъ „стихійную неизбѣжность“ въ настоящихъ условіяхъ ипотечнаго кредита у крестьянъ; А. Е. Вормъ разсматриваетъ юридическую сторону залога надѣльныхъ земель и участія въ ипотечномъ кредитѣ кооперативовъ; К. А. Мацѣевичъ рисуетъ желательную форму взаимодѣйствія земства и кооперативовъ въ дѣлѣ общественной агрономіи, а кн. Д. И. Шаховской развиваетъ мысль о необходимости возникновенія новой формы свободнаго земельнаго союза мелкихъ собственниковъ на замѣну разрушающихся подъ вліяніемъ новѣйшаго аграрнаго законодательства принудительныхъ формъ такого союза.

А. С. Курская. Производство часовъ въ Москвѣ и Московской губ. Москва, 1914.

Эта новая работа, вышедшая изъ семинаріи по политической экономіи при московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, основана почти всецѣло на личномъ изслѣдованіи А. С. Курской маленькаго и почти не описывавшагося промысла по изготовленію стѣнныхъ часовъ и починочныхъ часовыхъ мастерскихъ. Самый промыселъ, и, особенно, его работникъ изслѣдованы такъ подробно и разносторонне, какъ это рѣдко можно встрѣтить относительно промысловъ, по ихъ значительности заслуживающихъ большаго вниманія. Часовому промыслу въ Московской губ. посвящена впрочемъ лишь половина труда г. Курской. Въ другой ея половинѣ излагается исторія и современное состояніе часовой промышленности въ Швейцаріи, Германіи, Америкѣ и др.; и эта часть работы г-жи Курской имѣетъ болѣе общій интересъ.

С. Кузницкій. Подмосковное травосѣяніе и скотоводство. II. Москва, 1913.

Эта небольшая книжка, занимающаяся небольшимъ, подмосковнымъ сельско-хозяйственнымъ райономъ и трактующая о такомъ мелкомъ, казалось-бы, предметѣ, какъ численность скота и травосѣяніе, имѣетъ, тѣмъ не менѣе, не малый и общій интересъ, потому что на данномъ случаѣ она стремится разъяснить вліяніе спроса рынка на продукты селькаго хозяйства, на характеръ развитія послѣдняго въ условіяхъ нашего экономическаго быта. Важность же такого конкретнаго выясненія этого, *à priori* неподлежащаго, казалось бы, сомнѣнію, положенія ясна изъ того факта, что въ нашихъ разсужденіяхъ о грядущей интенсификаціи крестьянскаго хозяйства положеніе это совершенно забывается, и вопросъ трактуется, такимъ образомъ, какъ будто размѣры техническаго подъема этого хозяйства зависятъ исключительно отъ того, создадимъ ли мы благопріятныя для того условія со стороны землеустройства, обезпечимъ ли хозяевъ въ отношеніи необходимыхъ для преобразованія матерьяль-

ныхъ средствъ, надлежащаго техническаго руководительства и т. п. При такомъ отношеніи къ вопросу даже не очень отдаленное будущее можетъ приносить неожиданные сюрпризы, въ родѣ наблюдающагося уже и нынѣ несоотвѣтствія между распространеніемъ крестьянскаго травосѣянія и развитіемъ молочнаго хозяйства. Интересное изслѣдованіе г. Кузницкаго еще не закончено.

В. В.

С. Елпатьевскій. Крымскіе очерки. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Въ живыхъ краскахъ передаетъ авторъ „Крымскихъ очерковъ" свои непосредственныя наблюденія надъ природой и жизнью курортовъ и поселеній южнаго берега Крыма. „Русская Ривьера" не вся описана г. Елпатьевскимъ; въ своей книжкѣ онъ говоритъ только о Балаклавѣ, Коктебелѣ, Отузахъ, Каразарѣ и Судакѣ. Авторъ извѣстный беллетристъ, но онъ же и врачъ, и это обстоятельство весьма благопріятно отразилось на содержаніи „Крымскихъ очерковъ": они полезны не только для читателя, любящаго литературу путешествій, но и для больныхъ. Кромѣ описанія природы и населенія, въ „Очеркахъ" имѣются и лѣчебно-климатическія данныя. Книжка снабжена многочисленными хорошо исполненными иллюстраціями.

М. Сл.

Справочная книга по вопросамъ эмиграціи подъ редакціей С. Я. Яновскаго и А. И. Кастелянскаго, Спб. 1913.

Это изданіе Еврейскаго Колонизаціоннаго общества, въ которомъ предметы описанія расположены, какъ въ энциклопедіяхъ, въ алфавитномъ порядкѣ, заключаетъ свѣдѣнія о странахъ, областяхъ и городахъ эмиграціи, наиболѣе привлекающихъ еврейскихъ эмигрантовъ изъ Россіи, съ описаніемъ состоянія въ нихъ профессій, представляющихъ наиболѣе шансовъ для устройства эмигрантовъ, и свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ и явленіяхъ, съ которыми эмигранту приходится сталкиваться во всѣ моменты его эмиграціоннаго движенія. Книга составлена на основаніи печатныхъ матерьяловъ и лично собранныхъ свѣдѣній; предназначена для лицъ, практически работающихъ въ сферѣ еврейской эмиграціи, но можетъ быть полезна для всякаго, кто интересуется вопросами эмиграціи вообще и вопросами положенія евреевъ, такъ какъ въ ней сообщаются и нѣкоторыя свѣдѣнія о евреяхъ въ странахъ иммиграціи.

В. В.

Л. И. Дембо. Врачебное право. Выпускъ I-й. Санитарно-соціальное законодательство. Спб., 1914 г.

Русская литература не богата работами, посвященными разработкѣ врачебно-юридическихъ вопросовъ, несмотря на существованіе университетскаго курса по медицинской полиціи.

Подъ врачебнымъ правомъ, по автору, надо разумѣть совокупность нормъ, опредѣляющихъ учрежденіе и образъ дѣйствія различныхъ органовъ, такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу охраненія народнаго здравія, регулирующихъ санитарную жизнь страны и т. д. Первый выпускъ книги излагаетъ санитарно-соціальное законодательство иностранныхъ государствъ и Россіи какъ съ точки зрѣнія общей системы организаціи, такъ и съ точки зрѣнія матеріальнаго санитарнаго права. Вопросы охраны труда, страхованія рабочихъ, охраны материнства и т. д. составляютъ содержаніе главы о соціальномъ законодательствѣ.

В. Б-нъ.

Hugo Happe. Die Thatsachen über dem Alkohol. Ein Handbuch der Wissenschaft vom Alkohol. (Справочная книга объ алкоголизмѣ). München 1914.

Эта книга представляетъ теперь для насъ особый интересъ. Въ ней собрано и систематически сгруппировано все, что имѣетъ какое-либо отношеніе, прямое или посредственное, къ больному вопросу объ алкоголизмѣ: производство и потребленіе спиртныхъ напитковъ, ихъ физіологическое и патологическое значеніе, ихъ вліяніе на преступность, благосостояніе, продолжительность жизни и проч., и проч. Задача выполнена авторомъ съ образцовой добросовѣстностью и основательностью; книга давно уже стала настольной для всѣхъ, ближе интересующихся проблемой алкоголизма. Настоящее изданіе по числу четвертое; матеріалъ обновленъ, дополненъ и переработанъ. Отъ собственныхъ обобщеній и выводовъ авторъ воздерживается, поставивъ себѣ цѣлью дать совершенно объективный и возможно полный справочникъ, можно бы сказать — энциклопедію алкоголизма.

Б.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Абрамовъ, И. Въ культурномъ скиту. Изд. 2-ое. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Аваліани, С. Л. Опытъ исторической хрестоматіи. Часть II. Одесса, 1914 г. Цѣна 1 р.

Амфитеатровъ, А. В. Дрогнувшая ночь. Романъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Андреевъ, Ник. Человѣкъ и нечистая сила. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Арефинъ, С. Первые шаги. Повѣсть. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ашешовъ, Ник. Раны любви. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Баллодъ, Ф. В. Египетское искусство времени Аменафиса IV. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Баррэти, У. Ф. Загадочныя явленія человѣческой психики. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бибикъ, А. Къ широкой дорогѣ. Романъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Брусянинъ, В. Мужчина. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Доктора и паціенты. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Будановъ, В. В. Къ новой жизни. Спб., 1914 г. Цѣна 30 коп.

Будищевъ, Ал. Изломы любви. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вальтеръ, В. Г. Э. Ф. Направникъ. Къ 50-лѣтію его артистической дѣятельности. Спб., 1914 г. Цѣна 75 коп.

Верхоустинскій, Б. Во лѣсяхъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вильчуръ, М. Въ американскомъ горнилѣ. Нью-Іоркъ, 1914 г. Цѣна 25 сент.

Висковатовъ, Д. Къ оздоровленію средней школы. Спб., 1914 г. Цѣна 45 коп.

Вихляевъ, П. А. Травосѣяніе и полевыя культуры. Москва, 1914 г.

Гамсунъ, Кнутъ. Дѣти вѣка. Романъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Гарбинъ, И. Чужой. Стихи. Москва, 1914 г. Цѣна 80 коп.

Геонъ. Между прочимъ. Сто стихотвореній. Спб., 1914 г.

Герасимовъ, Н. Нирвана и спасеніе. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Гердъ, И. Я. Будьте здоровы. Спб., 1914 г. Цѣна 15 коп.

Голубевъ, Вас. С. По земскимъ вопросамъ. 1901—1911. Посмертное изданіе. Т. II. Спб., 1914 г. Цѣна за 2 тома 5 руб.

Готье, Теофиль. Эмали и камеи. Переводъ Н. Гумилева. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Грамматчиковъ, Сергѣй. Міровой строй труда. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 40 коп.

Гринъ, Александръ. Позорный столбъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Гужонъ, Ю. Мнимый голодъ угля и чугуна. Москва, 1914 г.

Гурьевъ, А. Отъ скуки. Книжка пятая. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Т. XII. Въ глухомъ уѣздѣ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Дитрихштейнъ, В. Д. Блеклый вѣнецъ. Вторая книжка стиховъ. Спб., 1914 г. Цѣна 60 коп.

Добронравовъ, Л. Новая бурса. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Дунаевъ, Б. И. Библіотека старорусскихъ повѣстей XVIII вѣка. Петровская эпоха. Москва, 1914 г. Цѣна 35 коп.

Елистратовъ, А. И. Основныя начала административнаго права. Москва, 1914 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Елпатьевскій, С. Крымскіе очерки. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Ефимовъ, Евгеній. Природа преступленія. Естественно-научная теорія преступленія. Москва, 1914 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Зензиновъ, В. М. Старинные люди у холоднаго океана. Москва, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Закъ, А. Н. Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Зингеръ, Х. Сборникъ стихотвореній. Изд. 2-ое. Бердичевъ, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Зола, Эмиль. Лурдъ. Романъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Зыбинъ, Владиміръ. Скалы. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Калининъ, Михаилъ. Что такое? Смоленскъ. 1914 г. Цѣна 10 коп.

— Колючки дѣйствительности. Смоленскъ, 1914 г. Цѣна 10 коп.

Кащенко, В. П. и *Крюковъ, С. Н.* Воспитаніе—обученіе грудныхъ дѣтей. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Квашнинъ-Самаринъ, Н. К. Княжая пѣснь. Часть I. Спб., 1913 г. Цѣна за 4 книги 12 руб.

Келлерманъ. Море. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Киплингъ, Р. Избранные разсказы. Кн. 3-ья Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

—*Кій.* Въ поискахъ лучшаго. Второе изд. Спб., 1914 г. Цѣна 90 коп.

Коваленскій, М. Н. Московская политическая литература XVI вѣка. Спб., 1914 г. Цѣна 85 коп.

Козловскій, Л. С. Герценъ—публицистъ. Спб., 1914 г. Цѣна 90 коп.

Корфъ, С. А. Автономныя колоніи Великобританіи. Спб., 1914 г. Цѣна 3 руб.

Кранихфельдъ, Вл. Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украйны. Изд. 3-ье. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Красевъ, А. А. Чего ждетъ наша страна для своего обновленія. Москва, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Крачковскій, Дим. Золотая карета. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Левенфельдъ, Л. Бракъ и счастье. Сокр. пер. Б. А. Виницкой подъ ред. Е. А. Аркина. Спб., 1914 г. Цѣна 80 коп.

Лозинскій, С. Г. Исторія инквизиціи. Т. III. Спб., 1914 г. Цѣна 5 р.

Львова, Н. Старая сказка. Изд. 2-ое Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Львовъ-Рогачевскій, В. Двѣ правды. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Т. III и IV. Сибирскіе разсказы. Спб., 1914 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Маринетти. Манифестъ итальянскаго футуризма. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

— Футуризмъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мейманъ, Эрнстъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. 3-е изд. Пер. подъ ред. Н. Д. Виноградова. Ч. I. Москва, 1914 г. Цѣна 3 р.

Меленевскій, А. Высшія начальныя училища. Спб., 1914 г. Цѣна 3 руб.

Моравская, М. На пристани. Стихи. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

— Цвѣты въ подвалѣ. Разсказъ для дѣтей. Спб., 1914 г.

Нечаевъ, А. П. О преподаваніи начальной географіи. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Окуневъ, Я. Каменное иго. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Паульсенъ, Ф. Педагогика. Пер. съ нѣм. подъ ред. Г. В. Вебера. Москва, 1914 г. Цѣна 2 р.

Первушинъ, С. Пониженіе курсовъ государственныхъ и гарантированныхъ фондовъ на Западѣ и повышеніе ихъ въ Россіи (1903—1912 г.). Ярославль, 1913 г.

Познеръ, О. В. Евреи въ общей школѣ. Спб., 1914 г. Цѣна 3 р.

Прыжовъ, И. Г. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Пуришкевичъ, Владиміръ. Матеріалы по вопросу о разложеніи современнаго русскаго университета. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Рахмановъ, В. В. Учебникъ школьной гигіены. Спб., 1914 г. Цѣна 75 коп.

Ренье-де, Анри. Маркизъ д'Амеркёръ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Розинъ, Б. Свѣтъ. Спб., 1914 г. Цѣна 65 коп.

Рубакинъ, Н. А. Практика самообразованія. Москва, 1914 г. Цѣна 2 р. 75 коп.

Рукавишниковъ, Иванъ. Аркадьевка. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Рыбинцевъ, Георгій. Осенняя просинь. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Рюльманъ, П. Преподаваніе гражданственности во Франціи. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Садовской, Борисъ. Самоваръ. Москва, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Сентивъ, П. Симуляція чудеснаго. Пер. съ франц. Е. В. Святловскаго. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Сибирякъ, Антонъ. Стихи. Спб., 1914 г. Цѣна 25 коп.

Сивковъ, К. В. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII в. Спб., 1914 г. Цѣна 85 коп.

Соболевъ, Л. В. Болотная лихорадка (малярія). Спб., 1914 г. Цѣна 30 коп.

Срезневскій, В. И. и *Тукалевскій, В. П.* Толстовскій музей въ С.-Петербургѣ. Краткое описаніе. Спб., 1914 г. Цѣна 15 коп.

Сѣверцовъ, А. Н. Современныя задачи эволюціонной теоріи. Москва, 1914 г. Цѣна 80 коп.

Сѣверянинъ, Игоръ. Златолира. Поэзы. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Тастевенъ, Генрихъ. Футуризмъ. Москва, 1914 г. Цѣна 90 коп.

Тельбергъ, Георгій. Правительствующій сенатъ и самодержавная власть въ началѣ XIX вѣка. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Тимковскій, Н. Кн. IX. Золотой боръ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Титченеръ, Э. Б. Учебникъ психологіи. Университетскій курсъ. Пер. съ англ. А. П. Болтунова. Часть I и II. Москва, 1914 г. Цѣна каждой части 1 р. 35 коп.

Томпсонъ-Сетонъ, Эрнестъ. Рольфъ въ лѣсахъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Тугановъ, Б Батанько Темботъ. Повѣсть изъ временъ героической борьбы кавказскихъ горцевъ и др. разсказы. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Ульяновъ, Н. А. Химія на службѣ человѣку. Москва, 1914 г. Цѣна 65 к.

Усковъ, М. В. Математическая географія въ начальномъ курсѣ. Спб., 1914 г. Цѣна 60 коп.

Фальковичъ, Павелъ. Картины жизни въ Московскомъ государствѣ. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Фуксъ, I. Б. Гомосексуализмъ какъ преступленіе. Спб., 1914 г.

Ходасевичъ, Владиславъ. Счастливый домикъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Хухъ, Фридрихъ. Питтъ и фоксъ. Книга 1-ая и 2-ая. Москва, 1914 г. Цѣна каждой книги 1 р.

Цензоръ, Дмитрій. Легенда будней. Лирика. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Черкасовъ, Николай. Въ ряды. Поэма и поэзы. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Чириковъ, Евгеній. Житье-бытье. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чуковскій, К. Лица и маски. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Чумаченко, Ада. Люмчи-музыкантъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Москва, 1914 г. Цѣна 70 коп.

Шевченко, Т. Г. Его думы и пѣсни. Въ пер. И. А. Бѣлоусова. Москва, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1787. Томы I и II. Москва, 1914 г. Цѣна за оба тома 5 р.

Шкловскій, Викторъ. Воскрешеніе слова. Спб., 1914 г. Цѣна 20 коп.

Штильманъ, Г. Печать и уголовный законъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Шульце, Р. Техника психологическаго и педагогическаго эксперимента. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Ф. Лазурскаго. Спб., 1914 г. Цѣна 3 руб.

Шульцъ-фонъ, А. К. Изслѣдованіе о производствѣ и торговлѣ Германіи продуктами полеводства за 30 лѣтъ, въ связи съ русско-германскимъ торговымъ договоромъ. Спб., 1913 г.

Щербина, А. М. Методологія этики. Москва, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Эренбургъ, И. Поэты Франціи. 1870—1913. Переводы. Парижъ, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Юнгъ. Солнце. Пер. съ англ. I. А. Давыдова. Спб., 1914 г. Цѣна 2 р.

Юшкевичъ, С. Т. 13-й. Леонъ Дрей. Часть I. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Юрскій, Д. Ступени. Баку, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Аргонавты. Литературно-художественные сборники. Кн. I. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 1 р.

Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Европа. Географическая хрестоматія. Часть IV. Сост. С. Слобожанскій. Спб., 1914 г. Цѣна 80 коп.

Ежегодникъ экспериментальной педагогики. 1913 г. Подъ ред. А. П. Нечаева. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Изданія „Посредника": № 18. Фабіола, или древніе христіане. № 62. В. Савихинъ. Два сосѣда. № 84. А. Теннисонъ. Спасенный. № 181. С. Семеновъ. Настасья Большенина. № 230. С. Семеновъ. Раздоръ. № 265. Исторія одной собаки. № 286. Въ часы досуга и веселья. № 386. Лонгфелло. Разлученные. № 389. С. Семеновъ. Чужой коровай. № 472. Соловей. Пѣсенникъ. № 530. С. Семеновъ. Брюханы. № 594. И. Наживинъ. Въ сумасшедшемъ домѣ. № 604. И. Наживинъ. Братья. № 677. Н. Тимковскій. Вьюга. № 950. Л. Н. Толстой. Тайная Вечеря. № 1020. Л. Н. Толстой. Бесѣда досужихъ людей. №1044. Е. Яхонтовъ. Махмудъ. № 1057. С. Егоровъ. Нищіе. № 1066. А. Барыкова. Грибы. № 1067. Густавсонъ. Что приснилось маленькому сыну. № 1069. Л. Писарева. Извозчикъ Ванюшка. № 1075. Жизнь Будды. Сост. П. Буланже. № 1099. Л. Н. Толстой. Алеша Горшокъ. № 1096. Арфа. № 1097. Лира. № 1098. О. Рунова. На дежурствѣ. № 1105. Л. Н. Толстой. Отъ ней всѣ качества. № 1117. И. С. Никитинъ. Кулакъ. № 1131. П. Добротворскій. Нюта. № 1132. В. Чертковъ. Рабъ-мудрецъ. № 1132. А. Севастьяновъ. Уродъ. № 1135. С. Семеновъ. Сонъ Максима. Москва, 1914 г.

Католическое Обозрѣніе. Вып. I. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Краткій списокъ книгъ по алкогольному вопросу для школьной библіотеки и самообразованія. Спб., 1914 г. Цѣна 7 коп.

Логосъ. Т. I. Вып. I. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Обновленіе школы. Кн. XXI. Спб., 1914 г. Цѣна 35 коп.

Отчетъ россійскаго медицинскаго общества врачей - трезвенниковъ. Спб., 1914 г.

Отчетъ юридическаго отдѣленія Русскаго Литературнаго Кружка за 1912—1913 г. Рига, 1914 г.

Очарованный странникъ. Вып. III. Спб., 1914 г. Цѣна 35 коп.

Педагогическая библіотека. I. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Цѣна 90 коп. II. Адольфъ Дистервегъ. Руководство для нѣмецкихъ учителей. Цѣна 1 р. 50 коп. III. Фридрихъ Фребель. Педагогическія сочиненія. Т. I. Воспитаніе человѣка. Цѣна 2 р. Т. II. Дѣтскій садъ. Цѣна 3 р. Москва, 1914 г.

Переписка Микель-Анджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его ученикомъ Асканіо Кондиви. Пер. Маргариты Павлиновой. Спб., 1914 г.

Пятидесятилѣтіе Воронежской Публичной библіотеки. I. Воронежъ, 1914 г.

Рѣчи Либанія. Перевелъ съ греческаго, съ введеніемъ, примѣчаніями и двумя приложеніями С. Шестакова. Томъ I. Казань, 1914 г. Цѣна 3 р. 60 коп.

Разноцвѣтныя каменья. Сборникъ I. Подъ ред. Валерія Брюсова. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Сборникъ статей семинарія В. Ѳ. Тотоміанца по политической экономіи (коопераціи) при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Систематическій указатель литературы за 1913 г. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Слово. Сборникъ второй. Къ десятилѣтію смерти А. П. Чехова. Неизданныя произведенія А. П. Чехова. письма къ нему. Подъ ред. М. П, Чеховой. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Справочникъ по Уфимскому городскому общественному управленію на 1914 г. Уфа, 1914 г.

Статистическій ежегодникъ по Симбирской губ. за 1912 г. Симбирскъ, 1914 г.

Статистическій ежегодникъ 1913 г. Харьковской губ. зем. управы. Харьковъ, 1914 г.

Универсальная библіотека. № 600. А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. № 689. Густавъ Швабъ. Докторъ Фаустъ. № 905. Ф. Шиллеръ. Коварство и любовь. № 906 — 907. Ш. Я. Абрамовичъ. Фишка Хромой. № 902—912. Джэкъ Лондонъ. Бѣлый Клыкъ. № 919. И. Вазовъ. Сосѣди. № 922. О. де-Бальзакъ. Прощаніе. № 923—924. И. Зангвилль. Мечтатели гетто. № 926 — 927. Гюи де Мопасанъ. Съ лѣвой руки. № 928. Джэкъ Лондонъ.

Великое чудо. № 932. Джэкъ Лондонъ. Потомокъ Макъ-Кая. Москва, 1914 г. Цѣна каждаго №—10 коп.

Экскурсія на Уралъ. Подъ ред. В. Е. Геркевича. Харьковъ, 1914 г. Цѣна 90 коп.

Бобенко, Андрій. Перевесло. Одесса, 1913 г. Цѣна 50 коп,

Левинський, В. Нарис розвитку украинського робітничого руху въ Галичині. З передмовою Льва Юркевича. Київ, 1914 г. Ціна 80 коп.

Griwing, R. et Grosset, A. Chants pour les écoles. Riga, 1914. Prix 50 cop.

G., Regierungsrat. Der Starke. ist am mächtigsten allein. Berlin, 1914 Preis 50 Pf.

n eissfeld, M. Freuds Psychologie als eine Transformationstheorie. Berlin, 1914.

Enquête sur l'industrie encouragée par l'etat (Bulgarie) en 1909, Sophia, 1913.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

Книжный магазинъ и складъ Т-ва „ТРУДЪ" С. СКИРМУНТА.

Москва, Тверской бульв., д. 26. Тел. 34—54.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Полина Вальми. Погоня за любовью. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, В. Наши женщины. Ц. 1 р. 50 к.
Сергѣевъ, В. Сказки Несмѣяны (разсказы). Ц. 1 р.
Арефинъ, С. Первые шаги (повѣсть). Ц. 1 р. 25 к.
Шадринъ, И. Сильнѣе смерти. Ц. 1 р.
Садовскій, Б. Самоваръ. Ц. 75 к.
К. Р. Царь Іудейскій. Драма. 2-е изд. Ц. 1 р.
Львова, Н. Старая сказка. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 25 к.
Сѣверянинъ, И. Златолира, кн. 2-я. Ц. 1 р.
Футуристы. Хлѣбниковъ, В. Творен. Т. I. Ц. 1 р.
Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти. Ц. 2 р. 50 к.
Розановъ, В. Апокалипсическая секта (хлысты-скопцы). Ц. 2 р.
Герасимовъ, Н. Нирвана и Спасеніе. Ц. 1 р. 50 к.
Поэты Франціи. 1870—1913 г.г. Переводъ Эренбурга. Ц. 1 р. 50 к.
Бутми, Н. Каббала, Ереси и тайныя О-ва. Ц. 1 р.
Чеховъ, А. Неизданныя драмат. и беллетр. произвед. и статьи. Цѣна 1 р. 50 к.
Толстой, И. Мои воспоминанія. Цѣна 1 р. 50 к.
Михайловъ, К. Далматовъ, В. П. Ц. 1 р. 25 к.
Бѣлинскій, В. Письма. Т. III. Ц. 2 р. 50 к.
Куинджи. Серія монографій Ц. 1 р.
Столица и усадьба. Журн. иллюстриров. Вып. 5-й. Ц. 80 к.
Грамматчиковъ, С. Міровой строй труда. Ц. 1 р. 40 к.
Козловскій, Л. Герценъ-публицистъ. Ц. 90 к.
Коваленскій, М. Московская политическая литература XVI в. Ц. 85 к.
Сивковъ, К. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII в. Ц. 85 к.
Постовская и др. Новая школьная организація. Ц. 75 к.
Риттенбергъ, П. Манипулированіе на аппаратѣ Юза. Ц. 1 р.
Очерки по вопросамъ экономической дѣятельности евреевъ въ Рос. Вып. 1-й. Ц. 1 р.
А. Бергсонъ. Собр. соч. Т. 2-й. Непосредственныя данныя сознанія. Ц. 1 р. 50 к.
Толстовскій Музей. Т. 2-й. Ц. 2 р. 50 к.
Евгеньевъ, В. Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Ц. 75 к.
Амфитеатровъ, А. Забытый смѣхъ. Ц. 1 р. 50 к.
Крюковъ, А. Разсказы. Т. 1-й. Ц. 1 р. 25 к.
Толстой, А. Сказки. Т. 4-й. Ц. 1 р.
Цензоръ, Д. Легенды будней. Ц. 1 р. 25 к.
Богдановъ, А. Наука объ общественномъ сознаніи. Ц. 75 к.
Рабиндранатъ Тагоръ. Гитанджали. Ц. 40 к.
Сѣровъ, В. Серія монографій. Ц. 6 р.
Суворинъ, А. Новый человѣкъ. Ц. 2 р. 25 к.

Вышли изъ печати новыя книги:

Гуревичъ, А. Философскія изслѣдованія и очерки. Посмертное изд. съ портр. автора, подъ ред. и съ предисл. С. Франка. Ц. 2 р. 50 к.
Вильбрандтъ, Р. проф. Значеніе потребительныхъ Обществъ. Пер. подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Ц. 20 к.

Каталогъ книгъ по философіи Ц. 20 коп.

Въ скоромъ времени выходятъ изъ печати:

Шарль Жидъ. Исторія экономическихъ доктринъ. **Радбрухъ, Г. проф.** Введеніе въ науку права.
Мелинъ, Ж. Назадъ къ землѣ. **Холіокъ, Д.** Исторія Родчельскихъ піонеровъ.

Каталогъ книгъ по богословіи.

Книжный складъ „ТРУДЪ" исполняетъ заказы ЗЕМСТВАМЪ и БИБЛІОТЕКАМЪ съ обычной уступкой и высылаетъ АБСОЛЮТНО ВСѢ КНИГИ, вышедшія изъ печати.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:
С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

С. А. АЛЕКСѢЕВЪ (Аскольдовъ).—Мысль и дѣйствительность. Ц. 1 р. 80 к.

А. ВОЛЖСКІЙ.—Въ обители преподобнаго Серафима. Ц. 35 к.

С. ДУРЫЛИНЪ. — Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. Ц. 50 к.

Л. ДЮШЕНЪ.—Исторія древней церкви. Т. I и II. Переводъ съ пятаго франц. изд. подъ ред. проф. И. Попова и профес. А. Орлова. Ц. 2 р.

С. КЕЧЕКЬЯНЪ.—Этическое міросозерцаніе Спинозы. Ц. 1 р.

Н. ЛОССКІЙ.—Интуитивная философія Бергсона. Ц. 70 к.

Свящ. П. ФЛОРЕНСКІЙ.—Столпъ и утвержденіе истины. (Опытъ православной Ѳеодосіи въ двѣнадцати письмахъ). Ц. 3 р. 50 к.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.—Собраніе сочиненій и писемъ въ 2-хъ т. Цѣна за оба тома 5 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. кн. маг. Высылаются нал. плат.
Проспектъ по требованію безплатно.

НОВАЯ КНИГА:

Василій Осиповичъ Ключевскій.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Біографическій очеркъ, рѣчи, произнесенныя въ чрезвычайномъ засѣданіи 12 ноября 1912 г. и матеріалы для его біографіи.

Съ I-й гравюрой проф. В. В. Матэ, одной фотогравюрой, 5 фототипическими таблицами и 14 цинкографіями.

Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкой.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціей профессоровъ Ю. С. ГАМБАРОВА, В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА (†) и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изъ содержанія XXI—XXIII томовъ: Звукъ (20 стб.)—**проф. О. Д. Хвольсона**. Земельный вопросъ (99 стб.)—**проф. М. И. Туганъ-Барановскаго**. Землеустройство (съ прилож., 20 стб.)—**проф. А. А. Кауфмана**. Земская статистика (14 стб.)—**проф. А. Ѳ. Фортунатова**. Земскіе соборы (11 стб.)—**Б. А. Мякотина** Земскія учрежденія (съ прилож., 56 стб.)—**С. М. Блеклова**. Золотопромышленность (съ прил. 18 стб.)—**проф. А. Н. Митинскаго**. Излученіе (16 стб.)—**прив.-доц. А. К. Тимирязева**. Измѣнчивость (10 стб.)—**проф. К. А. Тимирязева**. Иммунитетъ (21 стб.)—**проф. И. И. Мечникова**. Инстинктъ (6 стб.)—**проф. М. А. Мензбира**. Испанія (90 стб.)—**А. Деренталя**. Исторія (съ прилож., 42 стб.)—**А. К. Дживелегова**. Исчисленіе безконечно малыхъ (прил., 28 стб.)—**проф. Б. К. Младзѣевскаго**. Италія: географія (20 стб.)—**проф. А. Гислери**. (Бергамо), исторія (124 стб.)—**А. К. Дживелегова, И. И. Шитца** и **Г. И. Шрейдера**, статистико-экономич. обзоръ (прил., 20 стб.)—**Г. И. Шрейдера**, литература (26 стб.)—**В. М. Фриче**, искусство (56 стб.)—**проф. А. Вентури** (Римъ). Іерингъ (10 стб.)—**проф. Ю. С. Гамбарова**. Кавказскія войны (14 стб.)—**М. Н. Покровскаго**. Кавказъ (31 стб.)—**проф. Д. Н. Анучина**. Кальвинизмъ (12 стб.)—**проф. И. В. Лучицкаго**. Кантъ (27 стб.)—**проф. Н. Н. Ланге**. Капитализмъ (33 стб.)—**проф. В. Я. Желѣзнова**. Картографія (11 стб.)—**проф. Д. Н. Анучина**.

Изъ отзывовъ столичной печати: „Большинство статей, входящихъ въ словарь, представляетъ вполнѣ оригинальныя работы, написанныя лучшими спеціалистами, и отличаются строгой научностью изложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ статей разрослись въ обширныя монографіи. Такъ, въ восьмомъ томѣ начато печатаніе статьи М. М. Ковалевскаго объ исторіи Великобританіи, занявшей уже 468 столбцовъ и доведенной пока только до реставраціи Стюартовъ. Нужно ли говорить о томъ, насколько цѣнными являются подобныя статьи, высоко поднимающія настоящій словарь надъ уровнемъ изданій справочнаго характера и превращающія его въ своего рода библіотеку для самообразованія“ (Русск. Вѣд.“, 1911, № 227). „Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ.. Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ“ тамъ же, 1913, № 66). „Словарь т-ва Гранатъ является необходимой и прекрасной настольной книгой“ „Вѣстн. Воспит.“, 1911, № 8). „Статьи... зачастую представляютъ собою обширныя монографіи, отличающіяся живостью и яркостью изложенія и читающіяся съ захватывающимъ интересомъ“ („Сѣв. Зап.“, 1914, № 1): „Его научно-объективное изложеніе не походитъ на формальный перечень данныхъ, принятый обыкновенно въ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ... Эти условія выдѣляютъ „Словарь“ изъ ряда многочисленныхъ энциклопедическихъ изданій и дѣлаютъ его не только справочнымъ пособіемъ, но и собраніемъ чрезвычайно интересныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія“ („День“, 1913, № 47). „Историко-литературныя статьи... написаны наиболѣе авторитетными спеціалистами“ („Гол. Минувш.“, 1913, № 11). „...цѣлый рядъ статей крупной цѣнности, использовавшихъ всѣ матеріалы данной области и въ полной мѣрѣ удовлетворяющихъ и богатствомъ свѣдѣній, и мастерствомъ изложенія, руководимаго принципомъ, „чтобы словамъ было тѣсно, а мыслямъ (тутъ надо прибавить—и фактамъ)—просторно“ („Рѣчь“, 1912, № 49). „Изданіе ведется съ любовью, со знаніемъ дѣла, поставило себѣ прекрасныя цѣли, даетъ богатый матеріалъ“ („Современный Міръ“, 1913, № 1). „Совершенно исключительной особенностью этого изданія, выдѣляющей его изъ всѣхъ другихъ ему подобныхъ изданій у насъ, является поистинѣ роскошная внѣшность“ („Голосъ Современника“, 1912, № 5). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей“ („Утро Россіи“, 1910, № 317). „Словарь вполнѣ заслужилъ тотъ широкій успѣхъ, который онъ встрѣтилъ“ (Современное Слово“, 1913, № 1996).

Въ первыхъ **22-хъ** томахъ **помѣщено: 76 текстовыхъ приложеній** (1,344 стб.) и **437 художественныхъ приложеній** въ цѣлую страницу въ т. ч. **разборныя модели тѣла человѣка, головы и глаза и двигателя Дизеля**, 376 репродукцій въ краскахъ и 74 англійскихъ геліогравюры—REMBRANDT INTAGLIO. **Географическія карты составятъ** особый **томъ-атласъ**, который будетъ снабженъ *подробнымъ указателемъ географическихъ мѣстъ* и ихъ расположенія.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—2 р. 30 к.; полнаго иллюстрир. изд. 3 р. 30 к. За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака) 50 к. За пересылку по дѣйствит. стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. **Первые 10 томовъ вышли двумя повторными, стереотипн. изданіями** (8-мъ и 9-мъ), подготовляется новое (10-е) стереотипное изданіе ихъ. По желанію тома Словаря высыл. **для ознакомленія** (съ правомъ возврата).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“ Москва, Тверской б., 15-Е. , С.-Петербургъ, Моховая, 37.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Графиня Шуазель-Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Переводъ З. Мировичъ. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к.

Страстная поклонница императора Александра I, графиня Шуазель-Гуффье выступаетъ въ своихъ мемуарахъ въ качествѣ экзальтированной панегиристки царствованія этого монарха, „сущаго прельстителя“ . . . . . .

Шуазель-Гуффье сумѣла сдѣлать свою книгу очень интересной. Цѣнность ея, однако, заключается въ тѣхъ „мелочахъ“ и черточкахъ, которыя такъ старательно подмѣтила Шуазель-Гуффье и которыя кладутъ на портретъ Александра I ретушь „обаятельнаго“ монарха истиннаго ге galantuomo). Но характеристика Александра I подъ перомъ Шуазель-Гуффье является характеристикой односторонней. Она изображаетъ его большей частью даже въ частномъ и даже въ интимномъ кругу близкихъ ему людей; . . . . . .

„Рѣчь“, 12 ноября 1912 г. Н. Б.—ій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГРЯДУЩІЙ ДЕНЬ“.

СПБ., Б. Болотная, № 10—32. Тел. 159—53.

Открыта подписка на роскошное богато-иллюстрированное полное собраніе сочиненій

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Изданіе является **полнымъ** собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и заключаетъ **всѣ донынѣ опубликованныя его произведенія и письма.** На точность и подлинность текста обращено особое вниманіе. Онъ заново свѣренъ по рукописямъ и первоисточникамъ. Редакція текста поручена **П. Е. Щеголеву,** ему же принадлежатъ примѣчанія и библіографическая статья.

Наше изданіе представляетъ **первый въ Россіи опытъ художественно-иллюстрированнаго полнаго собранія сочиненій русскаго классика. Наше изданіе иллюстрируется все заново, отъ заставокъ до рисунковъ. Завѣдываніе художественной стороной изданія приняли на себя М. В. Добужинскій и В. Н. Левитскій.**

Въ выполненіи намѣченной нами художественной задачи примутъ участіе слѣдующіе художники: Бакстъ Л. С., Бенуа А. Н., Билибинъ И. Я., Головинъ А. Л., Добужинскій М. Д., Зарѣцкій Н. В., Кардовскій Д. Н., Кустодіевъ Б. М., Лансере Е. Е., Левитскій В. Н., Митрохинъ Д. И., Нарбутъ Г. И., Петровъ-Водкинъ К. С., Рерихъ Н. К., Сарьянъ М. С. Судейкинъ С. К., Чемберсъ Мери, Чехонинъ С. В. и др.

Всѣхъ иллюстрацій въ четырехъ томахъ **предположено дать до 200.** Въ это число не входятъ заставки, концовки, буквы и иныя книжныя украшенія, которыхъ будетъ до 150. Иллюстраціи воспроизводятся въ два и три тона.

Въ изданіи будутъ даны воспроизведенія всѣхъ портретовъ **М. Ю. Лермонтова** (меццотинто и автотипія).

Изданіе будетъ заключено въ художественные переплеты, выполненные по рисунку В. М Добужинскаго.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова составитъ четыре тома, до 30 печ. листовъ каждый. Первый и второй томы занимаютъ: поэзія и лирика, третій—драмы, четвертый—проза и письма. Первый томъ выйдетъ въ концѣ марта 1914 года, и все изданіе будетъ закончено ко дню столѣтія годовщины со дня рожденія поэта (3 октября 1014 года.)

Условія подписки: Все изданіе **по предварительной подпискѣ 20 руб.** При подпискѣ вносится задатокъ въ 2 руб. и по полученіи каждаго тома 4 руб. 50 коп., пересылка по дѣйствительной стоимости. По выходѣ I тома въ апрѣлѣ 1914 года. Предварительная подписка будетъ закрыта и цѣна изданія **повышена.**

Проспекты и каталоги—безплатно.

Книгоиздательство „ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“ М. МАРЕКЪ.

Открыта подписка на изданіе

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ“.

Въ это изданіе войдетъ весь знаменитый, одновременно выходящій на всѣхъ европейскихъ языкахъ циклъ руководствъ „Ars una—species mille“ въ авторизованныхъ, исключительно намъ предоставленныхъ переводахъ, а также монографическіе труды Вельфлина, Фромантэна и Ю. Мейера-Грефе.

Все изданіе печатается на мѣловой бумагѣ и составитъ 10 томовъ (свыше 4,000 стр. текста) съ 5,000 иллюстр., печатанныхъ съ оригинальныхъ клише, и 26 рисунками въ краскахъ, исполненными въ Парижѣ.

Вышли изъ печати:

1) **С. Рейнакъ.** Аполлонъ. Исторія пластическихъ искусствъ. 650 рис.
2) **Ю. Мейеръ-Грефе.** Импрессіонисты. 60 рис.
3) **Э. Фромантэнъ.** Старые мастера. (Бельгія и Голландія). 91 рис. въ текстѣ и 2 рис. въ краскахъ.
4) **Л. Гуртикъ.** Исторія искусства во Франціи. 945 рис. и 4 рис. въ краскахъ.

Печатаются:

5) **Коррадо Риччи.** Исторія искусства въ Италіи. 771 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
6) **Г. Масперо.** Исторія искусства въ Египтѣ. 565 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
7) **Г. Вельфлинъ.** Классическое искусство. 126 рис.

Готовятся къ печати:

8) **В. Армстронгъ.** Исторія искусства въ Британіи и Ирландіи. 598 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
9) **М. Дьелафуа.** Исторія искусства въ Испаніи и Португаліи. 745 рис. и 4 рис. въ краскахъ.
10) **М. Роозъ.** Исторія искусства во Фландріи. 656 рис. и 4 рис. въ краскахъ.

Стоимость всего изданія въ изящн. кожан. перепл. по подпискѣ 39 р. съ пересылкой.

Все изданіе закончится въ декабрѣ 1914 г.

Условія подписки: При подпискѣ уплачивается **3 р.** и при полученіи первыхъ девяти томовъ по **4 р.** за каждый; десятый томъ высылается безплатно. За наложенный платежъ по 10 коп. съ каждой посылки.

Проспекты высылаются безплатно.

Гл. контора кн-ва „ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“ М. Марекъ: Москва, Рождественскій бульваръ, д. 10, кв. Б. Тел. 268—45.

Отдѣленіе для СПБ., Поварской, 8, кв. 10, тел. 51—56.

Академія Коммерческихъ Знаній

2 р. въ мѣсяцъ.

въ 15 томахъ по 250 страницъ.

Цѣль „Академіи Коммерческихъ Знаній"—дать возможность всѣмъ желающимъ, безъ различія возраста, предварительной подготовки, матеріальнаго и служебнаго положенія, въ самый короткій срокъ и съ наименьшей затратой труда и времени пріобрѣсти тѣ познанія, которыя необходимы современному коммерческому дѣятелю.

Въ составъ курса „Академіи Коммерческихъ Знаній" входятъ слѣдующія науки: бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, коммерческая корреспонденція, экономическая географія, товаровѣдѣніе, банковое дѣло, биржа и денежное обращеніе (съ предисловіемъ проф. Мигулина), техника веденія торговыхъ и промысл. предпріятій, политическая экономія, исторія хозяйственнаго быта, статистика, ученіе о коопераціи, экономія торговли, экономія промышленности, наука о финансахъ, теорія права, гражданское право, торговое право и процессъ.

Вышло 6 выпусковъ. Каждый высылается нал. плат. за 2 р. 20 коп.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. 30 вып. по 1 р. 50 к. Для заочнаго прохожденія курса ср. учебн. зав., для подготовки къ люб. экзам. безъ помощи учит. и пособій. Вышло 29 вып. Высыл. налож. платеж. по 1 руб. 50 коп.

АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ Новая оригинальн. система, дающая возможность легко и основательно безъ помощи учителя пройти курсъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка. Курсъ кажд. яз. состоитъ изъ 10 томовъ. Изданіе закончено. Цѣна за каждый томъ 1 р., налож. пл. высыл. за 1 р. 20 к.

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе: прив.-доц. ГАБРИЛОВИЧЪ, проф. МИГУЛИНЪ, преп. СПБ. Полит. Инст. ПЕРНЭ, проф. РЕЙСНЕРЪ, прив.-доц. ТОТОМІАНЦЪ, д-ръ соц. наукъ ШЛЕЦЕРЪ и мн. др. препод. высш., средн. учебн. зав. СПБ.

Подробные проспекты вышеупом. изданій, отзывы печати и учениковъ высылаются безплатно.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО **„БЛАГО"** С.-Петербургъ, Николаевская, **44-85.** НУЖНЫ ЭНЕРГИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

НОТНЫЕ МАГАЗИНЫ

Россійскаго Музыкальнаго Издательства.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 6. Тел. 217—07.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 11. Тел. 178—53.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

Складъ собственныхъ изданій.

Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель.
Оптовые склады изданій: Н. Зимрокъ, Шлезингеръ (Р. Линау), Эрнстъ Эйленбургъ (карманныя партитуры).
Складъ духовно-музыкальныхъ сочиненій изданій Придворно-пѣвческой капеллы.
Оперы и либретто.—Постоянно всѣ новости.—Открытыя письма съ портретами выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.—Свѣжія струны.—Нотная бумага.
Комиссіонерство для г.г. иногороднихъ.

Заказы г.г. иногороднихъ покупателей исполняются быстро и аккуратно.

Отправка съ наложеннымъ платежемъ.

РОЯЛИ
ПІАНИНО
„ИБАХЪ“
ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, 16.

Музыкальная Торговля
В. БЕССЕЛЬ и К°.
Поставщики Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 54. Телефонъ 53—61.
МОСКВА, Петровка, 12. Телефонъ 32—27.
Большой выборъ нотъ всевозможныхъ изданій какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ.
Дешевыя изданія.
Требованія г.г. иногородныхъ исполняются аккуратно и съ первой отходящей почтой. По желанію съ налож. платежомъ.
Каталоги собственныхъ изданій высылаются безплатно.

Вновь получены

Англійскія пальто

„Burberrys".

Н. МИХѢЕВЪ

Халаты и

полухалатики

С.-Петербургъ, Невскій, 32, противъ Думы.

Телефонъ 458—39.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

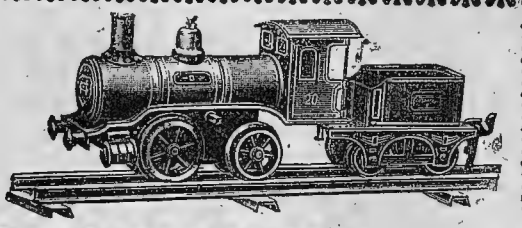
ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ✪ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ✪ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ✪ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ✪ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ✪ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ✪ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ✪ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патронъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

МАГАЗИНЪ ИНЖЕНЕРА



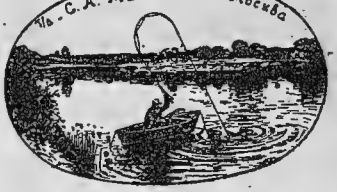
С. И. ЗВѢРЕВА

МОСКВА, Петровскія линіи.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ.

Наборы жел. д. зав. отъ 2 р. до 80 р.
„ „ „ пар. отъ 10 р. до 180 р.
Паровозы заводные отъ 2 р. до 45 р.
„ паровые . отъ 5 р. до 80 р.
Вагоны тов. и пасс. отъ 50 к. до 20 р.
Станціи . . . . . отъ 1 р. 50 к. до 35 р.
Переѣз., мосты, тон. и депо . . . . . отъ 2 р. до 50 р.
Паровыя машины . . отъ 2 р. до 50 р.
Разные приводы . . . отъ 50 к. до 30 р.
Электрическія станціи для добыванія тока . . . . . отъ 8 р. до 500 р.
Электрическія ж. д. отъ 3 р. до 100 р.
Электродвигатели . . отъ 4 р. до 25 р.
Динамо . . . . . отъ 4 р. до 12 р.

Безпроволочный телеграфъ . . . 20 р.
Телеграфъ „Морзе“ . . . . . 30 р.
Микроскопы . . . . . 8 р. и 10 р.
Статическія машины . . 10 р. и 15 р.
Аппараты для выжиганія отъ 5 р. 50 к.
Устройство домашняго электрическ. освѣщенія . . . отъ 3 р. 50 к. до 6 р.
Кукольн. ком. съ меб. и электр. осв. . . . . 15 р.
Электроотвѣты для изучен. географ. . . . . 6 р. 50 к.
Полн. наборъ для постр. аэроплана 6 р.
Синем. и волшебн. фон. отъ 12 р. до 60 р.
Разныя игрушки, игры, постройки. . . . . отъ 50 к.



Торговый знакъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МАГАЗИНЪ спеціально РЫБОЛОВНЫХЪ принадлежностей.

ТОРГОВАГО ДОМА

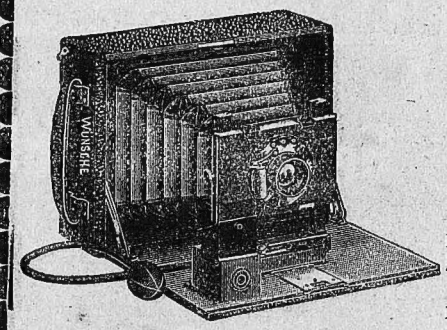
„С. А. Малиновскій“,

МОСКВА, РОЖДЕСТВЕНКА, 8.

Роскошно иллюстрированный, ясно и толково составленный **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** съ объясненіемъ всѣхъ способовъ уженья и примѣненія снастей высылается **БЕЗПЛАТНО.**

НОВЫЯ КНИГИ собственнаго изданія:

1) **„УЖЕНЬЕ РЫБЫ“**, И. Комарова. Цѣна безъ пересылки 1 р.
2) **„ЛОВЛЯ СОМОВЪ НА КВОКЪ“**, М. Ушакова. Цѣна безъ пересылки 35 к.
3) Брошюра бр. Гарди, катушки Silex и англійск. **„МЕТОДЫ УЖЕНЬЯ СПИННИНГЪ“** (переводъ съ англійск.). Цѣна безъ пересылки 35 к.



ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

НЕВСКОЕ ДЕПО

фотографич. принадл.

Спб. Невскій, 31-А. Телеф. 422-92.

Фотограф. аппар. нов. системъ. Волшебн. и увелич. фонари. Кинематограф. аппар. Объективы. Бинокли. Пласт. русск. и загран. фабр. Пленки. Бумаги и проч.

Полный илл. каталогъ высыл. безплатно.

МАРКУСЪ ЗАКСЪ

КОРСЕТЫ

НАБРЮШНИКИ
„ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ.

ВСЕГДА ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ. МОДЫ

ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

С.П.Б. ТЕЛ. 438-40

ЛИТЕЙНЫЙ. 45.

VIS-a-VIS БАССЕЙНОЙ УЛ.

МЯЧИ для „ФУТБОЛЪ“

Наша фирма получила представительство лондонской фабрики мячей футболъ марки „PRACTICE“ и предлагаетъ ихъ своимъ покупателямъ по исключительнымъ цѣнамъ.

МЯЧИ „ФУТБОЛЪ“

Для дѣтей . .	№ 1—2 р. 50 к.	Высылка нал. платежомъ; пересылка почтов. таксѣ.
„ „	№ 2—3 р. —	
„ „	№ 3—3 р. 75 к.	
Для взрослыхъ	№ 4—4 р. 65 к.	
„ „	№ 5—6 р.	

МЯЧИ лучшихъ англійскихъ марокъ изъ кожи высшей выдѣлки разм. № 5, цѣна за шт. 7 р., 8 р. 50 к., 9 р. 25 к., 11 р.

Правила игры въ футболъ выписывающимъ мячъ безплатно.

И. ГЛАЗУНОВЪ, Москва, Столешниковъ, № 6.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЫ, АГРАМАНТЪ.

ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСТ. ДВОР
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ И СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ДАМСКОЕ БѢЛЬЕ
и ПРИДАНОЕ

НОВОСТИ:

БЛУЗЪ
КАПОТОВЪ
и ЮБОКЪ

БРЮССЕЛЬСКІЙ
МАГАЗИНЪ
КАЗАНСКАЯ УЛ. 5

Журнальный
Московской об.

Поставщики Двора

Его Императорскаго Величества

МЕРСЕДЕСЪ

АВТОМОБИЛИ

съ клапанами и безъ клапановъ (НАЙТЪ).

ОТДѢЛЕНІЕ ЗАВОДА:

Общество моторовъ ДАЙМЛЕРЪ

Москва, Неглинный проѣздъ, 15.

Телефоны: 76—00 и 35—65.

Телеграммы: МЕРСЕДЕСЪ—МОСКВА.

Автомобили
Грузовики
Автобусы

Французскаго первокласснаго завода

ПЕЖО

ГЛАВНАЯ КОНТОРА И СКЛАДЪ:

С.-Петербургъ, Кронверскій пр., 13, уголъ Каменноостровскаго.

СКЛАДЫ:

МОСКВА,	ВАРШАВА,	КІЕВЪ,
Мясницкая, д. 45.	Новый Свѣтъ, 72.	Крещатикъ, 22.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ., Б. Подъяческая, № 39.